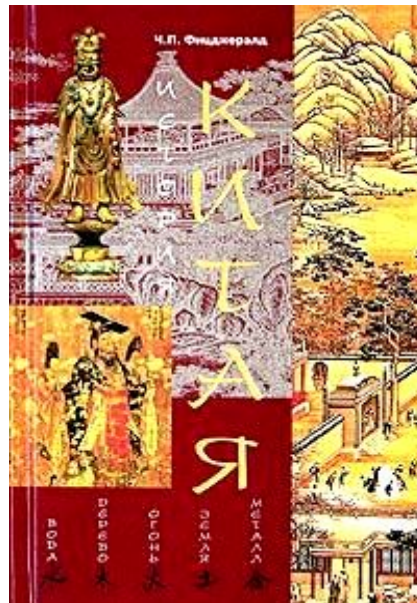

История Китая

Хронология

Таблица

ПЕРИОДЫ	ИСТОРИЯ	КУЛЬТУРА	ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРИОД до 1523 г. до н. э. Ся (1994—1523 гг. до н. э.)	Период мифических императоров Фу Си (2953—2698 гг. до н. э.), создатель восьми триграмм Шэнь-нун (2838—2598), создатель земледелия Хуан-ди (2698—2598), создатель письменности Великий Юй (ум. 2197), укротитель наводнений	Эпоха неолита	Древнее царство в Египте (3100—2160) Начало возвышения шумерской цивилизации (ок. 3000) Расцвет минойской культуры на Крите (ок. 1700 — ок. 1500)
ШАН ок. 1523 — ок. 1028 гг. до н. э. столица: Аньян, район Чэнчжоу	Чжоу Син (ум. 1027), последний правитель династии Шан	Бронзовый век; литье бронзовых сосудов «Книга перемен» («И цзин») (начата ок. 1100) Первые свидетельства надписей религиозного содержания на костях, барельефы, шелк, манускрипты	Расцвет Египетской империи (ок. 1300) Исход евреев из Египта (ок. 1240) Троянская война (ок. 1200)
ЧЖОУ (ок. 1027 — ок. 256 гг. до н. э.) Восточное Чжоу (1027—722) Хроники «Весны и Осени» (722—481) столица: Лоян «Эпоха воюющих государств» (481—221) столица: Лоян	Установление феодализма Кочевники Юн завоевывают Западное Чжоу (722) Феодализм начинает клониться к закату (ок. 500) Войны между царствами Цинь, Ци, Чу, Чжао, Хань, Вэй, Юэ, Янь	«Книга историй» («Шу цзин») (начата ок. 1000) «Книга песен» («Ши цзин») (ок. 700) Весенние и Осенние праздники (ок. 500) Начало железного века (ок. 500) Расцвет философских школ: Лао-цзы (род. 604?), Конфуций (551—479), «Беседы и суждения»; Мо-цзы (ок. 470—391) Пять свидетельств существования палочек для еды, арбалетов, строительства каналов	Расцвет Ассирийской империи (ок. 900 — ок. 600) Век древнееврейских пророков (ок. 875 — ок. 520) Расцвет империи этрусков (ок. 800 — ок. 500) Будда (ок. 563 — ок. 483) Персидская империя (538—333) Золотой век Афин (ок. 500 — ок. 350) Александр Великий завоевывает Египет и Западную Азию (336—323)
ЦИНЬ (ок. 221—207 гг. до н. э.) столица: Чанъань	Цинь Шихуан-ди, первый император (222—210) Ли Сы (ум. 208), государственный министр Объединение Китая (221) Завершено строительство Великой Китайской стены (ок. 220)	Сожжение книг (213) Преобладание философии легизма, преследование последователей всех остальных школ Унификация письменности, мер и веса	
РАННЯЯ ХАНЬ (202 г. до н. э. — 25 г. н. э.) столица: Чанъань	Уничтожение феодализма, конец крепостного права Лю Бан, прозванный императором Гао-цзы (202—195) Император У-ди (140—87) Территориальная экспансия в Центральную Азию (ок. 115)	Канонизация конфуцианской философии Популярность тайской магии «Книга обрядов» («И цзин») (ок. 100) Сыма Цянь (145 — ок. 80) «Исторические хроники» Широкое использование монет	Расцвет Римской империи (ок. 100 г. до н. э. — 200 г. н. э.) Иисус (4 г. до н. э.? — 29 г. н. э.)

СИН (9—23 гг.)	Император Ван Мин, Узурпатор (9—23)		
ПОЗДНЯЯ ХАНЬ (25—220 гг.) столица: Лоян	Император Гуань У (25—57) Китайцы завоевывают Монголию (121) Открытие Великого шелкового пути (ок. 140) Евнухи получают власть при императоре Линь-ди (167—189) Восстание Желтых повязок (184) Император Сянь-ди (190—220)	Появление буддизма (примерно I в. н. э.) Перевод буддийских текстов Изобретение бумаги (ок. 100) Использование магнитных компасов Свидетельства настенной живописи, барельефов, скульптурных изображений в захоронениях	
ТРИ ЦАРСТВА (Шу, Вэй и У) (220—265 гг.)	Период политической раздробленности	Пилитримы в буддийские поселения в Индии	Империя Сасанидов в Персии (226)
СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ ИМПЕРИИ (265—589 гг.) Шесть династий (Восточная Цзинь, Западная Цзинь, Сун, Южная Ци, Южная Лян, Южная Чэнь) (265—589) Варварские династии (386—587)	Период колонизации Южного Китая Варвары вторгаются в Китай (IV в.) Император У-ди (502—549) династии Южная Лян Власть военной аристократии (V—VI вв.)	Золотой век буддизма в Китае Развитие секты чань-буддизма Буддийское влияние на искусство и культуру	Варвары захватывают Рим (410) Юстиниан, правитель Восточной Римской империи Расцвет буддийской пещерной скульптуры и живописи (527—565) Буддизм достигает Японии (ок. 550) Мохаммед (570—632)
СУЙ (590—618 гг.) столицы: Янчжоу, Лоян, Чаньань	Ян Чжен, прозванный императором Вэнь-ди (590—604) Новое объединение Китая Ян Куан, прозванный императором Ян-ди (605—618) Строительство Великого канала		Смутное время
ТАН (618—906 гг.) столица: Чаньань	Период территориальных захватов в Маньчжурии и Центральной Азии Контакты с Японией, Юго-Восточной Азией, Византией, Арабской империей Ли Шиминь, прозванный императором Дай-цзун (626—649) Создание профессиональной армии Императрица У Ху (690—705) Сюань-цзун, прозванный императором Мин-хуаном (712—756) Восстание Ань Лушаня (755)	Получение государственных должностей после сдачи экзаменов становится системой, расцвет эпохи ученых-чиновников Великая эра поэзии: Ли Бо (705—762), Ду Фу (712—770) Иностранные религии в Китае: зороастризм, несторианство, манихейство, иудаизм, ислам Объявление буддизма вне закона (845) Бриллиантовая сутра, первая печатная книга (868) Массовое производство фарфора Употребление чая становится привычным	Установление королевства в Гане (ок. 600) Расцвет Арабской империи (635—715) Империя Карла Великого (768—814) Расцвет феодализма в Европе Золотой век цивилизации майя
ПЯТЬ ДИНАСТИЙ (Поздняя Лян, Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань, Поздняя Чжоу) (907—960 гг.)	Время государственных переворотов Монголы начинают завоевание Северного Китая	Издание классической конфуцианской литературы Бинтование ног женщинам Первое употребление пороха в военных целях	
СЕВЕРНАЯ СУН (960—1126 гг.) столица: Кайфэн	Чжао Куаньинь, титул — Император Дай-цзун (960—976) Новое объединение Китая Премьер-министр Ван Аньши (1069—1086) Издание новых законов, призванных реформировать китайскую экономику Император Хуэй Цунь (1101—1125) Монголы завоевывают Северный Китай (1127)	Расцвет портретной и пейзажной живописи Осушение заболоченных территорий Изобретение печати (ок. 1045), шлозы (XI в.)	Завоевание норманнами Англии (1066) Первый крестовый поход (1096—1099) Великая эпоха европейского Средневековья (ок. 1000 — ок. 1350)
ЮЖНАЯ СУН (1127—1279 гг.) столица: Ханчжоу	Династия Сун контролирует юг Чингисхан (ок. 1167—1227) Монголы начинают завоевание юга	Расцвет портретной и пейзажной живописи Расцвет морской торговли Неоконфуцианская философия Чжу Си (1130—1200), комментатор текстов Конфуция	Монголы завоевывают Россию (1237—1240)

ЮАНЬ, ИЛИ МОНГОЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ (1260—1368 гг.) столица: Пекин	Хубилай (1260—1294) Марко Поло в Китае (1275—1292) Монголы пытаются покорить Японию	Упадок гражданской службы Китайцы путешествуют за границу Расцвет традиционной китайской драмы	
МИН (1368—1644 гг.) столицы: Пекин, Нанкин	Чжу Юаньчжан, прозванный императором Хун У Император Юн-лэ (1403—1424) Реконструкция Пекина Морские экспедиции в Индийский океан (1405—1433) Император Чжэн Тун (1436—1449, 1457—1464) Португальские купцы прибывают в Кантон (1514) Император Ван Ли (1573—1620)	Возрождение традиционной культуры Восстановление гражданской службы Маттео Риччи прибывает в Китай (1582) Расцвет жанра романа Широкий экспорт фарфора	Турки захватывают Константинополь (1453) Итальянское Возрождение (ок. 1410 — ок. 1550) Открытие Америки (1492) Реформация и распространение протестантизма, начатые Мартином Лютером (1517) Королева Елизавета I (1558—1603)
ЦИН, ИЛИ МАНЬЧЖУРСКАЯ ДИНАСТИЯ (1644—1912 гг.) столицы: Мукден, Пекин	Император Канси (1662—1722) Россия устанавливает свои права на торговлю в Пекине (1689) Император Циньлуан (1736—1795) Опиумная война (1840—1842) Европейские страны пытаются установить свою гегемонию в Китае (после 1840) Восстание тайпинов (1850) Англичане и французы берут Пекин (1860) Вдовствующая императрица Цыси (1862—1908) Император Тун Чжэнь (1862—1875) Программа модернизации Китая Война с Японией (1894—1895) Восстание ихэтуаней (боксеров) (1900—1901) Республиканская революция (1911)	Налог на ношение косичек Императорское покровительство иезуитам Спор об обрядах (ок. 1710) Курение опиума становится повсеместно распространенным явлением (начало XIX в.) Китай открыт для миссионеров (1842) Западное культурное влияние (после 1861); переводы западных книг Китайцы учатся за границей Строительство первой железной дороги (1896) Основание Пекинского университета (1898)	Период Возрождения в Европе (ок. 1600 — ок. 1750) Распространение влияния китайского искусства и китайской философской мысли в Европе (XVIII в.) Начало Американской революции (1776) Начало Французской революции (1789) Индустриальная революция в Европе Королева Виктория (1837—1901) Европейские государства борются за колониальные владения Индустриализация в Европе (1868—1912)

Вступительное слово о Китае

«Далекий» и «таинственный» – именно такие эпитеты приходят на ум западному обывателю, когда речь заходит о Китае. У нас давно вошло в привычку так смотреть на Китай, эта привычка действительно очень давняя – она восходит еще к римлянам и к их представлениям о жителях Востока, которые производили столь будоражающий воображение и столь ценный товар, как шелк. Последние политические изменения и конфликты лишь закрепили это впечатление. Если говорить о расстоянии, то Китай действительно находится очень далеко и от Европы, и от Америки, но это можно сказать и о многих других регионах, которые тем не менее не кажутся нам таинственными. Причина, по которой Запад считает Китай «странным», заключается в следующем: это единственная в мире цивилизация, на которую западная мысль не оказала сколь бы то ни было значительного влияния, и это также единственный крупный регион на земле, где никогда не правил западный человек.

Населению западных стран кажется, что в Китае все наоборот: белый цвет у них символизирует траур, пишут китайцы сверху вниз, причем начиная с верхнего правого угла; китайские книги следует читать с той страницы тома, где европейские как раз заканчиваются. Можно привести и другие примеры. Но всех их объединяет одно: в каждом случае всегда возможны два варианта, из которых Запад выбирает одно, а Китай – другое. Чтобы выразить дань уважения к умершему, надевают либо черное, либо белое – другие цвета недопустимы. Чтобы выразить уважение к гостю, его надо посадить либо справа, либо слева от хозяина. Книгу можно открыть и начать читать либо с одного, либо с другого конца – вряд ли кто-нибудь когда-нибудь придумает, что можно читать ее с середины.

Эти простые примеры раскрывают два важных фактора китайской культуры: 1) она была независима от влияния Запада; 2) она основана на тех же самых психологических императивах, что и любые другие проявления человеческого поведения. Возможно, китайцы и находились далеко от нас в ту эпоху, когда средства связи были еще недостаточно сильно развиты, но и тогда они не были таинственными, а только непонятными европейцам. Китайцы строили свою цивилизацию вне пределов влияния цивилизаций Ближнего Востока или Запада, поэтому у них

появилось множество отличительных черт. Несмотря на это, корни китайской техники и искусства – те же самые, что и других народов эпохи неолита, разница, правда, тоже существует, и заключается она в отличающихся направлениях, по которым шло развитие формы. То же самое можно сказать насчет религии и философии. Потребности человека везде одинаковы – ему нужна вера, чтобы побороть страх перед лицом смерти и жестокими силами природы и вера в высшую справедливость, в силы более могущественные, чем сам человек. Эти стремления столь же ярко проявляются у китайцев, как и у других народов, но вот найденный китайцами ответ оказался весьма и весьма специфическим. Он резко отличается от традиции других стран.

На Западе широко распространено еще одно заблуждение, а именно: китайская цивилизация очень древняя, уходящая корнями в далекое прошлое. На самом же деле она гораздо моложе, например, критской цивилизации. Цивилизация Ближнего Востока также намного старше китайской. Причина же этого заблуждения кроется в том, что цивилизации Древнего Египта, Месопотамии и Греции были преобразованы или разрушены уже много веков назад, в то время как китайская культура демонстрирует непрерывность своего развития с древнейших времен до наших дней. Сами китайцы в немалой степени способствовали распространению этого заблуждения. Считалось абсолютно нормальным записывать в официальные летописи выдуманные события, которые якобы на самом деле имели место быть, причем за тысячу лет до начала реальной истории Китая. Эта древняя традиция была, без сомнения, принята на веру первыми синологами, которые, конечно, не имели возможности подтвердить реальность исторических событий археологическими находками. Поэтому сложилось впечатление, что история Китая насчитывает уже четыре тысячи лет, отсюда еще одно давнее мнение о Китае как о неизменяемой цивилизации, которая породила высокоорганизованную государственную систему еще в далекие времена европейской античности и сохранила ее практически неизменной до наших дней.

Прежние книги по истории Китая, созданные на Западе, основывались исключительно на традиционных материалах; они говорят об объединенной империи, территория которой будто бы всегда была примерно равна нынешней территории Китая, об императорах, чиновниках, префектурах и провинциях – обо всем аппарате императорской бюрократии, которая на самом деле даже не начала образовываться до начала II века до нашей эры. Существовали ли объективные причины того, что китайцы сознательно «старили» свою историю, подчеркивали ее древность и не существовавшее в ту пору единство? Почему легенды древних времен должны были быть так переделаны, что они стали выглядеть как летопись событий? Эти причины были забыты или же намеренно скрыты почитателями старины и традиций. Так было до последнего времени, когда собственно китайские историки поставили под сомнение мифическое прошлое своей страны и показали его таким, каким оно было на самом деле. Еще даже Сунь Ятсен, революционер современной эпохи, говорил об истории периода около 2000 года до нашей эры как если бы это были события, подтвержденные подлинными записями. Эту ошибку тем легче было совершить, поскольку с IV века до нашей эры китайцы действительно вели более подробные, точные и хронологически выверенные записи событий, чем это делали другие народы мира. Ко II веку до нашей эры Китай создал огромные и тщательно написанные книги по истории, которые до XVIII–XIX веков не имели себе равных на Западе. Эта практика сохранилась до наших дней. История Китая, может быть, и не длиннее, чем история Греции или Ближнего Востока, но она, несомненно, более точно и полно зафиксирована.

Именно поэтому китайским ученым и их западным ученикам было трудно отличить подлинную историю последних двух тысяч лет от отрывочных и часто вымышленных «записей» более раннего времени. Эта путаница создавала еще одну, куда более серьезную. Китайцы писали свою историю с вполне определенной целью – нравственной, которая состояла в том, чтобы предостеречь современников от ошибок, приводя печальные примеры прошлых

пороков и заблуждений, и вдохновить их на добрые дела примерами добродетели и мудрости. Фактические события нельзя было фальсифицировать: если действия бывших правителей были плохими, они должны были служить примером порока и ошибок. Там, где исторические записи не могли преподать такой урок, следовало заменить их традицией. Легенды прошлого должны были принять вид, подходящий для того, чтобы служить нравственным уроком.

Китайская традиция берет свое начало с мифических императоров – правителей, обучавших зачаткам культуры дикарей, которые жили еще на деревьях. Когда эти мифические императоры подняли общество на достаточный уровень цивилизованности, оно стало неприкосновенным. Это было необходимым условием существования традиции. Как могли более слабые, более «земные» люди улучшить то, что создали эти императоры? Их век был золотым веком; все, что следовало за ним, по определению не могло быть лучше. Оно должно было быть либо хуже, либо на крайний случай – бледной копией идеального порядка вещей, установленного на все времена первыми правителями мира. Это как если бы Запад свято уверовал в то, что его институты смоделированы по образу и подобию садов Эдема, и начал бы из всех сил стараться возродить свою изначальную невинность. Мифические императоры научили своих диких учеников всем добродетелям и дали им первые уроки ремесел и искусства. Таким образом, как считалось, они полностью выполнили свои обязанности правителей. Последующим же поколениям не оставалось ничего, кроме как поддерживать или при необходимости восстанавливать верховенство добродетели. Это, конечно, теория в том виде, в каком она сложилась под влиянием Конфуция и которая зародилась примерно во времена Христа. И именно эта теория дала толчок идее о «неизменности» Китая.

Китайские ученые более позднего периода не только сами свято верили в эту теорию, но и передавали эту веру своим европейским ученикам, первым миссионерам. Последние в свою очередь восприняли ее не потому, что она была для них источником гордости и славы, как для их китайских коллег, но потому, что она, казалось, пробивала брешь в броне китайской цивилизации. Если Китай действительно был таким неизменным, как полагали сами китайцы, то, значит, он никогда не знал откровения Божьего; он упустил царство Божье, и, соответственно, ему нужно было именно то, что было у миссионеров, – евангелие. В этом кроется причина многих заблуждений. Китайские ученые и западные миссионеры объединились для того, чтобы сохранить миф о неизменности Китая и разнести его по всему миру. И надо признать, что они весьма и весьма преуспели в этом.

Эта книга ставит своей целью рассеять туман, созданный этим мифом, и показать реальный характер китайского общества и подлинный ход истории этой страны. Возможно, кому-то это покажется попыткой принизить китайцев, но на самом деле это не так, поскольку факты раскроют подлинный характер жизнелюбивого, умеющего приспособиться к изменяющимся условиям, изобретательного народа. Народа, который очень далек от того, чтобы быть связанным с монотонным повторением одних и тех же сюжетов истории и с застывшим в своем развитии обществом. Несмотря на то что возникает вопрос о разной интерпретации одних и тех же событий, тем не менее неоспорим тот факт, что основополагающие принципы китайской цивилизации и ход истории Китая имеют свои отличительные черты. Действительно, китайская цивилизация развивалась в изоляции от остальных крупных государственных образований древности. В XIX веке существовала точка зрения, которой придерживались так, как если бы она была ниспослана свыше. Она заключалась в том, что все культуры находились в постоянном взаимодействии и что все цивилизации произошли от египтян и шумеров; считалось, что было невозможно изолированное развитие техники и общества. Сейчас эта точка зрения практически не находит поддержки. Дело в том, что она не учитывает тех фактов, которые мы теперь знаем о раннем Китае. Нет доказательств того, что основные элементы древнекитайской культуры были привнесены извне, или того, что китайцы как нация происходят из какой-то другой части Земли.

Все, напротив, свидетельствует о том, что китайцы развивались на одной и той же территории. Даже чисто внешне сегодняшние жители Китая мало отличаются от своих далеких предков эпохи неолита. Китайцы всегда жили в Китае.

Сами китайцы никогда и не подвергали этот факт сомнению. У них не было обычая мигрировать либо колонизировать дальние страны. Об этом нет данных ни в одной из древних легенд. Мифические императоры жили в Китае, а точнее, в Северном Китае. Именно в этих провинциях, которые в течение нескольких веков были ядром китайской цивилизации, они выполняли свою функцию обучения и воспитания дикарей и формирования цивилизованного мира. Предполагается, что именно эти дикари и были предками современных китайцев. Да и сами императоры не были здесь чужаками. Дошедшие до нас образцы древней культуры позволяют предположить, что древние герои считались богами, чье превращение в мудрых земных правителей, возможно, произошло не раньше II века до нашей эры.

Некоторые черты китайской культуры действительно свидетельствуют о ее непрерывном развитии. Китайское государство или ранние государства (поскольку единое государство образовалось много позже) всегда были монархическими. Нет данных о том, что китайцы знали какую-нибудь иную форму государственного правления. Монархия же основывалась на принципах семьи: как отец был всегда непререкаемым главой семьи, так и правитель был непререкаемым и неоспоримым главой государства. Очень редко монархи признавали верховную власть какого-либо другого правителя. Некоторые представители высшей аристократии иногда приходили к власти, но их правление никогда не было ни продолжительным, ни прочным. Пока находящиеся в подчинении у верховного правителя были его родственниками (фактически – его семьей), они действительно подчинялись ему; по мере того как родственные связи ослабевали, правители отдельных государств становились все более независимыми от верховной власти.

В 1487 г. художник Шэн Чжоу изобразил на картине себя и троих друзей сидящими осенним днем в беседке на берегу реки. Благоговейное отношение к красоте характерно для духовного склада китайцев и их искусства

Эта параллель, проводимая между государством и семьей, также послужила основой для появления еще одной теории, разработанной китайскими учеными и с восторгом принятой на Западе. Она называется теорией династического цикла и объясняет политику с позиции общеизвестных фактов развития человеческого общества. Каждый из нас был свидетелем падения великих и знаменитых семейств, зачастую в короткий промежуток времени. Основатель семьи, как правило, человек, который поднимается из нищеты к власти и богатству, его старший сын делает все, чтобы сберечь и даже преумножить накопленное, но очень редко в состоянии сам создать его. Внуки и правнуки скорее склонны пожинать плоды трудов старших поколений, нежели преумножать богатство. Последующие поколения не способны даже удержать положение, завоеванное их предками. Медленно, но верно они погружаются в пучину безделья. Богатство уменьшается, и в конце их ждет более чем нищета.

Применительно к династии эта теория также во многом верна. Без сомнения, постепенное убывание инициативы и способности действовать – факт вполне реальный, но эта теория

полностью игнорирует другие факторы. Китайские историки пытались с ее помощью дать полное объяснение смены исторических эпох. Получалось, что империя целиком и полностью зависела от нравственных качеств монарха. Экономические изменения, набеги иноземцев или другие виды давления со стороны, социальные изменения – все это якобы не имело никакого отношения к возвышению и падению династий. Если возникали какие-то катаклизмы, то в их основе лежало моральное несовершенство правителя или императора. Если же общество развивалось по восходящей, то это было заслугой добродетельного монарха, вдохновленного учением мудрецов. В результате подобного объяснения исторических событий нравственными качествами императора процесс развития человеческого общества представлялся цепью сменяющих друг друга циклов, каждый из которых состоял из подъема, процветания, упадка и, наконец, падения. Никто не мог миновать этой судьбы.

Китайские историки во многом смогли избежать ошибки, которую так долго совершали их западные коллеги. Последние считали, что история якобы является лишь цепью, записью деяний великих людей. Китайские же ученые верили в династический цикл, в теорию, которая была на самом деле столь же ошибочной. Теория «великого человека» поднимала деяния героя на такую высоту, что экономические изменения и другие факторы не могли помешать его безграничной инициативе; теория династического цикла вообще отрицала, что любая инициатива или какое-то изменение обстоятельств могут надолго изменить неизбежный ход вещей.

Сам объем и тщательность фиксирования китайской истории становится ловушкой – все записанные события пересказаны и зафиксированы весьма подробно. Не делается никаких попыток «прикрыть» неудачи великих либо, наоборот, приукрасить их достижения. Поэтому естественно, что западные историки, изучавшие Китай, верили, что от них требуется только одно: добросовестно переводить исторические записи. Китайцы якобы сами все объяснили и доказали, что история Поднебесной развивается без изменений по одному раз и навсегда установленному образцу. Западные ученые привыкли в это верить. Таково было всеобщее мнение. Китайские историки обращали мало внимания на изменяющиеся обстоятельства или экономический рост; если они когда-то и упоминали об этом, то не подчеркивали эти обстоятельства и очень редко связывали их с основным ходом событий.

Ранние западные историки шли тем же путем. Они всячески подчеркивали то, что их китайские коллеги считали важным, а именно нравственную сторону событий: был тот или иной император мудрым или глупым, трудолюбивым или праздным. Они очень редко задумывались над тем, что же в это время происходило с самим китайским народом. Увеличивалось ли население страны или, наоборот, уменьшалось, изменялась ли его социальная структура, развивалась ли техника? Вопросы, которые, возможно, подразумевали, что со времени золотого века происходили какие-то изменения, иногда и к лучшему, даже не поднимались. Китайские историки также никогда не задумывались над проблемой о религиозных предпочтениях. Такие изменения просто не приветствовались. Китайский народ должен был следовать учению мудрецов и их великого ученика Конфуция. Если бы даже китайцы вдруг обратились к буддизму, а следовательно, к учению «варваров», или вдруг позволили ввести в своей стране ислам, то подобные вещи даже не стали бы обсуждаться или фиксироваться в исторических хрониках. Если какой-то император благоволил к буддизму, то это порицалось и его действия рассматривались как источник всех последующих несчастий или падения династии. В официальных хрониках не уделялось большого внимания распространению ислама в Китае в VIII–X веках нашей эры. И это не было лишь данью моде: ни один император не стал мусульманином, а когда с течением времени многие подданные императора приняли мусульманство, это ни в коей мере не заинтересовало историков.

Все вышесказанное относится к официальной истории, которая, по сути, является хроникой

двадцати четырех династий, ведь традиционно китайцы делят свою историю до XVII века именно на периоды правления этих династий. Двадцать пятая, последняя династия, конечно, не включена в эту хронику, поскольку согласно китайской традиции – традиции, которая была отринута республиканцами, официальная история династии не могла быть зафиксирована, пока период ее правления не подошел к концу. Эта традиция возникла из требования оценивать человеческие слабости непредвзято. Ни одна династия не имела права давать оценку своим собственным деяниям: ведь тогда факты были бы искажены, фальсифицированы, зло затушевано, добродетели преувеличены, а хвастливая ложь возведена в ранг правды. Династия могла бы (и даже наверняка сделала бы это) присвоить архивы, которые бережно сохранялись. Но все это не могло быть отредактировано или опубликовано, пока династия не сходила с политической сцены. Лишь после этого новый правитель или, если период его правления был краток или нестабилен, следующий правитель, чья власть оказывалась достаточно прочной, созывал группу наиболее известных и уважаемых ученых, чтобы они подготовили и опубликовали историю ушедшей династии. В этом случае никто не выигрывал от фальсификации событий, и правда о них никому не приносила вреда. Предполагалось (на основании многовекового опыта и в соответствии с теорией династического цикла), что все династии рано или поздно приходят в упадок и уходят и что все новые правящие режимы станут новыми династиями, подверженными такому же политическому риску и имеющими столь же честолюбивые устремления, что и прежние династии. Поэтому история должна была «созреть», чтобы в подходящий момент ее можно было отредактировать и опубликовать.

К счастью, китайцы не всегда следовали официальной практике и записывали какие-то интересные события раньше, чем два-три века спустя. Это происходило благодаря существованию неофициальных исторических хроник, которые, даже если и носили несколько предвзятый характер, часто были написаны очень живым языком и представляли довольно занятное чтение. Некоторые из этих материалов, вероятно, еще находятся в до сих пор скрытых архивах, однако есть некоторые события и сплетни, о которых официальные власти не сообщили бы никогда.

Нужда в каких-либо современных хрониках восполнялась другим путем – путем публикации различных альманахов. Эти публикации содержат много ценной исторической информации, часто носящей такой характер, что она наверняка была бы обделена вниманием официальных историков. Только недавно стало известно о существовании такого ценного источника информации. Однако к тому времени мифы, которые ранние китайские писатели восприняли от китайских же традиционных историков, укоренились в общественном сознании. Именно официальная точка зрения и нашла свое отражение в учебниках и, естественно, сыграла огромную роль в формировании мировоззрения большинства грамотных людей.

Сам характер китайских хроник предопределил тот факт, что все внимание в них уделялось политической истории династии, а также хитросплетениям интриг двора. Все, что не было связано с жизнью правителя и его советников, мало интересовало историков. Ярким примером подобного ограничения сферы интересов является то, каким образом описывалась жизнь императрицы У Ху династии Тан, которая жила в VII веке нашей эры. Она была женщиной, и уже поэтому не должна была бы осуществлять политическую власть, по закону женщины не имели права стоять во главе государства. Ее поведение было далеко не безупречным с точки зрения общепринятой морали, она была жестокой и безжалостной. Конфуцианские историки без колебаний осуждают тот факт, что сначала она вырвала бразды правления из рук безвольного мужа, а потом фактически узурпировала трон. Однако объективности ради они вынуждены признать, что У Ху была прекрасным правителем, при ней империя жила без потрясений, стала сильнее, расширила свои границы. При У Ху была проведена реформа управления, императрица заботилась об образовании населения. Конфуцианским историкам стоит большого труда

признать все это, пусть даже и в форме комментариев и побочных замечаний, но они воздерживаются от полной и всесторонней оценки одной из наиболее выдающихся фигур в политической истории Китая.

То же самое касается истории экономики и социологии: все, что не вписывается в заданную концепцию, игнорируется. Историки обращаются к экономическим и общественным изменениям только для того, чтобы сделать повествование более понятным или прояснить какой-то момент истории, но не всю историю в целом. Действительно, в истории правления династий есть отдельные части, посвященные землепользованию, ирригации, военному сообщению, но все эти вопросы, так или иначе, связаны с правящим кланом. Налогообложение было вплотную связано с системой землепользования; ирригация и строительство каналов находилось в ведении императорского правительства, поскольку объем этих общественных работ был слишком велик для того, чтобы этим занимались местные власти. Армия же была силой, на которую опиралось правительство. Армия также отвечала за охрану северных границ – Великой Китайской стены – от нашествия кочевых племен. Государственная религия и астрономия находились под особой заботой императора, который был верховным служителем культа небес и земли, проявления власти которого изучала астрономия. Социальные изменения, напрямую не влиявшие на эти виды деятельности, не являлись предметами исследований. Религиозные верования рассматривались как суеверия людей и не считались достойными упоминания. Рост новых социальных классов и групп, а также закат и исчезновение других вообще не признавалось как явление. Разделение на ученых, чиновников, крестьян, землевладельцев произошло еще в древности, так гласила ортодоксальная доктрина. Торговцев и ремесленников она вообще не воспринимала как общественную прослойку – они принадлежали к презираемому меньшинству. Феодализм рассматривался как внутреннее устройство династии Чжоу, которая уже ушла в небытие, однако упадок этой системы и ее замена централизованным бюрократическим правительством до сих пор является одним из основных изменений общественного строя Китая. Формирование новой аристократии, которая не была тесно связана с каким-либо феодалом, и медленное рассеивание этой группы и перераспределение власти между представителями класса образованных людей, которые находились на государственной службе после сдачи соответствующих экзаменов. Эти жизненно важные изменения, происходившие в китайском обществе с III по XI век нашей эры, историки в основном игнорировали. Отрывочные данные о них появляются лишь в разрозненных документах, собранных воедино лишь современными учеными, изучающими изменения в составе правящего класса с точки зрения происхождения его членов.

Поэтому современные историки, занимающиеся вопросами общественной жизни Китая, должны каким-то образом выйти за рамки ограничений, наложенных теорией династического цикла, и признать, что основные и наиболее важные изменения происходили в периоды длительного нахождения у власти одной и той же династии, а не в результате ее падения и смены династий. Династическая теория утверждает, что феодализм закончился с возвышением династии Хань в 220 году нашей эры, хотя его остаточные черты существовали еще долго после этого, и что середина периода правления династии Тан примерно в 750 году стала временем серьезных изменений в обществе, когда военная аристократия была заменена ученой бюрократией. На самом деле этот процесс продолжался и после падения династии Тан в 906 году и не был завершен, пока следующая сильная династия Сун не укрепилась у власти. Новая и более реалистичная периодизация делит историю Китая на античный период (примерно до 200 года до нашей эры, когда начался период правления династии Хань). Ранний имперский период длится с 200 года до нашей эры до примерно 300 года нашей эры, Средние века – с 300 года до примерно 1300 года нашей эры, периода татаро-монгольского нашествия. Новое время включает

правление монголов, династии Мин и Цин, новейший период – после падения империи в 1912 году. Необходимо добавить, что ни одна из этих периодизаций не принимается марксистскими историками. Для них общество во всех частях света развивается от примитивной, родовой экономики к рабовладельческой монархии, которая затем сменяется феодализмом, основанным на крепостном строе и затем, на более позднем этапе, капитализмом. Существуют разные мнения относительно того, как в эту схему вписывается история Европы, но что касается истории Китая, то здесь она вызывает сомнения. Чтобы согласиться с ней, надо точно знать (а свидетельств тому практически нет), что древнее китайское государство было рабовладельческим. А без этого у нас нет различия между феодализмом VIII века до нашей эры и бюрократическим и аристократическим государством VIII века нашей эры, и без этого нельзя признать изменения, произошедшие в правящем классе. Феодализм, зародившийся в самом начале официальной истории Китая, сохранялся до 1949 года, когда народная республика навеки стряхнула со страны его оковы. Можно только удивляться, как могла так долго просуществовать такая жесткая система, настолько не соответствующая известным фактам, особенно учитывая, что национальные тенденции начинают преобладать в китайском коммунизме и одновременно вытеснять идеи русского коммунизма. Важно отметить, что современные китайские историки используют термин «феодализм» в более широком значении, чем их коллеги – некоммунисты. В современном Китае написано много ценных работ по общественной истории Китая и по ранее не замечавшейся истории развития китайской науки и техники (эти предметы лежали вне сферы интересов старой династической школы). С течением времени, когда политические страсти улягутся, придет более полное и всеобъемлющее понимание китайской истории. Разные точки зрения на ее периодизацию будут пересмотрены учеными будущего, которые будут более заинтересованы в фактах, доподлинно установленных в результате неустанного труда ученых сегодняшних.

1. Страна и язык

До падения в 1912 году китайской императорской династии Цин, или Маньчжурской династии, собственно Китаем было принято считать восемь провинций, расположенных внутри Великой Китайской стены. Три маньчжурские провинции, равно как и огромные зависимые территории, лежавшие за Великой Китайской стеной, а именно Монголия, Тибет и Синьцзян, считались территориями, находившимися под суверенитетом Китая, но не являвшимися при этом частями доминиона. На то существовали особые исторические причины, которые утратили свое значение в момент провозглашения Китайской Республики, когда в состав Китая вошли все прилегающие территории. Часть Монголии, расположенная за пределами пустыни Гоби, отделилась и была признана независимым государством. Согласно положениям международного права сегодня под Китаем подразумевается вся территория бывшей Маньчжурской империи, за исключением Внешней Монголии, включая территории Тибета, китайской Центральной Азии и Внутренней Монголии. Китай представляет собой регион, по размерам сопоставимый с иным континентом, площадью примерно 3 млн квадратных километров. Для сравнения: территория США лишь ненамного больше территории Китая, а без учета Аляски и Гавайев, – немного меньше. С исторической и культурной точки зрения под Китаем обычно понимается Древний Китай, расположенный внутри Великой Китайской стены, то есть территория, на которой издавна селились многие миллионы людей. Лишь в новое время китайцы начали расселяться на других территориях. Этот «Китай восемнадцати провинций», как его обычно называют сами китайцы, представлял собой поразительный регион,

протянувшийся от границы с Монголией (где очень холодная зима) до тропиков Гуандуна и острова Хайнань. На территории одной страны представлены практически все климатические зоны, и, соответственно, там произрастают разнообразные виды сельскохозяйственных растений.

В зависимости от климатических зон принято выделять в Китае три основных региона, которые в основном соответствуют бассейнам трех крупнейших рек страны. Северный Китай расположен в бассейне реки Хуанхэ, Желтой реки, где горные цепи тянутся вдоль монгольской границы вплоть до Великой Китайской стены.

На картинах с изображением живописного пейзажа часто можно увидеть стихотворные строчки, выполненные каллиграфическим почерком. Эта картина, которая называется «Весенняя пахота», относится к XV в.

Центральный Китай находится в долине реки Янцзы, которая отделена от северных районов лишь грядой относительно невысоких гор. На востоке эти два района соединяются в долине реки Хуайхэ, образуя некую промежуточную зону, которая в смутные времена всегда являлась ареной военных действий.

Если в Европе ареной боев всегда являлись южные или прибрежные земли, то в Китае такой территорией издавна была долина реки Хуайхэ. Для этого есть несколько причин: 1) стратегически важное расположение и 2) то, что сюда можно добраться как с юга, так и севера страны. Южный Китай включает в себя провинции, расположенные вдоль побережья к югу от Шанхая, Чжэцзяна и Фуцзяни, которые не являются частью бассейнов наиболее важных рек страны, а также самые южные провинции – Гуандун на побережье и прилегающие к ней Гуанси, Гуанчжоу, Юньнань на западе. Южные провинции Китая отделены от провинций бассейна реки Янцзы труднопроходимыми горными цепями, что обусловило своеобразие исторического и культурного развития всего данного региона.

Но есть и еще один, более важный с исторической точки зрения способ деления Китая, а именно деление на восток и запад, или на гористую и равнинную части. Это разделение особенно четко проявляется на севере Китая. Пекин лежит у подножия горных цепей: к западу от города горы тянутся непрерывной грядой до Тибета и дальше; к востоку равнина простирается вплоть до моря. За исключением гористого полуострова Шаньдун рельеф местности от Пекина до бассейна Янцзы является исключительно ровным. Современная линия главной железнодорожной магистрали тянется с севера на юг – неподалеку от основания горной цепи. Если смотреть из окна поезда, то с одной стороны видны горы, с другой же нет ни единой возвышенности. Что касается Центрального Китая, то там рельеф местности несколько другой. Великая река Янцзы прорывается сквозь горы и образует собственную ровную долину, неширокую, но чрезвычайно плодородную. И к северу и к югу от реки видны горные цепи. У устья реки ил заполнил широкую территорию, когда-то являвшуюся мелким морем. Там иногда попадаются отдельно стоящие горы, которые свидетельствуют о том, что раньше на их месте были острова. На юге Китая нет больших равнин. Дельта реки к югу от Гуандуна, где очень велика плотность населения, является самой большой и практически единственной равнинной зоной страны. Тем не менее и здесь существует четкое разделение между западом и востоком. Западные провинции Гуанчжоу и Юньнань в основном представляют собой гористую территорию с вершинами от 4000 до 8000 футов высотой. Высокие горные цепи пересекают обе провинции с запада на восток. Прибрежные провинции Гуандун и Гуанси, находящиеся в плодородных районах Западной реки и ее притоков, имеют более ровный ландшафт. Горы там менее величественные, а долины более ровные. Исторически сложилось так, что между прибрежными провинциями и западными территориями не существовало тесных связей. В западные провинции было сравнительно легко добраться с севера, из долины Янцзы, хотя этот маршрут (там, где сейчас находится Бирманская дорога) был весьма труден, так как пролегал через горы.

Фуцзянь и Чжэцзян на восточном побережье всегда были изолированы от остальных районов страны. Это особенно касается Чжэцзяна, куда легче было добраться морем, чем по суше, и который до недавнего времени не имел железнодорожного сообщения с остальными районами. Обе провинции отличает наличие высоких скалистых гор в центре и небольших плодородных равнин в устьях рек на побережье. Высокая плотность населения на этих равнинах вынуждала людей переселяться в другие районы. Миллионы китайцев – выходцев из Фуцзяни сейчас проживают на Тайване, в Индонезии, Малайзии и на Таиланде. Они составляют большинство китайцев-эмигрантов. «Лишнее» население Чжэцзяна предпочло двинуться на север, на богатые земли побережья Янцзы, и современный Шанхай, расположенный в устье Янцзы, является чуть ли не колонией поселенцев из Чжэцзяна.

На этом природном фоне и развивается история китайского народа. Сразу же становится ясно, что хотя Китай и превратился в огромное единое государство – империю с двухтысячелетней историей, – тем не менее географические особенности мало способствовали такому развитию событий. Можно даже сказать, что топография Китая с ее естественным делением страны горными цепями скорее могла бы привести к возникновению и росту отдельных государств с населением, схожим по внешним данным, но различающимся языком и культурой. Возможно, основным фактором, препятствующим такому развитию событий, явился тот факт, что территория, включающая северные равнины и долину Янцзы, была достаточно большой и однородной по составу населения, чтобы распространить свое влияние на весь современный Китай. Провинции Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Шаньси и Шэньси расположены по соседству друг с другом и большей частью разделены только реками, которые, тем не менее, скорее соединяли, чем разделяли их. Это означало, что любое государство, контролирующее этот большой регион протяженностью более чем 700 миль с запада на восток и примерно столько же с севера до

долины Янцзы, оказывалось сильнее, чем любой возможный союз других китайских государств, и стремилось подчинить соседей своему влиянию.

В течение нескольких веков, начиная с 481 года до нашей эры, северный регион был поделен между многими государствами, чаще всего враждовавшими между собой. Неудивительно, что именно в этот период образовалось несколько южных монархических государств, которые некоторое время могли оставаться независимыми и даже бросать вызов северному доминиону. Идея о том, что между Северным и Южным Китаем существовало принципиальное различие и что их союз был случайным, а разрыв неизбежным, приобрела распространение на Западе в переходный период после падения династии Цин в 1912 году. Этот принцип не находит подтверждения в истории Китая и возник как следствие неких временных обстоятельств. Поскольку идеи республиканцев-революционеров получили наибольшее распространение в Кантоне, а выходцы из Кантона составляли большинство китайцев-эмигрантов, то южане, казалось, должны были быть более подвержены всяческому модному веянию, чем их северные соседи, которые в основном оставались равнодушными ко всем новым течениям. Так оно и было некоторое время. По мере того как распространение современных идей и технологий на юге и на севере стало идти примерно равными темпами, кажущееся преобладание выходцев из Кантона в революционном правительстве сошло на нет. Наличие больших трудовых и сырьевых ресурсов на севере восстановило баланс сил, который традиционно существовал в Китае.

Периоды, когда объединенным Китаем правили южные властители, были редкими и непродолжительными. Все династии, находившиеся у власти по многу лет, правили на севере, даже если были выходцами с юга.

Таким образом, отдельные мононациональные государства практически не имели шансов на выживание и дальнейшее развитие, пока север страны был объединен под сильным единым руководством. Наибольшие шансы на самостоятельное развитие имели западные провинции: Ганьсу, Шэньси, Сычуань и Юньнань. При этом Ганьсу всегда являлась объектом набегов татаромонголов и была слишком слабой, чтобы долгое время отстаивать свою независимость. Шэньси, расположенной на реке Вай, притоке Хуанхэ, вследствие географического положения было выгоднее попытаться установить свое господство над восточными равнинами, а не оставаться в изоляции. Именно это определило роль провинции на многие века. Именно из Яньнани, что на севере Шэньси, началось распространение коммунизма в Китае, пока коммунисты не смогли установить военное господство над восточными равнинами и, следовательно, над всем Китаем. Первая империя, объединившая Китай, возникла на месте царства Цинь в провинции Шэньси.

Сычуань, отгороженная от остальных соседей горами с севера, тибетским массивом с запада и Янцзы с востока, очень часто, как и в последней войне, оказывалась прибежищем уходящих режимов, которые теряли контроль над Восточным Китаем. Эта богатая и плодородная провинция, способная прокормить многочисленное население, однако, никогда не становилась центром власти, не стремилась поработить соседей – возможно, потому, что ее жители были слишком обеспечены, чтобы стремиться двигаться куда-то еще. По этой же причине жители безропотно отдавали власть в руки любого сильного правительства с севера. Юньнань же была слишком отдаленной провинцией, чтобы претендовать на власть над обширными территориями, и слишком разобщенной, чтобы сохранять собственную независимость. В течение нескольких веков в Юньнани существовало хорошо организованное, независимое от Китая царство, но под сильным китайским влиянием, прежде всего культурным, государство не могло расширяться, в результате царство вошло в состав Китайской империи.

беспорядков, а единство означало силу и мир. Писатель XV века начинает свой знаменитый исторический роман «Троецарствие» с замечания: «Империя, долго существовавшая единым государством, стремится к распаду; а когда она распалась, снова стремится к объединению».

Нет точных данных о населении Китая до I века до нашей эры; повсюду в мире первые статистические данные о населении появились несколько позже. Китайцы начали вести подсчет населения с целью более эффективного взимания налогов. Это не была простая регистрация семей, выплачивающих налоги, каждая из которых обозначалась именем главы семьи. Раскопки на местах разрушенных городов Хань в пустынях Синьцзяна и северо-западной провинции Ханьцзы свидетельствуют о том, что в переписи были указаны все члены семей, включая детей. Однако здесь важно помнить следующее: перепись касалась только тех слоев, которые подвергались налогообложению, то есть сюда не входила аристократия, большинство чиновников; также в перепись не включалась немногочисленная прослойка рабов. Официальное число зарегистрированных жителей Китая в I веке до нашей эры составляло 60 млн человек. Сто лет спустя зарегистрированных жителей оказалось несколько меньше – чуть более 50 млн.

Крыша керамической мельницы укрывает рабочих, работающих на сельскохозяйственных машинах, которые (слева направо) шелушат рис, молотят зерно и просеивают пшеницу. Рис – типичное сельскохозяйственное растение Южного Китая, рожь и пшеницу выращивают на севере

Это не означает, что население в целом уменьшилось, просто уменьшилось число налогоплательщиков, поскольку миллионы китайцев сумели освободиться от уплаты налогов, став арендаторами угодий, принадлежавших дворянству и не подлежащих налогообложению. Из данных этих списков и других источников становится ясно, что в последние века до нашей эры и первые века нашей эры во время правления династии Хань большая часть населения была сосредоточена в районах, которые сейчас считаются севером Китая. Число жителей долины Янцзы было значительно меньше, но оно постоянно росло. Империя Хань была первым длительным периодом единства Китая, когда шла неуклонная колонизация долины Янцзы, но эта колонизация практически не затронула крайний юг. Вскоре после падения династии Хань в начале III века нашей эры империя была захвачена кочевниками и поделена на северную часть, где правили династии завоевателей, и на южную часть, где правили собственно китайские императоры из Нанкина. Период деления на Северную и Южную империи был временем дальнейшей колонизации плодородных провинций Янцзы. Тысячи земледельцев с севера

двинулись на территории, где еще правили их соотечественники. С другой стороны, монгольские завоеватели на севере были слишком малочисленны, чтобы сколь бы то ни было повлиять на гигантское китайское население, которым они управляли. Военная аристократия была преимущественно монгольского происхождения, но скоро они начали заключать браки с представителями китайской аристократии. Вскоре большая часть поработителей была ассимилирована поработченными.

Интенсивное заселение крайних южных земель началось только при династии Тан, когда Гуандун и соседняя Гуанси были колонизированы китайскими переселенцами с севера, причем по большей части политическими ссыльными. Крайний юг был своеобразной китайской Сибирью. Последними в состав империи вошли юго-западные провинции Гуанчжоу и Юньнань, которые начали осваиваться переселенцами лишь в последние пятьсот лет, в конце правления династии Мин и в период правления маньчжурской династии Цин. До сих пор значительную часть населения этих провинций Китая составляют так называемые национальные меньшинства, которые продолжают жить либо в горных районах, либо в низких, довольно неблагоприятных для здоровья долинах, где китайцы предпочитали не селиться. В древности, в период Средневековья и в более позднее время заселение этих районов китайцами носило мирный характер. Китайцы начинали заселять эти места часто до того, как их правители формально устанавливали свое господство над регионами. Правительство часто использовало эти места для расселения бывших солдат. Население Юньнани, особенно живущее поблизости от столицы провинции Куньмина, говорит на пекинском диалекте, несмотря на то что эти два города разделяют 2000 миль, хотя он, конечно, сохранил некоторые отличия от языка-оригинала. Причиной служит тот факт, что в конце XVII века, в начале правления династии Цин, армия северян двинулась туда с целью уничтожить последних сторонников династии Мин. Когда война закончилась, солдаты заселили покоренные земли, причем пришлых людей было так много, что язык, на котором они говорили, вытеснил местный диалект. В период правления династий Мин и Цин Юньнань, столь отдаленная от Пекина, стала основным местом ссылки людей, недовольных режимом. Естественно, население некоторых городов и районов Юньнани переняло диалект многих провинций, причем этот процесс затронул не только Юньнань, таким же образом в тот или иной период времени заселялись и другие провинции. Колонизация южных и юго-западных земель, а также долины Янцзы в более раннее время имеет много общих черт с расширением китайских владений за морем – в Малайзии, Индонезии, Таиланде, Бирме и на Филиппинах. Установлено, что в Малайзии и Сингапуре поселились многочисленные повстанцы-тайпины, которые бежали из Китая после поражения восстания в середине XIX века. Постепенное расселение китайцев на южных землях продолжалось более двух тысяч лет. Было бы неверно при этом делать вывод о том, что тому препятствовала внешнеполитическая ситуация. Нет ничего особенно нового в том, как нынешнее правительство Китая стимулирует и поощряет заселение Синьцзяна и Тибета. Точно так же действовали все сильные правящие династии, начиная со времени династии Хань, – они стремились расселить свое избыточное население в пограничных районах, чтобы укрепить власть центра над отдаленными провинциями.

Склонившийся над сетью рыбак времен династии Мин, вырезанный из черного нефрита, рассматривает улов

Таким образом, китайцы колонизировали огромные территории, ранее заселенные немногочисленным населением самых разных национальностей. Остается вопрос, насколько этот процесс изменил самих китайцев, насколько полной была ассимиляция представителей некитайской национальности. В целом ответ на этот вопрос, кажется, может быть таким: китайцы смогли насадить свою культуру и язык там, где их численность была намного больше численности местного населения, которое попросту полностью ассимилировалось. Так или иначе, всегда оставались группы людей, сохранявшие свою культуру, язык и самосознание.

Как признают сами китайцы, население, живущее в разных районах, различается по темпераменту и характеру. Как правило, характеристики жителей тех или иных районов Китая бывают либо в высшей степени положительными, либо весьма негативными. Северяне сами себя считают солидными, надежными, мужественными и выносливыми людьми, южане же говорят о северянах как о неотесанных, весьма недалеких, но физически крепких людях. И те и другие сходятся во мнении, что жители долины Янцзы, особенно провинции Хэбэй, болтливы и ненадежны. Одна из пословиц, не слишком популярная в Хэбэе, гласит: «На небе – птица с девятью языками, на земле – хэбэец». При этом и южане и северяне признают, что самая лучшая кухня – именно в долине Янцзы, да и способности к обучению грамоте и вообще уровень интеллекта тамошнего населения очень высоки. Северяне и жители центральных районов согласны в том, что кантонцы слишком умны, они обычно получают самые престижные должности. Они придерживаются клановых уз, по складу характера склонны к авантюрам и убеждены, что Кантон – это и есть (или должен быть) Китай. Кантонцы считают северян и жителей долины Янцзы «чужаками», которые хотят управлять югом. Кантонцы склонны считать, что они выполняют самую трудную работу, в то время как другие пожинают плоды их труда во властных структурах. Это традиционное отношение кантонцев к любому режиму, базирующемуся на севере, и есть свидетельства того, что такое отношение сохраняется и поныне. Все живущие за пределами крайних западных областей весьма прохладно относятся к жителям провинций Юньнань и Сычуань. Их считают неотесанными горцами, хорошими воинами, но совершенно некультурными людьми; в лучшем случае к ним относятся как к жителям приграничной полосы, переселенцам. В то же время сычуаньцы – это «вещь в себе», они проявляют подозрительность ко всем чужакам, считая себя в привилегированном положении благодаря богатству своей провинции, и стремятся держать чужаков на расстоянии.

У жителей Шаньси – выходцев с севера – репутация примерно такая же, как и у шотландцев в Англии: хитроумные бизнесмены, если их хвалят, и вспыльчивые, как порох, если их критикуют. Однако было бы неправильно считать все эти характеристики проявлением остро ощущаемой разобщенности. Они всего лишь являются продуктом устоявшихся региональных отличительных черт; то же самое можно наблюдать в любой другой стране мира, все равно – большой или маленькой.

Наличие в китайском языке разнообразных диалектов, часто выходящих за рамки границ провинций, в какой-то степени является гораздо более важным фактором, чем региональные различия, но и его важность не следует преувеличивать. Основным регионом, где распространено наибольшее количество диалектов, является юго-восточное побережье. Это также регион, откуда эмигрировало за море наибольшее количество китайцев, район с наибольшим числом крупных портов. Поэтому путешественнику, приехавшему в Китай в первый раз, часто казалось, что и по всей стране в каждом городе – свой собственный диалект. Те, что знакомились с Китаем через эмигрантов, также видели, что все они говорят на разных диалектах, часто непонятных друг другу. Отсюда и возникло мнение, что в Китае нет единого языка, а существует огромное количество диалектов, на которые «наложился» искусственный язык «мандарин», на котором говорили лишь чиновники.

Часть пейзажа «Рыбаки на реке», датируемого XV в., свидетельствует о том, что в дельтах рек Южного и Центрального Китая преобладали заболоченные земли

Необходимо отметить, что китайские поселенцы на заморских территориях были бедными и неграмотными людьми, не способными различать и понимать незнакомые варианты собственного языка. Образованные люди не имели таких проблем. Китайские студенты за морем могут спокойно общаться друг с другом на двух разных диалектах, причем каждый из них говорит на языке своих предков, а остальные его вполне понимают, даже если они и не в состоянии отвечать на том же языке. Во-вторых, большое число диалектов сосредоточено примерно на $\frac{1}{2}$ территории Китая внутри Великой Китайской стены, где живет менее четверти населения страны. Что касается остального Китая, то север, центр и запад говорят на языке таком же единообразном, как, например, современный английский, причем внутри его меньше радикально отличающихся вариантов, таких, как английский язык темнокожего населения Миссисипи или шотландцев Лоуленда. Этот язык лежит в основе языка «мандарин»; китайские антикоммунисты называют его национальным языком, а на континенте его, наоборот, называют «нормативным» языком – «путун хуа».

Каллиграфия, утонченное и сложное искусство, требует использования специальных приспособлений, многие из которых сами по себе являются произведениями искусства, например тушечница из прессованной туши (в центре), фарфоровые и нефритовые кисти (наверху) и подставка для кистей (внизу), выполненная в форме цветка сливы

Язык «мандарин» – это не искусственное изобретение чиновников, но облагороженная форма общего для всего Китая языка, так называемая «культурная речь Пекина», как об этом сказал глава правительства Чжоу Энлай. Язык «мандарин» имеет несколько вариаций – пекинский разговорный, язык Янцзы (или южный, как его называют в Пекине), а также его вариативные формы, которые распространены в Сычуани и Хэнани. Тот, кто выучит хотя бы один из вариантов языка «мандарин», не будет иметь трудностей в общении, находясь в Китае; его всегда и везде поймут, хотя, возможно, ему будет трудно воспринимать язык крестьян. Ценность языка «мандарин» заключается в том, что его могут понимать все образованные люди, причем это касается как южной диалектной зоны, так и всей страны. Основных диалектов в прибрежных регионах немного, фактически их только семь. Самый северный из них – это язык У, как он был известен в истории, хотя чаще его называют шанхайским диалектом, потому что на этом диалекте говорит большинство населения многомиллионного города. У – это древнее название дельты Янцзы – провинции Гуан-си. Он гораздо меньше отличается от стандартного китайского, чем другие южные диалекты. Следующим из этих диалектов является Хочжоу. Именно так произносится на местном диалекте название города Фучжоу, столицы провинции Фуцзянь. Этот диалект не особенно распространен за пределами этого города и его окрестностей, но он довольно известен благодаря тому, что его название ассоциируется со знаменитым городом. Также некоторые лингвисты утверждают, что этот диалект имеет произношение, не очень сильно отличающееся от произношения, которое было характерно для периода династии Хань (с III века до нашей эры до III века нашей эры), когда провинция вошла

в состав Китая. Большинство населения провинции Фуцзянь говорит на диалекте Хокчу, который получил свое название от варианта произношения названия Фуцзянь. Это один из основных диалектов, на которых говорят китайцы на юге страны, в ее заморских колониях, в Юго-Восточной Азии. Этот диалект преобладает в порту Амой, поэтому чаще всего иностранцы и называют его диалектом Амой. Немного южнее распространен диалект Тойчи, именно таким образом произносится местными жителями название города Чжаочжоу. Это также один из основных диалектов, более распространенный за пределами Китая, чем внутри его. Кантонский диалект – это южный вариант языка «мандарин». Язык великого и древнего города, который всегда был несомненным центром Южного Китая, отличается тем, что в нем развитие устного народного творчества способствовало появлению новых иероглифов. Существует много местных вариантов кантонского диалекта, но произношение, характерное для речи жителей самого Кантона, считается изначальной, «чистой» формой диалекта. Оно имеет явные связи с произношением и языковыми структурами языка периода династии Тан, когда Кантон начал заселяться выходцами с севера. Возможно, если бы китаец, живший в X веке, оказался в современном Китае, он понял бы кантонский диалект, но ничего не понял бы из того, что говорят в его родном городе. Характерной особенностью кантонского диалекта, известной на Западе, является частица Ah, которая ставится перед фамилией человека, о котором идет речь в разговоре. Однако эта частица не является эквивалентом слов типа «мистер», она носит менее определенный характер. Теперь эта частица употребляется только в кантонском языке. Однако в сохранившихся до нашего времени записях речей выдающихся деятелей периода правления Тан можно увидеть именно такое употребление этой частицы. Хайнаньский диалект (который, правда, сами говорящие на нем называют Хайлам) является языком большого острова Хай-нань в провинции Гуандун. Он имеет мало общего с языком, распространенным на континенте, и гораздо ближе к языку провинции Фуцзянь, находящейся в 100 милях к северу от острова. Кажется вполне вероятным, что заселение острова шло с севера, из Фуцзяни, а не из Гуандуна. Если это так, то тогда Хайнань в отдаленный период был первым заморским поселением китайцев, двинувшихся туда из Фуцзяни. Последним наиболее распространенным диалектом является хакка, что в переводе означает «заезжие семьи», «мигранты». Говорящие на хакка были по происхождению выходцами с севера Китая, которые в страхе перед монгольскими завоевателями в XIII веке нашей эры двинулись в огромных количествах на юг. Позже они перемешались с некоторыми местными горскими племенами некитайского происхождения и восприняли некоторые элементы их языка, в результате чего возник новый диалект. Хакка и сейчас не сильно отличается от северного нормативного языка, поэтому его вполне могут понимать и северяне. На всех этих южных диалектах говорит как население бывших заморских провинций, так и население зоны их первоначального распространения. С другой стороны, говорящие на нормативном китайском практически не понимают их. Тому факту, что на диалектах говорит население юго-восточного побережья и заморских территорий, часто придается неоправданно большое значение: исследователи не принимают во внимание, что все китайцы, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, на письме используют одни и те же иероглифы, понятные всем грамотным людям. Примерно лет сорок тому назад многие люди, говорившие на диалектных языках, не умели писать. Особенно широко неграмотность была распространена среди жителей заморских колоний Китая, которые по преимуществу были потомками бедных крестьянских семей. Таким образом, диалектные различия препятствовали полноценному общению, поэтому в заморских колониях проявилась тенденция к возникновению мини-колоний по языковому признаку. Новые переселенцы направлялись туда, где говорили на их языке. Распространение грамоты, особенно в последнее время, уменьшило значимость диалектов как разделяющего народ фактора. В то же время само существование диалектов заставляет китайцев сохранять свое идеографическое письмо (иероглифы).

Используя кисть, подобную той, что изображена на рисунке, знаменитый император династии Цин Канси пишет, сидя за столом напротив картины с изображением дракона

Природу иероглифической системы китайского языка легко понять, сравнив ее с системой арабских цифр (хотя на самом деле она является индийской), которой пользуются сейчас во всем мире и которую мы воспринимаем просто как данность. Когда англичанин, русский, француз или индус хочет написать «пять», он делает это не буквенным способом на своем родном языке, а просто пишет цифру 5. Цифра 5 и является идеограммой, или «сутью» понятия, не имеющей звуковой характеристики, но понятной всем, кто знает основы арифметики, вне зависимости от того, как они произносят слово, обозначающее цифру 5. Более того, значение не имеет ничего общего с формой идеограммы. Если мы хотим написать «пятьдесят», мы используем две идеограммы и так далее до бесконечности. В математике, помимо цифр, используются и другие идеограммы: $+$, $-$, $=$. Судя по всему, китайцы пришли к этому изобретению очень давно и, к тому же, совершенно самостоятельно. Они перенесли это изобретение на весь язык, в результате чего не только цифры, но и буквы стали обозначаться идеограммами.

Основой китайского письма в старину являлся следующий принцип: одна идеограмма заменяет одно слово. Можно предположить, что в древности письмо заключалось просто в изображении картинок, хотя никаких памятников древности, подтверждающих это, не

сохранилось. Каждый конкретный объект был представлен в виде более или менее стилизованного его изображения. Небольшое количество китайских иероглифов, обозначающих предметы повседневного обихода, все еще сохраняют часть своей примитивной конструкции изображения предмета, чтобы сделать его значение предельно ясным. Но к 1500 году до нашей эры система иероглифов вышла за пределы просто изображения слов с помощью пиктограмм. Именно к этому времени относятся самые ранние памятники китайской письменности, а именно надписи на камнях и на панцирях черепах. Уже в этот ранний период люди с помощью надписей пытались передать гораздо более сложные идеи, чем могли быть переданы с помощью картинок, изображавших конкретные объекты. Люди хотели найти способы выражения глаголов, прилагательных, а также абстрактных идей. Они использовали два основных приема для того, чтобы достичь этой цели, и эти приемы до сих пор лежат в основе китайской письменности. Первый прием заключается в соединении двух и более первоначальных пиктограмм, обычно в усеченной и упрощенной форме, для обозначения еще одного слова. Таким образом, слово «волшебник», или «бессмертный», или еще какое-нибудь понятие из области сверхъестественного передавалось с помощью идеограмм, изображавших слова «человек» и «гора», поскольку тогда считалось, что подобные существа живут в горах. В более поздние времена слова типа «меланхолия» передавались с помощью хитроумной комбинации иероглифов, обозначающих воду, сердце и осень, поскольку считалось, что меланхолия – это чувство, которое возникает осенью, когда человек смотрит на лужу, покрытую опавшими листьями. В свою очередь, «осень» обозначается сочетанием идеограмм, обозначающих «огонь» и «зерновое растение», что говорило о сжигании соломы зерновых растений в качестве топлива и спелости зерна, готового к жатве.

Система соединения различных идеограмм была не вполне эффективной из-за своей сложности. Второй прием, дополняющий первый, учитывает звуковую сторону слов и таким образом совершенствует систему идеограмм. Когда китайцы хотели написать глагол, который нелегко выразить через какое-либо сочетание идеограмм, они использовали его омоним, к которому добавляли еще одну идеограмму, уже непосредственно связанную со значением слова, передававшую его идею.

На гадальных костях, по которым, как когда-то считалось, можно было предсказывать будущее, вырезан текст, являющийся самым ранним образцом китайской письменности

«Шань» по-китайски означает «гора», «возвышенность», это понятие изображается с

помощью одной из древнейших основных идеограмм, которую очень легко запомнить. Точно так же звучит глагол «оскорблять», который не так легко выразить с помощью картинки, поэтому было решено к идеограмме «гора» добавить идеограмму со значением «слово», представляющую собой рот, из которого как бы расходятся в разные стороны четыре удара. В результате новое слово звучало как «гора», но любому читателю было понятно, что в сочетании с идеограммой «слово» это понятие не имеет ничего общего с горой, а означает нечто, исходящее из уст человека.

Если бы на протяжении последних трех тысяч лет нормы произношения не менялись, то эта система была бы более эффективной, чем она есть сейчас. Однако произошло много изменений, и слова, которые в древности были омофонами, перестали быть таковыми. Тем не менее значительная часть иероглифов составлена именно по этому принципу. В соответствии с этой системой 214 основных идеограмм, которые для удобства принято называть ключами, служат для создания новых символов. Эти ключи большей частью являются простейшими пиктограммами, но среди них имеются и сравнительно сложные. Все иероглифы так или иначе связаны хотя бы с одним из 214 ключей, и большинство китайских словарей построено именно по принципу усложнения написания ключей, входящих в состав иероглифа.

Все слова, значение которых связано с процессом речи, объединены одним ключом, обозначающим понятие «речь»; все, что имеет отношение, скажем, к воде, огню, солнцу, луне, тканям, также объединено соответствующим по смыслу ключом, который вписан в иероглиф, подчиняясь законам гармонии или простоты написания. Можно возразить (и такие возражения довольно широко распространены), что 214 ключей – это неоправданно много. Написание наиболее сложных ключей могло бы быть упрощено, а общее число их сокращено, скажем, до 50. Без сомнения, подобная реформа была бы полезна, но если она не будет проведена одновременно китайцами и японцами, которые имеют сходный принцип написания иероглифов, то эта реформа вызовет только новую путаницу и приведет к тому, что все существующие словари в одночасье устареют.

Самое главное преимущество иероглифического письма заключается в том, что оно не зависит от вариантов произношения слов и от фонетических изменений, неизбежно происходящих с течением времени. Не важно, на каком диалекте говорит человек, он в любом случае может прочесть все, написанное по-китайски. Он может прочесть письмо, написанное человеком, чья речь абсолютно непонятна для него, а также книги, написанные за много лет до его рождения, когда устная речь в значительной степени отличалась от того китайского, на котором сейчас говорят в Китае. Это означает, что китайцам гораздо легче понимать и наслаждаться языком древней литературы, чем европейцам. Трудности возникают только при чтении самых древних памятников письменности, созданных во времена, когда китайский язык только сформировался, и потому для чтения и понимания таких текстов нужна теперь специальная подготовка. Однако и эта трудность несравнима с теми, которые испытывают сегодня англичане, читая Чосера.

В XIX веке китайские ученые часто вступали в дискуссии со своими западными коллегами, утверждая, что это не китайцам необходимо изучать западные языки, а, напротив, Западу стоит воспринять китайскую систему иероглифов. При этом звучание слов перестало бы играть столь важную роль, поскольку их значение было бы ясно всем умеющим читать. Конечно, это несколько упрощенный подход к проблеме: в действительности синтаксис и грамматика играют в языке важную роль, и в результате такого эксперимента, вероятно, появились бы тексты, которые были бы мало понятны китайскому читателю.

У иероглифического письма есть и свои недостатки. Иероглифы запомнить гораздо труднее, чем обыкновенный алфавит. В старом написании их было гораздо сложнее писать. Правда, эта проблема уже во многом решена, поскольку многие сложные иероглифы пишутся в

сокращенном варианте, но все равно вряд ли на китайском можно писать с такой же скоростью, с какой мы пишем на языках, построенных на основе алфавита. Многие прежние недостатки иероглифического письма возникали из-за нежелания ученых упростить его, сделать более рациональным. Они не любили сокращений, которые чиновники использовали при письме от руки, потому в печатных текстах сокращения не появлялись. Тексты сохраняли огромное количество сложных иероглифов, которые редко использовались и только загружали память учеников ненужными знаниями. Большой словарь, составленный по приказу императора Канси в начале XVII века, содержит более 40 000 статей. Из них 1/3 являются вариантами иероглифов, найденных в старинных рукописях: грубыми формами, редко встречающимися географическими названиями, терминами, вышедшими из употребления, и другими изысками.

Более точным и имеющим большее практическое значение источником, который может дать представление о числе китайских иероглифов, является Почтовый справочник.

Иероглифы, как таковые, невозможно передать телеграфом, они передаются с помощью латинских букв или, что чаще, цифр. В этой книге 7000 словарных статей, которые охватывают все географические названия Китая, все виды растений и продуктов питания, минералов и животных, экономические термины – в общем, все, о чем только может идти речь в телеграмме. Причем половина из этих слов настолько узкоспециальные и малоупотребительные, что большинству населения просто нет необходимости запоминать их.

Утверждается, что хорошо образованный ученый может прочесть и написать около 4000 иероглифов, это все, что ему когда-нибудь может понадобиться. Обыкновенный образованный человек вполне может обходиться 3000 иероглифов, и всего 1000 нужна для того, чтобы обучить неграмотного простейшим навыкам чтения. Ограничение числа иероглифов, подлежащих запоминанию, – черта, характерная для всех китайских образовательных программ начиная с 1920 года, – значительно упростило проблему обучения неграмотных и позволило проводить обучение детей быстро и эффективно.

Использование современных обучающих методик смогло облегчить обучение иероглифическому письму по сравнению с теми временами, когда образование было в руках ученой элиты, которая отказывалась упростить трудоемкий процесс обучения, уже пройденный ранее ими самими. Трудность в изучении письма придавала в глазах других больший вес грамотным. На практике только те, кто умел читать классические литературные произведения, считались истинно образованными людьми. Те же, кто мог читать только современные произведения, писать письма или вести бухгалтерию, не считали себя грамотными и не хвастались своими умениями в присутствии настоящих ученых. Сегодня образовательные программы, рассчитанные на большинство населения, создали огромную прослойку читателей, но для этих читателей классические тексты и ученые книги прошлого представляют значительную трудность. Дело в том, что для этого нужно выучить очень большое число иероглифов и к тому же необходимо знать, как слова с течением времени изменяли свое значение, а также иметь навыки понимания сжатого стиля с его очень точным выбором нужных слов.

В течение многих веков среди правительственных чиновников Китая (в том числе и занимающихся проблемами образования) тон задавала ученая элита – группа хорошо образованных людей, которые отказывались допустить хоть какое-то упрощение чрезвычайно

сложной системы китайского письма. Эти ученые-чиновники изображены на свитке ручной работы периода правления династии Юань («Сочинение стихов весной на отдыхе»)

Из-за того, что китайский устный язык преимущественно состоит из односложных слов и имеет большое число омофонов, в нем появилось много словосочетаний, чтобы более точно передать смысл понятия. Например, китаец никогда не скажет «цзинь», чтобы передать понятие «золото», поскольку то же слово имеет в устной речи множество других значений. Он скажет «хуан цзинь», «желтое золото», чтобы у собеседника не возникло сомнений в значении слова. Однако на письме такие уточнения не требуются. Иероглиф «золото» нельзя спутать ни с каким другим.

Возможно, важной причиной сохранения иероглифического письма является стремление не нарушить единство нации. Если бы иероглифическое письмо было утрачено, то диалекты стали бы иностранными языками, абсолютно непонятными для людей других диалектов, а особенно для трех четвертей населения, которые говорят на нормативном китайском. Вторая причина нежелания принимать новую письменность заключается в том, что в этом случае вся ранее созданная литература оказалась бы попросту потерянной. Было бы весьма затруднительно передать значение иероглифов алфавитом. Сжатый стиль древней китайской литературы, множество омофонов просто не нашли бы своего отражения в алфавитной системе, которая не смогла бы передавать значения более чем нескольких слов, объединенных в одно целое. Следовательно, возникла бы необходимость перевода текстов на современный китайский язык путем транслитерации. Эта задача представляется просто неразрешимой и бессмысленной, поскольку ценность древней литературы окажется утраченной.

Для облегчения жизни жителям западных стран было разработано несколько латинизированных систем передачи китайских иероглифов. Самыми первыми синологами стали миссионеры-иезуиты в конце XVII – начале XVIII века. Поскольку большинство из них были французами, первые латинизированные системы передавали китайские слова и понятия в орфографии, понятной французским читателям. Когда в Китае появились англичане, голландцы и другие представители европейских стран, то они начали придумывать свои собственные системы, подходящие для их родного языка. Путаница, возникшая из-за этого, была хуже, чем если бы вообще не существовало никакой системы, созданной иезуитами. Англичане предложили свою собственную систему, получившую широкое распространение. Она известна как система Уэйда – Джайлза, по имени двух ученых-дипломатов, создавших ее во второй половине XIX века. Идея передачи китайских звуков английскими буквами была, конечно, благородной, но ошибочной, поскольку в некоторых европейских языках по-разному произносятся буквы латинского алфавита. К сожалению, начальный согласный звук, который в английском языке произносится как «ч», очень распространен в китайском. Приписав буквы ch к этому звуку, Уэйд и Джайлз тем самым сразу обрекли себя на то, что их система не будет понятна французам и некоторым другим европейцам, поскольку те по-другому произносят это буквосочетание.

Были и другие проблемы. В китайском языке звук «ч» имеет две формы, равно как и звук «т» в начале слова. Один из них твердый, другой – мягкий. Уэйд и Джайлз обозначают твердый «ч» как просто «ч», а мягкий – как «ч'». То же самое применительно к звуку «т». Это вызывает проблемы у английского читателя. К тому же Уэйд и Джайлз не приняли во внимание то, что современная пресса использует многочисленные приемы для ускорения процесса печати и чтения. Газеты редко используют в печатном виде все эти апострофы. В результате Уэйд и Джайлз создали систему, которая требовала специального обучения и не могла применяться без соответствующей инструкции.

В течение более чем ста лет китайцы игнорировали все эти попытки латинизации их письма.

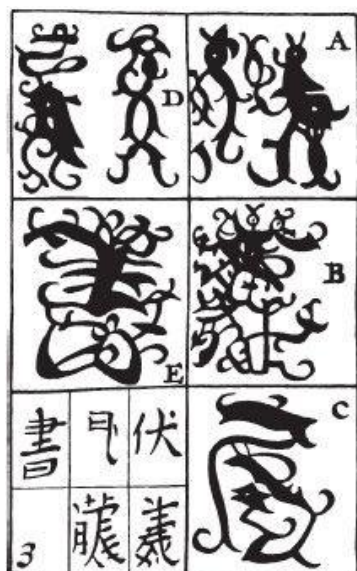
Им это просто было не нужно. Но постепенно, по мере того как контакты с Западом все более укреплялись, назрела необходимость в создании официальной латинизированной системы. Долгое время ни одно китайское правительство не могло справиться с этой задачей. Система, используемая службой почтовых отправлений, развивалась произвольно, используя примерное звучание диалектных форм, а также элементы французской системы и системы Уэйда – Джайлза. В результате названия многих городов стали писаться двумя разными способами. Китайские ученые создавали хорошие и подробные системы передачи тонов в китайском языке латинскими буквами, но ни одна из них не стала официально признанной. Только после создания КНР государственная комиссия получила задание разработать систему, которая позволила бы передавать названия и другие слова с помощью букв.

Фаянсовая скульптура периода династии Цин изображает двух писцов с принадлежностями для письма

Китайцы пришли к пониманию, что буквенная система могла бы оказаться полезной для ускоренного изучения иероглифов и служить инструментом в борьбе с безграмотностью. До изобретения этой системы китайцы испытывали трудности в чтении иностранных слов и имен, поскольку их передача с помощью иероглифов была неэффективной. Некоторые иностранные имена, такие, как Ли или Ханн, легко передаются с помощью иероглифов. Другие, такие, как Рузвельт или Рассел, невозможно точно передать с помощью иероглифов. В китайском нет начальной «р» или «л» (ну и многих других букв тоже). В китайских документах эти имена приобретали вид «Ло Сыфу» или «Ло Сы». И естественно, читателю надо было приложить немало усилий для того, чтобы понять значение этих слов. Комиссия еще в 1956 году решила, что не стоит рекомендовать использование кириллицы для передачи китайских слов и что предпочтительнее использовать латинский алфавит «как наиболее распространенный». Затем члены комиссии решили, что система романизации предпочтительнее, чем система Уэйда–Джайлза (и ее производные) или французская система. Она поможет избежать использования нетипичных для европейцев начальных согласных. Сейчас латинский алфавит преподается во всех школах КНР. Китайцы привыкли писать с помощью латинского алфавита географические названия, например, на вокзалах и железнодорожных станциях, чтобы иностранцы могли

прочитать их, а также использовать его для передачи иностранных имен, которые встречаются в том или ином тексте. Новый обычай писать по-китайски слева направо облегчает передачу слов латинскими буквами. В прошлом они писались бы сверху вниз, что затрудняло процесс как печатания, так и чтения. Новая китайская система романизации пытается передавать звуки стандартного китайского, но не диалектов. Политика государства в области образования предполагает обучение в школах именно нормативному китайскому; сейчас пока в школах, где большинство учащихся говорят на одном из диалектов, нормативный китайский преподается как второй язык.

Одним из наглядных результатов попыток Запада найти буквенные соответствия китайским звукам является эта таблица 1670 г., которая произвольно приписывает отдельные буквы каждому произвольно написанному китайскому иероглифу

Решение продолжать использование иероглифического письма (что неизбежно в сложившихся условиях) означает, что древнее китайское искусство каллиграфии продолжает существовать, а вместе с ним и традиционная китайская культура, с которой это искусство неразрывно связано. Либо китайцы сохраняют свое иероглифическое письмо и свою культуру, либо они все начнут заново, с чистого листа, без литературы и без традиций. Ни одно правительство, в том числе и деятели «культурной революции», даже не намекали на то, что второй вариант возможен.

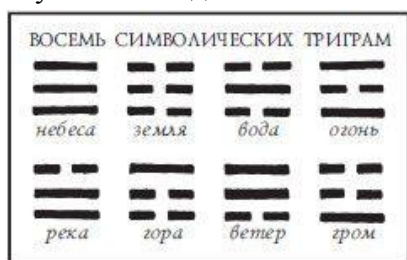
Образование иероглифов

Согласно легенде, заслуга изобретения восьми символических триграмм принадлежит Фу Си, одному из мифических древних правителей Китая, который создал их, изучив отметины на панцире черепахи. Триграммы считаются основой китайской каллиграфии, однако современные ученые ставят под сомнение эту гипотезу, так как эти триграммы не содержат изогнутых или вертикальных линий, в отличие от древних пиктограмм. Ранние китайские пиктограммы имеют много общего с египетскими иероглифами. Каждая из них представляла собой стилизованное изображение какого-либо известного предмета, такого, как орел или глаз, и каждая из них могла быть использована для обозначения идеи, так или иначе связанной с этим предметом. Например, несколько деревьев олицетворяли лес.

Эволюция современных иероглифов шла медленно, но неуклонно, достигнув своего пика в III веке до нашей эры, когда произошла стандартизация нескольких стилей каллиграфии и формы линий в каждом иероглифе. Очень малое число современных иероглифов напоминает свои

древние прототипы, но ряд иероглифов сохранил элементы первоначальных символов: «зерно» по-прежнему имеет форму снопа, а «тигр» не потерял своего хвоста.

Система формирования иероглифов имеет собственную логику. Некоторые из них являются сочетанием двух или трех ключей: «граница» соединяет в себе символы двух полей и разделяющего их ручья, «заря» – это солнце, поднимающееся над горизонтом. Глагол «стрелять» изначально состоял из символов руки, лука и стрелы, а иероглиф, означавший «женщина», изображает женщину с метлой; «сельское хозяйство» – из символов поля и плуга. Понятие «запад» изображалось в виде фигурки птицы в гнезде, так как направление на запад ассоциировалось с сумерками, когда птицы летят домой. Глагол «учиться» был практически идентичен символу, означавшему «старый». Китайцы объясняли это тем, что старые обычно обучают молодежь.

ЕГИПЕТСКИЙ

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ

ЗЕРНО

ТИГР

Чтение и письмо

В китайской каллиграфии, по разной классификации, существует от одной до семидесяти двух основных черт. Восемь важнейших из них представлены справа (вертикальная черта соединяет

в себе два элемента). Классическим испытанием каллиграфического мастерства пишущего служит иероглиф «вечность», который в одном слове соединяет все эти восемь черт, каждая из которых представлена отдельным иероглифом справа.

ОСНОВНОЕ НАЧЕРТАНИЕ

вечность

СОВЕРШЕННЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

земля

восход солнца

СКОРОПИСНОЕ НАЧЕРТАНИЕ

хвост орла

голова быка

бамбуковая палочка

нога птицы

хвост мыши

Мастера каллиграфии скрупулезно изучали и всеми силами старались избежать восьми ошибок, каждая из которых имела собственное название. Пять из восьми представлены на рисунке справа. Хорошего каллиграфа можно было распознать по четырем признакам: основа, или «смелость и масса», плотность, относительная ширина элемента, «кровь» – качество чернил, и «мускулы» – чисто субъективное качество, которое существовало при наличии трех вышеперечисленных. Чтобы достичь «динамической асимметрии», так ценимой китайцами, каллиграф каждый иероглиф как бы вписывал в квадрат, поделенный на 9 равных частей (как на примере справа). Это помогало объединить отдельные разобщенные элементы иероглифа в единое целое. Если иероглиф помещался в половине или четверти квадрата, равновесие нарушалось.

2. Заря Китая (до 200 г. до н. э.)

В противовес традиционной художественной литературе реальная история китайского народа свидетельствует о том, что китайская цивилизация зародилась гораздо позднее других великих древних цивилизаций. Раскопки, проведенные на местах стоянок древних людей, показывают, что дошедшие до нас артефакты относятся к периоду не ранее 3000 года до нашей эры. Китайский бронзовый век вряд ли относится к периоду раньше 1500 года до нашей эры, но

более точная дата, возможно, будет названа, когда будут произведены раскопки на пока еще не изученных стоянках. В настоящее время исследовано слишком мало стоянок древних людей. Тем не менее надо признать, что хотя нет свидетельств существования китайской цивилизации до 1500 года до нашей эры, вполне можно предположить, что существовала преемственность между самым ранним историческим периодом и долгим периодом преистории.

Исторически поселения периода правления династии Шан (примерно с 1500-го до 1028 года до нашей эры) строились на гораздо более старых местах обитания, по времени восходящих к периоду неолита. В некоторых случаях артефакты периода династии Шан и по форме, и по функции тесно связаны с аналогичными находками периода неолита. Убежденность самих китайцев в том, что их цивилизация развивалась на севере Китая без какого-либо внешнего влияния, во многом строится на археологических доказательствах. Согласно официальной истории Китая династия Шан является второй династией, однако для археолога и современного историка эта династия будет считаться первой, о которой до нас дошли достоверные сведения. Династия Шан располагалась на севере Китая. Согласно раскопкам два главных города Шан находились в Чэнчжоу и Аньяне в провинции Хэнань, причем оба располагались в долине Хуанхэ. Традиционная историография считает, что эта династия начала свое существование к западу от этих городов, но эти предположения не подтверждены археологическими находками. На местах обитания жителей Шан найдены чудесные бронзовые чаши (по-видимому, использовавшиеся для отправления религиозных обрядов), фигуры, вырезанные из камня, высококачественные гончарные изделия, а также маски. Наличие в могилах остатков животных свидетельствует о том, что жители Шан поддерживали контакты с восточным побережьем Китая и что в некоторых частях страны (скорее всего, в джунглях долины Янцзы) водились слоны. В могилах также были найдены гадальные кости и панцири черепах с первыми дошедшими до нас образцами письменного китайского языка.

Эта бронзовая маска была найдена в Аньяне на востоке Китая в гробнице правителя династии Шан – это один из самых ранних периодов китайской истории, о котором нам стало известно благодаря археологическим раскопкам

Древние китайцы гадали, задавая вопрос в письменном виде на панцире черепахи или на

лопатке буйвола и затем дотрагиваясь до панциря или кости горячим металлическим прутком. Трещины, которые при этом появлялись, «расшифровывались» священнослужителями как ответ на вопрос, заданный оракулу, который, судя по всему, был предком монарха. «Стоит ли царю ехать на охоту в такой-то и такой-то день?» Ответ: «Да, этот день будет удачным для охоты; можно добыть много оленей, кабана и другую дичь». Конечно, не все ответы были благоприятными, некоторые из них советовали воздержаться от поездки.

Эти сведения представляют большой интерес, но они оставляют много пробелов в наших сведениях о династии Шан и ее истории. Мы не знаем точно, как далеко простирались границы ее влияния или кто были соседями. Древние иероглифы трудно поддаются расшифровке, особенно когда они обозначают названия мест, которые не сохранились до наших дней. Были предприняты многочисленные попытки понять, какой была социальная структура династии Шан, и выяснить, основывалась она на рабстве или феодальных отношениях, на основе изучения этих записей, но они не принесли большого результата. Ясно, что захваченные в плен воины составляли важную часть добычи, но остается непонятным, насколько экономика страны была основана на рабстве, когда рабами становились пленные.

При династии Шан очень высокого уровня достигло искусство обработки бронзы, образцы изделий из бронзы, датируемые этим периодом, не только красивы, но и свидетельствуют о высочайшем уровнековки. Отлить в глиняной форме бронзовый сосуд весом в 0.5 тонны – задача не из легких. Изделия из бронзы периода Шан и следующего за ним периода Чжоу были отлиты в глиняных формах, а не восковых, техника использования которых утеряна, но которой преимущественно пользовались ремесленники древнего Ближнего Востока. Это доказывает, что металлургия или, по крайней мере, ее отдельные технологии развивались в Китае абсолютно независимо.

Первые дошедшие до нас памятники письменности, найденные в Аньяне, представляют собой уже довольно развитую систему письма, далеко ушедшего от примитивного изображения картинок. Оказалось, что прочесть эти записи не составляет большого труда, хотя форма иероглифов в записях весьма архаична. Именно в этом проявляется прямая связь и преемственность между самыми ранними из известных нам памятников китайской письменности и современной литературой. Это уникальное и наиболее показательное свидетельство характерной для Китая неразрывности прошлого и настоящего. Есть все основания полагать, что династия Шан была ранней формой, так сказать, прообразом китайской государственности и что население этой страны было предками нынешних китайцев, в особенности тех, которые проживают в провинциях Хэнань и Хэбэй.

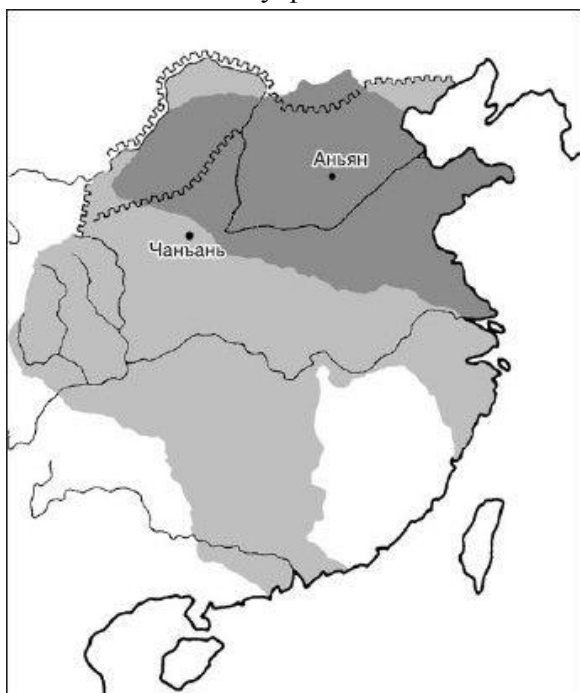
Вполне возможно, что шанцы имели более развитую культуру письменной речи, чем те образцы, которые дошли до нас на гадальных костях. Они создали письменность, которая позволила им вести скрупулезные записи событий, но, к сожалению, эти записи не дошли до наших дней. Вероятно, во времена династии Шан, да и в более поздние времена, записи велись на деревянных или бамбуковых дощечках, то есть на материале, который подвержен гниению. К тому же все известные нам места поселений шанского периода были уничтожены разливами Хуанхэ и погребены под слоем ила. Естественно, что в подобных условиях ни дерево, ни ткани сохраниться не могли, хотя эти же условия способствовали сохранению твердых материалов: бронзы, камня, кости и гончарных изделий. Все, что нам известно о периоде правления династии Шан, мы знаем сквозь призму толкования официальной истории. Так, историки говорят нам, что династия Шан пала после долгого периода процветания и в конечном итоге попала под власть жестокого тирана, царя Чжоу Сина. Традиционная история гласит, что он предавался бесконечным оргиям (которые, судя по описаниям, больше походили на праздники плодородия) и казнил своих министров и верных советников, если они перечили ему. Человек по имени Вэнь – владыка запада и властитель Чжоу – покончил с шанской тиранией. Его

преемник, У-ван, повел свою огромную армию на восток, победил правителя Чжоу Сина, уничтожил его столицу и покончил с династией Шан. После этого он сам был провозглашен правителем. Его династия, расположенная на территории нынешней провинции Шэньси на северо-западе Китая, называлась Чжоу, по названию государства, из которого она, по сути, образовалась.

Факт победы Чжоу над Шан исторически достоверен, также не подлежит сомнению то, что эта победа была одержана У-ваном. Однако далеко не ясно, какие взаимоотношения существовали между правителем Шан и владыкой запада: неясно, были ли это феодальные отношения или владыка запада был независимым вождем племени, состоящего из людей, несколько отличных от шанцев по происхождению, но подпавших под их культурное влияние. Эти загадки так и останутся загадками, пока не будут произведены дополнительные археологические раскопки, в особенности на западе, на родине прародителей Чжоу.

Совершенно ясно, что, находясь у власти, правители династии Чжоу контролировали огромную по размерам территорию. Их земли простирались до побережья к востоку от Шэньси и до северной границы долины Хуанхэ, то есть на 600 миль в ту и другую сторону. Чтобы управлять такой территорией, правители Чжоу создали систему уделов, что впоследствии получило название китайской феодальной системы.

Все царство было разделено на области, некоторые из которых были весьма крупными, а некоторые – очень маленькими. Вероятно, крупнейшие из уделов, такие, как Ци на территории нынешней провинции Шаньдун, не в полном смысле подчинялись царю Чжоу, а скорее были наполовину независимыми племенами или царствами, добровольно присоединившимися к Чжоу, чтобы сбросить иго Шан. Многие уделы были отданы во владение братьям правителя, его сыновьям и другим родственникам. Если владелец удела не был родственником царя, то для него выдумывались несуществующие родственные связи. Суть отличия китайской феодальной системы от тех, которые позже возникли в Европе и Японии, состояла в том, что она строилась на принципе семейственности, так как правитель был главой, отцом семейства. Его братья и двоюродные братья, их сыновья и племянники и так далее были членами правящей фамилии, и, как таковые, они имели право на владение уделом как частью собственности семьи. Они отчитывались перед правителем за управление уделом. Они также должны были собирать людей и вести их на войну по первому требованию вана. В этом как раз китайский феодализм напоминает систему феодальных отношений в других странах и в другие периоды истории.

Территория Шан занимала большую часть Северного Китая (на карте – темно-серого цвета). Примерно такую же по масштабам территорию занимало древнее царство Чжоу. Эта территория оставалась центром китайской культуры во время «Эпохи воюющих государств» (481–221 гг. до н. э.), которая началась примерно тогда, когда умер Конфуций. С началом эпохи правления династии Цинь в 221 г. до н. э. начался период территориальной экспансии. Из своей столицы Чанъани правители Цинь управляли огромной территорией, включавшей прежнее государство Шан и большую часть Южного Китая (светло-серая часть карты)

Чжоу переняли у Шан письмо, культуру обработки бронзы и систему религиозных верований, хотя есть основания полагать, что они привнесли в нее свою религиозную практику и своих богов. Очень скоро стало появляться все больше записей, относящихся к этому периоду. Длинные надписи на бронзовых сосудах рассказывают об освоении новых областей, завоеванных во время войны с остатками сторонников династии Шан и с другими обитателями востока Китая. Эти надписи показывают, что свойственный традиционной истории подход к этим событиям является чрезмерно упрощенным. Завоевание Восточного Китая династией Чжоу было длительным процессом, и окончательной их победу назвать было нельзя. Сторонники династии Шан сохранили за собой большую территорию, государство Сун, которое лишь номинально объединилось с царством Чжоу.

Ранний период правления династии Чжоу с 1027-го по 722 год до нашей эры известен нам весьма схематично. Конечно, если сравнивать с эпохой Шан, династия Чжоу оставила нам больше надписей на бронзе, но только некоторые из них проливают свет на подлинную историю этой эпохи. Существует сборник исторических трудов, составленный на основе дошедших до нас памятников ранней китайской письменности. Он носит название «Шу цзин» – «Книга историй», большая часть которых относится к раннему периоду правления династии Чжоу. И все же традиционная история зачастую дает нам лишь перечисление правителей и приводит очень малое количество реальных фактов. Отсутствие письменных свидетельств той эпохи частично объясняется тем, что ранний, или западный, период династии Чжоу завершился в 722 году настоящей катастрофой: нашествием кочевых племен и сожжением столицы. После того как кочевые племена гуннов захватили историческую родину Чжоу – провинцию Шэньси, правитель Чжоу двинулся на восток и основал новую столицу в Лояне, в провинции Хэнань. Он назначил одного из своих приближенных охранять западные границы и изгнать племена гуннов с захваченной территории. Эта задача была полностью выполнена уже при его преемнике, и в результате на исторической территории Чжоу было положено начало новому царству Цинь, которому впоследствии было суждено покорить весь Китай.

В результате нашествия гуннов власть царя начала резко ослабевать. В эпоху, которую сейчас называют эпохой хроники «Весны и Осени», по названию древней книги, в которой отражены некоторые ее моменты, царь Чжоу стал уважаемым, но практически не имевшим власти правителем. Он наделял властью феодалов и исполнял древние обряды, но почти не имел реального влияния. Более сильные области начали подчинять себе более мелкие, а под конец и вовсе присоединили их территории к своей. Удивительно, но эта эпоха общего упадка является первым периодом, точно и хронологически верно отраженным в истории Китая. Вполне возможно, что это – чистая случайность. Вероятно, хронологические записи велись и раньше, во время существования старой столицы царства Чжоу на западе Китая. Однако Лоян просуществовал значительно дольше, не переживая серьезных катаклизмов и разрушений, естественно, что и записи того времени сохранились лучше. Существует относительно полная и подробная хроника событий той эпохи, которая охватывает примерно век с момента начала движения государства на восток. Ближе к концу эпохи хроник «Весны и Осени» началось распространение учения Конфуция, а свои идеи начали проповедовать и другие философы.

Стала быстро развиваться литература и, естественно, история.

Поэтому представляется возможным получить ясное и подробное представление о характере китайского феодального общества, по крайней мере в тот его период, когда оно начало приходить в упадок. Вся политическая власть была сосредоточена в руках аристократии, а точнее, в руках владельцев уделов. Не важно, был ли это феодал высокого ранга чжухоу (в нашем представлении – герцог) или низкого ранга дафу (то есть просто лорд), он был единоличным господином своего княжества и только в небольшой степени подчинялся правителю, который был не в состоянии ничем подкрепить свою власть. Все, что правитель-ван мог сделать (и часто делал), – это санкционировать нападение одного князя на другого, если последний в чем-то провинился. Но поскольку нарушивший закон часто выходил из битвы победителем, то, очевидно, такой метод наведения дисциплины имел свои недостатки.

В полигамном обществе власть вана была, так сказать, распыленной. Был создан многочисленный класс аристократов, которые владели землей непосредственно под властью чжухоу или дафу, точно так же, как последние владели уделами якобы от имени вана. Помимо того, что они были землевладельцами, аристократы, которых называли чжу цзы («сыновья лорда»), были также воинами и учеными. Можно сказать, что они также были и священниками, поскольку в Китае не существовало прослойки священнослужителей, и поэтому аристократы исполняли и их функции. В отличие от своих европейских «коллег» китайские аристократы были грамотными людьми. Естественно, что класс, занимающий такое положение в обществе, оставил после себя очень мало записей, которые непосредственно не касаются его самого. Поэтому мы очень много знаем о жизни аристократов в феодальном обществе Китая и очень мало – о крестьянах, которые обрабатывали землю. Древние китайские писатели изображали феодальное общество страны исключительно розовыми красками. В период феодализма, насколько мы знаем из их книг, поведение знати определялось «ли» – понятием, которое часто переводится несколько чопорным словом «церемонии».

Мясо, зерно, а иногда даже и умерших детей хоронили в китайских гробницах в специальных урнах, таких, как отполированная глиняная урна (наверху), которая сделана около 2000 г. до н. э. Широкое основание фигуры в маске, датируемой примерно тем же периодом, показывает, что, возможно, она служила крышкой погребальной урны

Бронзовая чаша на трех ногах эпохи династии Шан, выполненная в виде фигуры, возможно олицетворявшей демона. Использовалась для приготовления жертвенной пищи. Сосуд для жертвенного вина (внизу) с поверхностью, украшенной стилизованными фигурами, олицетворяет тигра, защищающего человека. Древние китайцы с большим почтением относились к тигру, они верили, что тигр обладает сверхъестественной силой и отпугивает демонов

Однако было бы уместнее толковать это понятие как смесь правил вежливости и воспитанности, освященных религией. Согласно «ли» каждый феодал должен быть абсолютно верен «Сыну Неба», то есть царю Чжоу, поскольку только он мог носить этот титул. Феодал должен приходить на помощь своему повелителю, когда на вершинах гор зажигаются сигнальные огни, свидетельствующие о надвигающейся опасности. К сожалению, один из царей так стремился развеселить свою возлюбленную, когда она была в печали, что зажигал эти огни без причины. И он достиг своей цели, развеселив ее тем, что все его подданные спешно прибыли на зов во всеоружии. Однако после этого дворяне уже не стали серьезно относиться к такого рода призывам о помощи. Подобные инциденты, подробнейшим образом зафиксированные в хрониках, стали предостережением для будущих монархов: нельзя подобным образом шутить с людьми, составляющими силу государства, необходимо относиться к ним с уважением.

Опять-таки, в соответствии с «ли», войны должны были вестись по строго определенным правилам. Войны между феодалами были частым явлением, и ван не имел права подавлять их, поскольку в течение многих веков эти войны велись скорее для развлечения. Аристократы ездили на колесницах в сопровождении пеших воинов – в то время кавалерии у китайцев еще не было. Считалось недопустимым, то есть недостойным сражавшихся, атаковать воина, упавшего с колесницы, – необходимо было подождать, пока он снова не сядет в свою колесницу или не найдет себе новую. Были и другие правила, которые строго соблюдались, по крайней мере иногда. Считалось, что атаковать армию, переходящую реку, противоречит «ли». Необходимо было подождать, пока армия не выстроится на берегу. Это пренебрежение очевидными

тактическими и стратегическими преимуществами свидетельствует о том, что война еще не считалась серьезным делом. Примеры соблюдения подобных правил приводятся в хрониках того времени. Если иногда последствия для соблюдающих все нормы «ли» и были плачевными, то это случалось редко; историки с восторгом приводят примеры, когда вожди, которые действовали по всем правилам «ли», одерживали сокрушительные победы.

К эпохе Конфуция (около V века до нашей эры) этот изысканный кодекс чести начал уступать место более жестким и даже жестоким нравам. Большей частью это было вызвано возвышением двух государств, которые не полностью разделяли культурное наследие Срединного государства, как сейчас называют несколько феодальных княжеств, объединенных под властью правителя Чжоу. Одним из этих княжеств было Чу, расположенное в долине реки Янцзы, другим – Цинь на северо-западе. Княжество занимало территорию нынешних провинций Ганьсу и Шэньси. Оба этих государства были населены преимущественно переселенцами. Население Чу составляли, как бы мы их сейчас назвали, представители национальных меньшинств. Их устная речь разительно отличалась от языка, на котором говорили в Срединном государстве. В основе культуры этого княжества лежали традиции южных областей. Оно имело очень приближенную, но местами и совсем четко определенную южную границу с соседними государствами варваров и все время стремилось к захвату этих территорий. Точно так же и княжество Цинь присоединило к себе множество племен, возможно даже кочевых по происхождению, и часто воевало с кочевниками монгольских степей. В этих пограничных войнах не соблюдались нормы поведения «ли», поэтому оба этих государства научились вести войну очень жестко. Когда они обратили свое оружие против своих соседей в Срединном государстве, они также стали использовать новые приемы ведения войны и часто оказывались победителями.

Чу никогда не признавали царя Чжоу своим сувереном. Правитель Чу именовался «ваном» в своей собственной стране, но этот титул не признавался жителями Срединного государства. Его притязания часто становились причиной многочисленных конфликтов. Что касается правителя Цинь, то он в течение многих лет не пытался присваивать себе никакого высшего титула, но как только объявил себя ваном, то же самое сделали правители других крупных княжеств. При жизни Конфуция начался закат эпохи феодализма в Китае. Еще до его смерти в 448 году до нашей эры более мелкие государства были аннексированы соседями, а войны стали опасными соревнованиями честолюбий, а не способом проведения досуга, как это бывало раньше. Представители старой аристократии, иногда потерявшие свое положение в результате смены правителя, а иногда отправленные в ссылку коварными завистниками, стали переходить от одного княжеского дома к другому, предлагая свои услуги любому правителю, который пожелал бы взять их на службу. Рушились старые клятвы верности своему суверену.

В 403 году до нашей эры крах крупного государства Цинь, располагавшегося в центральной и северной части Китая, стал сигналом к усилению междоусобной борьбы и эскалации военных действий, в результате чего эта эпоха получила название «Эпохи воюющих государств». Эта эпоха длилась двести шестьдесят лет, с примерно 480 года до нашей эры до примерно 220 года до нашей эры и представляла собой запутанную историю интриг, агрессии и предательства. Можно с уверенностью назвать ее основные черты. Целью политики и войн было достижение полного господства, этот процесс состоял из нескольких этапов: распространение влияния одного государства на несколько других, затем их откровенный захват и, наконец, создание великого единого государства. Все слабости и пороки системы суверенных государств – как это можно видеть и в наше время – наиболее ярко видны на примере «Эпохи воюющих государств». Эгоистичная политика, неумение объединиться перед лицом агрессии, бессовестная эксплуатация плодов победы, достигнутой путем предательства, стремление к достижению неких иллюзорных преимуществ, не имеющих первостепенного значения, – все эти черты ярко

проявляются в «Эпохе воюющих государств». Поскольку историки считали, что им следует фиксировать все ошибки как предостережение будущим правителям, то в хрониках этого времени мы видим более откровенное изложение всех совершенных политических ошибок, чем в истории любой другой страны, тем более и нашей собственной.

Основными противниками в то время были южное княжество Чу и северо-западное государство Цинь. В промежутках между войнами друг с другом они также воевали с сильным государством Ци, которое было расположено на морском побережье нынешних провинций Шаньдун и Хэбэй, а также с государствами Хань, Вэй и Чжао, которые поделили распавшееся государство Цзинь. Эти три государства, которые часто называют «Тремя Цзинь», были значительно меньше, чем их противники, но плотность их населения была выше, чем у соседей, они были гораздо богаче и находились на более высоком уровне развития. Именно поэтому они оказались в состоянии довольно долго принимать участие в этом «состязании» государств, хотя, конечно, у них не было ни малейшего шанса победить в этой борьбе. Учитывая размеры и опыт успешного продвижения на север, царство Чжоу казалось наиболее реальным претендентом на победу в этой борьбе. Однако успеху княжества Чжоу препятствовало возвышение двух молодых южных царств: княжества У, находившегося в районе дельты Янцзы, между нынешним Нанкином и Шанхаем, и позже княжества Юэ, находившегося на территории нынешней провинции Чжэцзян. Население этих двух княжеств имело общие корни, и позже они заселили территорию к югу вплоть до границы с Вьетнамом. Княжество У бросило вызов господству Чжоу и спровоцировало его дальнейшее расширение. В результате князь Юэ начал войну против У, и государство У было стерто с карты Китая. Однако силы юга все-таки были недостаточны, чтобы вести длительную войну и чтобы основать сильную империю. Это оказалось основной слабостью Чжоу, равно как и Юэ. Княжество же Цинь тем временем неуклонно расширяло свою территорию, завоевывая земли своих восточных соседей – Трех Цзинь – Хань, Вэй и Чжао. Они пытались объединиться, чтобы противостоять агрессии Цинь. Однако обращения к князю Ци (что располагалось на восточном побережье) часто не находили отклика. Ци не имело границы с Цинь и поэтому считало себя в безопасности, однако это и стало главной ошибкой правителя этого княжества.

Последний период «Эпохи воюющих государств», совпавший по времени с длительным правлением князя Цинь, Чжао Сяном (302–251 годы до нашей эры) ознаменовался возвышением царства Цинь и все большим упадком его соперников. Эти государства выжили, хотя и подвергались частым нашествиям завоевателей и были вынуждены постепенно отдавать свою территорию. Часто они были враждебно настроены по отношению друг к другу, и хотя время от времени объединялись, они не могли достаточно эффективно противостоять растущему влиянию Цинь. В 256 году до нашей эры князь Цинь сверг с престола последнего царя Чжоу и положил конец этой древней династии. Однако это событие уже не имело принципиального значения, поскольку князь Чжоу был всего лишь номинальным правителем одного-единственного города уже в течение нескольких поколений.

Однако окончательная победа княжества Цинь над всеми противниками пришлось не на правление великого и жестокого завоевателя Чжао Сяна, а на период правления его преемников, и прежде всего его внука, известного в истории как Шихуан-ди – «первый император». Велика вероятность того, что этот будущий завоеватель всего Китая был незаконным сыном купца, а вовсе не наследником княжеского дома Цинь. Когда Чжао Сян умер, при дворе наступило время непродолжительной смуты, когда непосредственные преемники трона скончались один за другим. Один из них, Чжуан Сян, в молодости был отправлен в качестве заложника ко двору царя Чжао. Там он полюбил прекрасную девушку, жену другого человека Лю Бувэя; он привез ее в свое царство Цинь, причем, говорят, с согласия самого Лю Бувэя. Шихуан-ди родился восемь месяцев спустя, но ходили слухи, что это был сын Лю Бувэя, а не Чжуан Сяна, который

впоследствии стал князем.

Шихуан-ди является одним из величайших негодяев времен Конфуция; он – человек, сжигавший книги и подавлявший школу философов. Можно было бы ожидать, что ученые раскопают и предадут огласке любые неблагоприятные поступки этой ненавистной им личности, однако в их хрониках, по крайней мере, есть намеки на то, что легенда о его происхождении может быть правдой. Став взрослым, царь узнал, что именно говорили люди о тайне его рождения. Его мать вовсе не вела праведный образ жизни, как должна была бы вести себя вдова согласно китайской традиции; она была в весьма хороших дружеских отношениях с Лю Бувэем, который был удостоен всяческих почестей и наград. Император заточил свою мать в уединенный замок и приказал Лю Бувэю удалиться от двора в собственное поместье. Вскоре после этого он написал Лю Бувэю письмо с просьбой ответить на какой-то нелепый вопрос и в заключение спросил: «Какое отношение вы имеете к императорскому двору, что позволяет вам носить титул князя?» Затем он повелел Лю Бувэю удалиться в провинцию Сычуань. Лю предпочел покончить жизнь самоубийством, но не отправляться в ссылку. Шихуан-ди, таким образом, никто не мог обвинить в отцеубийстве.

Укрепив свою власть дома, император Цинь возобновил свои нападения на противников. За десять лет он полностью уничтожил их в результате безжалостных набегов на их территории, которые совершили военачальники царя, поскольку сам Шихуан-ди не был искусным воином. В 221 году до нашей эры было завоевано царство Хань, а княжеская семья уничтожена. В 225 году пало княжество Вэй, и опять семья правителя была истреблена. Затем Цинь напало на своего самого могущественного уцелевшего соперника – Чу – и добилось победы в 223 году до нашей эры. На этот раз почти вся княжеская семья попала в плен. В 227 году было уничтожено государство Янь, которое располагалось на месте современного Пекина. Из княжеской семьи здесь не пожалели никого, так как несколькими годами раньше яньцы замыслили убить князя Цинь и почти добились своего. Последним пало царство Ци, правители которого видели, что надежды на спасение нет. Княжеская семья была взята в плен и увезена в Цинь, они остались нищими и, как говорят, погибли от голода в забвении. В хрониках, повествующих о завоеваниях Цинь, нет ни одного примера проявления жалости, гуманности или великодушия по отношению к врагам. Китайские историки, описывая падение княжества Цинь, которое произошло довольно скоро, указывали, что правители Цинь пожалели то, что сами посеяли – кроважадные убийцы сами захлебнулись своей кровью.

Однако, хотя это была эпоха жестоких войн, это также было время успехов в области науки. Век министров – предателей и интриганов – и безжалостных монархов-воинов был также веком философов и писателей, чьи работы стали классикой древнекитайской литературы. Кстати, для культуры Китая очень характерна близость двух, казалось бы, полярных миров – мира оружия и мира пера. Среди известных писателей и ученых того времени можно увидеть имена министров, состоявших на службе у воинственных монархов, а многие философы всеми силами стремились (и часто им это удавалось) занять влиятельные должности при дворах этих правителей. Все без исключения философы были так или иначе политически ориентированы. Не важно, призывали ли они в своих работах к объединению мира посредством любви, силы или бездействия, все они пытались решить одну великую проблему своего времени, и она заключалась вовсе не в реставрации уже разрушенной феодальной системы, а в создании надежной основы для строительства империи в масштабах всего мира. Термин, который вошел в употребление для обозначения понятия «империя» – «тянь ся», что в дословном переводе означает «Под небесами», и который сейчас известен во всем мире, четко демонстрирует направление развития философской мысли в Китае в это время. Очень важно также помнить, что слова «империя» и «император», которые на западе стали использоваться для обозначения институтов власти в Китае, не совсем точны, поскольку их китайские синонимы не несут в себе дополнительной

милитаристской нагрузки, которую слова «империя» и «император» восприняли от своих римских корней. Император в Китае не был императором в полном смысле этого слова, то есть он не был командиром, военачальником. Он по своей сути был ближе к папе римскому. Его функции священнослужителя были гораздо важнее для него, чем военная власть, которая была передана генералам. Слово «хуан-ди», которое переводится как «император», на самом деле означает «августейший правитель», и есть все основания полагать, что в глубокой древности слово «ди» означало «предок». Под понятием «властитель мира» китайцы скорее понимали мудрого отца, а не военачальника. Империя, «Поднебесная», означала одну семью, просто очень большую, разросшуюся до такой степени, чтобы объять все человечество. Во главе семьи стоял отец, «августейший предок».

Бронзовый меч с инкрустацией из бирюзы (слева) датируется примерно 300 г. до н. э. Бронзовый топор рядом с ним, вероятно использовавшийся в религиозных обрядах, ранее имел деревянную рукоять

Философы мыслили как политическими, так и социальными категориями, они считали, что необходимо найти правильную социальную структуру, на базе которой можно было бы определить соответствующую политическую форму правления государства и подвести под нее моральный базис. Большинство сходилось во мнении, что семья была идеальной моделью будущего государственного устройства. Победа царства Цинь над своими противниками не только объединила Китай, уничтожив разобщенные независимые царства, но и дала толчок социальной революции, имевшей далеко идущие последствия. Вновь созданное государство было централизованным. Бывшими княжествами управляли военные наместники из Цинь. Государство было поделено на новые территориальные единицы, которые составляли меньше -- 1/2 нынешних китайских провинций. Новая империя занимала не только территорию княжества Чжоу, но и долину Янцзы и отдаленные западные провинции Сычуань и Ганьсу, присоединенные к империи Цинь. Скоро под относительную власть Цинь подпали и территории на дальнем юге – побережье вплоть до Кантона и район, прилегающий к этому городу. Вне

сферы влияния Цинь осталась только юго-западная часть нынешнего Китая. Чтобы «прибрать к рукам» эту обширную территорию, Шихуан-ди, или «первый император», как он сам называл себя, привез аристократов из завоеванных царств к себе в царство, где им, видимо, было позволено жить под надзором. В провинциях не осталось никого из местных высокопоставленных чиновников, которые потенциально могли быть опасны для вана-победителя. Некоторые советники предлагали императору восстановить феодальные царства и раздать их в управление сыновьям, однако против этого резко возражал Ли Сы, главный министр «первого императора».

Ли Сы не был коренным жителем Цинь, он приехал из Чу, страны, которую покинул молодым человеком. Тогда он был всего лишь странствующим философом, отправившимся на поиски счастья. Он был твердым сторонником школы легистов, которые верили в эффективность управления при помощи жестких законов и объявляли бесполезным любой вид деятельности, кроме сельского хозяйства и войны. В царстве Цинь подобные теории пользовались благосклонностью, и скоро Ли Сы добился больших успехов на службе князю. Он возражал против новых вариантов реставрации феодализма вне зависимости от того, кто выигрывает от этого и станет новым собственником уделов. Он утверждал, что было бы ошибкой создавать модель государства, аналогичную царству Чу, поскольку времена изменились. Феодализм царства Чу привел к полному краху княжеской власти и завершился бесконечной чередой войн «Эпохи воюющих государств». Он подозревал, что сторонники восстановления феодализма на деле являлись тайными приверженцами учения Конфуция, которого он ненавидел как ярого противника его собственных взглядов. Влиятельный человек и способный руководитель, он оказывал большое влияние на нового императора.

Император решил не восстанавливать систему уделов, но сохранить объединенную империю под своей прямой властью. Когда несколько лет спустя консерваторы снова подняли этот вопрос и начали ссылаться на исторические прецеденты, Ли Сы нанес им еще более сокрушительный удар. При поддержке императора он предложил способ борьбы с призывами восстановить феодальные отношения: все книги философов, находившихся в оппозиции к легис-там, и все исторические хроники, за исключением хроник Цинь, подлежали сожжению. Совету Ли Сы последовали: был издан закон, запрещающий все книги, за небольшим исключением. Ученые, которые сопротивлялись этому закону и прятали книги, были казнены. Школам философов пришел конец, проповедь их учений была запрещена, все вопросы образования были переданы в ведение местных чиновников, которые придерживались философии легистов. Многие века ведется спор о том, было ли это запрещение литературы эффективным. Декрет был издан в 213 году до нашей эры. В 210 году первый император умер, и через несколько лет империя Цинь погрузилась в полный хаос. Обеспечение действенности закона какими-то организационными мерами вряд ли осуществлялось в течение более чем пяти лет, но понадобилось двадцать лет, а может, и больше, чтобы отменить его во время правления династии Хань.

Более богато украшенный, чем образцы оружия на с. 65, этот церемониальный топор, который, возможно, использовался в правление династии Шан во время обряда жертвоприношения, имеет нефритовое острие и ручку, богато инкрустированную бирюзой

Безусловно, значительная часть древней литературы погибла, а многое из того, что сохранилось, представляется нашим современникам в виде фрагментов и восстановленных текстов. Однако не является фактом, что исчезновение образцов древней литературы произошло именно из-за закона о сжигании книг в империи Цинь. В годы смуты, которые последовали за падением Цинь, многие библиотеки, в том числе и императорская библиотека в столице, были разграблены и сожжены. Считается, что книги, наиболее почитаемые последователями Конфуция, были предметом особой нелюбви первого императора и первыми преданы сожжению. С другой стороны, ученые-конфуцианцы рисковали своей жизнью, чтобы спасти их от гибели. Уничтожив интеллектуальную основу оппозиции, правители Цинь поставили своей задачей укрепление собственной системы государственности, построенной на легистском принципе принятия жестких законов. Страна управлялась поистине железной рукой. За малейшие нарушения закона сотни тысяч людей приговаривались к принудительным работам и отправлялись на строительство Великой стены вдоль северной границы государства. Это грандиозное сооружение, которое до сих пор венчает горные цепи, соединяет морское побережье в Шанхайгуани и границу пустыни в Синьцзяне, что в 1400 милях к западу, не является в полной мере плодом правления первого императора. Еще раньше северные царства построили части этой стены, чтобы защититься от нашествий кочевников. При императоре Цинь появились отрезки стены, соединившие уже ранее построенные. Тем самым грандиозное строительство было завершено. Позже китайские писатели осудили этот проект за жестокость по отношению к людям, находившимся там на принудительных работах; точно так же они осудили и практику сжигания книг.

Долгое время велись споры о том, насколько полезным было строительство стены как оборонительного объекта. Без сомнения, это мощное сооружение останавливало кочевников, поскольку нелегко «перевести» лошадей через стену высотой в 20 футов. И уж тем более трудно быстро отступить с огромными стадами захваченных животных, если на пути стоит столь солидное препятствие. Захватчики, которые пытались проникнуть внутрь Китая, стремились

захватить один из проходов в стене, однако все проходы были надежно укреплены крепостями и охранялись сильными гарнизонами. Часть стены, проходившая через вершины гор, не была укреплена вооруженными воинами, поскольку для этого надо было иметь многомиллионную армию, но часовые регулярно обходили отдельные участки стены и, когда появлялся противник, подавали сигнал гарнизонам с многочисленных башен на стене. Стена имела важное военное значение в борьбе с кочевыми племенами. Более поздние правители, возможно, были благодарны первому императору за возведение этого гигантского сооружения, но, тем не менее, стена не пользовалась в народе популярностью, и император Цинь так и не получил общественного признания за ее строительство.

После того как он добился мира в государстве, обеспечил с помощью стены его надежную защиту, искоренил аристократию, уничтожил философские школы, лишил ученых возможности работать и свел к нулю их влияние на образование, первый император мог заняться и другими грандиозными проектами. Были построены дороги, соединившие столицу Чанъань в Шэньси со всеми остальными частями страны, утверждена единая система мер и весов, проведена реформа иероглифов, в результате которой форма иероглифов, принятая в Цинь, была распространена на всю страну.

Легисты не очень-то жаловали торговлю, поэтому она была жестко ограничена и обложена высокими налогами. Сельское хозяйство, которое считалось одним из наиболее достойных видов человеческой деятельности, всячески поощрялось.

Была проведена (хотя, возможно, и непреднамеренно) еще одна реформа, оказавшаяся впоследствии чрезвычайно важной. При феодализме аристократ владел землей, а крестьяне были в его подчинении, поскольку они были привязаны к земле и обязаны сражаться на стороне своего хозяина в случае войны. Новые законы позволяли любому человеку (не важно, богатому или бедному) владеть наделом земли до тех пор, пока он был в состоянии платить налог на землю. Таким образом распались феодальные владения. В результате в последние годы империи Цинь и в первые годы империи Хань была создана социальная структура, которой было суждено просуществовать более двух тысяч лет, пока она не была разрушена Народной республикой, а именно система взаимоотношения землевладельца и арендатора. Богатые и влиятельные люди покупали землю и сдавали ее в аренду крестьянам. Некоторые крестьяне могли приобрести в собственность участки земли, но, поскольку всегда существовал риск наводнения или засухи, они зачастую были вынуждены продавать свои участки земли богатому землевладельцу. Можно возразить, что свободная покупка и продажа земли – это социальная атака на крепостничество и феодализм; можно доказать, что при новых законах крестьянству жилось так же плохо, что и при старых, когда они сами принадлежали человеку, который стремился сохранить свою собственность в целостности и в рабочем состоянии.

Первый император постоянно опасался покушений на свою жизнь и поэтому жил затворником, это, правда, не мешало ему любить путешествовать. Ему нравилось знакомиться с завоеванными землями. Он совершил две крупные поездки – в долину Янцзы и на восточное побережье. Восточное побережье произвело на него особенно хорошее впечатление, поскольку там существовал культ магов, которые обещали ему лекарство от смерти. Они убеждали его, что это лекарство можно получить только у бессмертных, которые жили на островах в Восточном море. Бессмертных надо было задобрить определенными подношениями, чтобы они захотели расстаться с лекарством, и для этого необходимо было направить к ним специальную экспедицию во главе с магом. В экспедицию следовало взять подарки, а также несколько сотен молодых юношей и девушек, которые особенно нравились бессмертным. Император поверил в эту сказку и направил на восток экспедицию во главе с магом. Она уплыла и больше не вернулась. (Долгое время предполагали, что жители побережья уже тогда знали о

существовании Японии и что предприимчивый маг отправился вместе с экспедицией туда и основал там поселение.)

Во время своего второго путешествия на восточное побережье император внезапно заболел и умер. Это случилось в 210 году до нашей эры, и после смерти Шихуан-ди разразился кризис, который привел к падению империи. Наследник в это время находился далеко на северной границе. Он был во многом против бесчеловечной политики своего отца, и, хотя открытой вражды между ними не было, он, безусловно, не доверял тем министрам, которые, собственно, и были создателями чудовищных законов, от которых стонала вся империя. Одним из немногих близких к умершему императору людей, который мог его видеть в любое время, был главный евнух Чжао Гао. У него были причины не любить наследника престола, и он вошел в доверие к младшему сыну Шихуан-ди, тщеславному и легкомысленному молодому человеку, который был вместе с императором, когда тот умер. В свои последние часы император подписал указ, объявлявший старшего сына своим преемником. Он приказал немедленно отослать этот указ. Однако Чжао Гао перехватил его. После этого он обратился к министру Ли Сы, который тоже был вместе с императором. Он сообщил министру, что после прихода наследника к власти Ли Сы может в лучшем случае рассчитывать лишь на позор и отстранение от дел. Тем самым он убедил министра присоединиться к заговору.

В результате наследнику был послан поддельный указ, в котором ему повелевалось покончить жизнь самоубийством. Командующему войсками на северной границе Мэн Тяню было приказано явиться в столицу. Его и наследника обвинили в заговоре против императора. Младший сын стал императором, однако смерть Шихуан-ди держалась в секрете, а двор был спешно отправлен в Чанъань, столицу империи Цинь, город, лежавший более чем в 600 милях к западу. Тело умершего императора поместили в повозку с задернутыми занавесками. Никому, кроме Чжао Гао, не разрешалось приближаться к нему. Было лето; труп начал разлагаться, и чтобы скрыть сей прискорбный факт, заговорщики поместили между повозкой с телом императора и солдатами охраны тележку с гниющей рыбой. Никто не осмеливался поинтересоваться, почему его величество разрешил, чтобы рядом с его повозкой двигался столь отвратительно пахнущий груз. О смерти императора было объявлено, только когда кортеж с телом достиг столицы. Тем временем наследник, обманутый ложным указом, выполнил «приказ» императора и покончил жизнь самоубийством. Генерал Мэн Тянь, не столь доверчивый, как наследник, попытался поднять армию против узурпаторов, но армия отказалась следовать за ним. Генерал был арестован и казнен. Младший сын покойного императора вззошел на трон, взяв себе титул Эршихуан-ди, что означало «второй император». Когда в свое время его отец взял себе титул Шихуан-ди, то есть первый император династии Цинь, он хотел, чтобы его преемники соответственно носили титулы «второй император», «третий император» и так далее в течение десятков тысяч веков, поскольку даже и мысли не допускалось, что династия Цинь может когда-либо потерять престол.

В доисторическом Китае были широко распространены жертвоприношения, в том числе и человеческие. Крышка этой бронзовой чаши изображает обряд жертвоприношения. В этой чаше находились раковины каури, служившие эквивалентом товарообмена

Чжао Гао стал главным советником нового императора, который был абсолютно не способен управлять страной. Он фактически отдал всю власть своему любимому евнуху. Ли Сы, встревоженный тем, как бездумно решались все вопросы, пытался возражать, но Чжао Гао не давал ему возможности встретиться с императором. В первый год правления нового императора все, казалось, шло хорошо. Второй император даже немного продвинулся к восточным владениям, однако очень скоро миллионы подданных, много претерпевших от жестокого правления Шихуан-ди, поняли, что в стране больше нет сильной руки. Тем не менее репрессии продолжались и при новом режиме, поскольку Чжао Гао настойчиво убеждал царя еще более широко применять существовавшие законы и ужесточить наказания за их нарушение.

Внезапно вспыхнуло восстание, которое начал рядовой офицер, получивший приказ сопровождать преступников в ссылку. Плохая погода помешала ему выехать вовремя, и он, зная, что никакие оправдания с его стороны не будут приняты, предпочел поднять восстание. К нему присоединились преступники, которых он должен был сопровождать. Почти сразу восстание было подхвачено во всех частях страны. Люди поднимались повсюду: в течение нескольких недель вся империя оказалась охваченной бунтом. Чжао Гао скрывал это от своего хозяина. Когда Ли Сы заявил, что политика обмана обречена на неудачу, два заговорщика поссорились. Чжао Гао обвинил Ли Сы в предательстве, арестовал его и позже приговорил к смерти. С этого момента началось падение Цинь. В стране не было достаточно компетентного человека, который мог бы подавить восстание. Во главе крупных соединений стояли способные офицеры, но Чжао Гао боялся призвать их на помощь. Он все еще держал императора в неведении относительно происходящего в стране.

Когда скрывать правду, в конце концов, стало невозможным, Чжао Гао решил избавиться от

своего господина, который мог упрекнуть его в нечестности. Он привел во дворец людей, переодетых повстанцами, разбудил императора среди ночи, показал ему этих людей во внутреннем дворе и объявил, что бунтари захватили дворец. Единственное, что мог сделать император, чтобы избежать ужасной смерти от рук повстанцев, – покончить жизнь самоубийством. Эршихуан-ди поверил Чжао Гао и выпил яд. После этого Чжао Гао возвел на престол его преемника. Поскольку к этому времени уже половина империи, включая захваченные ранее земли, была охвачена восстанием, он решил, что нового царя следует именовать не императором, а просто князем Цинь. Очевидно, он хотел задобрить лидеров повстанцев, отдав им большую часть империи и упразднив титул императора.

Молодой князь справедливо сомневался в верности Чжао Гао. Он сразу же воспользовался возможностью вызвать евнуха на аудиенцию, во время которой тот был убит. Но было уже слишком поздно. Через несколько недель один из лидеров повстанцев двинулся на Чанъань и практически без сопротивления взял город. Повелитель Цинь сдался. Лидер повстанцев Лю Бан пощадил его; но позднее князь был казнен вместе со всеми остальными членами своей семьи. Это сделал глава войска повстанцев У Гуан. Правда, скоро эти два лидера перессорились между собой из-за права на верховную власть. Победителем оказался Лю Бан, который стал основателем династии Хань. Первоначальным намерением восставших было возрождение павшего феодального государства. Отпрыски царских домов этих государств были восстановлены в своих правах. Но реальная власть принадлежала лидерам восставших, которые не были людьми царских кровей. Лю Бан был крестьянином, ставшим деревенским головой. У Гуан был аристократом из царства Чу и происходил из семьи потомственных военных. Происхождение большинства из этих «солдат удачи», которые присоединились к восстанию, оставалось весьма темным. Ничто не могло предотвратить ожесточенной борьбы за власть между лидерами повстанцев. Лю Бан получил в свое владение земли Хань, то есть треть царства Цинь. Он не замедлил воспользоваться первой же возможностью, чтобы свергнуть с престола двух других князей и захватить Цинь целиком. Это была очень сильная страна, окруженная горами и получившая название «Земля внутри гор». У Гуан объявил марионеточного правителя Чу императором, но вскоре лишил его трона, а заодно и жизни. Он захватил всю власть в свои руки, но – не титул. Началась война, которая длилась четыре года. В этой войне У Гуан – блестящий тактик – выигрывал сражения, тогда как хитрый крестьянин Лю Бан выигрывал военные кампании.

Эта раскрашенная фигура мужчины была найдена в гробнице, относящейся к периоду поздней Чжоу

Лю Бан был проницательным и настойчивым человеком, умевшим твердо идти к поставленной цели. Он не позволял себе отвлекаться на кажущиеся простыми решения. Он завоевал доверие своих сторонников и справедливо относился к населению только что присоединенных царств, снизив налоги и смягчив ранее существовавшие наказания за провинности. Он был талантливым организатором, но не блестящим воином. У Гуан, напротив, был аристократом по происхождению, со всеми достоинствами и недостатками, присущими его классу. Это был человек огромного роста, красивый, храбрый и благородный, когда был в хорошем настроении, и жестокий, если его рассердить. Он обладал поэтическим даром, был честлюбивым и нетерпеливым человеком, не был хорошим стратегом, но тем не менее редко проигрывал сражения. Он сосредоточил свои усилия на умиротворении востока и севера Китая, в то время как Лю Бан объединял западные земли. За четыре года повторилась история расширения царства Цинь, которая первый раз заняла почти триста лет. Теперь роль Цинь играло царство Хань, а У Гуану была отведена роль старых правителей восточных царств. В конечном итоге Лю Бан завоевал северные территории, затем направился на юг и разгромил войско У Гуана в долине реки Хуайхэ, между реками Янцзы и Хуанхэ. У Гуан сумел вырваться из окружения; однако сторонников у него больше не было, и он покончил жизнь самоубийством.

Восстание против династии Цинь началось с целью уничтожить деспотический режим нового

императора, но его результатом явилось восстановление империи повелителем династии Хань, который сразу же принял титул императора. Реальные плоды правления династии Цинь, а именно: объединение Китая и разрушение феодальной системы, – не могли остаться незавершенными. К концу войны между Лю Баном и У Гуаном оказалось, что никто не хочет восстанавливать старую систему. Первый правитель династии Хань в некоторых вопросах пошел навстречу народным настроениям, частично из-за того, что ему было необходимо как-то отблагодарить генералов, которые сражались на его стороне. Он сделал это, раздав им уделы, которые не были ни столь независимы, ни столь велики, как старые, и которые были надежно окружены территориями, принадлежавшими императору. В течение последующих нескольких лет Лю Бан упразднил эту систему, заявив, что уделы могли находиться только во владении членов императорской семьи. Прошло не так уж много времени, и у аристократов в действительности не осталось практически ничего, кроме их титулов; различные ухищрения, нацеленные на снижение их общественного статуса, свели их влияние и могущество к нулю. Так, например, каждое княжество делилось в равных долях между сыновьями покойного князя (а их в то время могло быть достаточно много).

Во время правления первых двух поколений династии Хань политика империи была довольно-таки миролюбивой. Страна была разорена и истощена бесконечными войнами, которые прекратились лишь на короткий период существования империи Цинь. Однако это был период жесточайших репрессий. Он мало способствовал восстановлению разрушенной экономики, которую унаследовал от своих предшественников Шихуан-ди.

Первый император династии Хань, Лю Бан, который известен в истории под именем Хань Гао-цзы (это его посмертный титул, означающий «великий предок Хань»), был, вероятно, самым безграмотным правителем. Его абсолютно не интересовали ни ученые, ни книги. Он ничего не сделал для сохранения правописания Цинь, для обеспечения возрождения системы образования или осуществления поиска пропавших образцов древней литературы. Двор в большей степени тяготел к даосизму, чем к классической литературе, и должно было пройти еще несколько лет, прежде чем ученые-конфуцианцы приобрели значительное влияние на управление и образование. Если бы династия Хань оказалась столь же недолговечной, как и Цинь, вряд ли конфуцианцы воздали бы им хвалу. Это случилось уже при более поздних правителях этой династии, когда конфуцианцы были в фаворе у правителей. И именно длительный срок нахождения у власти представителей одной династии заслужил похвалу ученых-конфуцианцев.

После самого раннего периода китайской истории, нашедшего отражение в исторических хрониках, прошло полторы тысячи лет, прежде чем Китай приобрел более или менее завершенную форму. Все это время он был разделен на несколько царств, больших и малых, которые были весьма слабо связаны между собой. Собственно, и сама идея создания объединенной империи, охватывавшей весь китайский мир, появилась только в IV веке нашей эры. Однако оказалось, что именно эта система доказала свою жизнеспособность и в конечном итоге стала единственно возможным способом организации государства. Этот факт наглядно доказывает, что культурные связи между старыми регионами Китая были очень сильны и что не было глубоких оснований (как этнических, так и региональных) для развития нескольких независимых китайских государств.

3. Мудрецы

В большинстве стран мифы о создании мира, о первых людях и легенды о древнейших героях составляют часть системы религиозных верований, воплощенных в эпических произведениях и

драме. В отношении Китая это не вполне справедливо – там такие истории запечатлены не в эпосе, а в исторических хрониках. В хрониках, составленных много веков спустя после якобы имевших место фактов, эти события представлены так, как если бы имелись убедительные доказательства их достоверности. За исключением небольшого числа барельефов, которые были созданы не раньше чем в I веке до нашей эры, практически единственными источниками мифов и легенд Китая являются произведения историка Сымы Цяня, создававшего свои труды на рубеже I века до нашей эры. Другим источником информации являются записи более поздних историков, пересказывавших его сказания и иногда вносивших в них некоторые изменения. В произведениях или зафиксированных устных высказываниях китайских философов (таких, как Конфуций) можно обнаружить упоминания о легендарных мудрецах. Однако лишь в официальных хрониках можно найти связные истории об этих мудрецах и других легендарных героях.

Различие между китайской цивилизацией и другими цивилизациями становится очевидным уже на ранней стадии развития. Для китайцев первостепенное значение имела история человечества, а не деяния богов. Легендам был придан статус исторических событий, чтобы сделать их приемлемыми для общества, в котором преобладало гуманистическое мировоззрение. В соответствии с этой историей жители Земли, что означало – жители северных районов Китая, вначале существовали как животные, без одежды и крыши над головой. Они охотились на других животных, чтобы добыть себе пищу, и не имели ни малейшего понятия ни о богах, ни об искусстве. Это были не благородные дикари, характерные для европейской мифологии, а самые настоящие звери. Среди них появился мудрец, чье имя было У Цзао, что означает «создатель дома»; он научил людей строить поселения и делать укрытия из веток и стволов деревьев. Один из его преемников изобрел огонь и научил людей готовить пищу; после него появился некто по имени Фу Си, который якобы жил примерно в 2250 году до нашей эры и который провозгласил себя первым монархом и ввел в обиход основополагающие обычаи китайского общества. Его резиденция находилась в Чэнчжоу в Хэнани, в городе, который существует и поныне. Он запретил браки между родственниками по отцовской линии. Он изобрел музыку и расширил свое царство, которое уже именовалось империей, до восточного побережья. Во всей этой истории единственной чертой, отличающей Фу Си от обыкновенного человека, был неправдоподобно долгий срок его правления, которое длилось сто пятнадцать лет.

Бронзовая курильница для благовоний, датируемая периодом династии Сун, в форме буйвола и его погонщика, олицетворяющего мудреца Лао-цзы, основателя даосизма

Преемником Фу Си стал Шэнь-нун, «Божественный земледелец», который изобрел сельское хозяйство и заставил китайцев забросить охоту и начать заниматься земледелием. В его правление, которое длилось сто сорок лет, произошла первая война, начавшаяся с восстания против Шэнь-нуна. Это восстание было поднято в 2698 году его преемником Хуан-ди, «Желтым императором». Хуан-ди фактически сверг с престола престарелого императора, а затем подавил многочисленные восстания против собственного правления. Точно так же поступали многие реально существовавшие императоры. При Хуан-ди была изобретена письменность и начался сбор исторических материалов. Возможно, этот факт объясняет, почему историк Сыма Цянь считает эпоху Хуан-ди реальной с исторической точки зрения и очень осторожно относится к событиям, происходившим при предшественниках императора.

При покровительстве Хуан-ди возникли и многие другие искусства и ремесла: архитектура, астрономия, шелководство, появились мосты, лодки, повозки, луки и стрелы и другие средства ведения войны. Он был суровым, но справедливым правителем, который расширил территорию своего царства до долины Янцзы.

Хуан-ди считается предком всех царских и аристократических семей эпохи классического Китая. Ни он, ни древние монархи, правившие после него, не получали свой трон по наследству. Их выбирали придворные министры. Иногда, как это случилось с преемником Хуан-ди, монархом становился один из сыновей правителя. Чаще монархом становился внук императора или его наследник по женской линии. Передача власти по материнской линии была столь частым явлением в этот исторический период, что, скорее всего, говоря об этом, Сыма Цянь отражал древнюю китайскую традицию.

После того как у власти побывали ничем не выдающиеся правители, на арене китайской истории появились двое знаменитых мудрецов, Яо и Шунь, которые вели свой род от Хуан-ди по материнской линии. Китайская традиция сделала Яо и Шуня образцовыми правителями, примеру которых должны были следовать остальные монархи. Большая часть того, что зафиксировано о них в хрониках, носит форму дидактических нравоучений и повествует об их добродетелях и образцовом управлении государством. Их деяния приводятся учеными как образцы поведения будущих монархов. После смерти последнего из этих двух мудрецов, Шуня, его родственник Юй, который к тому времени уже прославился как великий мелиоратор (вряд ли найдется в Китае река, которую он не направлял бы в нужное русло), стал императором, первым правителем первой династии Ся. После его смерти народ настоял на том, чтобы на престол взошел его сын, весьма достойный человек. Таким образом, был установлен принцип, который в Китае стал законом. Такова вкратце история мифического периода существования Китая в том виде, как она была зафиксирована в период династии Хань, с III века до нашей эры по III век нашей эры. Она содержит несколько интересных и познавательных деталей, которые дают представление о настроениях, преобладавших в обществе, когда Сыма Цянь писал свои труды.

Легендарный правитель Фу Си считается автором многих изобретений, среди которых восемь символических триграмм (на переднем плане)

История развития человечества от состояния дикости до цивилизованного уровня подчиняется определенной логике. Звероподобных дикарей научили создавать жилище и одежду, обучили брачным обрядам, научили выращивать зерно, строить дома, делать повозки и оружие. Их правители-мудрецы постепенно создали сложную систему управления и расширили границы своего правления.

Трудно отказаться от предположения, что это – как раз то, что делали древние китайские правители по отношению к населению отдаленных территорий на дальнем юге. Те знания, которые люди имели о происходящем в тех регионах, легли в основу мифов о жизни их собственных далеких предков.

Тем не менее воссоздание мифов и легенд с целью формирования связного исторического повествования не было всего лишь плодом воображения людей. Все эти легенды и мифы в той или иной степени опирались на относительно древние документальные записи и, вероятно, на устное народное творчество. Древнейшими литературными памятниками, в которых упоминаются мудрецы, является «Шу цзин», или «Книга историй», датированная 1000 годом до

нашей эры, и «Ши цзин», или «Книга песен», созданная тремя столетиями позднее. В высказываниях Конфуция и других философов V–III веков до нашей эры встречаются упоминания о мудрецах, но в них нет более или менее последовательного рассказа об их правлении и их делах.

При изучении и оценке документальных материалов, относящихся к древнекитайской цивилизации, следует учитывать один важный момент: до нас дошло очень мало книг, созданных ранее III века до нашей эры. Мы знакомы с древнекитайской литературой только по копиям, сделанным учеными и переписчиками в более позднее время. В конце III века до нашей эры император Шихуан-ди велел сжечь большинство книг в Китае для того, чтобы его подданные не могли читать о временах правления его мудрых предшественников. Тем самым преемственность китайской литературы была нарушена. Древние китайцы писали стилем на кусках дерева или на бамбуковых дощечках, то есть на легко разрушаемом материале. Они не писали на обожженных глиняных табличках и в древнейший период очень редко оставляли надписи на камне (если такое вообще бывало). Они делали надписи на драгоценных бронзовых чашах, однако в эпоху династии Шан, которая обычно датируется концом 1020-х годов до нашей эры, такие надписи были чрезвычайно короткими, состоящими всего из трех или четырех иероглифов, и чаще всего означали лишь имя создателя этого произведения искусства. Эти факты объясняют несколько искусственный характер дошедших до нас китайских легенд и относительный недостаток подлинных документов в истории раннего Китая. Без сомнения, многое из того, что существовало во времена Конфуция, позднее было безвозвратно потеряно. Традиционно считалось, что Конфуций был автором или редактором самых ранних из дошедших до нас книг, которые являются китайской классикой и которые играли главную роль в китайской культуре в течение тысячелетий, включая «Книгу историй», «Книгу песен», «Книгу перемен» и хроники «Весны и Осени». Помимо этого существовала книга «Беседы и суждения», которая представляла собой изложение взглядов Конфуция, составленное его учениками. Вряд ли хоть одно из традиционных утверждений считается верным сегодня. Конфуций, вероятно, дополнил «Книгу историй», которая была создана лет за пятьсот до этого, а его последователи, вероятно, сохранили существовавшие копии книги и сделали новые; однако нет никаких оснований полагать, что именно Конфуций составил «Книгу историй». То же самое верно и в отношении «Книги песен». Эти стихи, которые на первый взгляд кажутся простыми песнями сельских жителей, датируются VIII–VII веками до нашей эры и на деле являются созданием придворной аристократии, умело симитировавшей народную поэзию. Часто эти оды довольно легкомысленны и по общему построению далеки от общепринятой морали.

Конфуций, человек с развитым чувством прекрасного, безусловно, любил «Книгу песен», именно поэтому следующие поколения приписали ему заслугу создания этой антологии и пытались разумно объяснить, почему мудрецы включили в нее стихи, столь явно воспевающие запретную любовь. Они пришли к выводу, что эти поэмы пришли из диких, неразвитых стран и были включены в антологию как предупреждение потомкам. Что касается «Книги перемен», то она прежде всего является книгой предсказаний, каковой остается и по сей день. Возможно, она датируется примерно 1100 годом до нашей эры. В этой книге имеются приложения, которые дают философское объяснение всему произведению.

Долгое время считалось, что автором всех этих книг был Конфуций, но теперь ясно, что они были написаны лишь спустя пять веков после его смерти. Только «Беседы и суждения» могут считаться, хотя бы косвенно, произведением самого Конфуция. Это собрание его высказываний и поучений, и считается, что все это было записано его ближайшими учениками, хотя, вероятно, позднее это собрание было расширено, возможно, за счет устного народного творчества. Почти все, что мы знаем наверняка о жизни и учении Конфуция, почерпнуто из «Бесед и суждений».

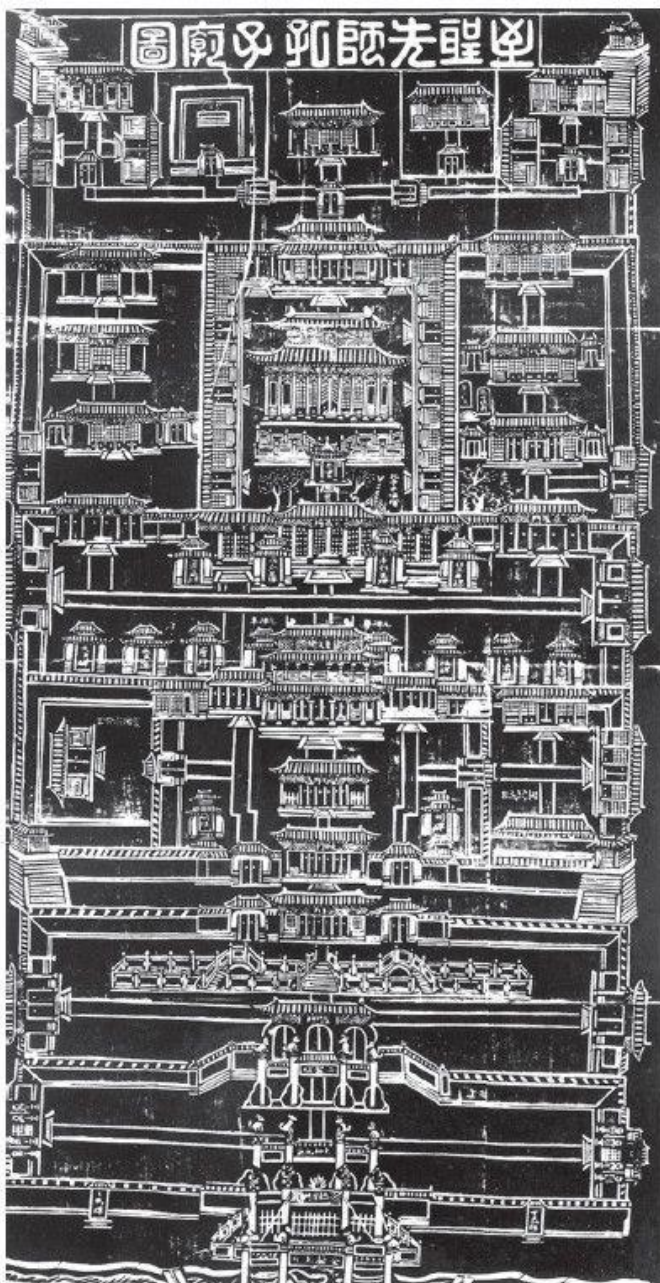
Величие Конфуция заключается не в приписываемом ему авторстве и редактировании

известных произведений, но в его подходе к решению проблем морали. Конфуций отошел от традиционных взглядов на религию и мораль. До Конфуция если человек совершал обряд, то тем самым он выполнял свой долг. При этом не имело значения, был ли этот человек добродетельным или он был кровавым тираном, – если обряд совершался правильно, это искупало все грехи. Таково было древнее поверье, распространенное во всех частях света. Значение заключалось в том, что согласно учению Конфуция эффективность совершения обряда зависела от состояния духа человека, совершавшего тот или иной обряд. Человек должен руководствоваться принципами морали, добродетели, а не знанием того, как совершать обряд. В более позднее время, когда-то эта точка зрения была настолько широко распространена, что уже не считалась чем-то выдающимся, грандиозность первого шага, который Конфуций сделал в этом направлении, была забыта. Поскольку Конфуций оставил после себя мало литературных произведений, его последователи посчитали нужным поддержать престиж учителя, приписав его перу некоторые литературные памятники. Отсюда появилось мнение, что Конфуций либо сам писал, либо редактировал древние тексты, которые позднее были дополнены его учениками. Это мнение, по сути, лишь доказывало величие учителя.

Жизнь Конфуция не была успешной, с точки зрения человека того времени. Он родился в 551 году до нашей эры в семье аристократа в царстве Лу (в настоящее время – провинция Шаньдун). Конфуций получил должность при дворе своего правителя, некоторое время преподавал в Лу, причем его учениками были молодые представители аристократических семей, которые позже заняли ответственные посты в Лу и других царствах. Общество благоволило аристократам; представитель низшего сословия не мог даже рассчитывать на то, чтобы занять сколь бы то ни было значительный пост. Конфуций произвел огромное впечатление на будущих чиновников и военачальников. Они восприняли его идеи, в которых воплощалось новое отношение к долгу, а именно: человеку надлежало выполнять свой долг с искренностью, самоотдачей и без колебаний.

Правители нуждались в людях, на лояльность и честность которых они могли положиться в век смуты и предательства, и в конечном итоге они признали, что молодые конфуцианцы были именно такими людьми. Конфуций никогда не пользовался благосклонностью властей. Но его ученики занимали на государственной службе высокие посты и в целом на службе демонстрировали те черты, которые воспитал в них учитель.

На современном оттиске изображен храм Конфуция, построенный около гробницы мудреца в провинции Шаньдун

Сам Конфуций отправился в путешествие по Китаю в попытке найти справедливого правителя, который воплотил бы в жизнь его учение. В царстве Вэй, которое находилось по соседству и чьим правителем был правитель благородного происхождения, Конфуций увидел, что на деле князь – коррумпированная и порочная личность, что жена неверна ему, причем с его же согласия, а страной управляет способный, но развратный министр.

По дороге в Сун Конфуций чуть не стал жертвой нападения ревнивого аристократа. Затем он поехал в Чжэн, одно из небольших южных государств феодального Китая. Это царство постоянно находилось под угрозой аннексии со стороны своего южного соседа – царства Чу, очень сильного государства, находившегося в долине Янцзы. Его слабовольный правитель и недалекие советники не имели ни времени, ни желания прислушиваться к идеям Конфуция о морали. Однако в соседнем царстве Цай, в то время захваченном правителем царства Чу, Конфуций наконец-то нашел достойного правителя, князя Шэ, который не был правителем как таковым, а являлся родственником царя Чу и выполнял функции наместника. Князь был

известен своей справедливостью и добродетелью. Конфуций не разочаровался в нем. Они часто вели продолжительные беседы и расходились во мнениях только в одном важном вопросе. Конфуций считал первейшим и важнейшим долгом человека его долг перед родителями и родственниками, князь же полагал, что первейшим долгом человека является служение повелителю. Но поскольку князь был близким родственником своего собственного правителя, то разница во взглядах двух философов была не столь существенной, как они сами полагали.

Позднее Конфуций вернулся в Лу. Там он в последние годы жизни в мире и спокойствии и занимался преподаванием. Его уважали, но не призывали на государственную службу. Он умер в своем родном городе. Жизнь Учителя (551–479 гг. до н. э.) совпала с закатом китайского феодализма, периодом смуты и предательств, когда великие царства начали захватывать земли более слабых соседей; старые добродетели вышли из моды, на первом плане стояли новые устремления и ценности. «Эпоха воюющих государств», начавшаяся после смерти Конфуция, означала конец старого общества. Конфуций жил в поворотный период истории Китая. Не поняв этого, невозможно понять его жизнь и учение.

Все усилия философа были направлены на то, чтобы попытаться обуздать быстрое падение нравов – как в политике, так и в общественной жизни. Совершенно очевидно, что он потерпел неудачу, но он совершил то, что, возможно, и хотел совершить. Он оставил после себя новое понимание этики, в соответствии с которым идеалом аристократа был человек высоких моральных качеств: справедливый, честный, верный, снисходительный, заслуживающий уважения не из-за своего происхождения, а благодаря наличию этих качеств. В этом смысле Конфуций создал образ чиновника, который занимает свой пост, обладая знаниями, добродетелями и усердием, а не происхождением и богатством. Это должно было стать образцом поведения для будущих государственных служащих Китая, идеалом, к которому всегда стремились и от которого никогда не отказывались.

Конфуций, одетый в традиционную мантию ученого.
Роспись на камне XIX в.

На современной литографии изображен Конфуций и его 72 ученика в храме, посвященном мудрецу. Фигура Конфуция крупнее, чем фигуры его учеников

При следующих поколениях возникли конкурирующие философские школы. Это была, во-первых, школа даосов, которая утверждала, что всякая власть является тиранией, а все законы свидетельствуют о падении нравов. Они верили, что счастье человечества заключается в возвращении к естественному образу жизни. Лишь отказавшись от аппарата власти и управления, люди могли начать дао-путь. И лишь подчинившись его тайному и смутному диктату, они могли жить в гармонии с природой, их окружавшей.

Согласно учению даосизма «недеяние» не означает пассивность, а является сознательной попыткой понять свое единство с природой и отрешиться от попыток противостоять естественному ходу вещей. Даосизм приобрел широкое распространение в эпоху классического Китая. Возможно, это произошло как реакция на насилие и смуту, характерные для этого периода, но и в более поздние века у этого учения было много приверженцев. Многие из них нельзя назвать философами-даосами в полном смысле этого слова, но они верили в эликсир жизни, или лекарство от смерти, а также в другие волшебные вещи.

На картине XVI в., нарисованной как иллюстрация к даосской поэме, изображен ученый-даос, спящий в своей хижине (в центре). Ученый считал, что он обрел бессмертие благодаря магическим обрядам; слева изображен он же, после того как стал бессмертным, вззирающий с вершины горы на землю

Чудеса даосизма зачастую опирались на аллегории, использовавшиеся древними писателями-даосами, чтобы проиллюстрировать величие мудреца, который полностью жил в согласии с принципами дао, а также на традиционные культы волшебства, распространенные среди простых людей, особенно на восточном побережье. Даосы любили иллюстрировать свою идею о том, что недеяние важнее, чем действие, указывая, что пустота часто составляет основную ценность того или иного объекта. Пустая чаша представляет ценность именно потому, что ее можно наполнить жидкостью. Ступица колеса (отверстие, в которое вставляются спицы) является самой важной его частью.

Еще одно направление философской мысли в Китае было связано с Мо-цзы, жившим примерно в одно время с Конфуцием. Его учение – передовое для своего времени и своей страны – было учением о всеобщей любви. По мнению Мо-цзы, любовь между всеми людьми является единственным способом построения справедливого общества. Любовь могла бы положить конец войнам, этому проклятию своего времени; она уменьшила бы высокомерие и претенциозность аристократии, повысила бы уровень жизни бедных, создала бы общество, где не было бы преступлений и наказаний. Мо-цзы ненавидел любые напрасные траты: он осуждал войну, поскольку средства, вложенные в военные кампании, могли бы с большей пользой использоваться на благо общества, например на ирригацию и борьбу с наводнениями. Точно так же он неодобрительно относился ко всякого рода пышным церемониям, похоронам и свадьбам, которые Конфуций, надо сказать, приветствовал. Конфуций считал, что подобные церемонии необходимы, чтобы внушать должное уважение к своей семье и утверждать крепость семейных уз, то есть те добродетели, на которых, по его мнению, и основывалось общество и которые он считал основой морали. Мо-цзы же утверждал, что подобные церемонии были напрасной тратой денег и сил – ведь бедняки влезали в долги, чтобы сделать все как положено, богачи же соревновались в пышности и оплачивали эти церемонии за счет эксплуатации своих крестьян. Что ж, каждый из этих философов был в чем-то прав.

Жизнь Мо-цзы была более успешной, чем Конфуция. Он создал школу для пропаганды своего учения и назначил своего преемника, который должен был возглавить ее. В течение нескольких поколений моисты играли в обществе весьма заметную роль, однако им так и не удалось привлечь под свои знамена ни одного правителя. Пацифизм не был частью реальной жизни Китая в «Эпоху воюющих государств», а всеобщая любовь была слишком абстрактным идеалом, чтобы иметь какое-то практическое применение.

На нефритовом амулете династии Цинь изображен символ инь – ян, окруженный восемью триграммами, в каждой триграмме ян представлен непрерывной линией, а инь – прерывающейся линией

Конфуций, который строил свое учение на таких реальных вещах, как клановая сплоченность и семейная солидарность, стоял на более реальных позициях и обращался к здравому смыслу людей, с самого начала свойственному китайцам. Учение Мо-цзы было в каком-то смысле предтечей христианства, но не прижилось в Китае. После основания первой империи мало кто слышал о нем. Небольшое количество дошедших до нас книг моистов пришлось восстанавливать по обрывкам цитат.

В «Эпоху воюющих государств», в IV–III веках до нашей эры возникла новая школа, которая оставила после себя несколько литературных памятников и плохую репутацию. Школа сторонников закона была основана людьми из развитых княжеств региона Хэ-нань на востоке Китая, однако ее идеи были восприняты только на северо-западе в эпоху войн империи Цинь. Легисты, как называли последователей этой школы, придерживались полностью противоположных Конфуцию взглядов, они утверждали, что суровые законы, а не традиционные обряды должны определять жизнь людей и что сельское хозяйство и война были единственными достойными развития видами деятельности. Сельское хозяйство кормило армию, которая, в свою очередь, способствовала усилению государства. Никакой другой род занятий не считался достойным, а большинство были и вовсе опасными.

Легисты отрицательно относились к торговле, которая делала людей жадными, к искусству, литературе, философии и поэзии. По их мнению, эти виды деятельности только отвлекали людей от их истинных обязанностей и ослабляли государство. В эпоху Цинь, когда легисты находились у власти, было покончено с феодальными привилегиями. Все люди, в том числе и князья, должны были подчиняться одним и тем же суровым законам. Население было поделено на группы; было запрещено свободное передвижение по стране, хозяева гостиниц должны были давать информацию чиновникам о своих постояльцах, а путешественник, не имеющий при себе разрешения на поездку, подвергался аресту по обвинению в подстрекательстве к мятежу.

Ко всем, нарушившим закон, применялись жестокие меры наказания, самым мягким из которых было нанесение увечий и ссылка на принудительные работы. Легисты утверждали, что, если люди будут бояться законов, воцарится мир и порядок. Не имело значения при этом, стоял ли у власти сильный или слабый правитель; его министры, управляющие страной по определенным законам, сумеют поддержать порядок в стране. Может показаться странным, но истоки этого учения можно найти и в даосизме, и в пацифистском учении Мо-цзы. Даосы отвергали всякого рода церемонии, сословия и привилегии. Их философские возражения против сложно устроенного государства нашли отклик в учении легистов. Мо-цзы также считал излишними и ненужными большинство видов искусства, которые легисты в свою очередь

называли поверхностными и легкомысленными, в то время как конфуцианцы очень высоко ценили их. Легисты игнорировали пацифизм Мо-цзы, но использовали его идеи о делении населения на группы и его неприятие прекрасного. Как подтверждение правильности подхода легистов к вопросам развития общества царство Цинь, где идеи легистов нашли наиболее широкое распространение, победило своих соседей, в результате чего была основана первая империя. Легистская доктрина распространилась по всему Китаю. Менее чем через двадцать лет вспыхнуло народное восстание, которое уничтожило империю Цинь, привело к власти династию Хань и навеки дискредитировало школу закона. Хотя учение этой школы было отвергнуто, образ мысли легистов продолжал оказывать влияние на развитие китайского общества. Само слово «закон» стало ненавистным, в результате Китай остался вообще без каких-либо законов. Законодательство в целом свелось к уголовному праву, причем в нем сохранялась суровость и даже жестокость легистских законов. Авторитарное правление, полная власть монарха и распад феодальной системы, расцвет чиновничества являются в какой-то степени результатом идеологии легистов. Можно сказать, что, в то время как более поздний Китай воспринял конфуцианство как этическую и моральную основу общества, он в то же время сохранял некоторые идеи легизма как основу государственного управления.

Существовали и другие философские школы, которые почти не оставили следа в истории. Почти все из них были уничтожены в эпоху правления Цинь, и только сильнейшие смогли возродиться после распада империи. Даосизм выжил, хотя никогда больше не имел прежнего влияния на общество, и все более склонялся к мистицизму, алхимии и всякого рода чудесам. Конфуцианство стало признанным учением, однако вобрало в себя некоторые идеи, не являвшиеся частью оригинального учения своего основателя. Самой важной из этих идей была идея о том, что космос управляется взаимодействием двух начал – ян и инь, положительного и отрицательного, мужского и женского, сухого и влажного, жаркого и холодного, солнечного и тенистого.

Инь и ян – это обычные китайские слова, означающие соответственно теневую и солнечную стороны какого-либо природного объекта; южный склон горы – это склон ян, равно как и северный берег реки, обращенный к солнцу. Поэтому эти слова часто являются составляющими географических названий. Их более широкое использование как философских терминов началось в IV веке до нашей эры в связи с возникновением учения, согласно которому гармония природы поддерживается благодаря бесконечному равновесию между инь и ян.

Эти две силы не находятся в борьбе друг с другом, здесь нет никакой параллели с борьбой добра и зла; они двигаются в гармоничном соединении, которое символизирует круг, поделенный волнистой линией на две равные части. Всяческие природные катаклизмы, например наводнения, как считалось, возникают из-за временного нарушения равновесия между инь и ян. Очень скоро в этом же стали искать причину изменений в поведении людей. Ошибки в управлении, неоправданная жестокость или разгульные оргии монархов также объяснялись нарушением гармонии между инь и ян, что затем проявлялось в засухе, наводнении, землетрясении и других природных катаклизмах. Такое объяснение природных явлений нашло широкое распространение и позднее стало частью официальной идеологии Китая. Оно приобрело еще большее распространение, когда была создана империя. Монарх был единоличным правителем Китая, у него не было соперников и ему не было равных. Он один отвечал перед Небесами за поддержание государственного порядка на земле. Ему был дан Мандат Небес на управление страной, но только пока он правил честно и справедливо. Этой идеологии придерживались во все периоды истории Китая, и она служила моральным предостережением для автократов. Есть свидетельства тому, что часто эта моральная узда оказывалась весьма эффективной.

Пятипалая лапа дракона (вверху) свидетельствует о том, что он – олицетворение императора, Сына Неба. Дракон, имеющий четыре пальца на лапе, не является олицетворением императорской власти

Сродни идее инь – ян была и древняя идея, которая позже стала официальной: нет бесконечного благополучия, как нет и бесконечного несчастья. Добро и зло всегда вознаграждаются, и жизнь и смерть имеют свои пределы. Благополучию неизбежно придет конец. Соответственно, и несчастья должны закончиться; нет постоянного горя, мир медленно движется по кругу, управляемому инь и ян. Бесполезно бороться против этих космических сил; мудрый человек примет действие этих сил как неизбежное и смирится со своей судьбой. Если он счастлив и богат, он должен знать, что придет день, когда его счастливая звезда закатится. А избыток богатства и эксплуатация других лишь приблизит этот день. Если же человек беден и несчастен, то он должен терпеливо ждать неизбежного изменения своей судьбы к лучшему.

На картине XVII в. (напротив) изображена группа ученых, изучающих символ инь – ян, чьи переплетенные половины олицетворяют противоположные, но дополняющие друг друга силы Вселенной

Китайцы жили в условиях суровой и нередко враждебной им природы. Здесь были часты засухи и наводнения, и люди ничего не могли с этим поделать. Небеса не были благосклонны к людям, но в природных катаклизмах наблюдалась определенная закономерность. Плохие времена обязательно должны были пройти; на смену им приходили хорошие времена. Возможно, было вполне естественным переносить характер смены природных явлений на человеческое общество. Ни одна династия не может править вечно, она неизбежно падет. Ее сменит другая династия, которая пройдет тот же самый цикл.

Ни одна из китайских философских школ не была религиозной в понимании, привычном для Европы или Центральной Азии. Они не утверждали, что великие боги вмешиваются в дела людей и что их можно с помощью молитвы попросить об этом вмешательстве. Жертвоприношение было всего лишь обрядом, который помогал восстановить равновесие между инь и ян. Это не было подношением какому-то определенному божеству. По сути дела, китайцы не воспринимали своих великих богов как живых людей. Небо было неясной высшей силой, источником природных явлений, которые так сильно влияли на жизнь людей. Одно из определений Небес, «Шанди», которое европейцы переводили как «Верховное божество» или «Бог», фактически не имело такого значения. Вероятно, первоначально оно означало всего лишь «верховный предок», то есть первый предок царских кровей, которому приносились

жертвоприношения в соответствии с древними обрядами. Боги были таинственными высшими силами, предки же когда-то были людьми, и люди всегда могли обратиться к ним с просьбой прийти на помощь потомкам. Суть гуманистического мировоззрения китайцев в том, что человек всегда стоит на первом месте. Наличие высших сил признавалось, но они не персонифицировались. Эта идея отчетливо прослеживалась в литературных произведениях всех философских школ.

Письменные труды и устные высказывания философов составляют большую часть литературного наследия, сохранившегося со времен феодализма до того, как по приказу императора Цинь были сожжены практически все существовавшие книги. Очень малую часть исторических и поэтических произведений удалось спасти. Инквизиторы Цинь, которые надзирали за процессом сожжения книг, не имели желания спасать исторические и литературные произведения царств, которые были завоеваны Цинь. Они рассматривали поэзию как искусство, смягчающее сердца мужчин и делающее мужчин неспособными воевать. Конфуций согласился бы с ними в этом, но именно поэтому он всячески поощрял развитие поэзии, а не отвергал его.

После восстановления книг при династии Хань характер китайской литературы разительно изменился. В период феодализма, до завоеваний царства Цинь, философия и соперничество различных философских школ безоговорочно являлись основной темой в литературе. После окончательной победы династии Хань конфуцианцы стали играть важную роль при дворе нового императора, а конфуцианство стало правящей философией китайского мира. У ученых обострился интерес к истории. Дискуссии между философскими школами постепенно сошли на нет: все спорные вопросы, по сути, были уже решены. Прошло много веков, прежде чем настала эпоха новых философских баталий. Однако на сей раз предметом спора было не сравнение конфуцианства и соперничающих с ним школ, а толкование текстов Конфуция.

Возможно, раньше споры философских школ были связаны с событиями «Эпохи воюющих государств». Мир находился на распутье, поэтому, с одной стороны, было необходимо найти философское учение, чтобы управлять новой эпохой, а с другой – прежде всего следовало создать эту эпоху с помощью силы и завоеваний. При династии Хань все политические проблемы были разрешены, по крайней мере в основном. Существовала единая империя, управляемая монархом, чья власть на местах осуществлялась чиновниками, которых монарх мог назначать, повышать в должности, перемещать с одной должности на другую или увольнять по собственному желанию. Конфуцианство стало ключом к получению государственных должностей. После падения феодализма стремление к этому стало нормальным явлением для всех образованных людей. Следовательно, ни у кого не было желания вести дискуссии о каких-то новых философских учениях или возрождать учения, которые уже канули в небытие. С другой стороны, грандиозные события, которые сопровождали завоевание китайских княжеств династией Цинь, последующее падение империи Цинь, приход к власти династии Хань и создание нового общества, неизбежно заставляли ученых заниматься историей. Как произошли все эти события? Были ли они в полной мере чем-то новым в истории? Или, как вскоре стали утверждать ученые, они были всего лишь долгожданным воссозданием древнего единого государства, существовавшего в далеком прошлом?

Наиболее видным историком эпохи Хань стал Сыма Цянь, чье великое произведение «Исторические хроники» было составлено в I веке до нашей эры. Автор занимал один из постов при дворе императора династии Хань У-ди. Он имел доступ в дворцовую библиотеку, которая, очевидно, содержала некоторые из уцелевших экземпляров древних исторических текстов. Сыма Цянь был великолепным редактором. Он включает в книгу любой источник, который только может найти, дословно цитирует его и иногда, когда древние авторы дают разные версии

одних и тех же событий, приводит обе эти версии, оставляя за читателями право решать, какая версия кажется им более убедительной. Его задачей было написать полную историю китайского государства с самого начала до современной ему эпохи, и эту задачу он выполнил. Безусловно, ценность его работы неравнозначна. Его история правления императора У-ди и комментарии об этой эпохе бесценны. Он не любил своего правителя и не скрывал этого. Его собрание уцелевших исторических хроник эпохи феодальных государств составляет большую часть того, что вообще известно об этой эпохе. Однако чем в более далекое прошлое обращает он свой взор, тем менее убедительной становится его работа. Хотя его история династии Чжоу в какой-то степени и может быть подтверждена надписями на бронзе, многое в этой книге является не более чем предположением.

Сыма Цянь является самым известным из историков династии Хань, но он не был первым из них. Он ссылался и цитировал труды, теперь уже окончательно потерянные, которые были написаны сразу после падения Цинь. Но его собственной книге предстояло стать образцом для будущих историков. Другим образцом стал труд Бань Гу «История Ранней Хань», которая была написана в начале I века нашей эры, примерно через сто лет после смерти Сымы Цяня.

Крышка бронзовой чаши династии Хань, инкрустированная золотом, серебром и бирюзой, выполнена в форме вершины горы, на которой находится хижина даосских бессмертных

Более поздние китайские историки выбирали в качестве объекта своих исследований лишь какую-то одну династию. Правление этой династии могло быть длительным (двести лет и более) или очень коротким (лет десять – двенадцать). Бань Гу в своей книге придерживался определенного плана: он разделил ее на три части – анналы, биографии и монографии. Анналы – это всего лишь сухое изложение дат, поездок и действий императора и природных катаклизмов. Все это скрупулезно датировано, иногда с точностью до дня. Таким образом, они дают лишь хронологическую рамку событий или чуть больше. Вторую часть составляют биографии – всего их более двухсот. Они представляют собой детальное жизнеописание (даты рождения и смерти, родословная, факты из жизни) самых разных людей: верных своему монарху чиновников, мятежников, заговорщиков, бандитов, придворных дам, актеров и

писателей, – перед читателем проходит целая вереница мужчин и женщин, которые, как считалось, сыграли важную роль в жизни современного им общества. Каждая биография посвящена только одному человеку: остальные лишь мимоходом упоминаются, даже если их судьба была неразрывно связана с жизнью человека, которому посвящена биография. Чтобы воссоздать реальную картину того или иного события, необходимо прочитать биографии всех людей, имеющих отношение к этому событию.

Помимо анналов и биографий, существуют еще произведения, западными историками называемые монографиями. Это довольно длинные очерки, каждый из которых касается того или иного важного вопроса, имеющего отношение к системе управления, землепользования, армии, религиозным обрядам, управлению ирригационными системами. Монографии касаются только сути проблемы, даты и события здесь не имеют значения. Всякого рода нововведения и изменения могут упоминаться в монографиях только как случившееся при правлении такого-то правителя, однако для того, чтобы выяснить, когда произошло то или иное изменение, и для того, чтобы соотнести их с политическими решениями или последствиями войны, опять-таки надо обращаться к анналам и биографиям выдающихся деятелей. В монографиях не нашли отражения многие темы, которые современные ученые считают чрезвычайно важными. Так, не существует связной истории экономического развития Китая. Не уделяется достаточного внимания торговле, которая упоминается лишь мельком, и то часто – весьма уничижительно.

Подобный метод написания истории весьма затрудняет работу современных исследователей. Кажется, что китайским летописям не хватает артистичности повествования Геродота или Тита Ливия, однако они более точны и события точнее датированы, а временами и в них встречаются весьма живописные описания.

Еще одна трудность подобного метода написания исторических трудов заключается в том, что в них утверждается главная идея той или иной династии. Поскольку в каждом произведении история ограничивается периодом правления одной династии и в нем рассказывается о ее начале, подъеме и падении, на саму историю переносится модель развития династии. Общее развитие общества, развитие торговли и техники, любые изменения в религии и социальной структуре не рассматриваются с точки зрения исторической перспективы; если они вообще упоминаются, то только в контексте правления одной династии. Еще одним следствием подобного написания истории, которое может показаться странным для страны, столь приверженной к историческим исследованиям, является то, что до нового времени у китайцев не было единой хронологии.

Правление каждой династии считалось самоценным, и все события, произошедшие во время правления той или иной династии, датируются первым, вторым и так далее годом правления того или иного императора. Даже одна династия не имеет единой системы хронологии. В анналах не упоминается, скажем, первый и пятьдесят пятый год правления династии Хань; там есть лишь разрозненные даты, связанные с правлением императоров. К концу династии Хань эта система стала еще более разрозненной и запутанной из-за обычая произвольно менять имя императора в течение его пребывания у власти. Получалось, что даже правление одного монарха делилось на несколько периодов, в каждом из которых существовала собственная хронология событий. Без использования сравнительных таблиц очень трудно хронологически соотнести один период китайской истории с другим. До введения в Китае летосчисления от Рождества Христова (это было сделано в 1949 году) китайским ученым надо было быть очень начитанными, чтобы разобраться в хитросплетениях хронологии своей собственной истории.

Из трех основных китайских религий даосизм больше, чем остальные, занимался изучением места человека в природе и его способностью жить в гармонии с силами природы. В Китае пейзаж, именуемый «шаньшуй», возник как прямой отклик на даосское почитание гор и рек. Эти элементы преобладают на пейзаже эпохи Сун «Размышления о даосизме в осенних горах» (художник Чжуй Ян)

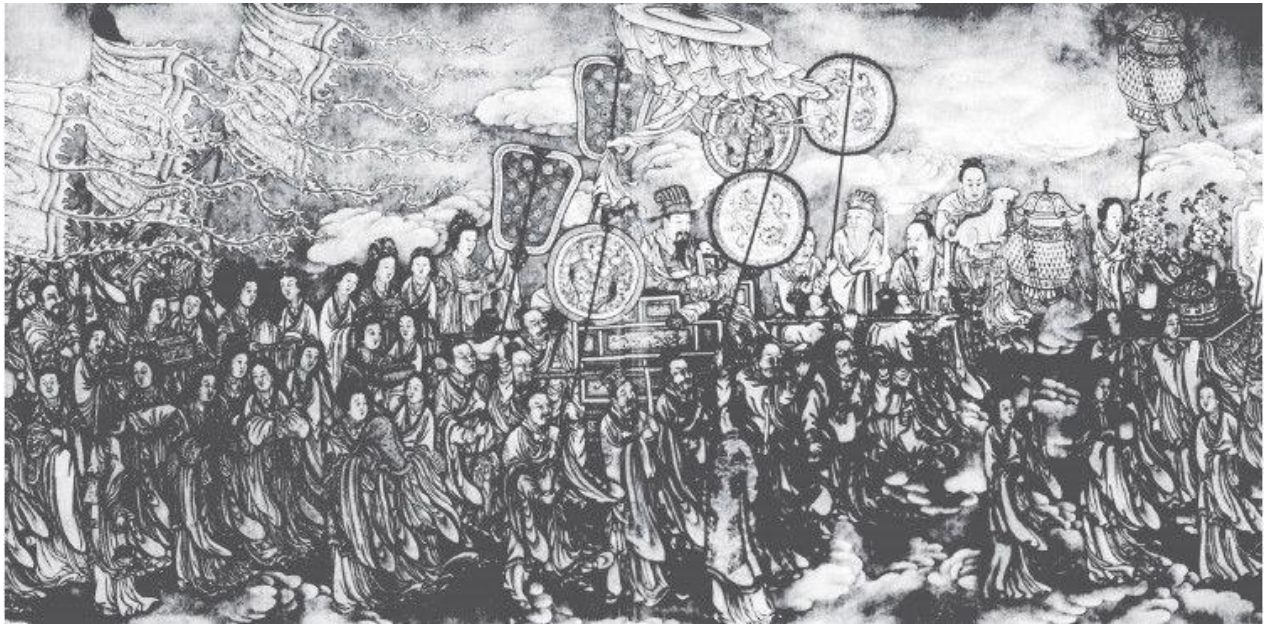
Древняя и классическая китайская литература оказала огромное влияние на весь ход развития китайской цивилизации. Ее чтили, но ей никогда не приписывали божественное происхождение. Конфуций был смертным человеком, который к тому же часто откровенно заявлял о том, что считает земные дела гораздо более насущными, чем поклонение богам или размышления о природе божественного. Древняя история, выдумка, хотя и правдоподобная, воспринималась как реальность. Она считалась картинкой общества, которое надо было изо всех сил стремиться восстановить. Со временем появился еще один вид литературы, который был частично основан на буддистских легендах, а частично – на даосской традиции. Эта литература имела более демократичное происхождение; она строилась на фольклоре и постепенно переросла в романтическую прозу. Правда, эта литература все еще была тесно связана с исторической основой, но во многом стала независимой от нравственных императивов, которые сдерживали классическую литературу, находившуюся под покровительством императора и выходившую из-под пера ученых-чиновников.

Китайская космология ассоциирует высшие добродетели с довольно обычными животными, некоторые из которых нарисованы на керамической тарелке эпохи Хань. По ее внешнему краю изображены четыре коленопреклоненные человеческие фигуры, несущие подношения, и четыре домашних животных. Свинья и баран были животными, которых обычно приносили в жертву, утка была символом веселья, индюк – символом мужественности. Рыба и журавль, изображенные в центре, часто символизировали благосостояние и долголетие

История писалась для того, чтобы показать правящему классу своей эпохи, каким нормам поведения им должно следовать и каких ошибок и пороков – избегать.

Три высшие силы – правители Неба, Земли и Воды – стояли на страже даосского мира, неся счастье человеку, прощая его грехи и защищая его от бед. Первоначально каждый год олицетворял длительный, но неопределенный период времени, но затем такое положение дел изменилось. Фрагмент картины XVIII в. изображает даосского бога Земли, символизирующего лето, которого несут на носилках в окружении людей, с веерами в руках. Божество

сопровождают женщины, музыканты и слуги, несущие развевающиеся флаги

Добрые и злые деяния правителей прошлого должны фиксироваться в равной степени, поскольку и те и другие являются примерами, которые современники должны тщательным образом изучать. Предполагалось, что условия жизни в прошлом и в настоящем примерно одинаковы. История поэтому являлась своего рода зеркалом, в котором правитель мог видеть самого себя, мог видеть, что он должен делать, чтобы выполнить свой долг, а от чего он должен воздержаться, если надеется получить небесный мандат. Воспринималось как должное, что характер монарха определял характер всей эпохи. Министры должны были следовать примеру правителя, а простые люди должны были брать пример с великих людей страны: «Как ветер дует, так и трава гнется». Наградой за нравственность и добродетель было богатство, наказанием за порок – несчастье. Возвышение и падение династии было моделью для написания истории. Эта модель определялась силой или слабостью духа великих людей эпохи.

4. Семья

В китайском обществе семья всегда играла очень важную роль. Конечно, это относится и к другим обществам, но в Китае семья приобрела особое значение, поскольку она служила моделью общества, и поэтому она была в центре внимания религии. Мы очень мало знаем о социальной структуре китайского общества в древние времена; однако ясно, что к началу феодального периода семьи аристократов были объединены в кланы. Насколько мы знаем, социальная структура крестьянских общин была менее жесткой; у них были некоторые общие черты с национальными меньшинствами, жившими в горах Юго-Западного Китая. Многие исследователи полагают, что крестьяне выбирали себе пару на весеннем празднике плодородия, но создавали семью, только если появлялся ребенок. Однако такая практика давно перестала существовать. Судя по дошедшим до нас сказаниям из раннего периода развития китайского общества, даже аристократия не всегда придерживалась строгих норм морали. Согласно легенде один из известных министров государства Цзы свободно пускал гостей в свои покои и в результате имел «сто сыновей». Эти примеры свободных нравов, возможно, были зафиксированы, чтобы осудить безнравственность, а не для того, чтобы просто рассказать об обычаях, царивших в среде китайцев. Постепенно в обществе стали преобладать более строгие нормы поведения; их распространение происходило преимущественно благодаря учению Конфуция и примеру его учеников.

Нормы китайской семьи сформировались в конце эпохи феодализма. Моделью семьи служила жизнь аристократов. В эпоху феодализма для знати была характерна экзогамия – практика, когда старались не допускать браков между людьми, являющимися родственниками по отцовской линии. К концу периода феодализма и в первые годы существования империи эта норма стала обязательной для всех; в это же время появились фамилии. До этого знатные кланы не имели фамилий в том смысле, как мы это сейчас понимаем, но у них были клановые имена, и браки заключались только вне клана. Кланов было немного, к ним не принадлежали люди, не имевшие аристократического происхождения.

На рисунке XII или XIII в. женщины императорской семьи купают и одевают четверых из многочисленных императорских детей

Иногда фамилии образовывались от названий места, где жила данная семья, от названия должности, которую занимал глава клана, от названия города и т. д. Судя по всему, китайцы никогда не использовали стандартную западную форму образования фамилий «сын такого-то». Тем не менее они оказались первыми, кто стал использовать фамилии в том виде, как это сейчас принято во всем мире: передавая фамилию отца детям, как мальчикам, так и девочкам (которые также получали второе имя, аналогичное христианскому имени, которое давали европейцам). Нет сомнения в том, что причиной появления фамилий было стремление распространить экзогамию на все слои общества. Чтобы родственники по отцовской линии не могли заключать браки, следовало провести между различными семьями четкие разграничительные линии. Фамилии помогли сделать это. Человек с фамилией Ван не мог сочетаться браком с женщиной, носившей ту же фамилию; Ли не могли жениться или выходить замуж за Ли и т. д.

Это правило продолжало соблюдаться даже тогда, когда число людей, носящих одну и ту же фамилию, стало огромным во всех частях Китая. Исключения делались только после тщательного расследования, которое должно было показать, что жених и невеста, хоть и носят одну фамилию, происходят из столь отдаленных друг от друга частей страны, что никакое родство между ними невозможно. Естественно, только богатые могли позволить себе такое расследование, которое требовало больших физических и финансовых затрат. Еще одним способом обойти ограничения, налагаемые правилами экзогамии, было усыновление. Если у человека не было сына и он не мог усыновить одного из сыновей своего брата или кузена, он имел право усыновить сына сестры или любой другой родственницы и дать ему свою фамилию. Было вполне законно, хотя и не слишком распространено, если этот молодой человек женился на девушке, носящей его прежнюю фамилию. Экзогамные семьи не препятствовали бракам между родственниками по материнской линии. Поэтому двоюродные братья и сестры могли сочетаться браком, если они не были родственниками по отцу; дети замужней женщины и ее сестры или брата могли пожениться именно потому, что они носили разные фамилии. Такие браки были весьма популярны, особенно среди богатых; такая практика носила название

«наложение родства на родство».

Среди семей высшего сословия было принято вести тщательную регистрацию всех браков в течение многих поколений; очень часто семьи могли проследить свою родословную на протяжении более чем тысячи лет. В таких семьях даже два ребенка с одной фамилией, принадлежащие к одному поколению, не могли иметь одинаковых имен, каким бы далеким ни было родство. В Китае нет широко распространенных «первых» имен. Каждый ребенок имел имя, отличное от других, с тем чтобы его не могли спутать ни с одним другим ребенком. Это достигалось разными способами. Если одного сына звали Го-лао, то его младший брат получал несколько измененный вариант того же имени – Го-чжу. Тогда было ясно, что оба эти сына и все другие мальчики с именем, содержащим частицу «Го», принадлежали к одному поколению данной семьи. Таким образом, можно было сразу понять, каково их место в семье, что было важно при отправлении древних обрядов. Иногда имена лишь слегка различались в написании. В ученых семьях был распространен третий способ, который состоял в том, что один ребенок в качестве имени получал сочетание из двух иероглифов из какого-нибудь классического текста; следующему ребенку в качестве имени давались следующие два иероглифа из того же текста и так далее до конца текста, если семья была большой. Имена таких людей часто имели более чем странное значение: «можно сказать» или «он сделал». Простые люди пользовались более доступными способами, например, прибегали к помощи числительных: так, девятого ребенка в семье Ван могли звать Ван Цзю – Ван номер девять. Если семья имела какое-то отношение к аристократическому клану, то имена детям этой семьи давали старейшины клана.

Отец был хозяином, главой семьи, он приказывал сыновьям выполнять ту или иную работу по его желанию. Он мог выбирать им профессию, определять, какое дать им образование, решать, наказывать детей или нет; в древности он даже мог приказать убить их. Власть отца над жизнью и смертью своих детей никогда не была полностью юридически закреплена; суды не особенно стремились узаконить это право, они соглашались на это лишь в особо серьезных случаях.

Девочки могли выйти замуж в шестнадцать лет. После замужества молодая жена оказывалась в полном подчинении у свекрови. Ее муж, пока был молод, не играл большой роли в семье и мало что мог сделать для нее. Единственным утешением жены была надежда на рождение сыновей, что повысило бы ее семейный статус, и на то, что когда-нибудь она сама станет свекровью. В богатых семьях была распространена практика многоженства, то есть у мужа могли быть наложницы (особенно во времена империи). Социальный статус главной жены и остальных жен в таком случае сильно отличался. Последние беспрекословно подчинялись главной жене, которая по социальному статусу была равна своему мужу. Очень часто в гаремы набирались девушки из семей торговцев, арендаторов и других уважаемых семей, однако иногда в гаремы попадали девушки из веселых кварталов, а бывало, и просто с улицы. Большой честью считалось попасть в гарем императора, и у него было очень много наложниц. Хотя наложницы в гареме и занимали низкое социальное положение, тем не менее их дети и по закону, и по традиции по положению были равны детям главной жены. У них был один отец, и это было самое главное. Обычно старший сын главной жены становился главой семьи, но если у главной жены не было сыновей или если этот единственный сын был по натуре слабым и недееспособным человеком, то главой семьи мог стать и сын одной из наложниц. Тот факт, что полигамия (в форме гарема) была узаконена, часто вносил путаницу в представление о китайской семье. Хотя гаремы разрешались, они были весьма дорогим удовольствием. Наложницы могли иметь собственность, а если они были, как это часто происходило, звездами из мира искусства, то перед тем, как согласиться войти в гарем будущего мужа, они требовали от него весьма крупную сумму денег на содержание. Муж должен был удовлетворять иногда чрезмерные запросы наложниц. Беднякам гаремы были не по карману. Даже среди представителей среднего класса (то есть мелких землевладельцев, торговцев и купцов) гаремы

были не слишком распространены. Подавляющее число китайских семей были моногамными, что объясняется исключительно соображениями экономии. Сейчас гаремы называют типично феодальным реакционным институтом и запрещают его юридически.

Крупный чиновник, зажиточный землевладелец или торговец, которые имели по несколько наложниц, также считали, что в такой системе устройства семьи много недостатков. Часто его семья оказывалась слишком большой, чтобы ее можно было без усилий содержать. У него сразу появлялось слишком много родственников по женской линии, которые вместе с друзьями и дальними родственниками стремились получить у него работу, «выбить» из него определенные знаки внимания, а то и просто оказаться у него на содержании. Таким образом, даже крупные состояния рассыпались в прах.

В китайской истории мало примеров того, чтобы зажиточная китайская семья оставалась таковой в течение многих поколений. Необходимость содержать многочисленных родственников была одной из причин, по которой семьи чиновников аккумулировали в своих руках земли, а крестьянство обезземеливалось. Все это вело к социальным беспорядкам, которые подрывали устойчивость династий.

Наличие гарема было источником многочисленных интриг при дворе. Императоры сами частенько предпочитали наложниц, выбранных по своему вкусу, женам, выбранным по соображениям государственных интересов; нередко императоры оставляли трон детям наложниц. Это становилось причиной многочисленных заговоров.

Еще одним источником беспокойства при дворе были семьи императриц. В империи мог существовать только один правитель, равных ему не было. Он не мог жениться на родственнице по отцовской линии, следовательно, он был вынужден жениться на дочери подданного. Это придавало особую значимость семье императрицы, особенно если она рожала императору наследника.

Честолюбивые устремления этих семей постоянно нарушали спокойствие империи Хань и в конечном итоге способствовали ее падению. Почти все семьи императриц делали попытки узурпировать власть или, по крайней мере, обвинялись в попытке сделать это. Семья новой императрицы пыталась отстранить от власти своих предшественников и поставить на их место своих людей. На самом деле почти все семьи бывших императриц уничтожались, когда к власти приходил новый император. В эпохи более поздних династий эта проблема, кажется, стала менее острой. Семьи императриц использовали все свое влияние, чтобы обеспечить родственников важными государственными должностями, но они уже не устраивали заговоров с целью захвата власти.

Мы уже говорили, что семья была моделью, в соответствии с которой строилась вся система государственной власти. Император – это отец, а подданные – его дети. Страна была собственностью семьи, теоретически все принадлежало императору, точно так же, как в семье вся собственность переходила под контроль ее главы. В результате в Китае не было частной собственности в том смысле, в каком ее понимают в нашем обществе. Собственность семьи не могла быть отчуждена без согласия глав всех ветвей семьи, так как никто не обладал ею в полной мере этого слова и не имел права распоряжаться по своему усмотрению. Семья крестьян, ведущая фермерское хозяйство, имеющая некоторое количество земли, могла распоряжаться семейной собственностью в той степени, в какой ей позволяли средства, то есть глава семьи с согласия всех взрослых сыновей и братьев имел право продать свою землю или купить новые участки. Однако система семейной собственности не могла поддерживаться вне пределов одной семьи, как это было в зажиточных семьях. Непонятно, как этот принцип действовал в семьях, у которых почти или вообще ничего не было, – у поденщиков, например, которые работали за питание и ночлег и почти ничего, кроме этого, не имели. Так жили

миллионы людей при последней империи, после того как в XVII и XVIII веках население страны резко увеличилось. Видимо, более ранние века не знали такой повальной нищеты.

Существовала очень важная причина того, почему люди не желали расставаться со своей землей или стремились приобрести в семейную собственность новые участки: в течение многих лет земля считалась единственно надежным вложением средств, а владение землей повышало социальный статус человека. Привязанность китайцев к своему участку имела и религиозную основу. Во времена феодализма князь или любой другой феодал мог сохранять свое дворянское звание, только если он имел в полном владении участок земли (пусть и небольшой). Там у него были алтари, где он поклонялся богам земли и своим предкам. Пока он исполнял эти обряды, он оставался феодалом. Если его землю захватывали, он больше не мог осуществлять обряды жертвоприношения у этих алтарей. А это, как считалось, означало уничтожение духа предков и свидетельствовало о том, что князь или простой феодал лишился своего звания и богатства. Некоторые из этих верований были восприняты потомками князей, землевладельцами, которые оставались основным элементом в социальной структуре китайского общества с 221 года до нашей эры вплоть до середины XX века. Считалось, что определенная семья происходила из такого-то района одной из провинций. Если это была семья чиновников в нескольких поколениях, то ее родиной обычно была столица, Пекин, или ее предшественники – Кайфын, Лоян или Чанъань. Часто люди в глаза не видели своих родных мест, но духовно оставались неразрывно связанными с ними. Если люди провели там свое детство до того, как началась их карьера чиновников, которая запрещала им служить в своих родных провинциях, они по возможности возвращались домой в старости или из-за болезни. Считалось, что родной воздух полезен для людей и что, питаясь продуктами родной земли и водой из родных источников, можно вылечить любую болезнь. Даже в новое время студентам, обучавшимся за рубежом, часто посылали продукты и небольшое количество родной земли, чтобы они использовали их как лекарство. Таким образом, собственность была больше, чем богатство, это было еще и духовное наследие.

Хотя бедняки были в большей степени подвержены риску во время войн и голода, они тоже старались передавать собственность из поколения в поколение. В некоторых хорошо защищенных регионах, лежавших вдали от дорог, по которым шли армии воюющих, часто можно было встретить крестьянские семьи, в течение нескольких поколений жившие на одном и том же участке земли. В конце XIX века, когда британцы оккупировали территорию Вайхайвай на крайней оконечности Шаньдунского полуострова, западные чиновники обнаружили, что некоторые семьи обрабатывали один и тот же участок земли в течение семи веков; семьи, которые жили на одном месте всего триста – четыреста лет, считались чужаками. Китайский земледелец – не важно, бедный или богатый, – часто имел более длительную (и документально подтвержденную) связь со своим участком земли, чем самые знаменитые дворянские семьи Европы.

Семья была естественным центром поклонения предкам. С точки зрения многих исследователей китайского общества, этот культ был настоящей религией людей и в своей основе более важен, чем буддизм или местные верования, которые в конечном итоге объединились под знаменами даосизма. Это была, без сомнения, самая древняя религия Китая.

То, что при династии Шан было всего лишь культом верховного правителя, стало культом князя и аристократии в целом, а позже стало религией всего населения. Каждая семья имела свой алтарь предков, где стояли лакированные доски в золотых или красных рамках с именами предков, но не более чем в трех поколениях. В алтаре не было портретов или картин. Портреты предков могли висеть в других местах, но они не несли религиозной нагрузки. Крупные кланы, ветви которых часто включали в себя и крестьянские семьи, имели храмы предков,

находившиеся либо в родовом поместье в родной провинции или в ближайшем городе. В определенное время года главы клана проводили религиозные обряды в храме. Здесь же делались записи, касающиеся жизни членов клана. Некоторые из этих записей охватывают очень большие промежутки времени вплоть до тысячелетия. Однако чаще они были менее полными, поскольку в ходе войны и других потрясений ход этих записей прерывался или же уничтожался храм, в котором эти записи хранились. Если у членов клана были средства, храм восстанавливали. Если же нет, то преемственность в клане нарушалась и ведение записей прекращалось.

Храм предков богатого клана часто использовался как школа. Иногда клан содержал школу на территории своего поместья и давал образование всем своим членам, будь то богатый или бедный. Это было в интересах семьи. Каждый способный мальчик мог подняться по чиновничьей лестнице и занять важную должность, что открыло бы широкие экономические и политические возможности для его родственников.

Система семейного обучения была одним из основных источников социальной мобильности, позволяя более бедным членам кланов и их детям подняться вверх по социальной лестнице и вступить в привилегированный класс образованных людей.

В разных частях страны существовали серьезные различия в традициях жизни семьи и клана. Наиболее сильной клановая система была на юге. Частично это объясняется тем, что юг долго был колонией, населенной иммигрантами, многие из которых двинулись туда с разоренного войной севера. Это переселение обычно шло под предводительством выдающегося члена своего клана. Он расселял людей на землях, которые были до того практически необитаемыми, здесь связь между ними укреплялась. Часто на юге целые деревни были населены семьями одного клана, носящими одну и ту же фамилию. Обычно (и такая практика сохранилась у китайцев, живущих за границей) предприятие или банк брали на работу только членов клана владельца, причем преимущественно выходцев из его родного региона. На севере ситуация была несколько другой. Географические названия, например Чжан Цзяжуан, «село семьи Чжан», говорят о том, что нынешние города и деревни когда-то принадлежали одному клану; однако большинство северных деревень теперь заселены людьми, носящими разные фамилии, а некоторые семьи являются в каком-то смысле недавними поселенцами. До 1949 года на юге такая ситуация была бы просто немыслима. Поскольку поклонение предкам, или, вернее, уважение к ним, лежало в основе семейной жизни, то, естественно, уход за могилами предков был одной из важнейших задач живущих членов семьи. В Китае не было общественных кладбищ. Каждая семья хоронила своих умерших на определенном участке своей земли, на полях, за которыми они ухаживали при жизни. Высокопоставленные семьи для этой цели выделяли на своей земле специальные участки с воротами, скульптурами и деревьями. Прекрасным примером подобной практики могут служить императорские гробницы Мин около Пекина. Священная земля протяженностью в несколько миль и могилы прячутся между искусственными холмами.

Семья мелкого землевладельца обычно оставляла угол поля, находившийся в тени нескольких деревьев, где рос мох, чтобы покрывать им могилы. На юге страны могилы вырывали на склонах гор, перед ними строились невысокие, выложенные плиткой надгробия, куда в определенное время года живые приносили дары умершим. Стили могил и гробниц в Китае отличались большим разнообразием. Многие плодородные земли были заняты под кладбища. После образования КНР началась мощная кампания за то, чтобы сосредоточить все захоронения, расположенные на плодородных землях, на общественных кладбищах.

Редко можно найти частное кладбище, которое является действующим в течение двухсот – двухсот пятидесяти лет, хотя семья, возможно, владела этой землей значительно дольше. Считается, что, когда к власти приходила новая династия, все могилы и гробницы сравнивались с землей либо чтобы обеспечить больше площади для сельского хозяйства, либо потому, что

новый режим рассматривался как начало новой жизни, и поэтому предки, служившие ушедшему режиму, не заслуживали открытого захоронения. Тот факт, что захоронения во всех частях Китая являются относительно свежими, может быть результатом именно этого отношения к смене династий, поскольку последняя, Маньчжурская династия пришла к власти немногим более трехсот лет тому назад. Те, у кого не было в собственности земли – горожане и беднейшие слои населения, – хоронили своих умерших на заброшенных землях сразу за городской стеной. В некоторых городах, таких, как Нанкин, некрополь простирался на несколько миль во все стороны от города, у богатых имелись собственные участки. А самые бедные могли найти себе свободные участки земли на том берегу реки, который летом часто затапливался; очевидно, что после наводнений нетронутыми оставались лишь небольшие количества таких захоронений.

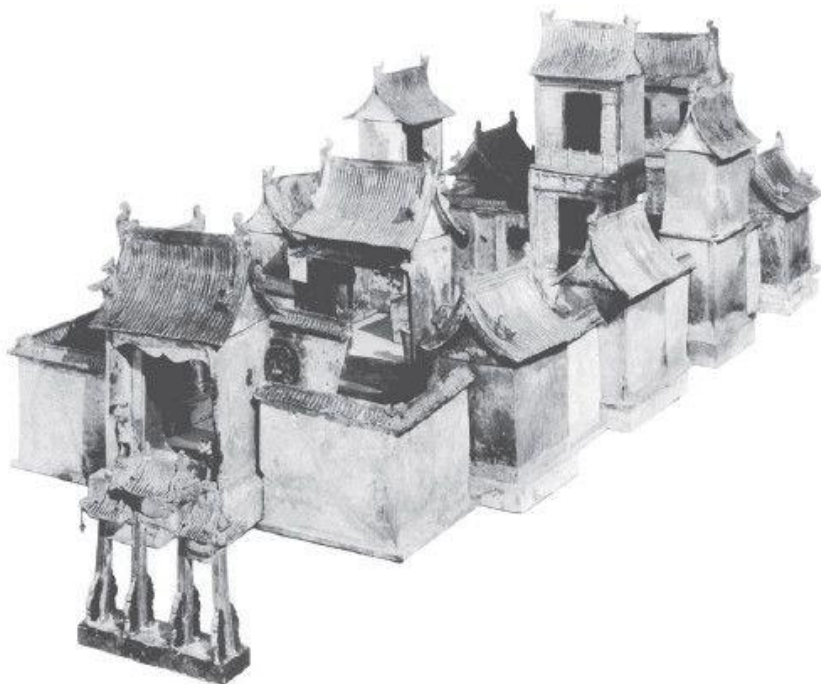
Скульптура из красной глины изображает отца (в центре) с трехдневным сыном на руках. В соответствии с древним обрядом рядом стрелок из лука запускает стрелу, чтобы защитить ребенка от всех зол

Обширные кладбища мешали расширению городов. Там, где к черте города подступали горы и холмы, их склоны были заняты частными захоронениями. Теоретически все неудобья принадлежали государству, но никто не возражал против устройства частных кладбищ богатых семей на склонах холмов, которые все равно были непригодны для сельскохозяйственных работ, поскольку они часто бывали скалистыми или находились в тени деревьев. А для захоронений они были вполне привлекательным местом. К сожалению, на севере Китая на сотни миль не встречалось ни одного холмика. Китайцы очень внимательно относились к выбору места для могил, отталкиваясь от положений геомантии, которая учитывала естественный ландшафт местности, направление водных потоков, расположение гор и лесов по отношению к сторонам света и т. д. Все это считалось либо добрыми, либо плохими знаками. Удачно расположенные могилы, где преобладало влияние добрых сил, не только гарантировали счастье умершим, но и их благосклонность по отношению к потомкам. Говорят (и, возможно, это так и есть), что компас был изобретен именно для того, чтобы с наибольшей точностью выбирать подходящее место для захоронения. Считалось, что лучше всего, когда могила обращена на юг. Южная сторона ассоциируется с силой, выносливостью и положительными чертами характера. Север – это инь, сторона, лишённая солнца. Она приносила несчастье. Никто не строил домов, обращенных лицом на север. Образцом тому является дворец в Пекине, у которого с северной стороны был насыпан искусственный холм, называемый Цзиньпань,

который был сооружен, чтобы оградить дворец от всех негативных воздействий, идущих с несчастливой стороны. На его северном склоне расположен только один павильон, в котором находился до дня погребения гроб с телом умершего императора.

У китайцев существовала многовековая традиция посещать могилы предков в день весеннего праздника в конце марта – начале апреля, когда воздух чист и прозрачен. Иногда в этом обряде принимали участие гости семьи, находящиеся далеко от собственного дома. (Праздник называли Цинмин, что означает «чистая свежесть».) На траве около могил обычно устраивался изысканный пикник. Перед подачей гостям каждое блюдо на несколько минут помещалось на алтарный камень, который стоял перед могилой главного предка; иногда его подносили и другим, не столь давно умершим предкам. После этого один из членов семьи (чаще всего девочка-подросток) почтительно кланялся могиле и убирал блюдо, которое затем подавали всем собравшимся. Эта маленькая церемония символизировала сохранение духа предков у их потомков. Конечно, в разных регионах существовали разные обычаи, однако Цинмин праздновался во всем Китае. Во время праздника, отмечавшегося в середине осени, аналогичная церемония проводилась дома. Перед алтарем, уставленным яствами, глава семьи перечислял имена всех предков и умерших членов семьи. Их имена были записаны красными чернилами на листах бумаги. Каждый листок на несколько минут клался на алтарь, чтобы получить подношение, а потом сжигался. Даже в семье среднего достатка количество перечисляемых имен было очень велико, и церемония могла длиться несколько часов. Этот обряд совершался во внутреннем дворе дома напротив главной комнаты, алтарь также был обращен на юг, на сторону ян. Эти обряды, вероятно, проводились только в семьях крупных землевладельцев и купцов, бедные и простые крестьяне не имели достаточно средств для этого, да и не были грамотными, чтобы проводить подобные обряды.

И в китайской, и в западной литературе китайскую семью обычно описывали как очень большую, с многочисленными родственниками, живущими в одном доме под руководством патриарха и старейшин обоего пола. Это был идеал семьи, и он иногда действительно встречался в реальности в весьма ограниченном круге самых богатых. Но к бедным слоям населения этот идеал не имел никакого отношения. Их дома были слишком малы и могли вмещать только одну семью. Родственники могли жить по соседству в той же деревне, но в отдельных домах. Тем не менее обязанности по отношению к родственникам, даже дальним, были одинаковы как у богатых, так и у бедных. Богатый человек или чиновник должен был помогать большому числу родственников, некоторые из которых вообще ничем не занимались, в то время как другие помогали ему разными способами, выполняя обязанности агентов или посланцев.

Модель покоев высокопоставленной семьи, выполненная из красной глины, должна была быть положена в могилу. Перед передними воротами сделана ширма, которая предназначалась для защиты дома от вредных воздействий. Обычно такая ширма помещалась за главными воротами дома

Нельзя было забывать о родственниках, потому что они были его семьей и могли претендовать на любую заработанную им монету. Груз, который нес обеспеченный член семьи, был огромен, и часто это становилось причиной коррупции среди чиновников. Богатый человек должен был постоянно пополнять свои сундуки, которые не менее регулярно опустошались целой толпой родственников и приживалов.

От притязаний родственников страдали все без исключения семьи. Если поле, на котором работала семья, было слишком мало, чтобы обеспечить пропитание всем сыновьям, то некоторые из них отправлялись в город наниматься на работу. Они должны были отсылать некоторое количество денег домой. Если же они теряли работу или заболевали, то возвращались в семью, уверенные, что дома их примут и будут обеспечивать. Их существование поддерживалось остальными членами семьи до того момента, как дети выздоравливали и находили новую работу. Другого вида социальной помощи просто не существовало. Государство ничего не делало для безработных и нетрудоспособных, они могли ожидать помощи только от семьи. Не существовало никаких учреждений, чьей задачей было бы оказание помощи нуждающимся: не было ни детских домов, ни больниц, ни домов престарелых.

Поклонение предкам ограничивалось рамками семьи, не более того. Буддизм никоим образом не поощрял заботу о нуждающихся. Согласно буддизму мир – лишь иллюзия, от которой человек может уйти посредством знания. Прежде чем стать монахом в буддийском монастыре, человек должен был внести определенную плату. Именно условия жизни делали семью самым важным элементом китайского общества, а родственные связи – столь крепкими. Человек, не имеющий семьи, был сродни утлой лодчонке во враждебном море жизни.

Из этих-то одиночек, людей из «разбитых семей», как говорили китайцы, людей, не имевших ни дома, ни собственности, ни родственников, и появлялись самые жестокие и безжалостные преступники, разбойники, которые жили в горах и грабили путешественников. Иногда именно из этой среды выходили главарь повстанцев. Только семья обеспечивала постоянную дисциплину, материальное обеспечение и заботу, была единственным средоточием верности и

добродетели. Государство претендовало на звание верховной семьи, института, заботившегося обо всех своих подданных как о членах семьи, во главе которого стоял отец – император. Однако на практике государство выполняло эту свою функцию только по отношению к очень ограниченному числу приближенных, чиновников, военных. Богатство и само счастье этой группы людей целиком зависело от возвышения или падения династии. К ним не всегда благоволили, но все же они жили рядом с императором и за счет императора, точно так же, как родственники богача жили с ним и за его счет. Именно поэтому приближенные ко двору ученые были почти всегда верны одной династии, иногда до ее конца. Однако когда династия была свергнута, они спешили подчиниться ее преемникам.

Приверженность китайцев их семейным правам и обязанностям в противовес общественным правам в целом тормозила развитие экономики, особенно на стадиях развития капитализма. Поскольку бизнес был семейным делом, в него не допускались посторонние. Им не доверяли. Капитал считался семейным. Акционерного капитала не существовало, поскольку с какой стати чужаки должны были получать прибыль или нести убытки, являвшиеся результатом деятельности членов семьи. Поэтому совместные акционерные предприятия не получали распространения в китайской экономике. Попытки организовать такие предприятия в подражание Западу очень редко были успешными. Это явилось одной из причин того, что разрушение капиталистической системы, которая получила некоторое распространение в Китае, не вызвало ни большого сопротивления, ни сожалений. Она была чужда китайцам, капиталистические предприятия управлялись чужестранцами или их подражателями, которые составляли класс нуворишей, не имевших настоящих корней в стране и не пользовавшихся уважением соплеменников.

Семейный бизнес был, пожалуй, менее рискованным, чем капиталистические предприятия. Все семейное богатство могло рассыпаться в прах, если капиталовложения не приносили прибыли либо возможная прибыль в будущем требовала вложения слишком крупных сумм в настоящем. Добыча угля, судоходство в крупном масштабе и тому подобные предприятия были слишком рискованными, чтобы ими могла заниматься одна семья. В XIX веке, когда государство попыталось внедрить такие предприятия, оно потерпело неудачу. Чиновники не имели никакого опыта руководства такими предприятиями, а бизнесмены, которые были поставлены во главе этих предприятий из числа торговцев, видели в своей работе только источник личного обогащения и продвижения своих родственников на важные посты, где тоже можно было разбогатеть.

Торговый капитал был очень ненадежной вещью в Китае. Дело в том, что никакой системы страхования не существовало. Пожар, захват города врагами, наводнение или любое другое бедствие могло в одну ночь уничтожить все состояние купца. Что касается социальной лестницы, то торговцы занимали на ней одно из последних мест; они ставились ниже крестьян. Правительство, обычно довольно враждебно относившееся к торговле, мало что делало для того, чтобы защитить торговцев, но зато с удовольствием опустошало их карманы.

Даже в XIX веке торговцы, которых правительство отбирало для ведения монопольной внешней торговли в Кантоне, часто разорялись из-за действий этого самого правительства. Именно их обвиняли во всех проблемах, возникавших с иностранцами. Их деятельность могла непродолжительное время приносить доход, но в конце концов все кончалось разорением. Естественно, купцы стремились вкладывать сбережения в землю, чтобы повысить таким образом свой социальный статус и обезопасить состояние. При нескольких династиях это запрещалось законом, но люди находили возможность обходить законы.

Последствия подобной экономической системы были весьма многообразными. С одной стороны, она способствовала укреплению социальной стабильности в обществе, с другой – в определенной степени препятствовала дальнейшему экономическому развитию страны. Из-за

того, что не уделялось никакого внимания разведке месторождений природных ископаемых, наука и техника, в которых у китайцев было не меньше талантливых людей, чем в любой другой стране, практически не развивались. В свое время именно китайцы изобрели упряжь, водяную мельницу, зубчатое колесо, порох, компас, бумагу и книгопечатание. Однако за исключением двух последних, которые служили интересам придворных ученых, все эти изобретения в полной мере не использовались.

Китайская система семьи оказала огромное влияние на общество. Вместе с государством, созданным по образу и подобию семьи, она в течение многих веков поддерживала в китайском обществе относительное спокойствие; там не существовало серьезных социальных диспропорций. Смена династий никоим образом не затрагивала основ семейной системы, это было лишь чисто политическое событие и потрясение. Напротив, смена династии лишь укрепляла систему китайской семьи, ликвидируя нежелательные явления, такие, как, например, чрезмерное расширение земельных владений одной семьи.

Китайская литература, особенно романы XVI–XVIII веков, в которых тема семьи была основной, наглядно свидетельствует о том, что теория существования семейной системы существенно отличалась от действительности. В теории главой семьи всегда был старший в роду мужчина (отец или дед), чья власть над родственниками была безграничной.

Семь членов зажиточной семьи династии Мин, одетые в богато вышитые одежды, позируют для группового портрета

На деле же в доме большей властью и уважением пользовалась старшая женщина (бабушка или даже прабабушка семейства). Отец (дед) в основном управлял, что называется, внешней деятельностью семьи. Он принимал решения, касающиеся ведения дел, планировал капиталовложения и приобретение или продажу земли, выбирал профессию для младших членов семьи. Но что касается внутренних дел семьи, то тут право голоса оставалось за его женой или матерью. Она вела домашнее хозяйство: нанимала, увольняла или наказывала слуг, планировала семейный бюджет, договаривалась о сдаче в аренду любой собственности. Ее влияние было огромным и, как правило, консервативным. Семейный матриархат распространялся и на младших женщин семьи. Мать семейства решала все вопросы, связанные с их браками. Редко бывало, чтобы о браках договаривались мужчины, не спрашивая ее согласия. В богатых и высокопоставленных семьях женщины были весьма образованны, хотя и не получали того классического образования, которое требовалось для сдачи экзаменов при поступлении мужчин на государственную службу. Интересы женщин в основном лежали в сфере художественной литературы, буддийской и даосской литературы, искусства. Женщины были более религиозны, чем мужчины, правда, при этом они редко серьезно изучали книги Конфуция. Мужчины были преимущественно агностиками, а женщины – приверженцами буддизма. В своих мемуарах Мао Цзэдун писал, что его мать была убежденной буддисткой, причем эта ситуация была обычной в семьях образованных людей. В результате именно женщины определяли религиозные настроения в семье. Часто в эти семьи приглашались буддийские монахи для исполнения тех религиозных обрядов, в которые мужчины не верили.

В какой-то степени эти обычаи высшего сословия распространялись на крестьян и бедняков. Неграмотные крестьяне были так же суеверны, как и их жены, а крестьянка, не имевшая ни слуг, ни образования, ни денег, имела мало возможностей для утверждения своего авторитета в семье. Но, как и женщины из высшего сословия, именно она вела домашнее хозяйство. Ее власть проявлялась в основном по отношению к невестке. Конкубинат [1 - Конкубинат – незаконное сожительство.], столь широко распространенный среди богатых, был экономически невозможен для бедных, и, как следствие, среди крестьянства было мало больших семей. Тем не менее крестьяне стремились и в семейной жизни следовать моделям, установленным высокопоставленными семействами, надеясь в будущем занять более высокое положение в обществе.

Второй пол

Древняя китайская пословица гласит: даже прекрасная и талантливая дочь не столь желанна, как уродливый сын. Мальчикам отдавалось настолько явное предпочтение, что в семьях аристократов долгожданному сыну в детстве иногда давали девичье имя в надежде, что злые духи, приняв его за девочку, не представляющую для них ценности, обойдут его стороной. Рождение сына-наследника считалось делом первостепенной важности, и, чтобы приблизить этот момент, прибегали к всевозможным средствам: колдовству, медицине, религии. Рождение дочери не вызывало столь бурной радости, как рождение сына, и крестьяне, не желавшие или неспособные прокормить еще одну девочку, часто топили новорожденную.

Практика детоубийства никогда не была особенно распространена, но подобные случаи учащались во время экономических кризисов, когда даже рождение сына оказывалось для семьи

непосильным бременем.

Однако во время голода взрослая дочь могла найти работу в доме зажиточного чиновника в качестве повара, музыканта или наложницы. Еще ребенком она могла быть куплена дальновидным богачом и воспитываться в его доме, чтобы впоследствии выйти замуж за одного из его сыновей или, если в этой семье только ожидали сына, оставаться в семье в качестве будущей невестки.

Вне зависимости от происхождения, женщину всегда ожидала жизнь в подчинении у кого-нибудь – у отца или старшего брата в детстве, у мужа и его матери после замужества и у своих собственных сыновей после смерти мужа. (Она могла самоутвердиться, только когда сама становилась свекровью после женитьбы своих сыновей.) После свадьбы у нее было две фамилии – мужа и отца; и вне зависимости от возраста и положения, к ней обращались «тетушка» или «бабушка».

На рисунке, приписываемом кисти художника XIV в., изображен император Хо Чжу, правивший в VI в. Он сидит перед ширмой, на которой изображен пейзаж, и сочиняет стихи. Чтобы у императора появилось вдохновение, наложница играет ему на лютне, а еще три женщины прислуживают ему

Муж мог развестись с ней, если она была бесплодной, имела какое-либо хроническое заболевание или проявляла непочтительность по отношению к свекру. Женщина должна была быть абсолютно покорна воле мужчин, как это прописано в книгах династии Тан: «Хорошая жена не должна часто выходить из дому... и должна усердно трудиться. Если ее зовут, она немедленно должна приходить на зов; если ей приказывают уйти, она должна немедленно уйти. Если она не делает этого... упрекни ее и накажи».

Придворные дамы

В эпоху династии Тан в моде были пышнотелые женщины – в подражание роскошному телу Ян-гуйфей, наложницы императора Мин-хуана (685–782 гг. н. э.); однако очень скоро в моду вошел новый эталон женской красоты, в соответствии с которым у женщины должно быть бледное лунообразное лицо и по-мальчишески стройная фигура. Китайские красавицы одевались в платье свободного покроя с чрезмерно длинными рукавами; они бинтовали себе ступни, поскольку считали, что такие деформированные крошечные ноги делают их походку более изящной. И дамы света, и певицы при дворе украшали свои прически жемчугом и перьями.

Надгробные фигурки династии Тан (в центре и справа) олицетворяют различные эталоны женской красоты: одна из них хрупкая, вторая – тучная. Крайняя слева – еще одна фигурка эпохи Тан, одетая в традиционную китайскую одежду

На фрагменте картины XVII в. влюбленные обнимаются в уютно обставленном павильоне.

Цуй Инь, знаменитая героиня драмы эпохи династии Юань «Западный флигель». Она изображена со своим возлюбленным, а ее служанка (которая была сродни испанской дуэнье) всячески способствует их счастливым встречам

Наложницы и гетеры

Одна из заповедей Конфуция гласит: «Будь умерен во всех семи страстях». Несмотря на все истории о нездоровом потакании своим страстям, китайцы обычно соблюдали эту заповедь. Сексуальные потребности удовлетворялись без ложного стыда и открыто обсуждались. Богатые чиновники содержали наложниц, а менее зажиточные, согласно утверждениям Марко Поло, пользовались услугами «падших женщин», которые ожидали их в богато обставленных комнатах или, чаще, в тавернах, на борту лодок и в придорожных гостиницах. В этих условиях женам чиновников разрешалось заводить себе «дополнительных мужей». Роскошная жизнь императорских наложниц породила сказки вроде той о самовлюбленной красавице, которая больше всего любила рвать дорогие шелковые платья. Возможно, самой известной из всех наложниц была Ян-гуйфей: ей каждый день за тысячу миль привозили ее любимые орехи.

Игры детей

В условиях большой китайской семьи, когда под одной крышей жили люди нескольких поколений, ребенок любого члена семьи считался драгоценной собственностью всей семьи. В этой коммуне, построенной по иерархическому принципу, старшие дети заботились о своих братьях и сестрах. Они все вместе играли во дворе дома или на улице, и обычно за шалости их лишь слегка журили.

Вынужденные довольствоваться весьма примитивными игрушками, маленькие китайцы придумали простейшие игры, в которых могло участвовать несколько человек: в мяч с перьями, в камушки, «корзинку», в волков и овец.

На двух фрагментах рисунка XII в. женщины заканчивают работу над только что сотканным шелковым полотном – они растягивают полотно специальными скалками и гладят его. Рисунок, который приписывается кисти императора Хуэй Цуня, является копией с более раннего произведения

Однако эти игры заканчивались, когда детям исполнилось семь лет. После этого возраста согласно классическим правилам воспитания мальчики и девочки не могли играть вместе, делить одну кровать и вместе есть.

Роль женщины

«Выращивание червей шелкопрядов и ткачество – самые важные виды деятельности женщин», – заявил поэт, исследователь Конфуция Лю Чжао. Следом за ними идет приготовление пищи для всех членов семьи, прислуживание за столом и приведение в порядок жертвенника после обрядов. Остаток времени можно было посвятить учебе. Однако обычно после выполнения всех этих обязанностей: приготовления пищи, заботы о старых и совсем маленьких, выполнения кучи социальных функций – у китаянок оставалось мало свободного времени. Исключение составляли женщины из богатых семей. Они проводили свое свободное время за вышиванием, светскими беседами, игрой в шахматы и, помимо прочего, курением опиума.

Амазонки

Большинство сказочных героинь Китая и выдающихся исторических деятелей были крестьянского происхождения, и китайский фольклор полон сказаний о девах-воительницах, таких, как «Жанна Д'Арк династии Тан», которая построила крепость в Лэй-чжоу, чтобы защитить себя и своих соратников от варваров. Среди этих выдающихся фигур были такие, как генерал Мулань, который служил своему императору на поле боя в течение двенадцати лет, прежде чем открыть ему и всей армии правду о том, что на самом деле он – девушка, Хуа Мулань. Были среди них и подобные коварной У Чжао, дочери наложницы, сумевшей с помощью интриг, достойных самого Макиавелли, стать императрицей Китая.

Изысканные прически, нарисованные брови, сильно накрашенные лица, хрупкие фигуры и богато вышитые платья, которые традиционно олицетворяют с китайской женщиной, были на деле присущи лишь небольшому количеству китаянок. Мало кто из изнеженных, с маленькими, умышленно изуродованными ножками женщин мог бы вынести хотя бы день – не говоря уже обо всей жизни – на рисовой плантации, где крепкие крестьянки в лохмотьях работали от зари до зари рядом со своими мужьями.

5. Три пути

Одной из отличительных черт китайской цивилизации всегда было место, которое занимала религия в жизни людей и в умах правителей. Китайцы являются, пожалуй, единственным из древних народов, который не создавал для себя образов своих высших богов, удовлетворяясь нефритовыми знаками-символами различной формы. Только китайцы в более поздние века оказались способными воспринять одновременно три религиозные системы и сумели создать в своем обществе условия для гармоничного сосуществования несовместимых религий, провозгласив лозунг: «Три дороги к одной цели». Изучая природу развития религиозных верований в Китае, следует отойти от уже сложившихся представлений о религии, которые представитель западной цивилизации усвоил вместе с христианско-иудаистской религиозной традицией. В Китае на раннем историческом этапе обрядовая сторона религии была отделена от этической стороны, которая с течением времени все более уходила от веры в сверхъестественное и в конечном итоге пришла к откровенному агностицизму. Религия выделилась в особую ветвь общественной жизни, в которой развились две различные формы со своими ритуалами и верованиями, характерными для образованного класса и остальных, так сказать, рядовых китайцев. Влияние других религий проявилось сравнительно поздно, основы чуждых религий очень медленно проникали в сознание людей. Единственной религией, которая смогла хоть как-то повлиять на сознание китайцев, был буддизм, да и тот во многом видоизменился под влиянием образа мысли китайцев.

Позолоченная бронзовая скульптура VI в. изображает Гуаньинь, буддийскую богиню милосердия. Богиня держит в руке цветок лотоса, символ чистоты и плодородия

История развития религии в Китае в чем-то напоминает историю развития религии в остальных странах мира. Как в Древней Греции и Древнем Риме, существует огромный разрыв между чисто национальной религией раннего периода развития общества и зарождением и распространением мировой религии на более позднем этапе. На Западе такой мировой религией стало христианство; в Китае это буддизм. На Западе победа христианства была полной, все остальные верования перестали существовать, и вряд ли современный ученый, изучающий древнегреческую и древнеримскую цивилизации, вдруг станет верить в прежних богов. В Китае древние боги продолжали жить наравне с привнесенными. Философия позднего Китая мало чем связана с философией буддизма. История религии в Европе была бы гораздо ближе к истории религии Китая, если бы образованные европейцы остались стоиками или эпикурейцами, лишь неохотно признавая существование религии масс – христианства, не позволяя ей влиять на образование и не возводя ее в ранг высшего нравственного принципа.

Самыми ранними памятниками письменности, связанными с религиозной практикой и верованиями, являются надписи на гадальных костях периода Шан. Правитель династии Шан обращался за советами к своим предкам, их ответ истолковывался гадателем исходя из трещин, образовавшихся на костях. Судя по надписям на костях, к монаршим предкам относились как к духам-защитникам, в чьей власти было предупредить потомков о грядущих несчастьях или помочь им в трудный период. Еще одним ранним документом, свидетельствующим о вере в духов предков, является молитва, обращенная князем Чжоу к своим предкам; этот памятник относится к раннему периоду династии Чжоу. Князь обращается к своим предкам с просьбой пощадить его старшего брата – князя У и взять вместо жизни князя его собственную жизнь, поскольку Чжоу менее достоин и менее важен для всей династии. Таким образом, здесь предки монарха выступают как равные верховному божеству, Небу, или даже являются более важными субстанциями, чем само Небо.

Многое из того, что известно о веровании и характере древней религии, является лишь предположениями. Документов очень мало, а памятников того периода просто не существует. За исключением храмов, посвященных предкам, никаких других храмов той поры не сохранилось до нашего времени; да и нет свидетельств тому, что эти памятники существовали.

В период династии Чжоу, в I-м тысячелетии до нашей эры, в исторических документах начинают упоминаться новые боги. Одним из них был бог Желтой реки, который носил титул, использовавшийся также и в феодальной иерархии. Это может свидетельствовать о том, что титулы феодалов имели религиозные корни. Божественному князю Желтой реки приносились человеческие жертвы. Выбирали девушку, которая должна была стать его невестой, ее сажали в лодку и пускали в опасное плавание по реке. Вера в речных богов до сих пор жива среди людей. Хотя человеческие жертвоприношения прекратились, сохраняется вера в то, что речной бог считает своим любого человека, упавшего в реку. Лодочники часто боялись спасать этих несчастных, веря в то, что бог, обманутый в своих ожиданиях, выберет его самого в качестве замены. Вполне может быть, что председатель Мао Цзэдун намеренно пытался побороть это древнее суеверие, устраивая публичные заплывы в Янцзы.

Через некоторое время появились записи о других местных божествах, например богах гор и озер. Их всех объединяет одно: они не имели «лица», которому бы поклонялись люди. Древние нефритовые символы замещали богов, но не служили их олицетворением. У них была либо геометрическая форма, либо форма предметов, обычно использовавшихся для совершения ритуалов. Круглый нефритовый диск с дыркой в центре символизировал небо; вероятно, изначально этот символ задумывался как рисунок неба и солнца. Полая трубка с квадратным основанием, которая, вероятно, сначала являлась фаллическим символом, насколько нам известно, символизировала бога земли. В более поздние времена символами неба и земли были простые деревянные таблички с написанными на них именами соответствующих божеств. Древнекитайская религия подняла умение абстрагироваться от конкретного образа на недостижимую высоту: взаимоотношения со сверхъестественным осуществлялись через предков, а не через обряды поклонения великому божеству. Поскольку древние китайцы не придавали своим богам образы людей, то в это время искусство скульптуры не развивалось. Когда же в добуддийский период скульптура все же начала развиваться, она носила светский характер.

Если религиозные верования и обряды правящего класса все еще остаются не до конца ясными современным ученым, то о религиозной практике простого народа вообще нет никаких сведений. Совершенно ясно, что они не принимали участия в обрядах поклонения предкам, которые проводились феодалами. Скорее всего, они поклонялись богам рек и гор.

Единственной формой неортодоксальной массовой религии в эпоху феодализма был культ шаманов. Шаманами были как мужчины, так и женщины, которых называли у. Шаманами становились люди, обладавшие способностью входить в транс и предсказывать будущее. Конечно, ни о какой наследственности здесь и речи идти не могло. Судя по всему, шаманы представляли собой многочисленную уважаемую, возможно, внушающую страх и, уж конечно, влиятельную прослойку китайского общества. Конфуцианские историки и писатели неодобрительно относились к этому виду религиозной деятельности, и вследствие этого имеется очень мало письменных свидетельств об их религиозных функциях. Есть все основания полагать, что подобные культы сохранились в религиозной практике простых людей до наших дней, особенно на юге Китая.

С V по III век до нашей эры, а точнее, с периода упадка феодализма до образования объединенной империи серьезные изменения в общественной жизни нашли свое отражение в религии. Например, изменилось отношение к культам, которые долгое время были распространены, хотя и не вполне понятны. Так, поклонение предкам перестало быть прерогативой класса феодалов и нашло распространение в народных массах.

При династиях Цинь и Хань местные колдовские культы, особенно влиятельные на восточном побережье, распространились по территории всей империи. Им стали покровительствовать императоры и влиятельные чиновники. Вскоре началось взаимовлияние этих культов и философии даосизма, которая использовала аллегории и ссылки на сверхъестественное для иллюстрации своего учения. Некоторые ученые полагают, что даосизм является этическим развитием древних культов поклонения силам природы, а не независимым учением, не привязанным ни к какой религиозной системе. Как конфуцианство наследовало древнему культу поклонения предкам, заменило нравственными нормами выполнение традиционных обрядов, так и даосизм, возможно, явился всего лишь развитием простого культа поклонения силам природы.

В период династии Хань даосизм постепенно ассоциировался с культами колдовства, которые в основном происходили из земель восточного побережья. Вместе с этими культами зародились и идеи, нашедшие позднее распространение в средневековой Европе. К ним относятся вера в философский камень, с помощью которого металл можно превратить в золото; вера в возможность создания эликсира жизни или лекарства бессмертия. Уже во времена династии Цинь император Шихуан-ди послал экспедицию на острова бессмертных в поисках этого лекарства. Позднее император У-ди династии Хань (156 – 76 гг. до н. э.) точно так же страстно хотел заполучить это лекарство и послал за ним своих посланцев к бессмертным. Более предусмотрительный, чем Шихуан-ди, он внимательно следил за экспедицией. Когда он узнал, что посланцы не высадились на острове и не говорили с бессмертными на материке, император казнил их.

Резьба по белому нефриту, датируемая временем правления династии Мин. Мы видим тучную фигуру Матери-земли верхом на оленеподобном животном

Эти неудачи, однако, не остановили развитие волшебных культов. Приверженцы этих культов имели собственную школу, а возможно, и не одну, где обучали приемам колдовства. Насколько сами приверженцы этих культов верили в то, что они делали, остается тайной, однако в народе этот культ пользовался очень большой популярностью.

Что касается даосизма, то он тоже быстро распространялся среди образованных людей. Некоторые барельефы династии Хань, изображающие сцены религиозной тематики, навеяны культами волшебства. Эти барельефы украшали гробницы богатых и влиятельных людей. Они – не только свидетельство того, что образованная часть мелкопоместного дворянства династии Хань вовсе не были последователями Конфуция, как полагали историки. Сцены, запечатленные на этих барельефах, изображают знать, купающуюся в роскоши, проводящую жизнь в развлечениях и на охоте, аристократов, катающихся на колесницах и наблюдающих за театральными и цирковыми представлениями. На этих сценах не очень-то отражена мыслительная и творческая сторона жизни дворянства, а мотивы искусства династии Хань – более земные, чем в более поздние времена. Аристократия царства Хань вела очень активную

жизнь, наподобие английских эсквайров, и без ложного стыда демонстрировала свой образ жизни на надгробных барельефах, твердо веря, что душа в будущей жизни будет наслаждаться теми же радостями, которыми человек наслаждался на земле.

Относительное единообразие религиозных верований всех общественных групп является характерной чертой династии Хань. В конце правления этой династии единообразие было нарушено по двум причинам. Первой причиной явилось восстание крестьян, которые были последователями массовых религиозных культов. Второй причиной следует считать начало распространения буддизма. Революционные религиозные общества, одно – движение Красnobровых, второе – движение Желтых повязок, возникли в периоды серьезных социальных потрясений, причиной которых послужили голод и ошибки в управлении государством. Оба этих общества были последователями культов волшебства, которые обещали своим приверженцам неуязвимость и бессмертие. Движение Желтых повязок было наиболее сильным из всех крестьянских движений. Во главе его стоял монах – приверженец одного из колдовских культов, человек, который, как он заявлял, нашел противоядие от эпидемических заболеваний, которые были настоящим бичом того времени. Движение Желтых повязок во многом способствовало падению династии Хань.

В более поздние времена, как следствие народных восстаний, среди правящего класса укрепилось мнение, что народные религиозные движения потенциально опасны, даже если и не имеют откровенно разрушительной направленности, а часто это было именно так. Идеи апокалипсиса с готовностью воспринимались людьми, которые в условиях частого голода и плохого управления чиновников находились на грани отчаяния. Именно эти причины лежали в основе почти всех крестьянских восстаний. Эти же самые черты были характерны для всех народных восстаний вплоть до нашего времени. Среди них – восстание тайпинов в середине XIX века, участники которого были последователями одной из форм христианства, а также восстание боксеров (ихэтуаней) в 1900 году, руководители которого обещали неуязвимость тем, кто последует за ними. Именно поэтому в течение многих веков правящие круги Китая демонстрировали враждебное отношение к христианству.

Появление в Китае буддизма было второй причиной, по которой религия постханьского периода отличалась от религиозных представлений более раннего времени. Буддизм пришел в Китай торговыми путями, соединявшими страну с Индией и Центральной Азией, которые были открыты в результате завоеваний I века до нашей эры; скоро по этим путям вместе с купцами стали путешествовать и монахи. Последствия появления буддизма в Китае очень важны и серьезны, но его продвижение шло медленными темпами. До II века до нашей эры китайские правители фактически игнорировали существование буддизма у себя в стране, зато после II века буддизму стали покровительствовать при дворе. После того как буддизм был воспринят классом торговцев и теми, кто часто контактировал с путешествующими этими торговыми путями, он начал распространяться среди придворных и образованных людей. Однако простые люди долго его не замечали. В отличие от христианства, которое возникло внутри Римской империи, буддизм был привнесенной религией, завезенной индусами.

Существует серьезное различие между китайским и любым индийским языком, основанное на том, что китайская письменность – это идеографическое письмо, а индийские языки строятся по системе алфавита. Поэтому необходимо было преодолеть многочисленные трудности, прежде чем буддийские книги были переведены и начали распространяться в Китае. К VI веку буддизм уже был широко распространен в Китае – как на севере, где правили династии кочевников, так и на юге, где у власти были китайские режимы. В обеих частях страны правящие круги способствовали распространению буддизма. Южный император У-ди был таким ярким приверженцем буддизма, что три раза отрекался от трона, чтобы стать монахом; два раза он был вынужден платить огромные выкупы буддийским монастырям, чтобы вернуться к выполнению

своих императорских обязанностей. В третий раз его поведение спровоцировало восстание, в результате которого он лишился трона. Примерно в это же время были созданы многие прекрасные произведения буддийского искусства, в основном это были скульптуры, вырезанные в нишах стен монастырей; благодаря своему удобному расположению они сохранились в веках. Буддизм произвел настоящую революцию в искусстве, частично тем, что начала развиваться скульптура, и частично тем, что он ввел в искусство новые темы. Искусство стало религиозным в своей основе и долгое время оставалось таковым.

В 629 г. известный буддийский путешественник Сюань Цзан отправился из Китая в Индию. На рисунке изображен момент его возвращения на родину шестнадцать лет спустя. Он привез с собой буддийские тексты и священные реликвии

Каким бы большим ни было влияние буддизма на искусство, оно не могло сравниться с влиянием конфуцианства на философию, историю и литературу. Китайцы оставались конфуцианцами в том, что касалось государственного управления и образования. Именно в период наибольшего распространения буддизма в Китае стали видны его недостатки. Это не была социальная религия, а китайцы всегда гордились тем, что в их мировоззрении преобладали гуманистические тенденции. Влиянию буддизма была очень слабо подвержена такая черта характера китайцев, как озабоченность проблемами управления миром и людьми. Буддизм все это считал иллюзией. Поскольку буддизм даже не пытался влиять на сферу государственного управления, семейной жизни или жизнедеятельности общины, то именно эти сферы жизни оставались под влиянием конфуцианства. Отсюда возник чисто китайский феномен: способность удерживать в равновесии две противоборствующие религии на том основании, что каждая из них может быть в чем-то права. В любом случае для китайцев практика всегда была важнее теории.

Чтобы быть последовательным в своей вере, конфуцианец, верящий в сыновний долг и в обязанность родителей воспитывать сыновей ради продолжения рода и ради того, чтобы поклонение предкам не прекращалось, никак не мог согласиться с тем, что душа человека после

его смерти перемещается в тело другого существа и теряет всякую связь с местом своего земного существования. Точно так же истинный буддист не мог верить в обряды поклонения предкам или в незыблемость принципов почитания родителей. Почему это вдруг человек должен поклоняться своему предку, чья душа уже переселилась в какое-то другое существо, возможно, даже не человека? Рождение и воспитание детей тоже не было предметом особого внимания буддизма. Дети – это лишьместилище душ, переселившихся в них неизвестно от кого, и своим родителям они были обязаны лишь своим внешним обликом.

Долгом буддиста было постепенное достижение все более высокой степени инкарнации, пока, наконец, он не достигнет нирваны, состояния абсолютного покоя и единения с вечностью, с Буддой. Эти идеалы были поистине далеки от этических и религиозных взглядов конфуцианцев.

Даосизм представлял собой еще одну разновидность религиозных верований, имевшую свой пантеон богов, многие из которых пришли из истории Древнего Китая. Конфуцианство в своем учении лишь делало легкий реверанс в сторону древних богов, в которых конфуцианцы по большому счету уже давно не верили. Даосизм же, напротив, расставил своих богов по разным степеням иерархической лестницы в зависимости от того, какими силами природы они ведали. Это было похоже на иерархию чиновников, управлявших министерствами и провинциями. Речные драконы отвечали (не важно, удачно или нет) за водные потоки. Они требовали уважения и поклонения, им нужны были собственные храмы и священнослужители. Боги гор властвовали над горными вершинами и тоже получали свою долю почитания. То же самое касалось и других явлений природы, каждое из которых имело своего собственного бога. Нефритовый император, небесный монарх, являвшийся точной копией императора на земле, управлял всей природой, являясь верховным божеством. Такова была внешняя доктрина даосизма, но по отношению к более просвещенным и образованным даосизм применял свое тайное учение, которое посвящало приверженцев даосизма в его основы и знакомило их с упражнениями, с помощью которых можно было обрести лекарство бессмертия и получить золото из окалины. Старое философское учение даосизма также продолжало существовать. Оно сосредотачивалось на том, каким образом мудрец может достичь единения с дао, с природой, и таким образом преодолеть все отрицательные стороны человеческого существования. Философский даосизм делал физическое бессмертие в большей степени следствием единения с дао, а не конца самого по себе.

Вера в эти даосские доктрины была несовместима ни с буддизмом, ни с конфуцианством. Вопрос о физическом бессмертии для буддиста был просто неуместен, а для конфуцианца физическое бессмертие было просто нежелательной возможностью. Бессмертный мог иметь в свое время миллионы отпрысков, но на небесах он не был чьим-либо предком. Для упорядоченной системы конфуцианства сама эта идея была шокирующей и разрушающей. К счастью, она представляла собой лишь чисто теоретическую, умозрительную проблему: бессмертные, о которых говорили даосы, конфуцианцами, как таковые, не воспринимались. Период формирования религиозной системы в Китае затянулся до конца VII века нашей эры. С V по VII век в Китае появились новые направления буддизма, которых не было в Индии, там буддизм начал уступать место возрождающемуся индуизму. Самым известным и влиятельным из новых направлений было чань, которое хорошо известно на Западе под названием дзэн-буддизма. Это направление, несомненно, возникло и развивалось под влиянием даосизма. Подобно даосизму, оно отрицает необходимость изучения религиозных книг и высмеивает организованное обучение основам религии. Просветление должно снизойти на человека как внезапное откровение, результат длительной медитации, отрешенности от мирских забот и углубленного самосознания.

На рисунке, датируемом эпохой Юань, изображен буддийский миссионер, сидящий на опавших листьях и читающий рукопись на санскрите

Еще со времен феодализма эти идеи в Китае служили противовесом заформализованности и логике конфуцианства. Когда ученый или чиновник, бывший всю жизнь приверженцем конфуцианства, наконец, имел возможность уйти на отдых, он, как правило, становился монахом дзэн или даосом-послушником и уходил высоко в горы, чтобы посвятить остаток жизни размышлениям о сущности бытия, рисованию и поэзии. Китайцы не считали эти три пути полностью несовместимыми друг с другом, поскольку все они вели к достижению мудрости и душевного спокойствия. Течение чань (дзэн) имело в Китае многочисленных последователей. Позже это направление буддизма распространилось в Японии, где тоже приобрело много сторонников. В наши дни дзэн-буддизм очень популярен среди западных ученых и творческих людей. К началу X века нашей эры, в конце правления династии Тан, буддизм, за исключением течения дзэн, вступил в период зрелости. Он превратился в могущественную мировую религию. Буддийские монастыри стали крупными землевладельцами, а монахи чаще интересовались политикой, нежели религией. Даже буддийское искусство стало носить более мирской характер. Один из ученых эпохи Тан отмечал, что художники и скульпторы изображали бодхисатв в виде танцовщиц, так что каждая танцовщица могла вообразить себя бодхисатвой. Хань Юй,

известный конфуцианский ученый и государственный деятель IX века, жестко критиковал точку зрения о том, что современный ему буддизм был религией, дающей надежду, и даже написал записку императору, в которой осуждал принятие им святой реликвии, кости Будды. Его жалоба является одной из жемчужин китайской прозы, но, судя по всему, она не произвела никакого впечатления на императора-буддиста. Единственное, чего он добился, было то, что он был предан поруганию и выслан. Один из наследных императоров династии Тан, привлеченный скорее богатством буддийских монастырей, а не искренним отрицанием буддизма как религии, устроил настоящее гонение на буддистов. Земли монастырей подверглись секуляризации. Монахов и монахинь заставили вернуться к мирной жизни и создать семьи, поскольку их отказ от семейных уз противоречил идеям конфуцианства, но в результате он сократил число налогоплательщиков. Это преследование по религиозным убеждениям, начатое императором У-цзуном в 845 году нашей эры, в первую очередь было направлено против другой привнесенной религии – манихейства, которое появилось в Китае в эпоху династии Тан. Когда запрет этой религии распространился и на другие чуждые китайцам течения, пострадали не только последователи буддизма – несторианство тоже подверглось гонениям.

На рисунке эпохи Сун буддийские «посвященные» демонстрируют собравшимся даосам

таинственную силу древних писаний

Несторианство было завезено в Китай из Сирии, которая тогда была частью Византийской империи, и стало довольно популярным и влиятельным религиозным течением в стране. Памятник, который до сих пор существует в столице империи Тан Чанъани, свидетельствует о восстановлении городской церкви в VIII веке, и среди благотворителей этой церкви значатся имена нескольких князей.

Судя по всему, буддизм быстро восстановил утраченные позиции, когда на смену У-цзуну пришли императоры более лояльные по отношению к этой религии и не заинтересованные в дальнейшем уничтожении религии, которая и без того растеряла свое бывшее мировое господство. Но несторианство и манихейство, которые появились в Китае позже буддизма, так и не оправались после гонений на них. По свидетельству странствующего монаха-несторианца X века, церкви были заброшены и лежали в руинах, а число приверженцев этой веры значительно сократилось, и они были разбросаны по всей стране. Возможно, не сохранилось бы даже воспоминания о том, что такая религия когда-то существовала, если бы христианские миссии более поздних веков не заметили сохранившийся в Чанъани памятник.

Манихейство проникло в Китай из Персии; в начале династии Тан еще много персов-беженцев из империи Сасанидов, только что завоеванной мусульманами-арабами, обосновались в Чанъани и, несмотря на некоторые трудности, получили разрешение соблюдать обряды зороастризма. Однако эта религия так и осталась ограниченной узким кругом ее последователей. Община персидских беженцев, одним из членов которой был наследник трона Персии, постепенно была ассимилирована правящим классом Китая.

Еще одна чужеродная религия, ислам, появилась в Китае в период правления династии Тан, но ее влияние стало расти в более поздние века. Ислам был завезен в Китай уйгурскими солдатами-наемниками в конце VII – начале VIII века. Примерно в то же самое время арабские торговцы, часто посещавшие Кантон и Фуцзянь, завезли эту религию в Южный Китай.

Одна из первых сохранившихся двух мечетей была немного позже построена в Кантоне. (Вторая была построена в Чанъани, столице империи Тан.) Одно время мусульманские обряды соблюдались исключительно иностранцами, солдатами или торговцами. Именно поэтому зарождению ислама в Китае почти не уделялось внимания китайскими историками. Возможно, ислам не привлекал внимания и из-за того, что он считался традицией, присущей только иностранцам, поэтому ему позволили существовать и медленно распространять свое влияние. Мусульманская община всегда считалась чужеродной в Китае. Сегодня мусульмане официально считаются национальным меньшинством. Это позволяет правительству Китая рассматривать мусульманские обряды как традиции национального меньшинства, но при этом не допускать пропаганды ислама среди китайцев-немусульман. Мусульманская община в Китае довольно велика.

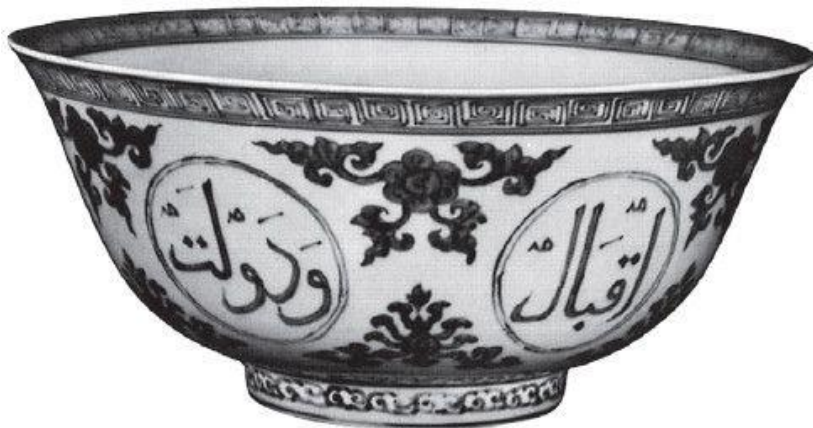
На фрагменте даосской фрески «Правитель южного царства» изображены даосские божества. Слева – окруженная ореолом императрица небес, в центре – ее супруг, Нефритовый император, а рядом с ним – Лао-цзы, философ, проповедник даосизма

Мусульмане есть почти во всех провинциях, однако больше всего их на северо-западе и юго-западе, в провинциях Шэньси, Гань-су и Юньнань. Это свидетельствует о том, что большинство первых мусульман в Китае были солдатами-наемниками, набранными в Центральной Азии и позже поселившимися в пограничных районах. В Кантоне мусульманская община сохранилась, но она невелика. Позже мусульманство начало набирать силу, так как мусульмане стали покупать детей у голодающих беженцев и обращать их в свою веру. Таким образом, община иностранцев постепенно стала расти за счет китайцев. И тем не менее до сих пор в Юньнани и на юго-западе мусульман можно отличить по характерным носам и вытянутым овальным лицам, которые выдают их центральноазиатское происхождение. Однако почти во всех остальных отношениях они являются настоящими китайцами, и даже их мечети построены в характерном для Китая архитектурном стиле. Мусульман также можно было распознать по присущим им видам деятельности. Они занимались перевозкой грузов на мулах и верблюдах; они держали прекрасные закусочные, харчевни и занимались доставкой продуктов питания. Они были отличными мясниками. Все это в основном объяснялось тем, что мусульманские рестораны и мясные лавки отличались завидной надежностью и чистотой. Мусульманские обряды, связанные с забоем скота, требовали стерильной чистоты, а мясо животного, погибшего от болезни или от старости, не употреблялось в пищу.

Как это ни странно, мусульмане также были основными продавцами антиквариата и предметов искусства. Поскольку эта работа связана с покупкой и продажей буддийских и даосских произведений искусства, в том числе масок, которые строго запрещены исламом, то представляется любопытным тот факт, что именно мусульмане занимались этим видом деятельности. Одной из причин может быть то, что произведения искусства – легкоперевозимый товар. А мусульмане были монополистами в сухопутном транспорте.

Естественно, они предпочитали приобретать и перевозить товары, за которые можно было выручить деньги. К тому же произведения буддийского и даосского искусства, попадавшие на рынок антиквариата, были когда-то украдены из монастырей и храмов нечистыми на руку или изгнанными оттуда монахами. Поэтому мусульмане не боялись и не считали зазорным для себя скупать украденные святыни религий, которые они считали идолопоклонническими.

В период правления династии Сун (960—1126 гг. н. э.) в столице империи городе Кайфэн, в провинции Хэнань, появилась первая еврейская община. Она просуществовала там до конца XIX века, когда и прекратила свое существование. Традиционные историки практически не упоминают о ней в своих работах, однако некоторые литературные памятники этой общины дошли до наших дней. Нет никакого сомнения, что довольно долгое время эта община процветала, имела свою синагогу и даже своих ученых, умевших читать на иврите. Непонятно, почему эта община прекратила свое существование в XIX веке, хотя пережила столько ужасных событий, например взятие Кайфэна варварами. Евреи, жившие в общине, были, несомненно, иммигрантами из стран Западной Азии, они ничем не отличались от китайцев, за исключением религии, которую исповедовали. Нет никаких свидетельств того, что их преследовали за религиозные убеждения или по расовому признаку. Вероятно, очень малое количество китайцев вообще знало об их существовании, и еще меньше знали об их связях с евреями и еврейской религией в других частях света.

Фарфоровая ваза XVI в. с выгравированными на ней пожеланиями счастья на персидском языке, на котором говорили мусульмане в Китае

За исключением буддизма, все эти религии были лишь временным явлением в Китае, и поэтому их влияние было более чем ограниченным. Это необходимо иметь в виду, оценивая более позднее влияние христианского учения, проповедовавшегося католиками и протестантами. Китайцы привыкли к регулярному появлению и исчезновению чуждых религий. Императорский двор какое-то время благоволил к некоторым из них, но императорская милость – дело ненадежное. Выжили только те религии, которые были распространены в достаточно многочисленных общинах иностранцев, которые постепенно ассимилировались китайцами. Те же религии, которые существовали внутри маленьких или замкнутых групп иностранцев, постепенно исчезали, по мере того как эти группы теряли свою силу и влияние в обществе.

В конце XVI – начале XVII века, после открытия португальцами морского пути в Индию, в Китае появились первые миссионеры-католики. Конечно, они не знали, что до них здесь уже побывали несторианцы, и не знали, какая судьба тех постигла. Они видели в Китае необъятное поле для своей миссионерской деятельности, ведь здесь не существовало главенствующей религии, враждебной христианству, такой, как ислам на Ближнем Востоке или индуизм в Индии. Ученые-конфуцианцы представлялись им людьми, исповедовавшими философию морали, которая не была абсолютно чужда христианству. Необразованные народные массы

верили в языческие культы и поклонялись многим богам, что было сродни тому, с чем христианство боролось и что оно победило в Древнем Риме. Ни один католический миссионер не сомневался, что тот же успех ждет его во всем Китае. Победа христианства в Риме была подкреплена и во многом обусловлена тем, что сам император принял христианство. Что было нужно миссионерам в Китае – так это китайский Константин. Один из первых миссионеров, святой Франциск Хавьер, умер на маленьком острове у берегов Китая, так и не попав на материк. Но в 1601 году Маттео Риччи все-таки достиг Пекина и обосновался там как уважаемый ученый, хоть и иностранец. Первые иезуиты имели все данные для успешной работы. Они были умными, высокообразованными и глубоко и искренне верующими людьми. Они приехали в Китай и собирались остаться там навсегда. Чтобы сделать христианство привлекательным для образованных людей Китая, они сначала сами стали учениками. Они учили язык, изучали классическую литературу, осваивали иероглифическое письмо, рисование; многие из них достигли определенного уровня мастерства. Их усилия не остались без внимания. Впервые китайские ученые столкнулись с иностранцами, которые могли и, что самое главное, стремились вникнуть в суть китайской цивилизации и привнести в нее что-то новое и ценное. Иезуиты были хорошими математиками и астрономами. Они исправили ошибки, которые вкрались в китайский календарь и создали астрономические приборы, некоторые из которых до сих пор сохранились в обсерваториях Пекина и Нанкина. Иезуиты также были хорошими инженерами, и их умение отливать пушки во многом улучшило состояние военного дела в Китае. Возможно, это не вполне соответствовало христианским догмам, но поскольку династия Мин в это время как раз столкнулась с многочисленными трудностями как во внешней, так и во внутренней политике, которые скоро привели к ее падению, то такой «подарок» иезуитов был с благодарностью принят. После окончательного падения династии в 1644 году, когда лишь в отдаленных районах юго-запада у власти оставалась почти что несуществующая династия, иезуиты наконец-то получили долгожданную награду. Последняя императрица династии Мин была обращена в христианство, а ее сын и наследник, как надеялись иезуиты, должен был быть воспитан в христианских традициях. Но было слишком поздно. Китайскому Константину не суждено было править страной. Его династия лишилась своего последнего оплота и уступила трон маньчжурским завоевателям.

Эта неудача не выбила иезуитов из колеи, их было немало в истории церкви, и она все пережила. Они опять начали свою работу в Пекине, но уже с правительством Маньчжурской династии, и поначалу рассчитывали на успех. Молодой император Канси был просвещенным и энергичным монархом, который подчинил себе всю империю. Совершенно очевидно, что его обращение в христианство принесло бы гораздо больше пользы, чем обращение в христианство последнего императора династии Мин. Казалось, новый император был в полной мере способен оценить образованность и характер иезуитов. Он не принял христианство, однако проявлял терпимость по отношению к этой религии, и во время его правления христианство значительно распространилось в Китае, не только среди простых людей, но и среди представителей высших слоев.

Однако несвоевременная ссора между иезуитами и доминиканцами спутала первым все карты. Иезуиты вполне терпимо относились к некоторым древнекитайским обычаям как не враждебным христианству. Они позволяли запускать петарды во время службы, поскольку такова была традиция.

Доминиканцы осуждали эти обряды как языческие и потому непозволительные. Они обратились к папе римскому, который запретил иезуитам и дальше проявлять подобную терпимость. В 1715 году Канси узнал, что его святейшество папа римский, «глава варваров», с точки зрения китайского императора, вмешивается во внутренние дела Китайской империи. Разъяренный таким поведением, которое он назвал нежелательным и наглым посягательством

на его императорские прерогативы, он полностью запретил пропаганду христианства, выгнал почти всех миссионеров, разрешив остаться только тем, чьи знания и умения были полезны ему самому. Атака на языческие верования китайцев посредством императорской семьи провалилась. Второго шанса у иезуитов не было. В XVIII веке некоторым католическим миссионерам позволялось работать в Пекине и кое-где еще, однако их деятельность была строго ограничена. Они приобрели некоторых последователей, но массовых обращений в христианство им не удалось добиться. Католицизм был всего лишь одной из многих религиозных сект, к которым относились довольно терпимо, но который не имел никакого влияния на общество. Через триста лет после того, как Риччи начал впервые проповедовать в Пекине христианство, общее число католиков в Китае не превышало 2 млн человек, при общем населении 600–700 млн.

Протестанты появились в Китае только в XIX веке. Когда первые протестантские миссионеры прибыли в Китай, им было трудно добиться разрешения осуществлять свою деятельность на территории империи. Дело в том, что запрет, наложенный на деятельность католиков в Китае, распространялся и на них. Однако когда Китай потерпел поражение в Опиумной войне 1840 года, условия мирного договора, подписанного в Нанкине, позволили протестантским миссионерам прибыть в империю, где они могли путешествовать, проповедовать и жить там, где им угодно. Казалось, сила сделала то, чего не могли достичь ни просвещение, ни образование.

На французской гравюре изображены три иезуитских миссионера в Китае. Маттео Риччи (слева) указывает на крест; Фердинанд Вербес (справа) — на армиллярную сферу. В центре Адам Сколл, одетый в китайскую одежду

Однако обстоятельства появления протестантов в Китае предопределили дальнейшее развитие событий. Никто не забыл, что своим появлением на территории Китая протестанты были обязаны победе в войне и воинам, ее одержавшим, поэтому китайцы относились к протестантам с предубеждением и недоверием. В середине XIX века юг Китая охватило восстание тайпинов, во главе которого стоял человек, воодушевленный идеями протестантизма, что чуть было не привело к падению Маньчжурской династии. Хун Сюцюань, «небесный царь», не только был лидером повстанцев, но и религиозным проповедником – пророком, верящим в свою прямую связь с богом. Движение тайпинов, на которое его учение оказало огромное влияние, было своеобразной разновидностью христианства, и поэтому протестантские миссионеры сначала были склонны поддерживать его; однако потом они отказались от этой идеи, поскольку увидели, что лидер движения претендовал на роль пророка, озвучивая откровения, которые во многом противоречили их собственным теориям. Отказавшись от поддержки движения, они, возможно, упустили единственную возможность для любой формы христианства завоевать прочные позиции в Китае. Тайпинское восстание было подавлено, при этом Маньчжурской династии оказали помощь Британия и Франция. Правящие круги Китая были в большей, чем когда-либо, степени убеждены, что христианство является формой подрывной деятельности.

Массы были разочарованы тем, что христианским государствам не удалось поддержать тех, кто, возможно, считался их друзьями.

Протестантские миссионеры продолжали свою деятельность в Китае еще в течение ста лет после тайпинского восстания, однако большого успеха они не добились. Иногда их деятельность вызывала яростное сопротивление, как это случилось с движением ихэтуаней в 1900 году. Эти обращенные были в основном представителями образованного класса, которые посещали миссионерские школы, где изучали иностранные языки и получали западное образование. Многие из этих обращенных не остались христианами, с другой стороны, многие китайцы посещали эти школы, но не все из них стали христианами. Последователи протестантизма в основном были представителями двух больших групп: первую группу составляли молодые люди из относительно небогатых, но образованных семей (такой была семья Сун, которая приобрела значительное влияние при националистическом режиме); вторую группу составляли выходцы из провинциальных приходов, где протестантские миссии пустили прочные корни. Католические миссионеры в основном сосредотачивали свои усилия на конкретных деревнях, где можно было обратить в христианство большое количество людей, протестанты же распыляли свои усилия и в результате почти не имели обращенных среди крестьян. Сельские или городские центры, где христиане-протестанты составляли довольно крупную общину, были редки.

Портрет английского художника XVII в. изображает обращенного в христианство китайца с распятием в руках

Многие миссионеры надеялись, что, если реакционная Маньчжурская династия падет, республика будет более открыта христианскому учению. Однако эта надежда осталась тщетной. В период республики мощное антихристианское движение, тесно связанное с ксенофобией и отражающее подъем националистических настроений, сильно осложнило деятельность миссионеров и даже сделало ее более опасной, чем она была при враждебно настроенных, но трусливых императорах. Миссионеры поняли, что должны сделать свою пропаганду более учитывающей национальные особенности и менее копирующей иностранные религиозные учения. Все большее количество миссионерских центров передавалось китайским священнослужителям. Эта тенденция лишь усилилась во время Второй мировой войны. Тогда большая часть территории Китая была оккупирована японцами, которые выселили или интернировали всех миссионеров из стран-противников: британских, американских, голландских протестантов и французских католиков. Это сильно сократило число

протестантских миссионеров в Китае; что касается католиков, то место французов заняли испанцы и итальянцы. В конце же войны начался обратный процесс. Те, кому японцы разрешали вести свою работу в Китае, теперь считались бывшими врагами. Когда коммунисты пришли к власти после гражданской войны 1946–1949 годов, в Китае, за исключением крупных городов, осталось очень мало миссионеров.

Китайцы – не особенно религиозный народ. Их мышление всегда носило ярко выраженный гуманистический характер, даже в глубокой древности. Люди, их судьбы и их история всегда для китайца значили гораздо больше, чем боги и их власть. Ни в одной другой стране, даже в новое время, образованные люди не были столь явными агностиками и даже атеистами. Таким было мировоззрение китайцев в последние восемьсот – девятьсот лет, по крайней мере, с начала правления династии Сун. Чжу Си, великий китайский философ и истолкователь этики конфуцианства, говорил, что «на небесах нет человека, который мог бы осудить наши грехи». Его точка зрения, в своей основе глубоко атеистическая, нашла много приверженцев среди образованных людей Китая. Этот факт во многом объясняет, почему в Китае образованные люди с большей готовностью восприняли марксизм, чем, скажем, жители западных стран, которые с детства воспитывались в религиозных традициях.

На рисунке XIX века протестантский миссионер и его два помощника переводят Библию на китайский язык

6. Ранние империи (200 г. до н. э. – 600 г. н. э.)

Объединение Китая в единую империю под управлением одного монарха по серьезности и своим последствиям сравнимо с революцией XX века, в результате которой империя была свергнута и на карте мира появилась Китайская Народная Республика. Революция Цинь разрушила феодальную систему Китая. Она свергла власть аристократов и заменила ее более открытым обществом, в котором талантливые люди из низов могли подняться наверх, а благородное происхождение перестало быть гарантией богатства. Революция также расширила границы Китая – они почти приблизились к его нынешним границам. Только крайний юго-запад, провинции Юньнань и Гуанчжоу, оставались за пределами империи. В результате этой экспансии китайская армия вторглась в пустыни Средней Азии, продвинулась до Каспийского моря и впервые открыла безопасный, пусть долгий и трудный, путь в Грецию и Рим, а также в Индию и Персию. Конечно, все это произошло не сразу, однако одно событие тянуло за собой другое.

В результате разрушения феодальной системы возникла новая система землепользования, которая создала отношения землевладельца и арендатора и сделала возможной введение денежной системы и появление новых социальных групп и классов. Объединение страны в империю дало Китаю силы и возможности победить соседние племена варваров и захватить их территорию, дать отпор кочевникам-завоевателям и вытеснить их за пределы Средней Азии. Завоевание Синьцзяна и территорий, лежавших еще дальше, открыло китайцам Центральную и Южную Азию и дало им возможность получить представление о Европе. В конце концов империя Хань, просуществовавшая четыреста лет, с 202 года до нашей эры до 220 года нашей эры, заложила традиции единства, которые доказали свою жизнеспособность для Китая. В начале новой династии Хань идеи феодального сепаратизма были еще очень сильны. Старые княжеские фамилии исчезли, но спокойное правление основателя династии время от времени нарушалось амбициями его собственных военачальников. Император избавился от них и издал закон, согласно которому только члены императорской семьи могли владеть уделом. Эти уделы были маленькими, разбросанными по всем провинциям, и скоро они стали передаваться по наследству и делиться между сыновьями владельца удела. Со временем они уменьшились до размеров поместий и лишились какой бы то ни было политической значимости.

Быстрый рост власти императора замедлялся разрухой, царившей в стране после более чем трехсот лет опустошительных войн. Известно, что, когда новый император Хань взошел на престол, он не мог найти коней одной масти, чтобы запрячь их в свою колесницу. Необходимо было заплатить фунт золота, чтобы купить 120 фунтов риса, а лошадей было так мало, что даже высшие чиновники ездили на волах. При мудром правлении первых императоров династии Хань ситуация постепенно улучшилась. Не сменилось и двух поколений, а историк Сыма Цянь уже смог записать в своих трудах, что страна стала богатой. Аристократы научились скакать на лошадях, закрома ломились от собранного в качестве налогов зерна. Жизнь самого Сымы Цяня свидетельствует о том, что можно было совершенно спокойно путешествовать по Китаю. Понятно, что Сыма Цянь рисует столь идиллическую картину, чтобы принизить роль своего собственного правителя У-ди, которого не любил.

Сыма Цянь, величайший китайский историк, занимал должность придворного астролога, которая передавалась по наследству. Несмотря на некоторые неудачи в карьере, в результате одной из которых его по приказу императора кастрировали, он закончил свои дни будучи любимцем императора и в должности министра

Этот новый правитель Китая взошел на престол в 140 году до нашей эры совсем молодым человеком. Он правил долго и успешно в течение пятидесяти трех лет, до 87 года до нашей эры. Это был один из наиболее спокойных и созидательных периодов истории Китая. Император принял имя «У», что значит «воинственный», после успешных войн в Центральной Азии, на юге Китая, в Корее и Маньчжурии, а также после победы над кочевниками сюн-ну (которые, по мнению некоторых историков, были предками гуннов, тех, что много веков спустя вторглись в пределы Римской империи). Эти войны велись и были выиграны генералами императора; реальная власть императора заключалась в определении направлений внутренней и внешней политики, в чем он проявил большую изобретательность, гибкость и свободу от предрассудков. Помимо задачи защиты империи от кочевников, перед ним стояла и другая проблема – экономическая. Ему надо было ввести в стране рыночную экономику. И еще одно – следовало найти философскую систему, которая подкрепляла бы институт императорской власти. Поскольку было разрешено свободное печатание денег, те счастливые, на чьих землях обнаруживались медные копи, наполняли империю своими монетами и становились, как говорили, «богаче князей». Когда правительство положило этому конец, незаконная отливка

монет стала повсеместной. Император прибегал к различным ухищрениям, чтобы решить эту проблему, но ничто не помогало. Наконец, собрав все свое мужество и бросив вызов собственному двору, император поручил найти приемлемое решение торговцу Сань Хунъяну, представителю презируемого всеми класса, который нашел удовлетворивший всех выход из положения. Сейчас это сочли бы лишь проявлением здравого смысла, а тогда это было настоящей революцией. Печатание денег стало монополией государства, стоимость монет перестала определяться указом, а стала гибкой: она то повышалась, то понижалась в зависимости от ситуации на рынке.

Конфуцианские ученые и историки считали оскорбительным, что император занимается этими вопросами и полагается на людей типа Сань Хунъяна. Они критиковали экономические решения императора, считая, что все вопросы, касающиеся этой сферы, лежат вне компетенции правительства. Однако критики так и не смогли доказать, что меры, предпринимаемые правительством, неэффективны. Сыма Цянь, как честный историк, хоть неохотно, но все же признал, что правительство сумело наполнить хранилища зерном и восстановить экономику.

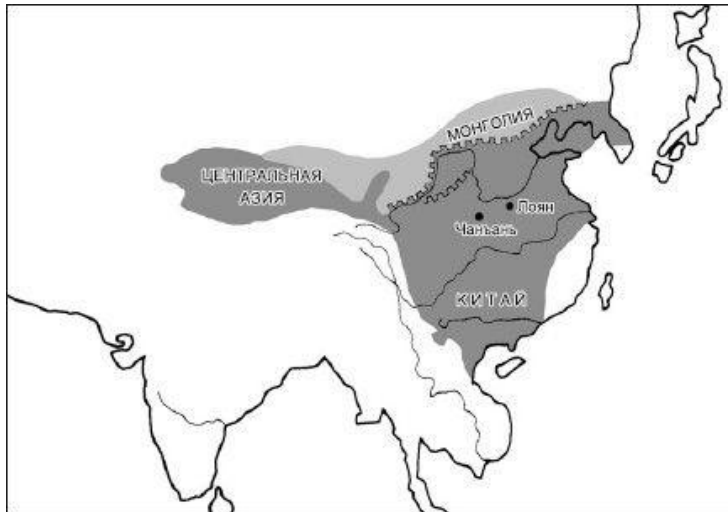
Хотя император У-ди обращал мало внимания на взгляды Конфуция на экономику, тем не менее он покровительствовал философии, но делал это по-своему. Система образования была выстроена в соответствии с точкой зрения конфуцианства и передана в руки конфуцианских ученых. Были сформированы обряды государственной религии почитания Неба и Земли; предположительно, они были созданы по образу и подобию ритуалов и обрядов древнейшей эпохи, но, скорее всего, они возникли на основе весьма смутных традиций, так, чтобы могли удовлетворять требованиям новой империи. Сам император У-ди был ярким поклонником магических культов и благоволил к их последователям, которые обещали ему лекарство бессмертных. Однако он не был слепо верующим в эти культы; ему нужны были результаты, а когда он их не получил, то казнил мага, который обещал ему чудодейственный эликсир. Активный и неутомимый, император совершал поездки по стране даже в преклонном возрасте. Во время его правления не было ни одного восстания, и это является доказательством того, что народ считал его вполне приемлемым монархом.

Внутренние реформы шли успешно; столь же успешным было управление страной; однако что касается внутренней политики, то здесь все было сложнее. Полное поражение и разгром кочевников сюнну произошло только при преемнике У-ди. Но именно император У-ди отправил своих посланцев, чтобы исследовать крайние западные земли. Позднее он направил туда военную экспедицию, которая вошла на территории за перевалом Гиндукуш. Он постепенно присоединил к своей империи провинции Фуцзянь и Гуандун и завоевал земли на территории нынешних Северного Вьетнама и Северной Кореи. Китайская культура, привнесенная в эти районы его военными отрядами, пережила китайское завоевание и составила основу культуры Вьетнама и Кореи. Император У-ди определил границы китайского мира и сформировал внутреннюю структуру Китая в том виде, в каком она сохранилась до начала XX века.

Два императора, правившие после У-ди, тоже были весьма способными людьми, хотя и не такими яркими личностями. Они продолжили дело своего предшественника. Китаем управляли чиновники, которых назначали по рекомендациям. Выдвинутые на должности должны были быть образованными людьми с хорошим характером, лояльные и трудолюбивые. Высокопоставленному чиновнику просто не имело смысла рекомендовать или назначать человека, который не обладал бы хотя бы одним из вышеперечисленных качеств, поскольку он нес ответственность за успехи и неудачи новоявленного чиновника. Пока монарх активно участвовал в управлении, он видел все слабые места, был восприимчив ко всему новому. Эта система работала без сбоев. Проблемы, возникавшие в результате прихода к власти более слабого монарха, быстро и эффективно решались способными министрами.

Сменилось три поколения правителей, и появились все признаки вырождения династии.

Семьи императриц устраивали бесконечные заговоры, которые приводили к истреблению семьи заговорщика. Однако к IX году нашей эры одна из наиболее сильных семей императриц, семья Ван, все-таки довела свой замысел до конца и взошла на престол, узурпировав власть в стране. Ван Ман, «узурпатор», находился у власти в течение шестнадцати лет. В эти годы страну захлестнула волна волнений, беспорядков и катастроф. Во-первых, произошло крупное наводнение в результате разлива Янцзы. Затем страну охватили многочисленные восстания, во главе которых стояли члены бывшей императорской семьи Люй. В результате Ван Ман был свергнут с престола и казнен. Гражданская война шла несколько лет, династия Хань вернулась на престол, который занял император Хуань-ди, отпрыск одной из многочисленных ветвей императорской семьи. Новая династия Хань, как и старая, правила двести лет, с 25-го по 220 год нашей эры.

Первые правители династии Хань расширили империю, совершив походы в Центральную Азию, с чего и начались контакты Китая с Западом. Из столицы – сначала это была Чанъань, а затем Аоян – большинство императоров Хань успешно осуществляли контроль за своей разросшейся империей. Примерно около 121 г. китайская армия перешла Великую Китайскую стену и завоевала степные регионы Монголии

История Поздней Хань лучше, чем история любой другой династии, вписывается в теорию династического цикла. Основатель династии правил долго, справедливо и уверенно. Его непосредственные преемники были способными и трудолюбивыми людьми. Империя расширялась, богатела, но в то же время все больше земли и богатства сосредотачивалось в руках отдельных семей высокопоставленных чиновников. Именно в эпоху Поздней Хань китайцы окончательно укрепились в Средней Азии и стали теснее контактировать с Персией, Индией и Римской империей. Уровень цивилизованности заметно вырос по всему Китаю, это можно видеть, изучая барельефы и надгробия, которые были обнаружены в отдаленных частях страны. Литература и искусство отзывались на изменения, произошедшие в стране; в это же время был написан великий исторический труд «История бывшей династии Хань».

Однако постепенно росла и коррупция; сила семей супругов императора опять стала представлять угрозу для империи. Общество, пусть уже не феодальное, было аристократическим в том смысле, что правящий образованный класс был немногочисленным, но богатым и потому обладавшим значительным влиянием в данном регионе. Влиятельные семьи начали отодвигать императорскую семью на второй план.

Чтобы как-то противостоять этой зловещей угрозе, императоры обратились к новым сторонникам – евнухам. По своей природе эти люди не могли иметь семьи, способные претендовать на изначально неподобающие им положение и влияние. Евнухи в основном были

людьми низкого происхождения, а их состояние целиком зависело от воли императора. Им можно было доверять, по крайней мере, так считали последние императоры Поздней Хань.

Возможно, у евнухов не могло быть наследников, однако они могли накопить состояние и завещать его своим родственникам. По мере того как их влияние росло, все больше людей искали их расположения, которое евнухи «продавали» за деньги. Евнухи становились все более жадными, а их власть могла сравниться с властью высокопоставленных чиновников, хранителей конфуцианских идей.

Конфликт между этими двумя социальными группами возникал во время правления Шунь-ди (126–146 гг. н. э.) и Хуань-ди (126–147 гг. н. э.). Это сорокалетие было временем очень быстрого упадка династии и предвестником трагических событий, которые привели к ее падению. Евнухи помогли императору избавиться от одной из наиболее влиятельных семей жен императоров, семьи Люань, которая находилась при дворе в течение полувека и фактически правила империей двадцать лет. После смерти императора Хуань-ди евнухи возвели на трон молодого человека, известного в истории как император Линь-ди. Он был марионеткой в руках евнухов и слепым орудием их амбиций.

Первый император Поздней Хань Гуань У восстановил мир в Китае после многих лет междоусобных войн. На картине эпохи династии Мин он в сопровождении группы приближенных переходит водный поток

Пока Линь-ди был жив, евнухи сохраняли главенствующее положение при дворе. Они, запугав молодого императора рассказами о заговорах, получили от него право казнить руководителей и тысячи рядовых членов союза ученых, которые представляли реальную силу в борьбе чиновников-конфуцианцев с евнухами. Эта резня фактически уничтожила всех правительственных чиновников, на место которых евнухи поставили своих людей. Они получили право усыновлять детей и оставлять им свои огромные поместья. Это свело к нулю все те преимущества, которых монархия добилась с помощью все тех же евнухов.

Коррупция среди чиновничества приобрела громадные размеры. В это время империю охватила эпидемия, и на ее фоне возник предводитель магической секты, обещавший чудесное исцеление от болезни. Среди крестьян он нашел тысячи сторонников, и скоро они подняли восстание. Его последователи, или, как их звали, Желтые повязки, в течение нескольких лет появлялись то в одной, то в другой провинции. Это было одно из крупнейших и наиболее известных крестьянских восстаний в истории Китая. Императорская армия не всегда успешно вела бои с повстанцами, однако за это время она приобрела очень большое влияние по всей стране. Генералы просто купили расположение евнухов. Император был в полнейшем неведении о том, что происходит в стране. Когда чиновники-конфуцианцы пытались рассказать ему правду, евнухи всегда были начеку и сразу же обвиняли их в том, что они являются тайными сторонниками союза ученых, которого император по их же наущению боялся как огня.

У-ди, основатель Южной Аян (502–557), был известен под именем Воинственный император, однако, несмотря на это, его главные интересы лежали в сфере науки и буддизма. Три раза он отказывался от трона, чтобы стать монахом

Чиновников сразу же казнили. В 189 году император Линь-ди умер, не оставив наследника; евнухи решили посадить на трон мальчика, который не был ни наследником, ни сыном императрицы. Они, однако, упустили из виду тот факт, что брат императрицы был

главнокомандующим армией. В ответ на обращение императрицы он призвал в столицу генералов из провинции и решил уничтожить евнухов. Однако евнухи обманом заманили его во дворец, казнили его и перебросили через стену его отрубленную голову. После этого генералы отдали войскам приказ атаковать дворец, что они и сделали, убив при этом почти всех евнухов, за исключением небольшой группы, которая, захватив в заложники императрицу и двух молодых князей, в суматохе покинула город через потайные ворота.

На следующий день их нашли солдаты амбициозного и жестокого генерала Тун Чжо, который теперь сам захватил дворец и возвел на императорский трон того самого юношу, который был выбран евнухами. Императрица, на которую Тун Чжо был за что-то обижен, была помещена в тюрьму и вскоре казнена вместе со своим сыном, который, возможно, был помехой для соперничавших между собой военачальников. Так началось правление последнего императора династии Хань – Сянь-ди, который в течение тридцати лет был пленником и марионеткой в руках военных. Эти самые военачальники при помощи все еще весьма активного движения Желтых повязок растащили империю на куски, уничтожив всю систему управления. Они разделили страну на три враждующих царства, самое сильное из которых, царство Вэй, фактически управляло ослабевшим двором Хань. В конце концов император Сянь-ди был свергнут с престола, а князь Вэй провозгласил себя императором.

Однако его соперники отказывались признать за ним этот титул, и войны между царствами продолжались еще много лет.

Воюющими сторонами были царство Вэй на севере, которое основано печально известным генералом Цао Цао; царство У на юго-западе и царство Шу на дальнем западе, во главе которого стоял Лю Бай, «солдат удачи», который, возможно, не без оснований объявил себя отпрыском побочной ветви императорской семьи.

Период Троецарствия, с 220-го по 265 год нашей эры, является одним из немногих в истории Китая, о котором традиционные историки очень мало что могут сказать с большой долей уверенности. Особенно это касается вопроса о законности власти. Относительно других периодов истории Китая китайские историки уверены в том, что то или иное историческое лицо является настоящим императором, однако они пришли к выводу о невозможности такого утверждения в отношении периода Троецарствия. Поэтому только этот период называется периодом Троецарствия, а не обозначается по имени какой-то одной династии. Политическая нестабильность, характерная для этого периода, показывает, что раздел Китая был бессмысленным и неплототворным и что раскол мог быть только недолгим. После сорока пяти лет непрерывных войн три царства опять объединились в новую централизованную империю под управлением новой династии, которая узурпировала трон князя Вэй и затем одержала победу над двумя другими царствами.

Династия Цзинь, которая пришла к власти в 265 году, должна была бы возродить старую империю Хань. Это вполне могло бы произойти, если бы не вмешался случай – началось нашествие внешних врагов. Во время долгой и часто запутанной череды военных действий, имевших место после смерти Линь-ди в 189 году, северные границы остались без присмотра. Никто не отвечал за их охрану, поскольку все были заняты борьбой за власть внутри страны.

В то время за Китайской стеной образовались новые племена кочевников, которые возникли на месте сюнну, многие из которых двинулись на запад. Самое крупное и сильное из этих племен уже было отмечено в хрониках Поздней Хань. Это было племя сяньби. Династия Цзинь до поры до времени не обращала внимания на такое соседство. После смерти воина – основателя империи его сыновья вели между собой бесконечные распри, развязали гражданскую войну и начали набирать войска наемников из числа сяньби. Спустя пятьдесят один год после восстановления династии Цзинь произошло наводнение. В 316 году сяньби, воспользовавшись возможностью, вторглись в Китай, захватили столицу Лоян, уничтожили ее и

двинулись к Янцзы. Это препятствие и тот факт, что сырые рисовые плантации были слишком зыбкой почвой для нормального продвижения кавалерии кочевников, дали возможность наследнику обессилевшей династии Цзинь закрепиться в Нанкине и восстановить контроль над долиной Янцзы. Однако север, тогда самый густонаселенный и богатый район Китая, был потерян для страны. Должно было пройти сто лет, прежде чем империя еще раз была воссоединена.

Этот период, известный в китайской истории как эпоха Северных и Южных династий, иногда сравнивается с Темными веками средневековой Европы, за которыми последовало нашествие варваров в Римскую империю в IV–V веках. Безусловно, между этими двумя историческими ситуациями есть сходство, которому придавалось слишком большое значение, притом что принципиальные различия между ними слишком часто преуменьшались. В Китае, как и в Риме, великая империя ослабела и подверглась нашествию варваров, которые захватили половину страны. Императорская власть сохранилась на юге Китая и на востоке Римской империи. Примерно в то же время в обеих частях света укрепились и стали господствующими новые мировые религии – христианство и буддизм.

До этого момента сходство поразительно, однако было бы некорректно продолжать сравнение. В Китае не было Темных веков. Уровень грамотности всегда был довольно высок, исторические события, как всегда, подробно записывались в хрониках, а в литературе появились новые жанры и стили. Век был бурным, однако культура продолжала развиваться. Более того, период стихийного нашествия варваров был в Китае коротким, к тому же территория, захваченная ими, не была настолько обширной. Сянби так и не сумели продвинуться к югу от Янцзы. У южной китайской династии не было опасных и сильных врагов, таких, как персы и арабы, которые постоянно угрожали Римской империи. Северная часть Китая, которая находилась под властью кочевников, была самой населенной и богатой частью страны, в отличие от завоеванных варварами районов Римской империи. В Китае завоеватели очень скоро поняли, что их подданные численностью намного превосходят завоевателей, и потому были вынуждены сотрудничать с ними, чтобы сохранить свою власть. Период насилия и грабежей был относительно коротким. Он продолжался всего семьдесят лет, в течение которых северные провинции стали ареной постоянных столкновений враждующих между собой племен кочевников, в результате чего возникали и через несколько лет сходили с исторической сцены эфемерные режимы. В 386 году в Китай вторглось новое племя кочевников, тоба, которое уничтожило царство сян-би. Последние предприняли попытку захватить юг страны, однако безуспешно. Объединившись на севере в единое государство, племя тоба сохраняло мир в этом регионе в течение более чем ста пятидесяти лет. Их династия Северная Вэй, как называли ее в Китае, исповедовала буддизм и всячески поощряла развитие буддийского искусства. Некоторые величайшие буддийские скульптуры датируются периодом династии Северная Вэй. Режим скоро перестал быть варварским по своей сути. При дворе процветали китайская литература и образование, а китайские ученые служили в министерствах. Правительство было сформировано по образу и подобию правительства старой империи Хань. Правда, в систему управления были внесены некоторые преобразования, которые отвечали требованиям военной аристократии тоба, которая со временем начала заключать браки с китайцами. В результате этих браков возник класс смешанного происхождения.

В политическом отношении Китайская империя на юге была куда менее стабильной. Династия Цзинь находилась у власти до 420 года, то есть примерно сто лет после потери своего севера. После ее падения у власти поочередно, но в течение непродолжительного времени находились четыре династии. Из них только две правили более полувека, и все они бесславно заканчивали свое существование в междоусобицах и гражданских войнах, как только умирал основатель династии. Власть принадлежала небольшой кучке крупных землевладельцев, предводителей

могущественных кланов, которые мигрировали после взятия сяньби Лояна и поселились в богатых, но малонаселенных провинциях Центрального и Южного Китая.

Юг Китая был наименее развитым регионом страны; он очень много выиграл от того, что в Нанкине обосновался двор императора. Нанкин в результате стал очень богатым городом. Постепенно началась колонизация долин рек, которые впадали в Янцзы с юга.

В Северном Китае, находившемся под властью кочевников, численность китайцев, вероятно, уже превышала 20 млн человек, а кочевники составляли меньшинство населения. Там не появилось новых наций, возникших в результате смешения кочевников и местного населения, как это случилось в западных районах Римской империи. В результате этого и других вышеупомянутых факторов разделение Китая на несколько частей было непродолжительным, в то время как Европа остается разделенной до сих пор.

Не прошло и двух поколений, как кочевники утратили свой язык, который почти не оставил следа в китайском языке. Фамилии, которые произошли из языка варваров, в течение нескольких веков весьма часто встречались среди аристократии, однако позже все они исчезли. В течение почти ста лет перед восстановлением единого государства между северными и южными династиями различий почти не было. Их объединению скорее препятствовала их слабость, поскольку ни одна династия не могла победить другую, нежели антипатия, существовавшая между населением.

Китайское общество не подверглось столь глубоким переменам, как те, которые испытала Европа в результате тевтонского нашествия и распространения христианства (как писал Гиббон, это был «триумф варварства и религии»). Однако в Китае на развитие общества оказал большое влияние длительный период разобщенности, а также слабость центральной власти.

Воин в шлеме – керамическая надгробная фигурка Поздней Хань. Воин изображен с поднятыми вверх руками, как бы готовящийся метнуть копье. Вероятнее всего, в могилу эта фигурка была помещена вместе с копьем

В период династии Хань, особенно Ранней Хань, структура китайского общества была более прозрачной, чем когда-либо раньше. Система уездов прекратила свое существование, вместе с ней исчез класс феодалов, на смену которому пришел класс крестьян, которые арендовали землю или владели ею. Что касается зажиточного класса, то теперь он состоял из чиновников, не имевших аристократического происхождения, и потомков аристократических семей. Высоко ценились образование и богатство, а благородное происхождение – очень мало. Вдобавок к образованию и богатству, претендент на чиновничью должность должен был иметь рекомендацию от какого-нибудь влиятельного человека, причем не обязательно родственника. Многие из этих свобод исчезли к концу периода раздробленности.

Пока у власти находились слабые династии, которые к тому же правили очень недолго, привлекательность карьеры чиновника все время уменьшалась. Со времен смуты в конце правления династии Хань к власти могла привести лишь карьера военного. Молодые способные

люди пытались попасть под покровительство успешного военачальника и под его руководством продвинуться по служебной лестнице. При счастливом стечении обстоятельств молодой человек сам когда-нибудь мог стать военачальником, а возможно, и добраться до трона. Такое тоже случалось.

Будда (сделанный, скорее всего, в VIII в.) изображен с символом просветленности на лбу

Если даже новые военачальники и не поднимались на трон, они в любом случае обеспечивали себя и свои семьи крупными земельными наделами, пользовались огромным влиянием и монополизировали высшие должности. Выросла новая аристократия, основанная не на феодальных привилегиях, а на военной власти, и только косвенно зависящая от императорской милости.

История южных династий представляла собой историю соперничества, союзов и предательств внутри этого нового класса общества. Они главенствовали на политической сцене вне зависимости от того, какая династия была на троне. Императорская семья бывала у власти не очень долго, самое большее – в течение двух поколений, затем поворот фортуны поднимал на гребень войны еще один военный клан.

Формы старой империи продолжали существовать. Военные занимали все ключевые посты в государстве и были одновременно и министрами, и генералами. Клановые связи стали ключом к успеху на любом поприще. Молодые люди, имевшие нужные связи и покровителей, могли занимать самые высокие посты, к которым при более упорядоченной системе государственного устройства они должны были бы идти долгие годы.

Китайские историки, приверженные теории династического цикла, пытаются представить эти быстро сменявшие друг друга династии настоящими законными династиями, имевшими Мандат Небес. На деле, конечно, эти династии являлись всего лишь военными диктатурами. Однако после династии Цзинь четыре последующих режима были у власти соответственно пятьдесят девять, двадцать три, пятьдесят пять и тридцать два года. Ясно, что фактически это были режимы, при которых правили основатели династии, ну, иногда еще несколько лет удерживался у власти какой-нибудь слабый отпрыск семьи. Неизбежно престиж института монархии от всей этой чехарды на троне падал. В эпоху Хань уважение к императорской власти было таковым, что даже глупый и недалекovidный правитель мог спокойно оставаться у власти до самой смерти. Теперь же любой влиятельный и могущественный приближенный императора мог посягнуть на его трон; ни одна династия не могла рассчитывать на то, что удержится у власти больше, чем на период жизни ее основателя. Позже результат этой нестабильности серьезно

осложнил существование новой единой империи.

Когда царство Вэй пришло в упадок и север Китая был поделен между соперничающими династиями, те условия, в которых существовала южная династия, стали знакомы и северянам. «Военные» династии, очень тесно связанные между собой и либо со свергнутой династией Вэй, либо с ее преемниками, стали бороться за трон. При этом не важно, были ли они китайского или варварского происхождения. Ян Чжен, основатель династии Суй, был китайцем по отцовской линии и татарин по материнской. Ли, основатели династии Тан, также были китайцами по отцовской линии, а по материнской – тесно связаны с одной из самых известных татарских семей Туку.

После падения династии примерно в 540 году на севере непродолжительное время успешно правили две династии, которые осуществляли пусть неполный, но контроль над всей территорией страны. Вторую из них и сверг Ян Чжен, который был по линии жены родственником свергнутого монарха. Восемь лет спустя, в 589 году Ян Чжен вторгся в южную империю, где правила очень слабая династия, и легко захватил ее. Китай вновь оказался объединенным под управлением одного режима, новой династии Суй. Этот поворот в истории раздробленности Китая наглядно показывает разницу между Китаем и бывшей Римской империей. В то же самое время, когда Ян Чжен из династии Суй быстро и практически безболезненно завоевал весь Китай, император Юстиниан тщетно пытался восстановить римское правление в Италии, даже не надеясь сделать это в Галлии, Британии или Западной Германии.

Этот храм, известный как Талерея тысячи будд, находится в провинции Таньсу на северо-западе Китая. Изображения Будды были искусно вырезаны на внешней стене храма в начале VI в., когда буддизм переживал период расцвета в Китае

Наследие империи Хань оказалось сильнее, чем наследие Римской империи. Сначала казалось, что нет оснований полагать, что династия Суй, начавшая править после объединения Китая Ян Чженем, окажется более жизнеспособной, чем ее предшественники на юге и севере Китая. Она все еще зависела от поддержки со стороны аристократов как во время войны, так и в мирное время. Эти люди никогда не становились союзниками слабого или неумелого монарха. Если бы

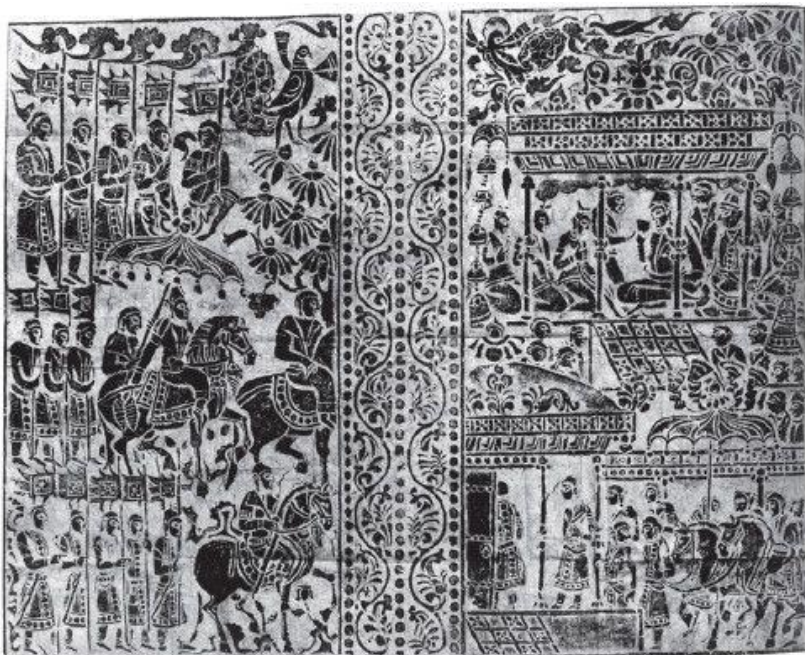
сын и наследник Ян Чжена не завоевал их уважения, они бы вскоре свергли его с трона. Император Ян-ди, сын Ян Чжена, не был слабым человеком, но он был чрезмерно честолюбив и тщеславен. Считая, что его миссия заключается в восстановлении славы династии Хань, он начал походы на северное корейское царство Когурьо, которое занимало не только север Кореи, но и юг теперешней Маньчжурии. Этот регион когда-то управлялся династией Хань, был ее пограничной колонией, но оказался потерян для Китая после падения империи. Император Ян-ди потребовал, чтобы царь Когурьо подчинился ему, но получил отказ, после чего дважды совершал набеги на северное царство. Оба похода оказались неудачными, частично из-за суровой корейской зимы, а частично из-за упорного сопротивления корейцев, которые защищали свои обнесенные стенами города, необходимые китайцам для того, чтобы перезимовать.

Историки незаслуженно упрекают императора Ян-ди за ошибки и за его амбиции в политике, ведь даже после поражений он продолжал ту же линию. Однако эта точка зрения совершенно не учитывает причины, которыми руководствовался император.

Из Китая в Когурьо потоком шли беженцы и крестьяне. Их подталкивала к этому разруха в северных провинциях и высокие ставки налогообложения. К тому же императору надо было чем-то занять огромную армию военных аристократов, которые теперь должны были защищать империю от посягательств со стороны Южного Китая. Император Ян-ди вполне мог решить, что их лучше занять военной кампанией в Корее, чем толкать на восстание против собственного правления. Историки также часто обвиняли его в экстравагантности. Хотя это обвинение было вполне обоснованно, далеко не все расходы шли на оплату помпезных церемоний. Император перестроил столицу и дворец Лоян и основал новую столицу в Янчжоу, к северу от Янцзы, на бывших южных территориях. Хотя император Ян-ди был северянином, он любил юг и научился говорить на «языке У» – диалекте, распространенном на востоке дельты Янцзы. Чтобы соединить две столицы, он построил Большой канал, соединивший Янцзы и Хуанхэ, – широкий водный путь, который используется до сих пор. Ян-ди до сих пор обвиняют в том, что он затратил на этот проект огромную сумму денег только для того, чтобы совершать комфортабельные путешествия на лодках из Лояна в Янчжоу. Однако эта широко распространенная точка зрения игнорирует тот факт, что строительство Большого канала было очень выгодно с экономической точки зрения, поскольку по этому водному пути можно было перевозить товары с юга на север: рис, выращиваемый на юге, был необходим для обеспечения едой императорской армии. К тому же необходимо было развивать торговлю между двумя частями Китая.

Вероятно, ресурсы Китая были недостаточны для того, чтобы одновременно начинать такое грандиозное строительство и вести войну на чужих территориях, куда все припасы могли доставляться только по суше.

В VI в. китайцы тесно контактировали с народами Центральной Азии. На оттиске с каменного саркофага один из высокопоставленных чиновников Туркестана, который умер в Китае, едет в сопровождении приближенных (слева); над ним держат зонт, а вокруг него солдаты со знаменами в руках. Внизу справа группа гостей входит во дворец, чтобы принять участие в празднике

После второго вторжения в Корею в 612–613 годах император Ян-ди, ничуть не обескураженный, начал готовиться к новой войне. Однако в этот раз военная аристократия отказалась повиноваться ему. Мудрые советники настойчиво советовали императору бросить эту затею, они говорили, что Корея – бедная страна и не стоит таких усилий. Однако император никого не слушал и настоял на издании указов о дополнительном наборе в армию. Это решение оказалось роковым. Войска были действительно собраны, однако они лишь пополнили ряды восставших, которые начали свои выступления по всему Китаю. Во главе восставших стояли представители военной аристократии, крупных кланов китайско-татарского происхождения. На юге подняли голову бывшие императорские семьи, и на какое-то время они даже установили свои династии в долине Янцзы.

Однако основным центром разрушительной гражданской войны, в которой за трон сражались почти десяток претендентов, был север. Юг не принимал активного участия в этой борьбе, поскольку представители разных династий надеялись, что северная часть империи развалится на несколько государств и оставит их в покое.

Император Ян-ди удалился в Янчжоу, где и жил в роскоши, полностью игнорируя все происходящее. Он лишь время от времени издавал указы, осуждавшие восставших. Он был не в состоянии противостоять им, его армия фактически растаяла. Однако его честолюбие осталось прежним, он, казалось, был не в состоянии понять, как власть быстро ускользает из его рук. Восставшие покончили с правлением династии Суй на большинстве северных территорий еще до того, как власть окончательно перешла в руки безоговорочных победителей – династии Тан.

Ли Шиминь, основатель династии Тан, был губернатором территории, на которой сейчас располагается провинция Шаньси. Этот район был окружен горами и имел стратегически выгодное положение, находясь к северу от Хуанхэ. Ли не был ни честолюбивым, ни слишком энергичным человеком. Однако этими качествами обладал его старший сын Ли Шиминь. Он убедил отца поднять восстание, ссылаясь на распространенное в то время предсказание, что

семья Ли унаследует трон. Причем этим предсказанием Ли Шиминь заставил императора с подозрением относиться ко всем, имевшим фамилию Ли. Он также сделал так, что его отец оказался замешан в тягчайшем преступлении – нападении на императорских наложниц, которые находились в охотничьем домике, расположенном на территории, подвластной Ли Юаню. Тому ничего не оставалось, как поднять восстание. Он не боялся поражения, его сын Ли Шиминь, которому тогда было шестнадцать лет, уже показал себя гением военной науки и, в отличие от противников, умел выбирать действительно важные объекты, не отвлекаясь на легкую добычу, которая не способствовала окончательной победе. Вначале он занял западную столицу страны – Чанъань, которая когда-то была столицей царства Хань и располагалась в сильном и укрепленном регионе Шэньси. Это была «Земля среди дорог», которая в древности была родиной основателей династии Цинь и центром империи Хань. Владея этим городом, новая династия могла провозгласить себя пришедшей к власти и могла функционировать как таковая в признанном столичном центре. Пока другие претенденты на императорский трон сражались между собой за восточные равнины, Ли Шиминь не вмешивался в их борьбу. Наконец один из его основных противников решил двинуться на Лоян. Он был наголову разбит в решающей битве, которая произошла там, где дорога, ведущая из восточных равнин в Лоян, вступала в горные районы западной Хэнань. Лоян пал, теперь восточные равнины были открыты для вторжения войск Тан и скоро сдались на милость победителей.

Наконец император Ли, сидевший в Янчжоу, осознал грозившую ему опасность. Однажды, глядя в зеркало, он сказал своим приближенным: «Такая красивая голова – кто осмелится отрубить ее?» Скоро он узнал ответ на свой вопрос. Начальник его стражи, представитель военной аристократии, связанный с бывшим правящим домом Северной Цзинь, решил, что с династией Суй покончено и что богатства Янчжоу помогут ему вступить в борьбу за трон. Он захватил дворец, убил императора Ли и других членов императорской семьи, которых смог отыскать, разграбил и сжег Янчжоу и двинулся сражаться на север.

Хотя нет сомнения, что любой другой на его месте точно так же покончил бы с императорской семьей, возможно, это было бы сделано не так грубо. Убийцу повсеместно осудили, он нигде не нашел поддержки, скоро потерпел поражение и был убит. После поражения претендентов на трон с юга страны победа династии Тан стала окончательной.

Ли Шиминь, который позднее стал императором Дай-цзуном, был великим государственным деятелем. Он разработал и осуществил меры, которые постепенно подорвали власть и влияние военной аристократии, и заменил военную аристократию гражданскими чиновниками, лишенными военной власти. Конечно, все это заняло довольно много времени, и династии Тан не раз угрожали серьезные кризисы. Однако со временем эти меры принесли свои плоды, и династия Тан произвела на свет много замечательных правителей, которые в течение ста пятидесяти лет управляли Китаем более эффективно, чем кто-либо со времени правления императора У династии Хань.

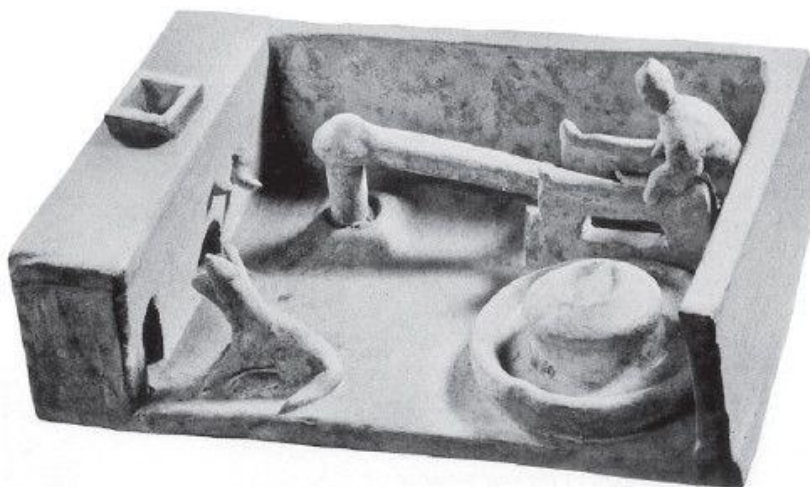
Одной из отличительных черт раннего периода воссоединенной империи была пассивность юга перед лицом множества восстаний. Если бы юг считал себя государством, отдельным от севера и поработанным Северной Суй, это было бы самое удобное время для восстания. Однако этим шансом не воспользовались. Несколько старых семей попытались восстановить свое бывшее величие, однако не нашли достаточной поддержки. Борьба за трон не была результатом соревнования между севером и югом, где победивший навязал бы проигравшему шаткое единство. Это был конфликт, возникший на севере, целью которого было воссоздание империи на всей территории страны. Эта ситуация наглядно свидетельствует о том, что в целом китайцы не считали себя народом, разделенным на два или более государств в результате длительного периода раздробленности. Народ всегда выступал за единство, и это заставило его

спустя много лет сплотиться вокруг силы, оказавшейся способной добиться этого.

7. Дух изобретательства

В прошлом западные синологи не очень-то стремились воздать должное китайцам за их научные открытия и изобретения в области техники. Это можно объяснить тем, что существует большой разрыв между достижениями в области техники в Китае, с одной стороны, и на Западе – с другой. Синологи с готовностью предположили, что именно склад ума европейцев позволил им разработать основополагающие теории и воплотить их в практику. Что же до китайцев, то любое изобретение, сделанное ими, возможно, явилось результатом ошибочных теоретических выкладок, не имеющих ничего общего с научным познанием.

Новые данные о прошлом китайцев привели к пересмотру этой идеи. Археологические изыскания и изучение текстов, не включенных в традиционные литературные источники, показывают, что именно китайцы сделали четыре основных открытия, на которых основывается вся современная техника. Они изобрели магнитный компас, бумагу, печатание и порох. Теперь пришло понимание того, что за пределами конфуцианской традиции, чьи ценности игнорировали, а по сути – тормозили развитие науки, существовало и другое направление мысли, которое напрямую было заинтересовано в познании явлений природы и в господстве человека над окружающей природой. Изучение уцелевших текстов школы Мо-цзы, одного из философов «Эпохи воюющих государств», свидетельствует о многочисленных попытках сформулировать принципы, которым подчиняются явления природы, и эти теории явно носили научный характер. Подчеркивалось значение и важность измерений и наблюдений, были сделаны попытки разграничить понятия «категория» и «качество». Эти попытки часто носили форму парадоксов, таких, как, например, «белая лошадь не является лошадью». Этот парадокс должен был показать, что белый цвет не является необходимым признаком лошади, а также что не все белые предметы являются лошадьми. Сходный парадокс касается полета стрелы («Есть моменты, когда летящая стрела находится ни в движении, ни в покое»), целью которого является исследование природы движения. Моисты, возможно, развили бы эти теории в более полную и всеобъемлющую научную систему, если бы их философская школа пережила репрессии династии Цинь.

Модель гробницы, датируемая эпохой Хань, сделана в виде древнего ручного коленчатого рычага. Рычаг, использовавшийся для того, чтобы повернуть лопасть веялки влево, в данный момент бездействует, равно как и круговая мельница (внизу справа). Мельник управляет хвостовым молотом для обработки зерна

В период династии Хань часть ранних идей моистов была подхвачена даосами, которые соединили их с традицией, близкой скорее к алхимии, чем к физике. Изучение даосских текстов свидетельствует о той же самой смеси математических теорий и эмпирического познания свойств различных веществ, которая была свойственна и западным медицинским лженаукам. Именно из этой смеси на Западе позднее возникла настоящая наука. А попытки даосов создать лекарство бессмертия зачастую оказывались роковыми для экспериментаторов. Ртуть, свинец и другие токсичные материалы брались как составные части этого лекарства, и очень часто полученное вещество и вело к бессмертию – но только не на земле. Поиск способа превращения простых металлов в золото окончился неудачей, однако, блуждая в этих потемках, китайцы узнали много вещей, которым позже нашли практическое применение. За открытием какойлибо новой технологии или обнаружением нового факта стояла даосская теория, пусть и ошибочная, но которая, однако, служила толчком к действию и поиску.

Даосизм придавал большое значение теории фэншуй, что дословно означает «ветер и вода», лженауке, которую обычно на Западе называют геомансией. Географическое положение страны, отношение между водными потоками и горами, долинами и возвышенностями рассматривались как счастливые и неудачные; принципы геомансии определяли местоположение могил и домов, городов и улиц. Чтобы верно сориентировать объект по сторонам света, было необходимо определить направление стрелок компаса. Еще в древности китайцы нашли намагничивающий камень и разработали технологию использования его свойств, чтобы определять стороны света. Камень вытачивали в форме ложки с изогнутой ручкой; когда основание ложки балансировало на гладкой поверхности, ручка указывала на юг. Это приспособление было известно китайцам уже в эпоху династии Хань, примерно за сто лет до нашей эры, а некоторые сведения позволяют предположить, что китайцы пользовались им еще и раньше. Луань Да, известный маг династии Хань, продемонстрировал свое мастерство императору У-ди, сделав из магнита шахматные фигуры, которые «атаковали» своих противников, сделанных из железа. (Луань Да прославился также тем, что вызывал в темной комнате дух любимой наложницы императора. Чтобы создать впечатление того, что дух действительно появляется в комнате, он, вероятно, использовал технологию проецирования тени. Возможно, он сам и являлся автором этой технологии.)

Постепенное совершенствование магнитного приспособления привело к созданию первого компаса. Впервые он был описан в 1044 году, однако очень большое количество упоминаний о нем встречается в работах эпохи Хань, а также в источниках, датирующихся более поздним временем, что дает основание предположить, что магнитная игла была известна много раньше. С другой стороны, использование компаса началось в X – XI веках. Это можно объяснить тем, что ученые-геоматы использовали свою мудрость как часть искусства и скрывали технические знания за завесой магии. Они нашли способ определения четырех сторон света с большой точностью и доказали, что магнитный север не совпадает с географическим, хотя, конечно, не понимали, почему так происходит.

Ко времени правления династии Сун китайцы уже знали, что магнитная стрелка может либо держаться на шелковой нити, либо плавать в сосуде с водой. Они предпочитали в течение многих веков использовать последний способ, и компас, который был завезен арабами на Запад, был сделан из куска стали, имевшего форму рыбы, плавающей в сосуде с водой. Голова рыбы выполняла функцию острия стрелки. Из текстов династии Сун становится ясно, что магнитные ложки еще использовались в то время, особенно войсками, пересекающими территорию страны в тяжелых условиях или в тумане.

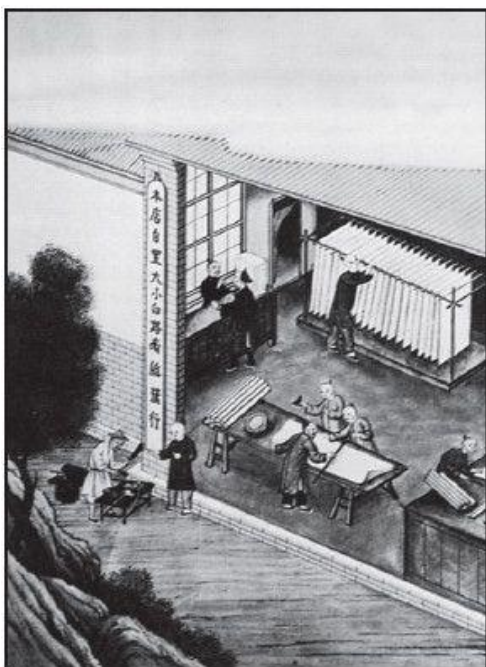
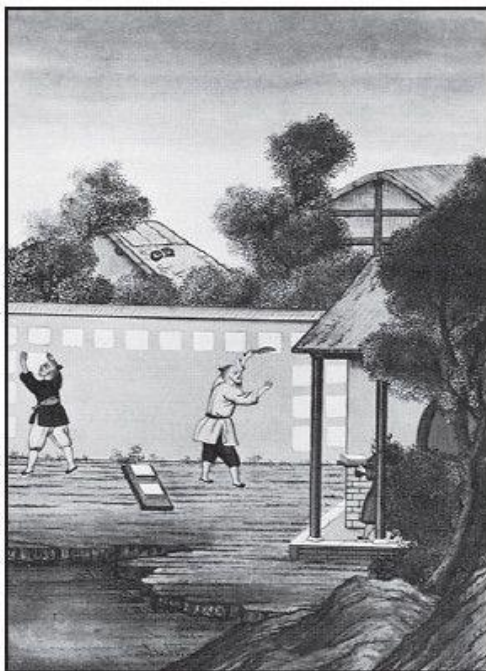

Магнитный железняк в форме ложки (напротив), предшественник современного компаса, использовался древними китайцами как для предсказания будущего, так и для мореплавания, с тех пор как моряки заметили, что ручка ложки показывает на юг, когда она находится на полированной бронзовой поверхности. В верхнем правом углу барельеф эпохи Хань; на нем можно увидеть сгорбленную фигуру человека, судя по всему, изучающего аналогичный компас из магнитного железняка. На остальной части барельефа изображены жонглеры, акробаты и музыканты

В это время бурного развития торговли на кораблях китайских купцов, когда они пускались в дальнее плавание – в Японию, Индонезию, Малайзию или на Филиппины, – как правило, использовался компас. Долгое время ошибочно считалось, что первыми в морских путешествиях компас стали применять арабы. Однако на деле именно китайцы впервые стали пользоваться компасом. Провинция Фуцзянь, где было очень много даосских ученых-геомантов, была морской провинцией, где жили люди, привыкшие к морю и бывшие искусными мореплавателями.

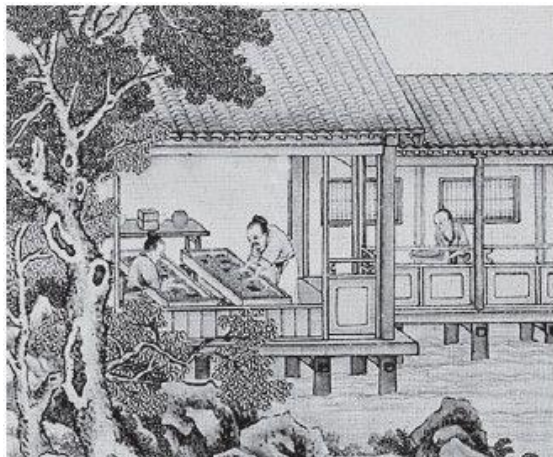
Часто упускается из виду, что для того, чтобы сделать хорошую магнитную стрелку, надо было добиться, чтобы она сохраняла свои магнитные свойства в течение достаточно долгого промежутка времени, а для этого подходила только первосортная твердая сталь. Такую сталь производили в Китае с V века. Этот стимул для развития технологий не был напрямую связан с научным поиском; скорее развитие технологий было результатом стремления совершенствовать оружие в век, когда власть предрежащие были солдатами, которые направляли все мастерство и таланты подданных на службу своим собственным интересам. Задолго до этого китайцы научились строить глиняные печи на вершинах гор, чтобы увеличить высоту и объем и тем самым добиться более высокой температуры плавления. Эта технология была необходима как для получения высококачественной стали, так и для производства фарфора. Замена магнитного камня магнитной стальной стрелкой была невозможна до тех пор, пока не началось широкое использование твердой стали в других целях. Это было производство стального оружия.

Производство бумаги, которая была изобретена во II в., осталось практически неизменным. Слева рабочие вывешивают листы бумаги для просушки; внизу – магазин с рулонами бумаги, готовыми для продажи, большие листы бумаги хранятся на вертикальных зажимах (на заднем плане)

По традиции считается, что бумага, кисть для письма и тушь были изобретены в конце III века до нашей эры Мэн Тянем, главнокомандующим армии, во время войны, которая ликвидировала феодальную систему и создала Китайскую империю. Археологические раскопки показывают, что, возможно, кисть и тушь появились еще раньше: их использовали при создании уникального шелкового манускрипта, обнаруженного в Хэнани на территории древнего царства Чу и относящегося к периоду, на десятки лет предшествующему эпохе Мэн Тяня. Вполне возможно, что письмо кистью и тушью по шелку было изобретением Чу; и вполне возможно, что Мэн Тянь привез это искусство на север Китая после победы над Чу. Скорее всего, также ошибочно традиционное мнение о времени изобретения бумаги. На самом деле это произошло много лет после Мэн Тяня; изобретателем бумаги был Цай Лунь, который жил примерно во II веке до

нашей эры. Уже указывалось, что изобретение бумаги в Китае на столь раннем этапе было скорее несчастьем, поскольку печать появилась только восемьсот лет спустя и не получила широкого распространения до X – XI веков. В результате китайцы долго использовали бумагу для переписывания текстов, а бумага не столь долговечна, как пергамент, планки из бамбука или шелк. Потеря образцов древней литературы в результате уничтожения книг в эпоху Цинь приобрела гигантские масштабы именно из-за того, что бумага – слишком непрочный материал. Когда печать пришла на смену переписыванию текстов, стало сохраняться гораздо больше образцов китайской литературы, поскольку печать позволяла делать много экземпляров каждой книги.

В эпоху династии Хань китайцы делали тушь из сажи и клейкого вещества. В более поздние времена в эту смесь добавлялась мука, произведенная из рогов носорога, толченого жемчуга или пряностей. Рисунок эпохи Цинь изображает рабочих, прессующих уголь в плоские лепешки, которые растворялись в воде для получения туши

Изобретение печати не было неожиданным. Оно имело долгую историю, начиная с изобретения оттисков тушью надписей на камнях. Искусство резьбы по камню и получения оттисков с него процветает и до сих пор, а возникло оно в эпоху династии Хань или несколько позже изобретения бумаги, без которой это было бы невозможно. Когда поняли, что один и тот же эффект может быть достигнут, если наложить лист бумаги на обмазанный тушью кусок дерева с заклиниванием, буддийской сутрой или картинкой. Ко времени правления династии Тан, если не раньше, это стало традиционным способом воспроизведения буддийских молитв и заклинаний. Первая известная книга, отпечатанная таким образом, – это буддийский трактат, для каждой страницы которого вырезался отдельный кусок дерева. Он датируется 868 годом нашей эры. К концу правления династии Тан этот новый способ печати книг – во многих экземплярах – был известен и признан настолько, что даже классики печатали свои произведения. В 1045 году был изобретен подвижный способ получения оттисков в виде отдельно вырезанных иероглифов, сделанных из глины. Металлические шрифты появились позже.

Порох, который впервые был использован в военных действиях в X веке, после падения династии Тан, был получен в результате поисков даосами философского камня. Взрывной порох, вероятно, был создан даосскими учеными в эпоху Тан. Впервые его использовали в магических церемониях. Без сомнения, к этому имеет отношение по сей день продолжающееся использование его во время праздников как «счастливого» вещества, способного отпугнуть злых духов. Новый год по лунному календарю в Гонконге встречают оглушительной пальбой и фейерверком.

Буддийский оттиск с рисунка по дереву, датируемый X в., был подарен храму верующим в качестве подношения по обету

Возможно, петарды впервые использовались пехотой в X веке при столкновении с татарской конницей. После падения династии Тан в 996 году китайцы лишились территорий, где традиционно занимались коневодством, поскольку они находились в руках их врагов. Естественно, китайцы не могли содержать крупные конные отряды, как это было при династии Тан. Использование петард было попыткой победить татарскую конницу; вероятно, они использовались как для того, чтобы напугать лошадей, так и для того, чтобы убить или ранить их.

Пушки, скорее всего, появились примерно век спустя. Впервые они, кажется, были применены в 1123 году. На Западе раньше считали, что китайцы всегда были мирным народом, не особенно искусным в науке войны. Эта идея всячески поддерживалась конфуцианскими учеными и историками, людьми мирными, которые ничего не знали о военном искусстве да и не интересовались им. Тот факт, что после объединения империи китайцы воевали либо с северными «варварами», либо со своими соплеменниками во время гражданских войн, превращал войну в бесславное дело. Тем не менее войны случались довольно часто.

Практичные китайцы, которые вели их, были очень плодотворны в изобретении новых видов оружия.

Невозможно точно сказать, когда впервые был применен арбалет; однако, скорее всего, это произошло в «Эпоху воюющих государств». Вполне возможно, что он был изобретен где-то в северных царствах, вероятно, в царстве Чжао, которое должно было защищать свою протяженную по длине границу от нападений кочевников ху.

Порох иногда использовался для запуска стрел. Это оружие, производящее много шума, состояло из украшенных коробок, как та, которая показана наверху, и заряжалось капсулой, наполненной порохом, прикрепленной к стреле

Еще до изобретения пороха арбалет был самым эффективным оружием против всадников. Его стержень обладал большей проникающей силой, чем стрела, и был эффективней против легковооруженных наездников-кочевников. В эпоху Хань арбалет стал привычным видом вооружения китайской армии, его использование, без сомнения, способствовало победе династии Хань во многих войнах против кочевников. В эпоху Ранней Хань мощный арбалет могли натягивать только самые лучшие воины-силачи, которым приходилось ложиться на спину, упираться ногами в основание дуги и оттягивать натянутую тетиву в исходную для выстрела позицию. Для того чтобы силачи могли выполнить это «упражнение», их должен был окружить целый отряд, чтобы силач оказался в его центре. Безусловно, все это было очень утомительно и к тому же затрудняло движение армии и делало ее более уязвимой для вражеских атак.

В какой-то период правления династии Хань, возможно, в I веке до нашей эры, был изобретен спусковой крючок из бронзы, который позволил арбалетчику самому оттягивать тетиву лука всего лишь нажатием на этот крючок. Это значительно увеличило скорость стрельбы и мобильность живой силы. Один такой спусковой крючок был недавно найден в музее в древнегреческом городе Таксиле на территории нынешнего Пакистана; должно быть, эта реликвия относится ко времени интервенции в этот регион в начале II века. Арбалет долгое время оставался чисто китайским оружием. В Западной Европе он появился не раньше XII века, впервые его использовали в Италии, куда он был, вероятно, завезен из Леванта.

Сейчас, скорее всего, китайцам можно воздать должное за еще одно жизненно важное для военных изобретение – стрелы, чье использование, правда, не ограничивается одной только

военной сферой. Недавно были найдены две каменные стелы, на которых изображены оседланные кони с короткими стременами. Стелы датируются 300–301 годами. Судя по изображению всадников на барельефах династии Хань, стремена были неизвестны еще за двести лет до этого, в эпоху Хань; их также не использовали и враги китайцев – кочевники, прирожденные всадники, которым, очевидно, не нужно было такое средство, помогающее приручить лошадь и обеспечить безопасную езду верхом. Однако китайцы не были умелыми всадниками – это были крестьяне, жители равнин и гор. Китайское слово тэн, обозначающее «стремя», означает еще и глагол «седлать». Первоначальная цель изобретения коротких стремян состояла в том, чтобы помочь всаднику сесть на лошадь; однако они были слишком коротки, чтобы пользоваться ими при езде. Вскоре после этого появились и более длинные стремена, позволявшие удерживать равновесие при галопе или при спешивании.

Короткие стремена, использовавшиеся китайцами, чтобы оседлать лошадь, скоро уступили место длинным стременам, таким, какие изображены на барельефе эпохи Тан.

Длинные стремена позволяли всадникам прочно сидеть в седле даже при галопе

Китайские глиняные фигурки, которые помещались в могилу, датируемые IV веком до нашей эры, изображают воинов верхом на лошадях со стременами. Стремена были необходимой составной частью всадника в тяжелом вооружении. Неся на себе очень тяжелую цепь или кольчугу (да еще копье и большой щит), без помощи стремян он вряд ли смог бы сесть на лошадь или уверенно держаться в седле. Воины IV–V веков обычно изображаются на лошадях в доспехах, защищавших их грудь, и это доказывает, что лошадей обучали участию в атаке.

Таким образом, и доспехи, символ европейского феодального общества, – изобретение китайцев. На фресках на стенах пещер в Дуньхуане, датируемых эпохой Тан, изображены многочисленные всадники в тяжелых доспехах, они и составляли костяк регулярных войск династии Тан. О всадниках в тяжелых доспехах, кажется, стало известно в Византии в VII–VIII веках, в то же время появились сведения и об изобретении стремян. Оттуда эти изобретения распространились по Западной Европе. Византийские поделки из слоновой кости VI века не показывают, как использовались стремена, однако на византийском ларце XI века, хранящемся в соборе Святой Троицы во Франции, изображены всадники на лошадях со стременами и охотники без них. Кажется, что на Западе, как и в Древнем Китае, стремена считали исключительно принадлежностью кавалеристов; всадникам, не имевшим доспехов, стремена

были якобы не нужны.

Еще одним изобретением китайцев является плечевой хомут для лошади. Он во много раз увеличивал способность животного тащить повозки и тележки, поскольку сдавливал шею животного, как шейный хомут. Скорее всего, это изобретение было сделано в эпоху Хань или вскоре после ее падения, то есть в Китае плечевой хомут появился не меньше чем на шестьсот лет раньше, чем в Европе. Также в Китае очень давно появилась тачка, а в Европу она попала лишь тысячу лет спустя. Китайская тачка отличалась от европейской и по конструкции, и, возможно, даже превосходила ее по техническим данным. Очень большое колесо было установлено в центре конструкции, а груз перевозился в корзинах и коробках, прикрепленных по обеим сторонам. Ремень, перекинутый через плечи толкача и прикрепленный к концам ручек, помогал сохранять равновесие. Толкачу не нужно было держать тяжелый груз в обеих руках, и его сила в основном уходила на то, чтобы толкать тачку. Большое центральное колесо было способно довольно легко двигаться по неровной поверхности, так что тачка могла использоваться для перевозки и людей, и грузов.

Еще совсем недавно считалось в порядке вещей снабжать тачки боковыми сиденьями наподобие ирландского двухколесного четырехместного экипажа; в таких повозках можно было перевозить по два пассажира (чаще всего женщин) с каждой стороны.

В 20-х годах (XX века. – Примеч. пер.) большинство девушек бинтовали ноги, причем даже те, которые работали на ткацких фабриках в больших городах. Ходить они долго не могли и потому передвигались в таких вот повозках по ровной или холмистой территории. В горах для этого использовались носилки или паланкины. Форма китайской повозки определялась условиями, в которых ее должны были использовать. Как правило, это было путешествие на расстояние нескольких миль по каменистым или мощеным тропинкам. Если позволяли погодные условия, то на повозках иногда устанавливался небольшой парус, который помогал использовать силу ветра.

Такие обычные в обиходе предметы, как стремена, тачки и оружие, вероятно, были настолько знакомы всем, что о них не считали нужным упоминать в книгах; о них можно получить гораздо лучшее представление, если внимательно изучать их изображения или глиняные скульптуры. Однако в литературных источниках часто встречаются описания ткацких, прядильных станков, а также приспособлений для литья металла. Эти записи, как правило, относятся к более позднему времени, однако изобретения, описываемые в них, – очень древние.

Шлюзы были изобретены в Китае в XI веке, за несколько веков до того, как они появились в Европе. Это изобретение, вероятно, явилось сопутствующим продуктом широкомасштабных работ по осушению болот, которые были предприняты при династии Сун. Эти работы, в свою очередь, начались в результате значительного увеличения в этот период численности населения страны. В XIV веке сила воды использовалась на шелкопрядильных фабриках; немного раньше с ее помощью запускали ветряные двигатели на металлургических заводах.

Поршневые мехи, возможно, использовались еще до начала правления династии Хань, а цепной насос стали применять во время правления династии Хань. Во многих центральных районах Китая не было залежей соли, которые было бы легко разрабатывать. Со времен династии Хань добыча соли являлась монополией государства. В западной провинции Сычуань в городке Цуйлюцзине («Артезианские колодцы») находятся залежи соли, которые разрабатываются китайцами со времени правления этой династии. Развитие индустрии соледобычи требовало совершенствования искусства глубокого бурения, которое производилось с помощью бамбуковых буров с железными наконечниками. Китайцы использовали природный газ, добываемый из других скважин в том же городе, для выпаривания соли из соляных растворов. Трубы были также сделаны из бамбука, поскольку соль разъедает железо. Давно признано, что в первый раз глубокое бурение было применено именно на

соляных равнинах Сычуани. Методы, использовавшиеся тогда китайцами, позже были скопированы в Европе и Америке и применялись до самого последнего времени. Тем не менее прошло более тысячи лет, прежде чем в Европе научились бурить артезианские скважины.

Несмотря на то что китайцы очень рано изобрели практически совершенную технологию выпаривания соли в Сычуани, они до недавнего времени не могли решить проблему транспортировки такого тяжелого вещества, как соль, внутри страны, где невозможно было использовать корабли из-за отсутствия воды, а тачки и повозки из-за горных террас. Поскольку горные провинции Гуанчжоу и Юньнань не имеют запасов соли, этот продукт поставлялся туда из Цуйлюцзиня. Соль перевозили в больших тюках, помещенных в коробки, которые, в свою очередь, привязывались на спины людей ремнями, пропущенными под мышками. Грузчик не мог освободиться от своего груза без посторонней помощи. Чтобы иметь возможность отдохнуть, он нес с собой палку с плоской крестовиной. Он мог подставить ее под груз и затем опереться на нее на некоторое время и передохнуть, поскольку вес груза приходился на палку. Однако он не мог сесть и потом самостоятельно подняться, поскольку вес груза был слишком большим. Если он вдруг падал, то уже не мог подняться. Его спутники также не могли помочь ему из боязни самим оступиться и упасть. В холодную погоду, когда горные дороги часто покрывались льдом, грузчики, которые оступались и падали, были обречены на смерть. Кроме караванов грузчиков, которые не могли помочь упавшему, других путешественников в горах было мало. Несколько десятков лет назад однажды утром после морозной и снежной ночи на дороге возле Цзиньши в провинции Гуанчжоу, где Мао Цзэдун был выбран председателем Коммунистической партии Китая, были найдены тела четверых грузчиков, перевозивших соль.

Стекло не было изобретением китайцев; его делали на Ближнем Востоке задолго до того, как начали ввозить в Китай. Поскольку стеклярус было легко перевозить и он был красив, а помимо этого, стал чем-то новым и привлекательным, его импорт в Китай начался задолго до того, как походы династии Хань открыли Шелковый путь в Западную Азию. Когда китайцы познакомились со стеклом, они начали экспериментировать с новым веществом и изобрели технологию производства стекла, отличную от той, которая использовалась на Западе. Естествоиспытатель и ученый эпохи Хань Ван Чжун (27–97 гг. н. э.) написал знаменитую трилогию, в которой было дано описание или, скорее, упоминание об использовании горячего стекла для тушения огня.

Долго считалось, что именно китайцы придумали очки, но, скорее всего, они были изобретены на Ближнем Востоке или в Европе. Нет сведений о том, что очки использовались в Китае до конца XIV века, когда начались активные контакты с Персией и арабскими странами.

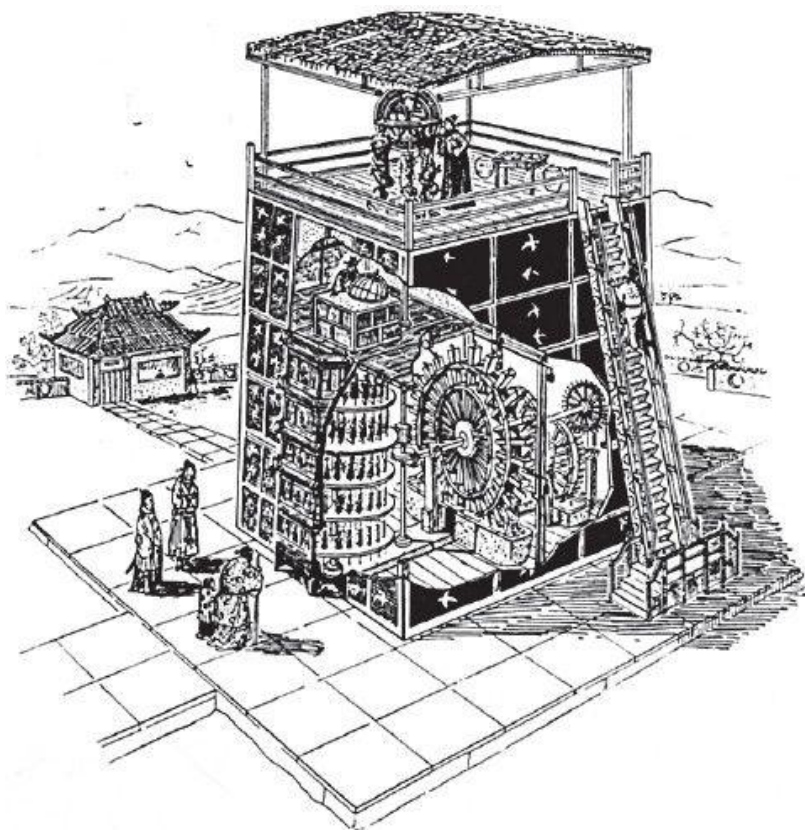
История чеканки монет имеет в Китае очень долгую историю, которая уходит своими корнями в древнейшую историю. В X веке до нашей эры использовались бронзовые монеты, имевшие форму ножа; эта форма сохранилась до современности в качестве торгового знака точильщиков, хотя форма современных китайских ножей совсем не похожа на форму ножей эпохи Шан. Позднее монета стала напоминать по форме лопату. Только в «Эпоху воюющих государств» появились крупные монеты с дыркой посередине, через которую можно было бы продеть шнурок. Со времен далекого прошлого и до 1939 года в горных западных провинциях можно было встретить связки «наличных» (как население западных провинций называло монеты). Считается, что до нового времени китайцы не чеканили серебряных или золотых монет, хотя в некоторых литературных источниках есть упоминание о том, что недолго просуществовавшая династия Цинь (221–207 гг. до н. э.), возможно, и делала это. Если это так, то археологические раскопки пока не подтверждают данное утверждение. В качестве «разменной монеты» китайцы предпочитали использовать маленькие слитки золота или серебра определенного веса; в VIII веке до нашей эры такие слитки с печатью использовались в царстве Чу.

Может показаться странным, что народ, столь искусный в торговле, и правительство,

управляющее столь большой империей, не поняли преимуществ, которые таила в себе чеканка серебряных и золотых монет. Это произошло вовсе не из-за того, что китайцам даже в голову это не приходило; это доказывают чеканка бронзовых монет и более поздние медные «наличные». Возможно, незаконная чеканка монет, получившая распространение в эпоху Хань, когда были введены медные «наличные», заставила китайцев с недоверием относиться к чеканке монет из более ценных металлов. До конца XIX века лян, или китайская унция серебра, оставалась средством платы при осуществлении крупных сделок и золотые слитки не имели свободного хождения.

Тем не менее китайцам принадлежит одно новшество в области финансов; они ввели бумажные деньги за много веков до того, как этот способ платежа прижился на Западе. В эпоху Тан банкиры и монетные дворы в провинции Сычуань начали выпускать, так сказать, пробные деньги, которые принимались к оплате в столице Чанъань. В результате они могли перевозить крупные суммы денег на большие расстояния без риска быть ограбленными бандитами. В 1024 году, в начале правления династии Сун, бумажные деньги печатались при согласии и поддержке правительства. В эту эпоху бурно развивалась торговля, и впервые в китайской истории доходы от налогов на товары и акцизных сборов превысили доходы от использования земли, которые традиционно собирались в виде зерна. Однако бумажные деньги ненадолго пережили династию Сун; вероятно, их обращение прервалось из-за территориальной разобщенности населения в результате нашествия монголов.

Башня астрономических часов, построенная в Кайфэне в XI в. по приказу императора, представляла собой хитроумное сочетание водяных двигателей (справа на верхнем сечении башни), которые приводили в движение армиллярную сферу (под самой крышей) и лунную сферу (внутри башни на втором этаже). Дополнительные рычаги приводили в движение пять горизонтальных дисков (слева на верхнем сечении башни), которые двигали целый ряд фигурок, поочередно появлявшихся в прорезях на стенах башни. Время обозначалось барабанным боем, гонгом или просто с помощью плаката с написанным на нем временем

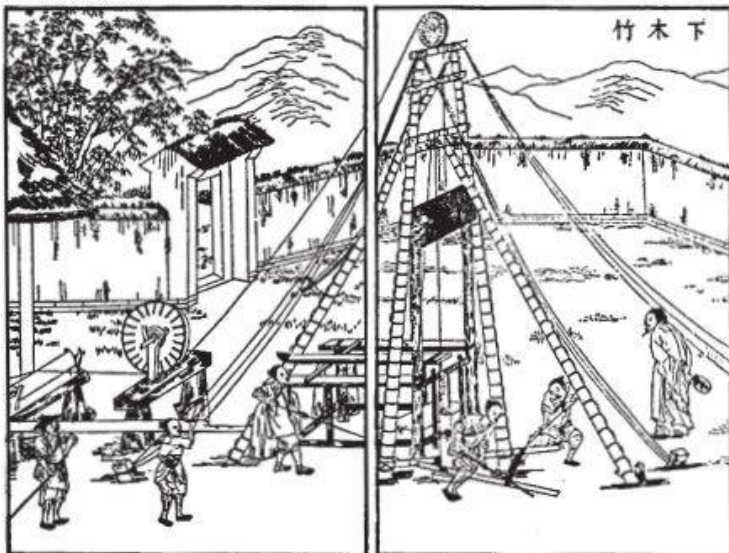
В эпоху Сун с X по XIII век большое число изобретений, сделанных китайцами, начали играть важную роль в экономике. Население Китая превысило 1 млн человек. Рост населения и потеря северных территорий стали факторами, которые заставили южное царство Сун делать ставку на доходы от торговли и промышленности. Торговля с заморскими странами расширялась в результате совершенствования кораблестроения и использования морского компаса, что делало морские путешествия более безопасными. Среди этих нововведений было все более широкое использование колесных пароходов, которые приводились в движение людьми, вращавшими два колеса. Подобные лодки были известны еще в эпоху Тан, но тогда они в основном использовались для торговли на реках. Шелкопрядение и производство фарфора стало осуществляться на заводах, которые получали и выполняли крупные заказы, включая те, что поступали из-за моря в результате развития торговли. Фарфор в эпоху Сун экспортировался в арабские страны и страны Восточной Африки. В Европу он стал поступать лишь два века спустя после того, как попал на Ближний Восток.

Шелкопрядение имеет такие древние корни, что точная дата его появления неизвестна; однако фарфор, то есть настоящий фарфор в противовес грубой керамике, которую сделали еще в эпоху Хань, начал производиться до начала правления династии Тан. Покровительство первых правителей Сун продвинуло вперед технологию производства фарфора и довело ее до совершенства. Это был уровень, которого, по мнению многих коллекционеров и знатоков, до сих пор никто не может достичь, хотя позже возникли новые направления и более изысканные способы украшения фарфоровых изделий. В эпоху Сун существовало несколько центров производства фарфора как на севере, так и на юге Китая.

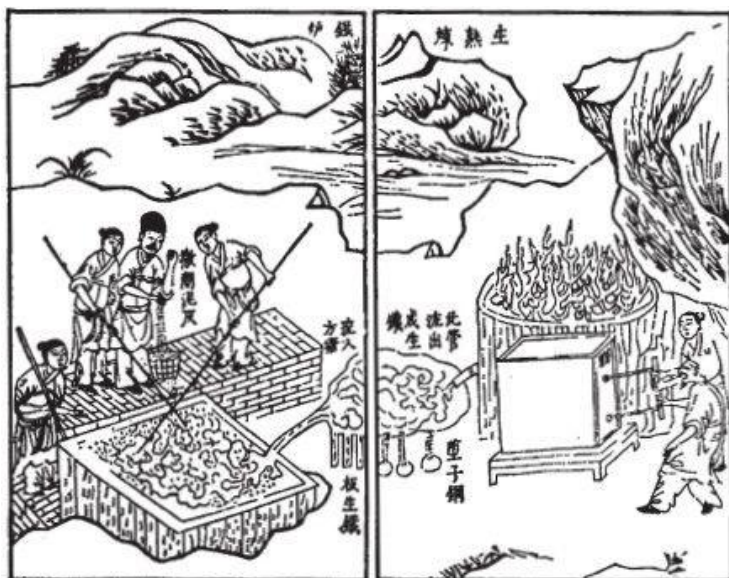
В 1004 году император реорганизовал императорские печи в провинции Гуанси около горы Гаолин; этот центр носил имя Цзин-дэчжень. Он до сих пор остается главным центром производства фарфора в Китае, поскольку регион Гаолин располагает большими залежами глины. На самом деле слово «гаолин» («каолин») стало названием белой глины, из которой делают фарфор.

Эпоха Сун также является временем, когда китайцы отказались от древней традиции сидеть на полу на матрасах и стали пользоваться мебелью, в частности столами. Столы определяли стиль всей остальной мебели. Столы должны были быть достаточно высокими, чтобы колени сидящего на стуле были скрыты под скатертью; шкафы могут быть высокими, поскольку пользующийся ими обычно стоит, а не сидит на полу. Лампы должны быть высокими, чтобы сидящему на стуле было светло. И многие другие детали интерьера – украшение стен, картины и даже стиль убранства комнат в целом – изменились после начала пользования стульями.

Все это началось в эпоху Поздней Хань, когда императору Линь-ди, при правлении которого начался распад империи, пришлось по душе так называемые «варварские кровати».

К III в. китайцы провинции Сычуань бурили очень глубокие соляные колодцы, используя только сверла с железными наконечниками и простые высокие подвесные шесты, какие изображены наверху

Железо плавили в специальных плавильных печах (справа), раздували поршневыми кузнечными мехами двойного действия; руда смешивалась с различными добавками (в центре), образуя ковкую сталь

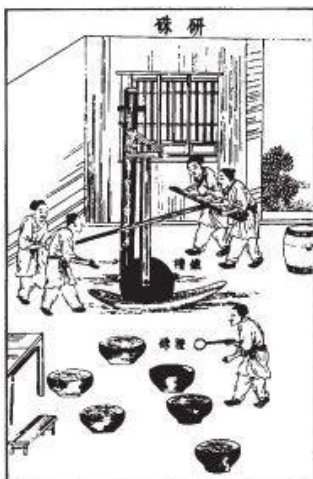
Это было нечто вроде большого складного походного стула, недостаточно длинного, чтобы стать настоящей кроватью. Они были известны еще в доисторические времена в истории запада Малой Азии. Китайцы называли их кроватями, потому что они были приподняты над полом, как китайские, а варварскими их называли потому, что они пришли от ху, северных варваров-кочевников. Однако слово «ху» применялось также по отношению к народам, жившим к северо-западу от Китая, куда можно было дойти Великим шелковым путем через Центральную Азию; без сомнения, изначально «варварские кровати» были похожи на европейские походные стулья. Тип походного стула оставался очень популярным в Китае еще долго после падения династии Хань в основном как часть принадлежностей офицера во время военной кампании. Он был особенно полезен на открытой местности, например на юге Китая, где почва часто очень влажная. К концу VI века он стал частью домашнего обихода; сначала он использовался в садах, а затем – и в домах, но пока как неофициальный предмет мебели, который не было принято ставить в гостиных. Таким образом он использовался до начала правления династии Тан, однако

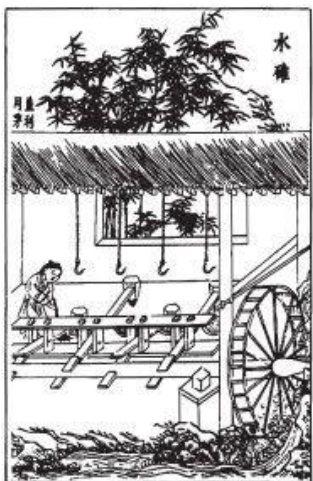
к середине IX века появились стулья со спинками. Они не складывались. Сначала их тоже использовали только вне дома, в садах и на террасах.

Литературные записи раннего периода правления династии Сун подтверждают тот факт, что в это время привычка сидеть на стульях распространилась на весь высший класс и что старому походному стулу приделали спинку и он стал настоящим складным стулом. С использованием настоящего стула напольные матрасы вышли из употребления, и их заменили ковры или выложенные плиткой полы. Знаменитый памятник «На реке во время праздника Цинмин» изображает праздник весны Цинмин; все, без исключения, богатые и бедные, сидят на скамейках и стульях у себя дома и в чайных домиках вдоль берега реки. Здесь изображены и обычные, и складные стулья – оба вида использовались в то время.

Быстрое развитие техники в эпоху Сун, а также неспособность китайцев продолжить это развитие такими же темпами в последующие века ставит под сомнение прогресс в Китае науки и техники, а также экономики в целом. К XII–XIII векам Китай, кажется, приблизился или достиг точки, которую мы сегодня называем отправной точкой – когда псевдоиндустриальное общество уже готово обратиться к полномасштабному развитию промышленности и торговли и как следствие создать технологию, которая быстро привела бы к использованию паровых двигателей, отодвигая ручное производство на второй план. Предполагается, что техника и ручное производство в Китае стояли на том же уровне развития, что и в Европе, – на пороге индустриальной революции. Китай, возможно, лет на сто даже опередил Европу.

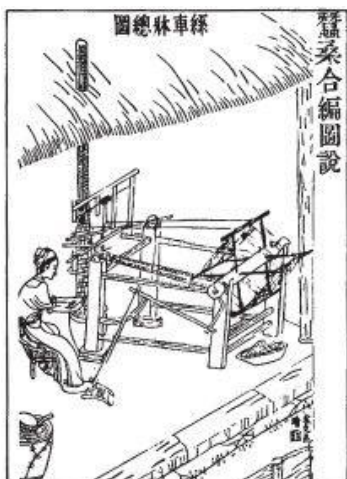

Рабочие изготовляют цветную киноварь в мелком корыте, перемалывая киноварь с помощью подвешенной дискообразной мельнички

Хвостовые молоты, которые использовались для обмолота риса и измельчения минералов, неоднократно поднимаются наконечниками вдоль оси этой водяной мельницы

Ткацкий станок с одиночной ножной педалью, используемый для производства шелка, на котором нити продеты через систему направляющих приспособлений, и затем они идут на большой барабан

В тени бамбуковой крыши двое рабочих управляют цепным насосом, чьи квадратные лопасти поднимают воду для ирригации рисовых плантаций

Четырехстороннее колесо приводилось в движение механическим трудом моряков – они двигают этот морской корабль на гребных колесах; бока корабля украшены головами демонов

В отличие от европейской китайская тачка сконструирована так, чтобы разумно отцентрировать вес груза на колесо

Можно возразить, что нашествие монголов повернуло часы вспять. Монголы действительно опустошили большую часть севера Китая. Однако юг, старая территория династии Сун, пострадал не так сильно, и к моменту нашествия монголов он уже стал самой богатой и, вероятно, самой густонаселенной частью Китая. Это была огромная территория, и она, безусловно, могла бы составить основу экономической и технической революции. Простое объяснение – отставание в результате иностранного нашествия – не может полностью объяснить причину неспособности дальнейшего развития. Современные китайские писатели и многие западные ученые разных политических направлений сходятся во мнении, что неспособность китайцев идти вперед в развитии техники и промышленности объясняется политическими и социальными причинами. Корни застоя лежали в господстве аристократов с их литературной культурой и их опорой на систему отношений крестьянин – землевладелец и в аристократическом режиме династий Мин и Цин, которые навязывали обществу эти ценности более упорно и жестко, чем правители династий Тан и Сун.

Первый в Азии план аэроплана запечатлен на рисунке сверху. Этот полет имел особое значение для китайцев, чье изобретение III в. до н. э. воздушный змей было дальним предшественником биплана

До поры до времени это объяснение является верным, однако оно не дает понять, почему это произошло именно в Китае, а не в Европе. Европейское общество ощущало на себе такое же давление и гнет феодальных и постфеодальных землевладельцев, что и китайское общество. В большинстве стран Европы абсолютизм монархии (таких, как монархия Людовика XIV) был не меньшим, чем абсолютизм китайских императоров Юн-лэ и Кан-си. Единственное, что отличает европейское и китайское общества – это распределение политической власти, которая в Европе поделилась на много однопатриархальных государств, в Китае же сохранилась многопатриархальная империя.

Существование в Европе городов-государств, многие из которых были морскими портами, политически независимыми от великих монархий, дало классу купцов возможность для развития инициативы, которой они не могли бы пользоваться в условиях империи и которой они так и не получили в Китае.

Господство дворян-землевладельцев в роли ученых и чиновников не могло бы само по себе замедлить развитие технологии в Китае, если бы там существовал сильный, политически защищенный класс купцов, способный использовать новую технологию себе во благо. Этот класс был потенциально готов к этой роли в портах Кантон и Гуанчжоу, однако он не мог

освободиться от политического господства чиновников-землевладельцев. Равно как он не мог дистанцироваться и от того, что издавна купечество было в Китае презируемым классом, а научные изыскания рассматривались как чудачества даосов и что изучение техники подходило только ремесленникам, людям, которых брал в услужение правящий класс, но которые принадлежали к низшему из четырех существовавших классов: ученых, крестьян, купцов, ремесленников. Стоит также отметить, что, как только под давлением Запада в XIX веке возникли порты, входившие в Договор, такие, как Шанхай, и были созданы условия для освобождения купцов от чиновничьего гнета, китайские купцы стали быстро входить в капитализм и лишь приветствовали внедрение в жизнь достижений науки и техники.

Врачи и фармацевты

Во время своих неустанных поисков эликсира жизни даосские алхимики открыли десятки снадобий, которые продлевали – или предполагалось, что продлевали, – жизнь. Поэтому неудивительно, что одной из первых работ по медицине в Китае была фармакопея – своеобразная энциклопедия всех этих открытий, в которой насчитывалось 365 различных лекарств. К периоду правления династии Хань китайские врачи уже могли диагностировать такие болезни, как подагра и цирроз печени, хотя об анатомии они практически не имели никакого представления.

Действительно, согласно данным китайских хроник, до XVI века было проведено всего два вскрытия, а первые схемы анатомического строения (такие, как, например, диаграмма эпохи Мин) были несовершенны и неточны. Изучению алхимии мешало несколько причин: китайские женщины оставались полностью одетыми в присутствии врача, и указывали место, где чувствовали боль, на медицинском муляже. Китайцы подчеркивали важность профилактики заболеваний, признавая необходимость правильного выбора одежды, соблюдения диеты и выполнения физических упражнений. Они верили, что хорошее здоровье зависит от поддержания баланса инь и ян в организме. Болезни были результатом дисбаланса между влажными, женскими, элементами и сухими, мужскими. Убежденные, что каждый орган давал отдельный импульс, который мог улавливаться в определенной точке тела, китайцы придумали прибор, измеряющий пульс, который и стал их основным инструментом для диагностики заболеваний. Определив место сосредоточения боли пациента, доктор втыкал тонкие иглы в определенные точки на теле пациента, которые, как считалось, были связаны с внутренним органом – источником боли и дискомфорта. (На бронзовой фигурке слева на с. 198 нанесены точки на теле человека, которые могли оказывать воздействие на соответствующие участки левой ноги.) Хотя этот метод, известный как акупунктура, не имеет доказанной медицинской ценности, он по-прежнему используется нетрадиционными китайскими врачами, которые даже сейчас по своей численности превосходят количество врачей, практикующих по западному методу (пропорция составляет 10:1).

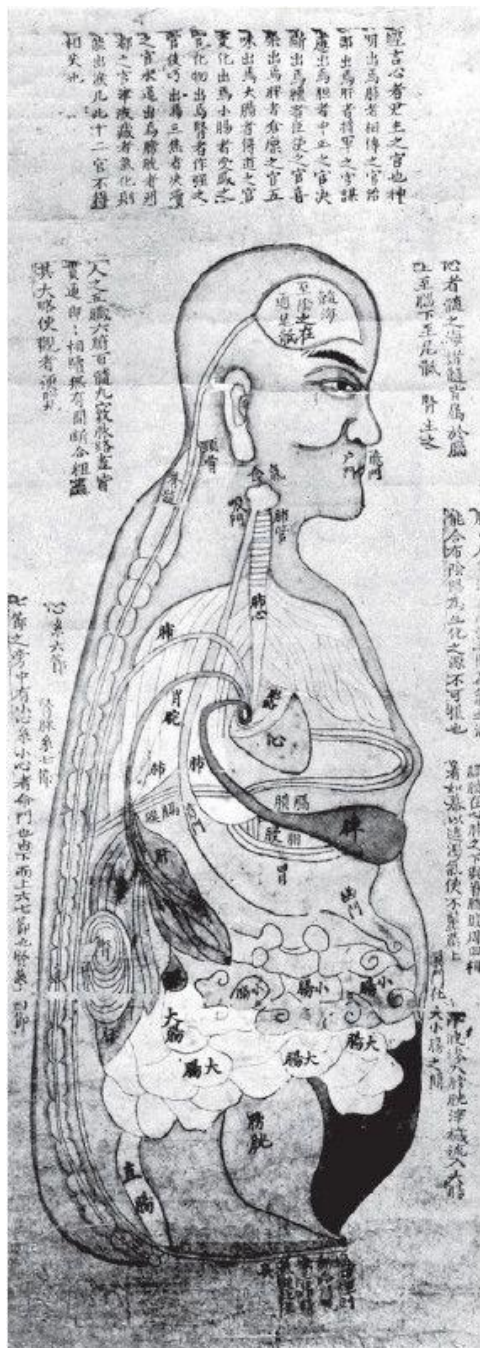

Схема анатомического строения человека

Бронзовая фигура человека с нанесенными точками акупунктуры

Медицинская кукла-муляж из слоновой кости

8. Золотой век (600—1260 гг. н. э.)

Воссоединение страны и возрождение империи династией Суй (590–618 гг. н. э.) и ее преемницей династией Тан является поворотным пунктом в истории Китая. Оно определило будущий характер общества и политическую схему, в рамках которой суждено было развиваться Китаю. То, что произошло в это время в Китае, можно было бы сравнить с тем, что могло бы произойти на Западе, если бы византийский император Юстиниан исполнил свою заветную мечту о завоевании всей бывшей Римской империи и передал бы ее в таком виде своим преемникам, что позволило бы Риму просуществовать до наших дней великой империей. Легко заметить, что такое развитие событий коренным образом изменило бы весь ход истории Европы и европейской культуры.

В отличие от Европы Китайская империя процветала. А тенденции к сепаратизму постепенно сходили на нет. Новые нации, возникавшие в результате смешения коренного населения и варваров-кочевников, не имели шанса на развитие.

Сами китайцы только приветствовали объединение страны. Стало аксиомой, что любое разъединение является анархией и что мир и процветание могли быть достигнуты только в

условиях единства. Много веков спустя, после революции 1912 года, китайские республиканцы сразу же отвергли идею о создании федерального государства наподобие США, хотя во многом эти люди находились под сильным влиянием правительства Соединенных Штатов. Одна из основополагающих причин этого заключалась в широко распространенном мнении, что все формы местной автономии являются признаком слабости и могут привести к нестабильности и развалу страны. Эта точка зрения до сих пор распространена как среди коммунистов, так и среди националистов.

В эпоху династии Тан (618–906 гг.) эта точка зрения и тот факт, что Китай управлялся жесткой рукой императора, повлекли за собой несколько важных последствий.

На портрете, выполненном в размере больше человеческого роста, изображен великий император династии Тан Дай-цзун в императорском одеянии из желтого шелка, расшитого драконами

Война больше не приносила представителям военного сословия славы и престижа, поскольку теперь война могла означать только гражданскую войну или оборону границ. Вооруженные силы стали главным образом «армией границы» и именно таким образом описываются в литературе эпохи Тан и более поздних хрониках. Остальные войска состояли в основном из дворцовой гвардии, весьма престижного воинского формирования, которое скорее могло бы

быть замешано в дворцовых переворотах, чем участвовать в схватках с врагом. Как правило, войска в провинции были малочисленными, а сами провинции управлялись гражданскими чиновниками. Пока управление в провинциях было сильным, необходимости в многочисленном войске там не было. Это было идеалом; долгое время, особенно в первые сто пятьдесят лет правления династии Тан, идеал во многом стал реальностью. Поскольку военная служба за пределами императорского дворца обычно означала долгие годы жизни на мрачных северных границах, вдали от дворца, она не была особенно привлекательной для отпрысков аристократических семей. Мужчины из аристократических родов, которые играли главную роль при нестабильных и слабых династиях, были раньше в центре политической жизни и теперь не собирались выпускать инициативу из рук. Императоры Тан, сами происходившие из этого класса, слишком хорошо понимали, какую опасность для императорской власти представляют эти аристократы, некоторые из которых были их близкими родственниками. В VII веке императоры неуклонно проводили политику, направленную на ослабление и уничтожение этого класса, в итоге они лишили военную аристократию власти и влияния. Выдающиеся представители этого класса служили государству и как солдаты, и как государственные деятели: в эпоху Тан, а еще больше в период Сун (960—1279 гг.) разделение этих двух профессий стало резким и полным. До середины правления эпохи Тан китайское общество, в котором главную роль играла военная аристократия, во многом напоминало общество, которое возникало на Западе. Однако с расцветом ученой бюрократии сходство стало минимальным.

Подъем класса ученых-чиновников, которые позже в Европе получили название мандарины, явился необыкновенно важным результатом воссоединения империи. Первые правители Тан решительно способствовали их подъему как противовесу силе военной аристократии. В эпоху Тан метод отбора чиновников был стандартизирован, из более ранних способов отбора кандидатов на чиновничьи должности родилась система сдачи экзаменов. Кандидаты должны были сдавать экзамен по официально отобранным текстам и предметам. За ходом экзаменов осуществлялся жесткий контроль, и удачно сданный экзамен вознаграждался присвоением степени, определявшей ранг и начальную должность чиновника в бюрократической иерархии. Эта система постепенно сформировалась в эпоху династии Тан. Некоторое время сохранялся альтернативный метод отбора чиновников – по рекомендациям их высокопоставленных коллег, однако постепенно его вытеснила система экзаменов, которая сохранилась в Китае как общепринятый способ отбора чиновников. Именно китайцы изобрели экзамены в том виде, как мы понимаем их.

Территориальные завоевания династии Тан (618–906 гг.) расширили границы Китая, перенеся

их за пределы Великой Китайской стены. В состав Китая вошла Маньчжурия на северо-востоке и Центральная Азия на западе. После падения династии Тан Китай распался на несколько царств; он был вновь объединен Северной Сун (960—1126 гг.). Правители Сун делали упор на укрепление национальных традиций, а не на отвоевывание приграничных земель; территория империи Сун состояла исключительно из земель, заселенных китайцами. На карте территория империи Тан окрашена в светло-серый цвет, а империи Сун – в темно-серый

Новые ученые-бюрократы происходили из более бедных и менее именитых семей, чем военные аристократы, которых они неуклонно вытесняли из системы управления. У чиновников не было большого влияния на местах, поскольку они не командовали военными отрядами и не имели денег или влияния, чтобы собрать их. В своей карьере они полностью зависели от правительства, которое могло продвинуть их по службе, перевести на новое место или вообще уволить. В экономическом плане они зависели от земельных наделов, а не от вознаграждений за государственную службу. Поскольку они служили в столице или в провинциях далеко от дома, то не могли сами управлять своими землями. Они оставляли земли на попечение менее талантливым членам семьи. Ученый-бюрократ получал доход от семейного землевладения и прибавлял его к доходу, полученному из других источников, с тем чтобы содержать детей и некоторых родственников, когда они в свою очередь будут учиться, чтобы тоже взобраться по чиновничьей лестнице. Китайский правящий класс, который сформировался так мирно, отличался по своему социальному происхождению и жизненному опыту от дворян-землевладельцев в Европе.

Династия дала Китаю три выдающиеся личности: Ли Шиминя, императрицу У Ху и Мин-хуана. Интересно, что ни один из них не был прямым наследником трона.

Первый из троих, император Ли Шиминь был вторым сыном Ли Юаня, в общем-то ничем не выдающегося основателя династии. В возрасте шестнадцати лет будущий император подбил отца поднять восстание; юноша встал во главе армии восставших и привел ее к победе. Он убил своего старшего брата, который устроил заговор против него, и унаследовал трон от своего отца, который отказался от трона в его пользу. Ли Шиминь был, возможно, величайшим из китайских императоров. Он обладал выдающимися способностями военачальника, однако их превзошли его способности государственного деятеля. Почти все великие реформы династии Тан произошли по его инициативе: система экзаменов, реформа системы землепользования, создание профессиональной армии, свободной от контроля аристократов. Он также был историком и разносторонним ученым; его каллиграфией восхищались, и она до сих пор является образцом для школьников.

Ли Шиминю не удалось только одно – он не сумел подобрать себе достойного преемника. После того как он был вынужден лишить прав на престол своего старшего сына – эксцентричного и неуравновешенного юношу, который устроил заговор против отца, – император объявил наследником своего второго сына – послушного и покорного слабовольного человека. Когда Ли Ши-минь умер, одна из его многочисленных наложниц У Чжао соблазнила молодого императора. Она убила императрицу, свою соперницу, и присвоила себе ее титул. Она правила Китаем более пятидесяти лет, сначала как супруга слабого императора Гао-цзуна, а потом от своего собственного имени. Когда император умер, она справедливо рассудила, что ее сыновья не способны управлять страной; она отодвинула их в сторону и сама взошла на престол. Она была единственной женщиной в китайской истории, которая носила официальный титул «монарх».

Во время своего безжалостного и методичного подъема на самый верх императрица У Ху должна была избавиться от всех критиков, которые были ошарашены и разгневаны грубым нарушением всех традиций и норм морали. (Строго говоря, она была виновна в инцесте.) Эти

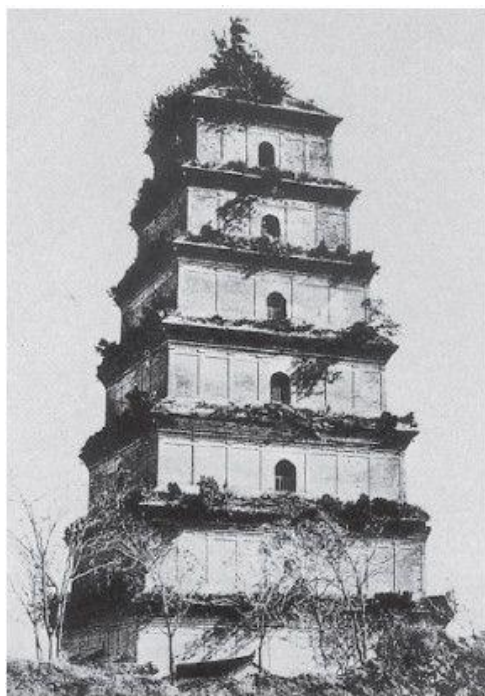
критики были по большей части членами семей военной аристократии. Она уничтожила их, а на их места выдвинула «людей низкого происхождения, но обладающих значительными талантами», как неохотно признавали неофициальные историки. Для того чтобы удовлетворить собственные амбиции, она стала инициатором важных и просто необходимых изменений в социальной сфере – речь шла о подъеме мелкопоместного дворянства и даже людей низших сословий вверх по социальной лестнице, при условии, конечно, что они были талантливы и, главное, верны ей. Поскольку у этих людей не было надежды сделать карьеру да и просто сохранить жизнь, если они предадут ее, то она могла быть уверена в их верности.

Тем не менее, когда она состарилась и стала дряхлой, именно эти люди, которых она подняла из грязи, свергли ее с трона. Они ночью ворвались во дворец, убили придворных фаворитов, которые их раздражали и мешали им, и объявили о восстановлении на троне безвольного сына императрицы Чжун-цзуна. Старая императрица встала с кровати, вышла из спальни и во всеуслышание назвала восставших кучкой глупых и неблагодарных предателей; затем она повернулась к ним спиной и вернулась в постель.

Императрицу заставили отречься от власти, но через несколько лет новый император Чжун-цзун был убит своей амбициозной женой. После короткого периода дворцовых заговоров положение в стране стабилизировалось при внуке императрицы У Сюань-цзу-не, который больше известен как Мин-хуан, «Бриллиантовый император».

Он тоже не был старшим сыном, однако именно его отец выбрал наследником. На этот раз конфуцианский идеал братской любви был воплощен в жизнь. Пять братьев Мин-хуана, в том числе и его старшие братья, всю жизнь сохраняли к нему братские чувства и верность. Он правил с 712-го по 756 год. В течение многих лет строго выполнявший обязанности монарха талантливый Мин-хуан известен как покровитель искусств. При его дворе жили и творили великие поэты династии Тан: Ли Бо и Ду Фу; при нем появились первые романы, творили художники, чьи имена сохранились в веках; начало развиваться китайское драматическое искусство. (Мин-хуан с тех пор всегда считался покровителем актеров.)

Империя управлялась весьма компетентными чиновниками, под чьим контролем находились практически все стороны жизни китайского общества и которые даже провели своеобразную перепись населения.

По большей части реставрированная Пагода диких гусей; буддийская святыня с 652 г., является одним из двух зданий, сохранившихся со времени Чанъани и эпохи династии Тан

Западные ученые долгое время считали, что эти цифры отражали только число налогоплательщиков; возможно, они просто не верили в достаточный уровень компетентности правительства, который в Китае был достигнут намного раньше, чем в их собственных странах. Однако были обнаружены точные записи, которые позволили понять, что в списки были внесены не только главы семей и несовершеннолетние дети. Данные 754 года, наиболее полные из всех, которые были составлены между 640-м и 754 годом, дают сведения о численности населения – 52 880 488. Китай состоял из 321 города, имеющего статус префектуры, 1538 – субпрефектур и 16 829 не обнесенных стенами городов-рынков. В 726 году численность населения составляла 41 419 712 человек. То есть меньше чем за тридцать лет население увеличилось примерно на 10 млн. Это был период, когда в стране царили мир и процветание, что может объяснить столь значительный прирост населения. Даже если все эти цифры и не совсем точны, совершенно ясно, что империя Тан была в то время самой густонаселенной страной. (Ее тогдашнее население было только частью того населения, которое сейчас живет на примерно той же самой территории.)

Киданьские монголы, которые объединили большую часть Монголии и в 936 г. завоевали часть Северного Китая, восприняли китайскую культуру, но сохранили при этом много монгольских традиций, в частности любовь к охоте. Наверху – кидани на соколиной охоте

Столица Чанъань, нынешний город Сиань в провинции Шэньси, имела население в 1 млн человек; вероятно, ее население было больше, чем население Константинополя, ее основного конкурента. Сегодня город занимает только малую часть города эпохи Тан, развалины которого тянутся на много миль вокруг города нынешнего. Ученые могут узнать точные границы старого города по сохранившимся ориентирам, указанным в литературе эпохи Тан. Однако расположение Чанъани имело один недостаток, который уже во время эпохи Тан создавал много неудобств. Хотя город был расположен в плодородной долине Вэй, там ощущался недостаток больших осушенных участков земли, поэтому существовала значительная трудность с доставкой в столицу зерна. Сообщение с провинцией Хэнань, ближайшим производителем зерна, осуществлялось в основном по Хуанхэ и ее притокам. Однако Хуанхэ протекает через гористую местность и имеет на своем протяжении много опасных порогов, включая знаменитый Саньмэн, Порог трех ворот. Поэтому проход заполненных зерном барж вверх по реке был трудным, дорогостоящим и неблагоприятным. Транспортировка же на повозках была очень медленной и неэкономичной.

Еще одной проблемой императоров Тан была армия. Еще в начале своего правления Дай-цзун

создал профессиональную армию, которая базировалась на границе. Он стремился решить проблему политической нестабильности, вызванную наличием на всей территории Китая амбициозных вооруженных людей. Однако профессиональная армия таила в себе другие опасности. Согласно традиционной истории Ань Лушань, грубый и жестокий генерал родом из варварского племени, оказался именно тем негодяем, который способствовал падению Мин-хуана и смерти Ян-гуйфэй, его любовницы. Он презирал куртуазные манеры изнеженных придворных. Ян-гуйфэй рассеивала любые подозрения, которые возникали у императора относительно ее верности. Решив свергнуть императора, Ань Лушань вернулся к своему войску, поднял восстание и быстрым маршем направился в Чанъань, заставив двор в панике бежать из дворца. Во время этого бегства стражи императора настояли на казни прекрасной Ян-гуйфэй, угрожая убить самого императора и перейти на сторону восставших, если ее не передадут им в руки.

«Прекраснобровая погибла под копытами их коней», – в поэме Бо Цзюйи эта трагическая развязка носит название «вечное зло». Поэма во многом носит исторический характер, однако в ней есть и эпизоды, где автор намеренно или нет, но допускает ошибку. Ян-гуйфэй была наложницей одного из сыновей императора, а самому Мин-хуану было уже за шестьдесят лет, когда он взял ее в свой гарем. Когда Ань Лушань взял Чанъань, императору было семьдесят два года, а Ян-гуйфэй было за сорок. Более чем вероятно, что она оказывала влияние на его образ мыслей и отвлекала его от выполнения своих обязанностей. Ань Лушань был проницательным и способным генералом, который тщательно планировал все свои действия. Однако в самом конце его планы сорвались. Император скрылся в западной провинции Сычуань, которая была практически неуязвима для внешних врагов (во время Второй мировой войны националисты защищали ее от Японии), и чиновники, верные династии, постепенно отразили нападения восставших, чему способствовала разобщенность среди последних. Чанъань была отбита у восставших, восстание подавлено; однако Мин-хуан отрекся от трона и остался доживать свой век в Сычуани.

При его преемниках власть центрального правительства пошатнулась. Необходимо было вернуть провинции, занятые восставшими; и генералы, которые выполнили эту задачу, сохранили за собой некоторую власть. После того как был заключен мир, была создана система генерал-губернаторств, а император был вынужден мириться с их властью. В конце эпохи Тан, с 760-го до 906 года, основной политической проблемой стала борьба двора с военными губернаторами. Более сотни лет императорскому правительству удавалось держаться у власти с помощью чиновников государственной службы, однако Китай уже не был тем единым государством, каким он был в VII и в первой половине VIII века. Вторая половина правления династии Тан иногда описывается как печальный отблеск славной эры, предшествующей восстанию Ань Лушаня, и в какой-то степени это верно. Однако продолжали бурно развиваться литература, искусство и техника, а двор не был таким уж безвластным или бедным, как об этом часто пишут традиционные историки. Благодаря искусной политике императоры смогли натравить слишком уж независимых генерал-губернаторов друг на друга. Двор не мог отменить систему губерний, однако он мог сделать так, чтобы губернии не превратились в передаваемые по наследству уделы и чтобы на освободившиеся места генерал-губернаторы сами назначали верных им офицеров. В результате такой политики часто возникали гражданские войны между кандидатами на должность; однако двор предпочитал не вмешиваться в эти стычки, поскольку тем самым они ослабляли друг друга. Постоянная, и, как оказалось, более серьезная проблема состояла в том, что императоры, как правило, жили недолго. Частая смена правителей порождала многочисленные придворные интриги и давала все возрастающую власть евнухам.

В это время были сделаны многие открытия в области техники и произошли далеко идущие социальные изменения. Самая первая печатная книга появилась в IX веке. Производство

фарфора стало повсеместным, а фарфоровые изделия найдены далеко от Китая, ныне заброшенный город Самарра в Ираке является доказательством активного экспорта фарфора из страны. В IX веке впервые был введен налог на чай, что свидетельствует о большой популярности этого напитка. Раньше чай считали лекарством. Развитие традиции чаепития, которое включает в себя кипячение воды, и растущее использование фарфора для производства посуды считаются важными факторами, повлиявшими на значительный рост населения Китая. Кипячение воды снижало риск заражения водой из загрязненных источников; фарфоровую посуду можно было мыть так чисто, чтобы на ней не было места разлагающимся кусочкам пищи. Распространение традиций чаепития привело к сокращению потребления алкоголя, которое, судя по китайской поэзии, было весьма значительным до начала позднего периода династии Тан. В Китае чайные домики, в которых обычно не подают алкоголь, все еще называются винными домиками, поскольку именно винные домики были предшественниками чайных домиков.

«Кони определяют военную мощь государства», – писал один из историков династии Тан, и императоры Тан владели табунами коней в сотни тысяч голов. Справа – керамическая надгробная фигурка того времени в виде оседланного коня

Восстание, которое в конечном итоге погубило династию Тан и ее империю, началось с бунта армии на южной границе. В 868 году эти войска состояли в основном из северян. Недостаточный контроль над этим отдаленным регионом со стороны двора привел к значительным задержкам выплаты войскам денег. Войска взбунтовались и двинулись на север, в свои родные провинции. Двор игнорировал эту кажущуюся далекой опасность, предоставив губернаторам южных провинций самим решать проблему. Однако эти люди стремились не столько встретиться с восставшей армией в бою, сколько пропустить ее через свою территорию в соседние провинции.

После семи лет бесцельных странствований у восставших наконец-то появился энергичный и сильный лидер – Хуан Чао. Он стал новым явлением в китайской истории: он был первым, но не последним лидером восставших, который вышел из среды образованных, но не удовлетворивших свое честолюбие людей, проваливших экзамены для поступления на гражданскую службу. Хуан Чао возглавил своих сторонников, но, встретившись с ожесточенным сопротивлением, в 879 году повернул на юг и прошел через Гуандун, захватив богатейший город Кантон. Когда численность армии возросла, он опять повернул на север. В 881 году он резко повел армию в наступление и, практически не столкнувшись с

сопротивлением со стороны провинций, захватил Чанъань, вынудив двор в спешном порядке бежать в Сычуань, как это в свое время сделал Мин-хуан.

Часть рисунка, приписываемого кисти неизвестного мастера династии Сун, изображает историю генерала династии Тан Ку Цзы. Он принимает знаки уважения от уйгурских военачальников, пока его слуга и офицеры следят за происходящим. Уйгуры, турецкое племя, напали на Китай и захватили Доян. Через несколько лет после этого Ку вошел невооруженным в лагерь уйгуров, чтобы убедить их заключить мир и присоединиться к китайцам в борьбе с другими племенами-захватчиками

Эта победа восставших разрушила единство империи и ввергло ее в пучину анархии. Несколько лет спустя Хуан Чао был убит, однако восстановление династии Тан было уже невозможным. Двор вернулся в Чанъань, город, который был наполовину опустошен войсками оккупантов. Там правительство стало марионеткой в руках военных – точно так же, как это раньше случилось с последним императором династии Хань, и так же, как это произошло тысячу лет спустя с первым республиканским правительством. Эти генералы – некоторые из бывших «получивших прощение» участники восстания, а другие – верные правительству лишь на словах – боролись друг с другом за контроль над богатыми провинциями и использовали остатки императорской власти, чтобы санкционировать собственное предательство. В 894 году один из них захватил столицу, разграбил и уничтожил ее. Он отвез императора в собственное поместье (по совместительству – штаб-квартиру) в Хэнани и немного позже вынудил его отречься от престола. Это был конец великой династии Тан. Эффективное правление этой династии не смогло пережить захват столицы Хуан Чао в 881 году.

Все влиятельные и могущественные губернаторы провинций немедленно осудили императора-узурпатора. Скоро Китай распался на несколько царств, со временем к ним добавились другие. Официальные историки называют это время периодом Пяти династий, однако эти быстро сменявшие друг друга режимы управляли только частью северных провинций. Хотя в политическом плане в Китае в течение более полувека царил хаос, тем не менее за это время произошли некоторые важные изменения. Под властью своих собственных князей, или императоров, как они сами себя называли, южные провинции некоторое время жили в мире друг с другом, находясь вне пределов досягаемости раздробленных и нестабильных правящих режимов севера.

На юге продолжали процветать литература и искусство, а также осуществлялись некоторые важные изменения в социальной сфере. Повсеместно распространилось книгопечатание, впервые были напечатаны труды классиков конфуцианства, а также буддийские тексты. При дворе Нан Тана, который находился в Нанкине, вместо напольных матов для сидения стали использоваться стулья. При этом же дворе впервые появился обычай бинтовать ступни ног у женщин, к сожалению, эта традиция получила широкое распространение во всей стране.

В 936 году солдат удачи, турок по происхождению, захватил один из северных тронов (он сделал это с помощью киданьских племен, которые жили за Китайской стеной). В благодарность за помощь он отдал им северо-восточную часть провинции Хэбэй, в том числе и город, который сейчас называется Пекин. Пекин играл ключевую роль в обороне горных перевалов, вдоль которых была построена стена. Когда он перешел в руки киданей, Китай оказался открыт для нашествий извне. Потерю этого города не смогла компенсировать даже династия Сун, когда она пришла к власти в 960 году.

Новая династия образовалась, когда генерал Чжао Куанъинь захватил власть на севере в результате военного заговора и сверг с престола последнего правителя Поздней Чжоу.

Когда он пришел к власти, не было оснований полагать, что что-нибудь изменится к лучшему. Однако новый император Сун быстро заручился всеобщей поддержкой. Он был в большей степени политиком, нежели военным.

В своих усилиях по воссоединению империи он более полагался на дипломатию, взаимное доверие и справедливое разрешение всех споров, чем на военное искусство. Объединив север, он довольно легко смог добиться покорности правителей южных царств. К 975 году ему подчинились все южные царства. Их правители не были казнены, как это обычно делалось в отношении побежденных; им было позволено жить в мире и почете в новой столице, Кайфэн, в Хэнани. Нет сомнений, что главной причиной такого мирного воссоединения империи было то, что этот процесс отвечал желаниям и идеалам образованного слоя общества и нисколько не противоречил более простым устремлениям китайцев.

Воссоединение тех частей страны, где большую часть населения составляли китайцы, было делом несложным, поскольку там были сильны идеи конфуцианства. Однако династия Сун не добилась успеха в подчинении себе тех отдаленных регионов, которые были отданы иностранным племенам или откололись после падения династии Тан. К северу от Великой Китайской стены и на северо-востоке нынешней Маньчжурии большую опасность представляли киданьские племена, которые находились под сильным влиянием Китая со времен династии Тан. Они образовали царство, которое называлось Ляо, по названию реки Ляо на юге Маньчжурии, и впервые в истории Китая сделали Пекин столицей, объявив его второй столицей своей династии. Они были первым сильным государством в Маньчжурии, регионе, подходящем для сельского хозяйства и способном прокормить многочисленное население.

Династия Сун также никогда не правила на северо-западе. Большая часть провинции Ганьсу и прилегающий к ней регион Внутренней Монголии образовали царство Си Ся; там правила династия тибетско-тангутского происхождения, да и само население было того же происхождения.

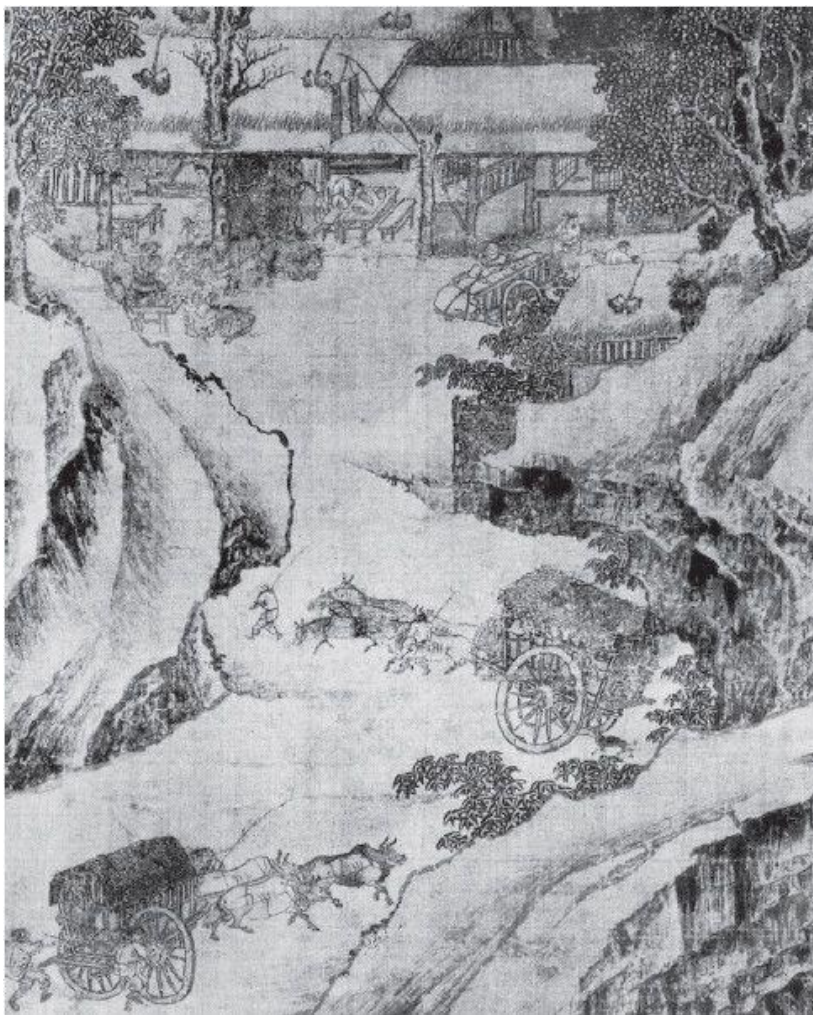
Основатель династии Сун, Чжао Куаньинь, который правил с 960-го по 976 г., был известным ученым; однако его основным достижением была военная реформа, которая поставила военных под контроль императора

В Си Ся была собственная система иероглифов, которая до сих пор полностью не расшифрована. Полное разрушение этого царства в результате нашествия монголов в начале XIII века уничтожило его культуру и уменьшило его территорию до пустыни. Однако в эпоху Сун Си Ся было процветающим царством. Оно мешало Китаю пользоваться старым наземным путем в Западную Азию, которая в результате потеряла свою значимость в качестве торгового партнера.

Будучи территориально ограниченной чисто китайскими землями, династия Сун развила более националистическое мировоззрение, чем то, которое было у династии Тан. Контакты с Западом имели второстепенное значение, они сводились в основном к контактам с арабскими купцами. Их интересы во внешней политике были невелики; они в основном сосредоточили свое внимание на китайской цивилизации и ее традициях. Именно в этот период в искусстве появилось течение архаизма – явный признак углубленности в национальное самопознание, если не упадка. Династия Сун начала собирать древние бронзовые произведения искусства и копировать их. Их методы управления были заметно более гуманными, чем у предшественников. Чиновники, впавшие в немилость при дворе, не предавались смерти; их просто отправляли в отдаленные регионы на должности магистратов. С новым поворотом в политике они могли вернуть себе и должность, и влияние.

Была создана геометрическая система, которая терпимо относилась к оппозиции, даже если эта терпимость и не признавалась официально. Появились две философские школы. Консерваторы твердо придерживались старых доктрин, которые отвергали все новое; новаторы же пытались ввести новые законы, которые, как они считали, отвечали новым условиям.

Несмотря на все различия, обе партии имели много общего. При целом ряде монархов, которые имели прекрасные намерения, но не имели способностей для их осуществления, правительство шарахалось из стороны в сторону. Императоры чаще всего выступали в роли арбитров, причем при вынесении решения они чаще основывались на мнении своих советников, а не придворных или фавориток. Сила партии новаторов заключалась в том, что вся ситуация в Китае изменилась. Страну больше не раздирали внутренние конфликты. Правительство делало все, чтобы сохранить мир в стране, и власти династии Сун не угрожали северные восстания. (Эта эпоха является, пожалуй, исключением в истории Китая.) Управление было эффективным и гораздо более сильным, чем раньше, поскольку чиновникам уже не приходилось соперничать с военными. Однако опасность исходила из-за границы, от зарубежных врагов. Империя больше не контролировала жизненно важные пути, соединявшие ее со степями. Опасность вторжения извне обеспечивала лояльность армии, которая только тем и занималась, что охраняла слабые участки границы. Новаторы утверждали, что необходимо было создать такую систему налогообложения, которая позволила бы государству нести тяжелое бремя по содержанию армии, не разоряя при этом крестьянство.

Часть картины XII в. – на ней изображены погонщики, которые ведут груженные повозки вверх по горной тропе. «Новые законы» династии Сун должны были способствовать развитию торговли и сельского хозяйства, а также обеспечить рынок сбыта товаров

Таким образом, новаторы предложили ряд мер, получивших название «Новых законов», которые были нацелены на улучшение положения крестьянства и увеличение доходов от земли, основного источника жизни империи. Их политика была нацелена на то, чтобы развивать сельское хозяйство и уменьшать ростовщичество. Главным средством достижения этих целей

был закон, называвшийся «Уравнивание потерь», который изменил требование, заключавшееся в том, чтобы налоги платились непосредственно в виде зерна – это было очень дорого и вело к большим потерям продукта. Был разработан план, который заключался в том, что зерно, предназначенное для уплаты налога, хранилось на местах в государственных зернохранилищах и продавалось по низкой цене, чтобы понизить цены на продовольствие по всей стране. Зерно или любой другой продукт, например шелк, теперь могли продаваться казначейством в провинции, где они были выращены, а доходы от их продажи шли в провинции. Шелк, продаваемый оптом, шел по низкой цене, если в столице скапливалось большое количество сырья, однако, продаваясь на местах, он приносил гораздо больше доходов. Чтобы стабилизировать экономику путем уравнивания цен, правительство также покупало коммерческие товары, когда был их переизбыток, и продавало их, когда повышался спрос. Закон «О молодых стрелках» был, пожалуй, самым оригинальным из «Новых законов», который во многом предвосхитил современные планы по улучшению судьбы крестьянства в Азии. Согласно этому закону государство весной давало крестьянину заем на покупку семян, заем должен был быть выплачен под небольшой процент в период уборки урожая. Таким образом, крестьянство могло обойтись без кредитора, который давал деньги под огромные проценты. Оппозиция жестоко критиковала этот закон на том основании, что крестьяне все равно не смогут выплатить заем. Однако они упускали из виду тот факт, что крестьяне в любом случае должны были по весне брать деньги в долг у местного дворянства. Если они не могли вернуть деньги, то дворянство брало за долги их земли, низводя свободного крестьянина до уровня лишенного прав арендатора.

Закон «Освобождение от службы» предполагал покончить с системой обязательного труда на правительство и заменить его денежным налогом. Это позволило бы чиновникам нанимать крестьян для работы там и тогда, когда это было необходимо. До этого правительство имело в своем распоряжении принуждаемую рабочую силу в определенное время года, даже когда выполнялось очень малое количество общественных работ. Необходимость в широкомасштабном привлечении рабочей силы, например для предотвращения наводнения, могла возникнуть в одной провинции и могла отсутствовать в другой. Деньги, полученные в результате претворения в жизнь нового закона, дали правительству возможность более гибко действовать в этом вопросе. Этот закон также подвергался критике, под тем предлогом, что новый налог делал бедных еще беднее. Бедные, как утверждали противники нового закона, охотнее расстались бы со своим трудом, чем со своими деньгами.

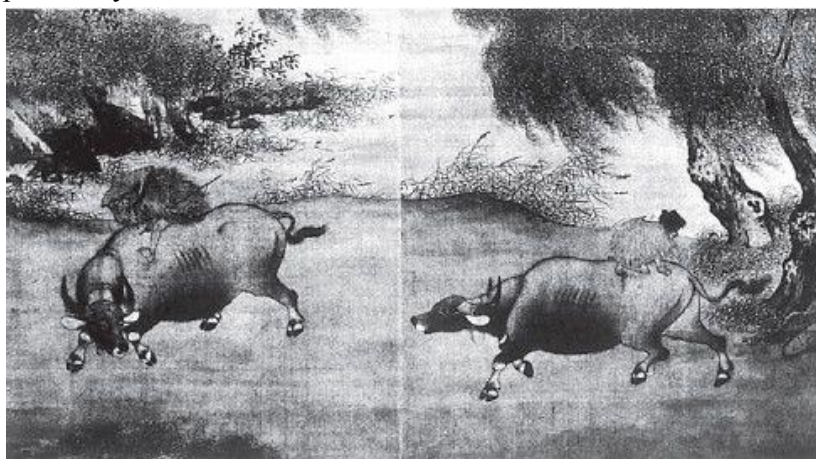
Еще один закон попытался установить контроль над стоимостью земли, ограничив до 20 процентов доходы, которые могли бы быть получены от ее продажи. Этот закон, который требовал иметь реестр землевладений в каждой провинции – нечто вроде кадастра земель, – также был нацелен на реформу налога на землю, отменив неравенство, которое определялось временем и привилегиями. Естественно, этот закон не был популярен среди дворян-землевладельцев, которые только выигрывали от существовавшего неравенства. Другие новые законы установили государственные ломбарды, которые, по сути, представляли собой зарождавшуюся национальную банковскую систему.

Закон, требовавший от каждого хозяина иметь коня, был направлен на то, чтобы решить проблему дефицита лошадей в армии. Вражеские государства контролировали степь Внутренней Монголии, где обычно выращивались кони, которые использовались в китайской армии. Было очень рискованно зависеть в таком важном вопросе от потенциального врага, и казалось разумным попытаться вырастить лошадей у себя дома. Закон, который игнорировал тот факт, что земледельцы-рисоводы ничего не знали о выращивании лошадей, судя по всему, не доказал свою эффективность.

Один из самых «живучих» «Новых законов», носивший название «Закон о семейных

гарантиях», делил все население страны на семейные группы. Семьи внутри группы были ответственны друг за друга и обязаны были сообщать властям о любых необычных или подозрительных действиях. Этот закон был направлен на борьбу с преступностью и бандитизмом. Также по этому закону государство получало постоянный приток мужчин на военную службу в случае такой необходимости, поскольку все здоровые мужчины в группе обязаны были проходить военную подготовку. Правителям Сун всегда приходилось опасаться вторжения извне, со стороны татар на севере, поэтому вполне понятно, что проблемы обороны считались наиболее важными. Система семейных гарантий была возрождена позже и частично может считаться предшественницей «уличных комитетов». В ней есть черты, которые кажутся не совсем верными и законными с точки зрения западных идеалов свободы личности, однако эти идеи никогда не имели глубоких корней в Китае, где семья всегда играла первостепенную роль, и, уж точно, они не были известны в XI веке.

На этой картине эпохи Сун два погонщика быков, босые и одетые в плащи из соломы, спешат добраться до дому до того, как разразится гроза

Наиболее часто в связи с этими «Новыми законами» упоминаются имена двух человек: Ван Аньши, яркого сторонника этих мер, и его оппонента Сымы Гуана, лидера консервативных ученых и знаменитого историка. Основным периодом, когда действовали эти законы, было восемнадцатилетнее правление императора Шэнь-цзуня с 1068-го по 1086 год. Эти законы продолжали действовать и после ухода Ван Аньши в отставку в 1076 году, однако в 1086 году, когда умерли и он, и Шэнь-цзун, к власти пришел Сыма Гуан и убедил царствующую императрицу отменить эти законы от имени молодого императора Чжэ-цзуня. В 1093 году, когда император достиг совершеннолетия, он вновь призвал к себе министров-новаторов и вновь ввел в действие «Новые законы». Воплощать их в жизнь должен был ученик Ван Аньши Цай Цзин. То находясь у власти, то нет, он смог осуществлять новую систему до тех пор, пока татары династии Цзинь не завоевали Северный Китай в 1126 году. «Новые законы» были в действии чуть более пятидесяти лет. В этот период правительство династии Сун произвело две переписи. Согласно первой, в 1083 году в стране насчитывалось 17 211 713 семей, или примерно 90 млн человек. Согласно второй переписи, проведенной сорок один год спустя, в 1124 году, в стране проживало 20 882 258 семей, или примерно 100 млн человек. Консервативные критики ранее утверждали, что «Новые законы» не на пользу крестьянству и могут привести к серьезным народным восстаниям, наподобие того, которое возглавил Ань Лу-шань и которое погубило династию Тан. Однако никаких восстаний не было; и значительное увеличение численности населения за сорок лет скорее свидетельствует о росте благосостояния людей, нежели наоборот.

Трудно оценить реальное значение «Новых законов». Их применение не было последовательным даже в период, когда новаторы были у власти. Однако история этого времени

писалась их противниками, и очень мало написанного сторонниками законов дошло до наших дней. Очевидно, что «Новые законы» не принесли тех несчастий, которые предрекали противники этих мер, однако менее очевидно, что они принесли ту пользу, которую ожидал от них Ван Аньши. Кажется, что перед чиновничеством, даже принимая во внимание высокую эффективность их работы, стояла слишком трудная задача, которая выходила за рамки их способностей, особенно в эпоху, когда сообщение было медленным и почти не было печати. Претворение в жизнь «Новых законов» требовало искусного управления, которое было просто невозможным в ту эпоху и для тех людей, то есть все оказалось именно так, как предрекали критики. С другой стороны, было нелегко признать, что критики правы. Правительство Сун представляло собой квинтэссенцию бюрократии; оно было гораздо более прогрессивным, чем любое другое правительство того времени. Пока династия Сун обсуждала сложные земельные законы и связанные с ними вопросы конфуцианства (поскольку политика и философия всегда шли рука об руку), Западная Европа только-только оправлялась от нашествия викингов. Полное применение «Новых законов» означало бы всеобъемлющий контроль над экономикой и повседневной жизнью Китая. Это именно то, что насаждает нынешний режим с помощью средств массовой информации. Но даже в этих условиях выполнение таких задач идет не вполне успешно. Однако у Ван Аньши не было сторонников, способных донести свои идеи в массы; у него не было возможностей разъяснять суть своих задач тем, кто, собственно, и должен был выиграть от этих реформ. Его программа целиком и полностью зависела от поддержки правящего императора. В Шэнь-цзуне он нашел серьезного человека, желающего провести эксперимент, который мог бы решить стоящие перед государством задачи.

Последний император династии Северная Сун – Суй Цунь прославился как художник. Рисунок, изображающий двух куриц с цыплятами, приписывается его кисти

Однако император находился под постоянным давлением консерваторов, сторонников старых порядков, в уважении к которым он, как любой образованный человек, был воспитан. Несмотря на все эти препятствия, примечательно, что «Новые законы» были проведены в жизнь и действовали довольно долго. Они представляли собой эксперимент передового правительства, о котором даже не помышляла ни одна другая страна мира.

В начале XII века татарское государство Цзинь, свергнувшее режим Ляо на севере, двинулось на империю Сун. Неясно, насколько политическое и философское соперничество консерваторов и новаторов способствовало ослаблению правительства. Естественно, вину за все несчастья возлагали на новаторов. Их лидер Цзай Цин был в это время главным министром. Однако в качестве еще одной причины бедствия можно назвать и императора Хуэй Цуня. Он считается одним из наиболее выдающихся и талантливых художников в китайском искусстве. Довольно много его работ дошло до наших дней; они доказывают, что он вполне соответствует своей репутации. Он собрал первую национальную коллекцию произведений искусства; причем ее каталог все еще существует. Его таланты обеспечили бы ему достойное место в китайской истории, даже если бы он не был императором. Однако то, что он им являлся, привело к ужасным последствиям. Как правитель, он абсолютно не интересовался политикой, пренебрегал своими обязанностями и не осознавал, насколько рискованно такое поведение. Он попытался

получить выгоду от падения Ляо путем возвращения северо-восточного региона Хэбэй, который был в руках победивших Цзинь. Он спровоцировал Цзинь пойти в наступление, однако, когда наступление свершилось, он оказался не готов отразить его. Кайфэн пал, а император и двор попали в плен. Хуэй Цунь провел остаток жизни в ссылке на севере империи Цзинь, где, как можно надеяться, он нашел ценителей своего искусства.

Изгнанные с севера Китая, сторонники династии Сун отошли на юг и вернули долину Янцзы, которая раньше была захвачена Цзинь. Однако они не смогли «выдавить» Цзинь с севера страны. Сун основали новую столицу, как они считали, временную, в городе Ханчжоу в провинции Чжэцзян; там они правили еще чуть более ста лет, до 1279 года, когда монголы положили конец их династии. После 1234 года, когда началось нашествие монголов, период мира закончился. История Южной Сун – это история упорного сопротивления и медленного отступления. Их называли миролюбивыми, однако они в течение сорока трех лет оказывали упорное сопротивление монголам, но в конечном итоге были побеждены в морском сражении недалеко от Гонконга. Многие народы, имевшие репутацию более воинственных, сдавались при первых же атаках монголов. Нет сомнения в том, что террасы, лесистые горы и рисовые плантации способствовали столь длительному сопротивлению, однако остается фактом, что Южная Сун дольше, чем любое другое государство, сопротивлялась монголам.

В течение ста лет южная династия не оставляла надежды вернуть себе север. Она развивала искусство, торговлю и промышленность. Картины периода Южной Сун по мастерству не уступают работам художников Китая, когда он еще не был раздробленным; развивалась морская торговля, и она приносила большой доход. В это время вторая волна китайского влияния в искусстве и буддизме достигла Японии. Процветала философия, великим философом этого времени был Чжу Си, толкователь текстов Конфуция. Его деятельность ассоциируется с формулировкой нового толкователя классической философии, часто называемой неоконфуцианством, которое продолжало оставаться основной доктриной Китая до нового времени.

Завоевание Китая монголами было важной вехой в истории страны. Никогда до этого вся империя не оказывалась в руках иностранцев. Никогда до этого китайская система управления не заменялась чужеродной административной системой. На службе Чингисхана, человека, победившего Сун, состояло много иностранцев вроде Марко Поло. Они не говорили и не читали по-китайски. Система экзаменов для кандидатов на государственную должность прекратила на время свое существование (хотя позднее монгольские правители сочли необходимым возродить ее). Столицей стал северный город Пекин, первый главный город всего Китая, которому суждено было остаться таковым навсегда (за исключением двух непродолжительных периодов). Старые Чанъань, Лоян и Кайфэн более никогда не становились столицами. В политической жизни появился новый момент: китайцы перестали бояться набегов и коротких нашествий с севера. Теперь они опасались только длительного захвата империи. Это придало новые черты национальному аспекту развития китайской цивилизации.

По этим причинам конец династии Сун означает конец срединного периода Китайской империи. Многие считают этот период китайской истории самым выдающимся, эпохой многочисленных и разносторонних достижений, которые, возможно, слишком опередили темпы развития государства, чтобы продолжаться довольно долго. Следующая империя должна была иметь свои собственные характеристики; она была более консервативной и менее уверенной в себе, несмотря на грандиозные притязания ее правителей.

Идеал конфуцианства

В отличие от двух других философско-религиозных учений – буддизма и даосизма, – которые носили созерцательный характер и склонялись к мистицизму, конфуцианство было настолько активным учением и столь ориентированным на светскую жизнь, что его едва ли можно назвать религией в полном смысле этого слова. И, ставя перед собой цели достижения мистического откровения и спасения личности, которые разделяли также буддизм и даосизм, конфуцианство в основном сконцентрировало свое внимание на структуре общества и его нуждах. Как считал Конфуций, поддержание гармоничного функционирования человеческого общества было – или должно было быть – высшей целью жизни любого человека. Священной обязанностью каждого гражданина было жить в соответствии с ли, или кодексом чести, который обеспечивал гармонию общества. Строгое соблюдение этих правил делало любого человека джентльменом. Каждый человек также был обязан соблюдать нравственные, юридические и социальные обязательства в общении с другими, чтобы на деле осуществлять принципы жэнь, или человеческого добросердечия. «Жэнь», или «добродетель души», была центральной идеей конфуцианства. Это слово писалось как комбинация иероглифов-символов, обозначающих понятия «человек» и «два», что означало бы его связь с человеческим общением. Принципы жэнь определяли каждодневные решения, принимаемые человеком. Зная принципы жэнь, человек автоматически знал и правила кодекса чести, знал, как вести себя в той или иной ситуации; почти всегда это было наиболее благородное и уважительное поведение. Именно посредством добродетели поддерживалось равновесие в государстве.

Хотя принципы жэнь должны были быть регулирующей нормой поведения в повседневных делах, образ жизни всего общества и отдельного человека в целом определялся дао, что означало «путь». «Путь» означал способ существования Вселенной – именно эта концепция и дала даосизму его название. Для Конфуция дао основывался на идеальном взаимодействии жэнь и ли. Конфуций оптимистично утверждал, что все люди через образование поймут принцип дао и будут следовать ему. Его предположение оказалось неверным, хотя кодекс чести, который он предписывал соблюдать своим последователям как средство постижения и приближения к дао, строго соблюдался в течение тысячелетий.

Сыновний долг

Краеугольным камнем конфуцианской системы воспитания и образования была доктрина сыновнего почитания, которая означала не только уважение к своим родителям, но и почтительное отношение к властям всех уровней – и императорской, и семейной. Сыновнее почитание было первейшей и основной обязанностью китайцев; все остальные обязанности были ее производными. С детства воспитанный в духе безусловного и непоколебимого почитания родителей, молодой человек с легкостью воспринимал такое же отношение к императору – отцу всех людей. Даже сам император – Сын Неба – был включен в эту систему, поскольку его обязанностью было подчиняться Небу, которое считалось его отцом.

Сыновнее почитание было основным принципом, на котором строились отношения между людьми в обществе; они находили свое воплощение в кодексе чести. Аи первоначально означало «жертвовать»; со временем оно стало означать просто «ритуал». Как показывают иллюстрации (с 225–227), взятые из коллекции рисунков династии Сун, ритуал, соединенный с доктриной сыновней почтительности, был весьма сложным. Низкий поклон, который обычно означал поклон стоящего на коленях человека, причем лбом он был должен коснуться земли, стал обычным способом выражения уважения не только родителям или сюзерену, но и старшим братьям, старшим партнерам по бизнесу и просто старшим родственникам. Конфуций распространил правила и обычаи придворного этикета, такие, как низкий поклон, на все

отношения между людьми, попытавшись таким образом ввести нормы «правильного» поведения. Эти ставшие обычными способы проявления любви и верности были разработаны, чтобы дать людям определенный набор жестов, которые подтверждали бы его добрые намерения; однако постепенно они утратили большую часть своего первоначального значения и превратились в рутинные и довольно утомительные и однообразные манеры хорошего поведения.

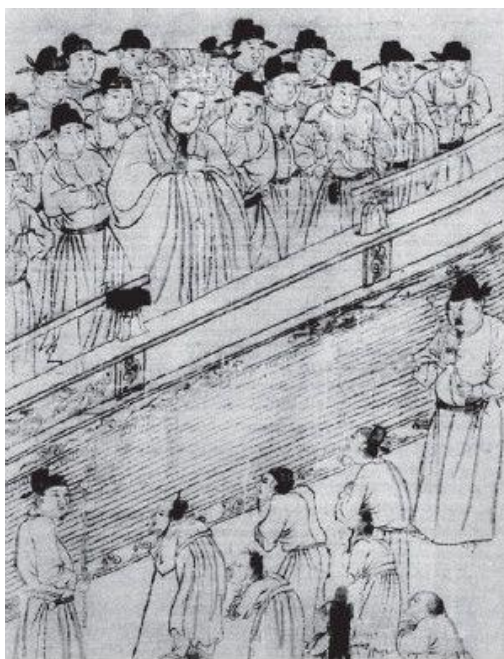
В доказательство сыновней почтительности молодая пара организывает (и оплачивает) развлечения для престарелых родителей мужа

Равенство и взаимное уважение, проповедуемые конфуцианством, видны на этой картине, изображающей семейную пару в домашней обстановке

1. Хотя оба мужчины уже достигли середины жизни, мужчина справа делает низкий поклон, приветствуя в саду своего старшего брата

2. Император и его придворные, стоящие высоко над простоллюдинами, смотрят на группу простых людей, среди которых три престарелые вдовы

3. Восседающий на возвышении император принимает знаки почтения от своего цензора, чьей обязанностью было критиковать решения и действия своего повелителя

4. Суды выносили суровые приговоры за супружескую неверность; справа внизу наказывают кнутом женщину, виновную в адюльтере

Правление мудрых

После смерти Конфуция его ученик Юань Синь ушел с занимаемой им должности и стал отшельником. На картине, которая была нарисована в период монгольского ига, когда многие чиновники отходили от общественной жизни, мы видим Юаня (крайний слева), который принимает своих бывших коллег, оставшихся на своих постах

Честь сохранения конфуцианского государства выпала группе людей (мужчин, конечно), которые достигли высоких чинов главным образом благодаря своему образованию или, вернее, знанию классических китайских текстов. В отличие от своих коллег в других странах, где власть передавалась по наследству или даже считалась божественной, в Китае чиновники обычно занимали свое место в бюрократической системе на основании результатов экзамена государственной службы. Конфуций был убежден, что образование является ключом к мудрости и что мудрость давала гармонию как в общественной, так и в личной жизни. Его ученики вступали в чиновничьи должности, веря, как и он, что «те, кто первым усвоит основные принципы и понятия, должны обучать тех, у кого процесс усвоения идет очень медленно». Во времена смуты или иноземных завоеваний, однако, многие чиновники-конфуцианцы отходили от дел и с головой уходили в частную жизнь, пока император не оказывался в состоянии доказать своим умелым управлением страной, что он действительно владеет Мандатом Небес.

Три пути

Возможно, самой примечательной чертой китайского народа, если говорить о его религиозных предпочтениях, было не то, насколько терпимо китайцы относились к отличающимся друг от друга религиозным течениям, а то, с какой готовностью они восприняли все эти три направления. Примерно в 200 году, через сто лет после появления в Китае буддизма, была опубликована научная работа, которая приводила доводы в пользу новой религии.

Конфуцианец, буддист и даос обсуждают три возможных направления развития

Примечательно, что эта работа стала попыткой продемонстрировать легкость, с какой буддизм мог быть видоизменен, чтобы гармонично сосуществовать с уже известными идеологиями даосизма и конфуцианства – во многом за счет традиционного буддийского учения. Например, нирвана, согласно буддизму – состояние абсолютного просветления и знания, стала ассоциироваться с так называемой у вэй, даосской концепцией недеяния, хотя, по сути, у этих двух понятий нет ничего общего.

Со временем китайская философия начала приспосабливаться к буддизму. Даосизм воспринял много внешних проявлений буддизма (храмы и систему священнослужителей), а неоконфуцианство, развившееся в эпоху династии Сун, по сути, попыталось провести параллель между некоторыми конфуцианскими мудрецами и бодхисатвами.

Конфуцианский бог долголетия

Конфуцианство

Доктрина человечности людей, проповедуемая Конфуцием всю жизнь, была более гибкой, чем ее более поздние толкования. Конфуций подчеркивал важность самообразования через получение классических трудов, проповедовал уважение к старости и строгую приверженность правилам кодекса чести и утверждал, что только мудрый человек может прожить всю жизнь в гармонии с собой. Много лет спустя после смерти «мудрейшего из древних учителей, всезнающего и всего добившегося царя», как называл Конфуция один из императоров династии Сун, императорские эмиссары все еще приходили на его могилу, чтобы отдать дань уважения покойному. Были сооружены памятники с выгравированными на них надписями, прославляющими его, также в жертву ему приносились животные.

Даосский мудрец, или божество

Строго говоря, китайцы не считали Конфуция богом, однако они воздвигали храмы в его честь и поклонялись его образу. Формы этого поклонения менялись с течением времени. При некоторых династиях законом предписывалось возводить храмы в честь Конфуция в каждом важном городе страны, а правительственные чиновники были обязаны совершать посвященные ему обряды.

Даосизм

Пассивный негативизм даосизма, воплощенный в классическом у вэй, «не делай ничего», предполагает, что философия возникает как реакция на почти чрезмерную общественную активность конфуцианства. По сути, эти два образа жизни могли бы считаться дополняющими друг друга; их сосуществование позволило китайцам найти равновесие между необходимостью поддержания общественного порядка и личной независимостью. Даосизм был, по сути, антиконфуцианством, однако альтернативы идеям конфуцианства, которые он предлагал, были скорее нацелены на то, чтобы видоизменить, а не победить конфуцианство. Когда даосские мудрецы призывали «мобилизовать внутренние силы», они предлагали альтернативу конфуцианскому акценту на «приобретенные общественные силы»; когда даосы призывали своих последователей избегать стремления к недостижимому и ничего не делать, они лишь пытались заменить этим призывом конфуцианский идеал бесконечного самосовершенствования. Убежденные, что человек никогда не сможет полностью подчинить себе его окружение, даосы призывали соединиться с окружающей средой, быть «простым, бесформенным, ничего не желающим, не имеющим стремлений... удовлетворенным».

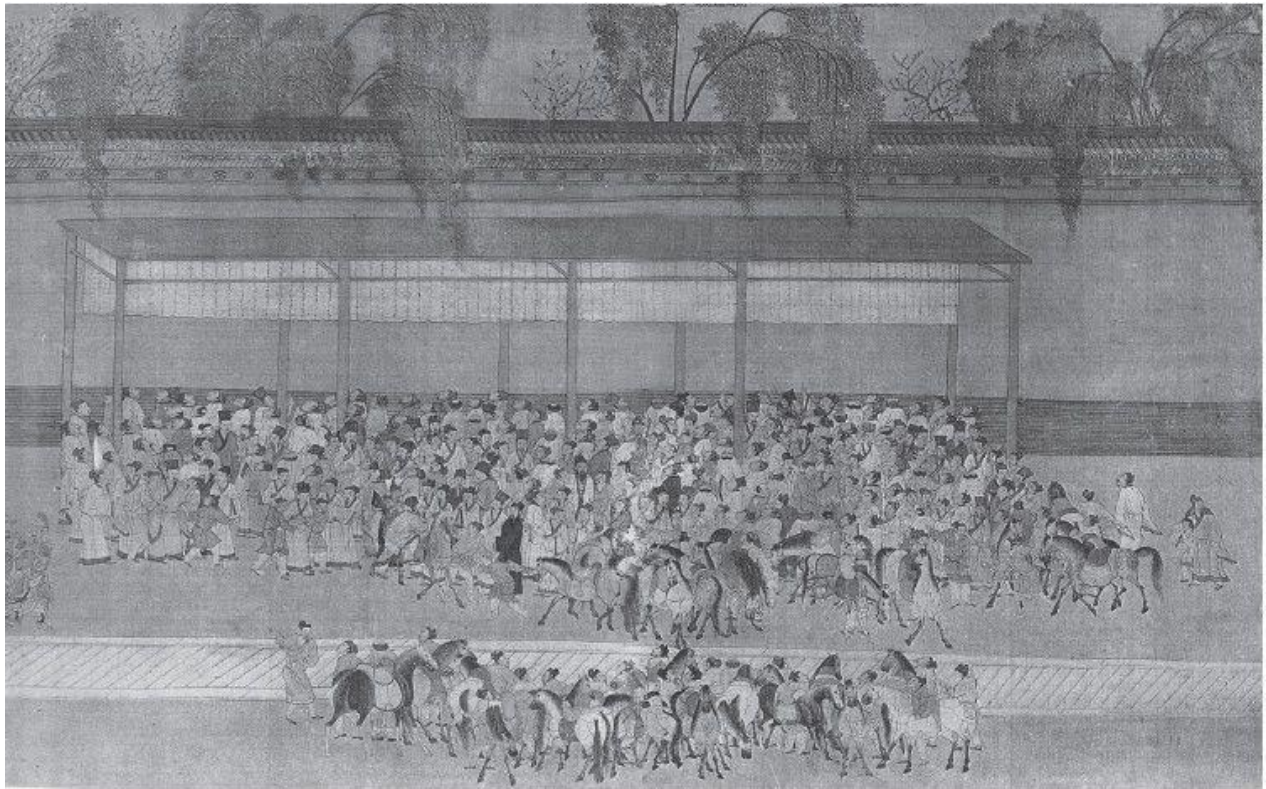

Гуанинь, буддийский покровитель милосердия

Буддизм

В отличие от конфуцианства и даосизма, которые являлись «родными» философскими течениями и которые постепенно приобрели огромное число последователей, буддизм был чисто заимствованной религией, которая пришла в эпоху Хань. Его влияние на китайский народ было более глубоким и серьезным, чем влияние любой другой иностранной религии. Для китайцев, чьи национальные доктрины ставили светские цели и подчеркивали важность семейных уз, визуальное и эмоциональное воздействие сложной системы буддийских богов, представленной в богато украшенных храмах, было немедленным и позитивным. Китайские ученые сочли невозможной буддийскую концепцию реинкарнации – где существует бесконечный круг рождения, смерти, возрождения, во время которого душа может принять форму любого человека или животного. Они с большей готовностью восприняли идею кармы, совершения добрых дел и подавления желаний, которые в сочетании с медитацией и аскетизмом позволяли душе продвигаться к нирване, конечной стадии знания, которая завершала круг реинкарнации.

Утверждение Конфуция, что вакансии на государственные должности должны заполняться на конкурентной основе, привело к возникновению жесткой системы государственных экзаменов. Внизу – исполненные надежд молодые ученые ожидают объявления результатов экзаменов

Пронеся через века неизменное уважение к письменному слову, китайские ученые создали исторические хроники каждой династии, а также многочисленные личные воспоминания. На картине, которая называется «Спокойная жизнь в лесном домике», молодой слуга несет своему ученому-хозяину связку свитков, возможно, из личной библиотеки хозяина

Китайский путь

Китайцы вели записи о своей истории в течение тысяч лет, фиксируя большие и малые события и одновременно создавая грандиозную хронику развития своей цивилизации. Самые ранние записи относятся к эпохе Шан: это посвящения на бронзовых сосудах, вопросы, обращенные к богам, которые священнослужители писали на костях и раковинах. Народ царства Чжоу вел записи о дарах, отправленных зарубежным правителям, об указах царя и об именах рабов. Правители должны были изучать записи своих предшественников, чтобы учиться на их ошибках и удачах. Тем не менее их собственные действия, как хорошие, так и плохие, фиксировались придворными историками для того, чтобы их смогли оценить потомки. Дворяне, которые сами часто занимались историей и писали стихи, брали к себе на службу образованных людей. Историк Х.Т. Грил пишет: «Сомнительно, что какой-либо другой народ, живший за тысячу лет до Рождества Христова, проявлял такое уважение к истории, как китайцы». В III

веке до нашей эры, когда император династии Цинь Шихуан-ди приказал уничтожить все исторические записи прошлых династий (в попытке заставить замолчать тех, кто критиковал его действия), он на долгие годы стал объектом ненависти всего китайского народа.

Литература, пережившая этот холокост, была возрождена династией Хань и ее учеными, среди которых было много конфуцианцев. Они дали свое толкование древних текстов, которые всегда были известны как классическая конфуцианская литература. Это «Книга перемен», «Книга преданий», «Книга песен», «Книга обрядов», хроники «Весны и Осени». В последующие времена никто не мог считаться великим, если он не знал классических текстов и не был автором прекрасных художественных или политических произведений. Такое уважение к литературе дало толчок к созданию огромного количества литературных произведений – философских и исторических трактатов, писем, мемуаров и дневников. Каждое в отдельности, эти произведения представляли личную точку зрения авторов на повседневную жизнь Китая; все вместе они сформировали великую литературную традицию.

Хроники

История зарождения Китайского государства населена демонами и мифологическими героями, поскольку именно легенды и мифы делали тайну создания мира понятной простому человеку. Когда китайская история начала фиксироваться, возникла теория, что все события идут по кругу: изменение, рост, упадок. Обязанностью историка было объективно фиксировать все факты, чтобы читатель мог реально представить себе весь этот цикл и понять причины роста и упадка. В идеале каждое историческое событие служило иллюстрацией того или иного морального принципа.

Согласно легенде две основные силы, инь и ян, обеспечивали порядок во Вселенной; полубог, а не природа, останавливал наводнение, а при рождении Конфуция присутствовала не повитуха, а богиня.

Создание мира

(Текст ученых династии Хань)

До того как сформировались земля и небо, все было неопределенным и туманным. Именно поэтому это и было Великое Начало. Великое Начало породило Пустоту, а Пустота породила Вселенную. Вселенная породила материальную силу, которая имела границы... Чистой и прекрасной материи соединиться было очень легко, однако тяжелой и густой материи было очень трудно отвердеть. Поэтому сначала появилось небо, а уже после этого земля приобрела свою нынешнюю форму. Объединенные субстраты неба и земли и составили инь и ян; концентрированные субстраты инь и ян стали четырьмя временами года, а рассеянная сущность времен стала мириадами существ на земле. Спустя много времени горячая сила аккумулятивной ян создала огонь, а субстрат силы огня стал водой, как субстрат избытка силы солнца и луны стал звездами и планетами. Небо получило солнце, луну и звезды, а земля получила воду и почву.

Юй останавливает наводнение

(Из «Книги документов»)

Воды потопа, казалось, наступали на небеса, а их огромная масса покрыла холмы и залила горы, так что люди были растеряны и испуганы. Я собрал все четыре мои средства передвижения (тележки, лодки, сани и ботинки) и стал срубать деревья вдоль холмов; и делал я все это вместе с И, который показывал всем, как добыть себе пропитание из дичи. Я открыл дороги для водных потоков через все девять провинций и направил их к морю. Я углубил естественные и искусственные каналы и повел их к водным потокам, и в то же время вместе с Чи сеял зерно и показывал людям, как добывать еду из растений. Потом я научил их менять то, что у них есть, на то, чего нет, и избавляться от излишков. Так люди получили зерно, которое они могли употреблять в пищу, и все государства начали существовать при надлежащем управлении.

Рождение Конфуция (Ван Чжа, ум. в 390 г.)

В ночь, когда родился Конфуций, два синих дракона слетели с небес и свернулись кольцом у комнаты Чжэн Цзай. Когда она родила Конфуция, как это и предчувствовала, две богини появились в небе, неся прозрачную росу, в которой они искупали его. Император Небес сошел вниз и исполнил мелодию небесной чистоты, наполнившую все комнаты семьи Янь. Раздался голос, сказавший: «Небеса разверзлись и дали жизнь этому мудрому младенцу. Поэтому я спустился с Небес, чтобы отпраздновать это событие своей музыкой». И звук труб и колоколов был таким, какого никогда не слышали в мире. Помимо этого, пять старцев бродили по двору семьи Чжэн Цзай, они были духами пяти звезд. Перед самым рождением Конфуция появился единорог, который выплюнул из себя под ноги людям деревни Чжули нефритовый документ, где было написано: «На закате Чжоу наследник духа воды будет некоронованным царем. Именно поэтому два дракона окружили кольцом комнату, а пять звезд упали на двор». Гадатель осмотрел Конфуция и сказал: «Этот ребенок – потомок царя Тан династии Шан. Он станет некоронованным царем, обладая силой, доверенной ему водой, и, как отпрыск царей, достигнет величайшего почитания».

Коронация царя (Из «Книги преданий»)

Следующий отрывок описывает обряд коронации в том виде, как он проводился в эпоху династии Чжоу.

В четвертый месяц, когда луна стала убывать, умер царь [Чжоу]. Главный хранитель приказал Чжун Гуану и Нанцюн Мао научить Лю Кэ, принца Цэ, вместе с двумя лучниками и сотней стражей встретить принца Чжао у южных ворот и проводить его в одну из комнат рядом с той, где лежал царь, и чтобы он был там главным скорбящим.

В день Дин Мао (через два дня после смерти царя), как правитель Запада и главный министр, он приказал соответствующим службам заготовить дрова для церемонии погребения. Избранные люди вынесли... пять видов драгоценных камней, а также разные драгоценные вещи. Там был красный нож, великие наставления, большой выпуклый символ из жемчуга и закругленные и заостренные булавы – все они были на западной стороне; большая жемчужина, драгоценности от диких племен с востока, божественно звучащий камень и план течения реки – все это было в комнате на восточной стороне; танцующие символы инь; большие бирюзовые раковины и большой барабан.

[Новый] царь [Чжао] в пеньковой шляпе и богато убранной юбке шел за гостями, сопровождаемый дворянами и правителями царств, одетыми в шляпы из пеньки и черные и цветные одежды. Войдя, все они заняли свои места. Главный Хранитель, великий историограф и министр по религиозным делам были в шляпах из пеньки и красных одеждах. В руках у Главного Хранителя была огромная булава. Министр религии нес чашу и ножны для булавы. Эти двое поднялись с восточных ступеней. Главный историограф нес текст завещания. Он поднялся по тем же ступеням, что и гости, и сказал: «Наш великий господин, лежащий на украшенной драгоценностями скамье, объявил свою последнюю волю и повелел тебе продолжать соблюдать великие заветы и взять в свои руки управление империей Чжоу, действуя в соответствии с великими законами и обеспечивая гармонию в империи так, чтобы следовать великим заповедям Вэнь и У».

Царь дважды низко поклонился, затем встал и сказал: «Я полностью ничтожен, но уже не ребенок; как могу я управлять четырьмя четвертями империи, обладая благоговейным ужасом перед гневом Небес?» Затем он принял в руки чашу и ножны от булавы. Трижды прошел он с чашей, трижды приносил он жертву и трижды ставил он чашу на пол. После этого министр религии сказал: «Это принято».

Главный Хранитель принял чашу, спустился со ступеней и совершил омовение рук. Потом он взял еще одну чашу и еще одну булаву, чтобы принести ответное жертвоприношение. Отдав чашу сопровождающему его офицеру, он почтительно поклонился. Царь поклонился в ответ. Затем Хранитель взял обратно чашу и совершил жертвоприношение. Затем он вдохнул жертвенный дух, вернулся на место, отдал чашу помощнику и поклонился. Царь поклонился в ответ.

Главный Хранитель вышел из зала, когда были унесены различные предметы обряда, а принцы вышли из ворот храма и стали ждать.

Вина Цинь

(Чжа, 199–168 гг. до н. э.)

Платой за единство империи Цинь было жестокое подавление всяческого инакомыслия, как писали государственные деятели династии Хань; и скоро народ восстал против тиранов Цинь.

Князь Сяо династии Цинь, полагаясь на силу гарнизона Ханку и укрепившись в районе Юнчжоу вместе со своими министрами, крепко держался за свою землю и следил за домом Чжоу, поскольку он лелеял мысль соткать империю, словно одеяло, связать воедино целый мир, собрать все земли между четырьмя морями; он носил в своем сердце стремление захватить все вокруг, во всех восьми направлениях. В это время ему помогал благородный Шан, который устанавливал для него законы, способствовал развитию сельского хозяйства и ткачества; создавал оружие, вербовал союзников и нападал на других феодалов. Таким образом, люди Цинь смогли легко захватить территории к востоку от верхних притоков Хуанхэ. [Постепенно] Цинь добился господства над империей и поделил ее так, как считал нужным. Могущественные государства просили его взять их под свой контроль.

После этого царствовали Сяовэнь и Хуанси, чьи правления были короткими и небогатыми на события. После этого на престол вззошел первый император, который добился славных результатов, влияние которых ощущали последующие шесть поколений. Щелкая длинным кнутом, он управлял своей Вселенной, захватывая поочередно Восточное и Западное Чжоу и побеждая феодалов.

После этого он отказался от опыта правления бывших царей, сжег труды сотен школ и сделал

людей невежественными. Он уничтожил основные крепости государств, убил их могущественных правителей, собрал все оружие империи и привез его в столицу Чанъань, где копья и наконечники стрел были расплавлены, а из этого металла были отлиты двенадцать человеческих фигур, и все это для того, чтобы ослабить народ империи.

Он создал гарнизоны в стратегически важных точках и послал туда опытных генералов и искусных лучников, а также доверенных министров и хорошо обученных солдат, чтобы они охраняли землю и учиняли допрос каждому проходящему там. Когда он таким образом усмирил империю, первый император поверил, что, имея укрепленную столицу внутри защищенных гарнизонов и металлическую стену длиной более чем в тысячу миль, он установил порядок, который сохранится и при его потомках еще десять тысяч лет. В течение некоторого времени после смерти первого императора память о нем и его могуществе внушала благоговейный страх простым людям. Но Чжэн Шэ, родившийся в убогой хижине с крошечными окошками и дверью из прутьев лозы, работавший поденщиком на полях и мобилизованный на службу в гарнизон... выбился из общего строя солдат и возглавил отряд из ста человек, беднейших и измученных, который и поднял бунт против Цинь. Они делали себе оружие из срубленных деревьев, поднимали свои флаги на садовых изгородях, и вокруг них объединился целый мир, как огромное облако, им несли провизию и следовали за ними, как тень следует за телом. В конце концов весь восток поднялся и уничтожил дом Цинь.

Цинь, начавшие свою империю с клочка земли, превратили свое государство в огромную страну и заставили в течение многих лет всех остальных великих правителей поклоняться себе. Однако став хозяевами империи на огромной территории, они столкнулись с простолюдином, разрушившим их храмы; они пали от рук его людей и стали посмешищем для всего мира. Почему? Потому что они не умели управлять по законам человечности и справедливости и не смогли понять, что сила подавления и сила, с помощью которой можно удержать завоеванное, — это не одно и то же.

Похороны императора (Сыма Цянь, 145—80 гг. до н. э.)

Сыма Цянь, которого называют отцом истории Китая, описывает похороны Шихуан-ди, объединителя китайской империи и, как тот сам себя называл, первого императора.

В девятую луну первый император был похоронен на горе Ли, в которой в начале своего правления он повелел прорубить тоннели. Объединив империю, он нанял 700 000 солдат прорубить тоннель до Трех источников, то есть до того места, где вода выходит на поверхность, и там был заложен фундамент из бронзы, на котором был установлен саркофаг. Редкостные предметы и дорогие украшения были собраны из дворцов, перенесены туда и сложены во множестве. Ремесленникам было приказано изготовить механические арбалеты, которые выпускали бы стрелы, как только кто-нибудь входил туда. С помощью ртути были сделаны [символы] рек – Янцзы и Хуанхэ – и Великого океана, где металл с помощью механических приспособлений переливался из рек в океан. На крыше были выложены созвездия неба, на полу – географическая карта Земли. Свечи были сделаны из китового жира и должны были служить очень долго. Второй император сказал: «Не годится, что наложницы моего покойного отца, не имеющие детей, должны покинуть его сейчас» – и повелел им сопровождать умершего в загробный мир. Погибших таким образом было великое множество.

Когда погребение было завершено, кто-то сказал, что рабочие, создавшие все эти механизмы и спрятавшие сокровища, знают великую цену последних, и этот секрет может стать достоянием

гласности. Поэтому когда церемония была завершена и тропа, ведущая к саркофагу, надежно заблокирована, внешние ворота у входа на тропу опустились и мавзолей был закрыт, так что никто из рабочих не смог выйти оттуда. Вокруг были посажены деревья и трава, чтобы это место ничем не отличалось от окружающих гор.

Почетное поражение

(Из комментариев к хроникам «Весны и Осени»)

Эта битва с армией [Чжу] произошла в 638 году до нашей эры; ее предводителями были потомки династии Шан, которые продолжали править в провинции Сун. Армия Чжу напала на провинцию Сун...

Князь Сун собирался сражаться, однако его военный министр сильно возражал против этого, говоря: «Небеса уже давно оставили своим покровительством дом Шан. Ваше высочество может пожелать опять возвеличить его, однако ваша попытка будет непростительна». Однако князь не стал слушать его и в одиннадцатый месяц... он сразился с армией Чжу у реки Хун. Люди Сун были построены в боевые порядки до того, как войска Чжу переправились через реку, и военный министр сказал князю: «Их много, а нас мало. Давайте атакуем их, пока они не вышли на этот берег». Князь ответил: «Этого нельзя делать». Только после того, как враг приготовился к бою, они атаковали его.

Первый император

Армия Сун потерпела сокрушительное поражение. Сам князь был ранен в бедро. Люди во всем винили князя, но он сказал: «Благородный человек не нанесет вторую рану и не возьмет в плен старика. Когда наши предки воевали, они не атаковали врага, когда он не был готов к этому. Хотя я и всего лишь недостойный представитель павшей династии, я не велю своим барабанам бить призыв к наступлению на неподготовленного врага».

Агония ссылки

(Из письма Ли Линя Цзы Циню, II–I вв. до н. э.)

Ли Линь, генерал династии Хань, потерпел поражение от хунну, он сдался вместо того, чтобы покончить с собой. Обесчещенный, он окончил свою жизнь среди варваров.

С момента моей сдачи в плен и до этого момента, лишенный всех средств, я сижу здесь один наедине со своей горечью и печалью. Целый день я вижу вокруг себя одних варваров – и никого больше. Шкуры и войлок защищают меня от ветра и дождя. Я утоляю свой голод бараниной, а жажду – сывороткой. У меня нет товарищей, с кем я мог бы коротать время. Здешняя страна –

это сплошной черный лед. Я не слышу ничего, кроме завывания осеннего ветра, от которого замерзнут все растения. Я не могу спать ночью. Я ворочаюсь и слушаю отдаленные звуки татарских волюнок и ржание татарских коней. Утром я сажусь и все слушаю, а слезы текут по моему лицу.

О, Цзы Цинь, что я сделал, чтобы заслужить такую боль? День твоего отъезда оставил меня безутешным. Я думал о своей престарелой матери, стоящей на пороге могилы. Я думал о своей невинной жене и ребенке, обреченных на такую же безжалостную судьбу.

Как бы я ни заслуживал гнева императора, теперь я только объект жалости для всех. Твое возвращение – это возвращение к славе и известности. А я остаюсь в безвестности и позоре. Таковы повороты судьбы.

Рожденный в атмосфере утонченности и справедливости, я попал в атмосферу вульгарности и невежества. Я отдал свои обязательства перед монархом и семьей за жизнь среди варварских орд; и теперь дети варваров будут продолжать линию моих предков. И все же мои заслуги были велики, а вина незначительна. Меня не выслушали со всей справедливостью; и когда я думаю об этом, я задаю себе вопрос, к какому концу я пришел. Я мог бы одним ударом ножа оправдаться во всех своих грехах; мое перерезанное горло несло бы свидетельство моей решимости; и между мной и моей страной все было бы закончено. Однако самоубийство не принесло бы мне пользы: оно бы лишь добавило мне стыда. Поэтому я предпочел жизнь и оскорбление. Не было желающих неверно истолковать мое отношение как смирение и призвать меня избрать более благородный путь; они не знают, что радости чужой земли только усиливают печаль.

Правда историка

(Из «Дневников действия и отдыха»)

«Дневники», начатые в эпоху династии Хань, были, по сути, хрониками деятельности императора. Они не были свободны от критики, пока к власти не пришла династия Сун; потом их объективность и историческая ценность сошли на нет.

642 год, лето, четвертый месяц. Император Дай-цзун разговаривал с императорским критиком Чжу Суйшанем, говоря: «Поскольку вы, господин, отвечаете за ведение «Дневников действий и отдыха», могу я видеть, что вы там написали?» Суйшань ответил: «Историографы записывают слова и дела правителя, отмечая все хорошее и плохое». Император сказал: «Если я делаю что-то нехорошее, ты тоже записываешь это?» Суйшань ответил: «Моя должность – владеть пером. Как же я могу не записывать чего-то?» Страж Желтых ворот Лю Чэ добавил: «Даже если Суй Лянь не запишет чего-либо, все остальные в империи сделают это». На что император ответил: «Верно».

По поводу кости Будды

(Хань Юй, 768–824 гг.)

Этот шовинистский по характеру протест, поданный императору, против выставления предполагаемой кости Будды в императорском дворце чуть не стоил жизни его автору, апологету конфуцианства, который в результате был отправлен в ссылку.

Будда был рожден варваром; он не знал языка Срединного царства, и его одежда была другого покроя. Он говорил и был одет совсем не так, как это предписывали правители прошлого, он ничего не знал об обязанностях министра по отношению к князю или об отношениях отца и

сына. Если бы он был жив сегодня, если бы он прибыл ко двору по просьбе своей страны, ваше величество, вы не уделили бы ему много внимания, а лишь провели с ним простую беседу в Зале чужестранцев на церемониальном банкете, и подарили бы подарок в виде национального костюма, после чего вы выслали бы его из страны в сопровождении стражи, которая довела бы его до границы, чтобы он не сбивал с пути истинного ваших людей.

Теперь, когда он мертв уже так давно, есть еще меньше причин, чтобы разрешать этой разлагающейся и сгнившей косточке, этой отвратительной реликвии появляться в Запрещенном дворце.

Голод

(По Ма Маоцзай, 1629 г.)

В течение всей истории Китая вечно грозил голод. Голод, описанный здесь очевидцем, случился в конце правления династии Мин.

В Яннани, префектуре, откуда родом ваш покорный слуга, больше года не было дождя. Высохли деревья и трава. Во время восьмого и девятого месяца прошлого года люди пошли в горы собирать малину, которая называлась зерном, но была ничем не лучше и сечки. Она была горькая и могла только ненадолго спасти от голода. К концу десятого месяца малина кончилась, и люди стали сдирать кору с деревьев и есть ее.

Среди коры лучшей была кора вяза. Она была настолько драгоценной, что, чтобы сохранить ее надолго, люди перемешивали ее с корой других деревьев, чтобы прокормиться. Как-то они сумели продлить себе жизнь. К концу года запас древесной коры истощился... к западу от Аньси были болота, куда каждое утро родители отводили двоих или троих детей и оставляли там.

Некоторые дети громко плакали, другие просто жалобно скулили, поскольку у них не было сил плакать. Некоторые звали родителей; другие же от голода ели свои собственные экскременты.

Что вначале казалось странным – это внезапное исчезновение детей или одиноких людей, как только они выходили за городские ворота. Потом выяснилось, что некоторые люди в пригороде ели человечину и использовали кости в качестве топлива для приготовления пищи. К тому времени люди знали, что все исчезнувшие были убиты и съедены. Тем временем сами каннибалы стали слишком слабы в результате питания человечиной. Их глаза и лица краснели и через несколько дней распухали, температура поднималась все выше, пока они не умирали.

Жертва голода

Куда бы ни шел человек, он повсюду видел трупы. Их запах был просто невыносим. За городской стеной люди вырыли несколько ям. Они были очень большие, и в каждую входило несколько сотен трупов.

Когда ваш покорный слуга прошел через город, были заполнены три или четыре такие ямы. В нескольких милях от города число захороненных трупов было еще больше. Если в таком маленьком городке, как Аньси, умерло столько людей, то как представить себе число умерших в большом городе! Надо побывать только в одном месте, чтобы узнать, какова ситуация в других местах.

Сосуществование (Ван Фучжи, 1619–1692 гг.)

Ван, философ, родившийся в эпоху династии Мин, описывает маньчжурских кочевников, которые населяли огромные территории к северо-западу от Китая.

Сила варваров лежит в малом числе их законов и общественных институтов. Они будут иметь преимущество, пока их дома, пища и одежда остаются грубыми и варварскими и пока они будут поддерживать в своих людях неукротимый и дикий характер, пока они не изменят своих традиций и обрядов. И в то же время именно вследствие этого Китай сможет избежать несчастий. Пока варвары удовлетворяются тем, что постоянно живут в поисках воды и пастбищ, стреляют из лука и охотятся, не знают разницы между правителем и подданным, имеют самое примитивное представление о браке и государственной системе... Китай никогда не сможет... управлять ими.

Пока варвары не понимают, что города могут быть укрепленными и охраняемыми, что рынки приносят доход, что поля могут обрабатываться, а налоги взиматься, пока они не знают великолепия законного брака и настоящей государственной системы, они будут, как раньше,

рассматривать Китай как кровать из шипов.

О современном Китае (Сюэ Фучжэн, 1838–1894 гг.)

Перемены стали неизбежными, когда рухнула стена, отделявшая Китай от Запада. В XIX веке стали высказываться за проведение реформ.

Западные страны полагаются на ум и энергию в соревнованиях друг с другом. Чтобы встать вровень с ними, Китай должен разработать план, включающий развитие торговли и открытие новых шахт. Если мы не изменимся, жители Запада будут богатыми, а мы – бедными. Мы должны продвигать развитие технологии и производство современных станков и машин; если мы не изменимся, они будут уметь все, а мы – ничего. Пароходы, поезда и телеграф – все это должно быть и у нас; если этого не произойдет, они будут успевать везде, а мы будем плестись как черепахи. Преимущества и недостатки договоров; компетентность и невежество наших представителей; улучшение организации вооруженных сил и нашей военной стратегии – все эти вопросы необходимо серьезно обсудить. Если мы не изменимся, они будут сотрудничать друг с другом, а мы останемся в изоляции; они будут сильными, а мы – слабыми.

Предупреждение боксеров (Ихэтуаней) (Автор неизвестен, 1900 г.)

Восстание боксеров (ихэтуаней) было своеобразной реакцией на проведение реформ и проникновение западной культуры. В ходе этого восстания получило хождение это обращение.

Внимание: ко всем людям на рынках и в деревнях во всех провинциях Китая – сейчас из-за того, что католики и протестанты очерняют наших богов и мудрецов, обманывают наших императоров и высших министров, подавляют наш китайский народ, наши боги и наши люди разгневаны, но мы пока должны молчать. Это вынуждает нас прибегнуть к магическим обрядам и практике И-хо, чтобы защитить нашу страну, изгнать иноземных бандитов и убить обращенных в христианство, чтобы спасти наш народ от несчастий и страданий.

После издания этого обращения ко всем жителям всех деревень вы должны избавиться от всех обращенных в христианство, если таковые имеются в вашей деревне. Церкви, принадлежащие им, должны быть сожжены дотла. Каждый, кто намеревается пощадить кого-либо и нарушить наш приказ, укрывая обращенных в христианство, будет наказан по закону, когда мы вступим в его село, и он будет сожжен за то, что пытался помешать осуществлению нашей программы. Мы специально не хотим никого наказывать, не предупредив заранее о наших намерениях. Мы не хотим, чтобы вы безвинно страдали. Следуйте нашим заповедям!

Торжество добродетели

Согласно традиции, начало которой положили конфуцианские ученые, надлежащее руководство зависело от того, насколько добродетельны были чиновники, а не от существующих законов или органов управления. Теоретически вся ответственность за

поведение людей лежала на императоре, чьей обязанностью было следить за тем, чтобы экономические и общественные условия позволяли людям жить в гармонии и не прибегать к насилию.

Тигр (Из «Книги обрядов»)

Когда Конфуций шел через гору Дай, он услышал плач женщины возле могилы. Он послал одного из своих учеников узнать, в чем дело, и последний обратился к женщине со словами: «Должно быть, великая печаль заставляет тебя так горевать?» – «Да, это так, – ответила женщина. – Моего свекра здесь убил тигр, а после этого и моего мужа, а теперь эта же участь постигла моего сына». – «Но почему же ты не уходишь?» – спросил Конфуций. «Потому что правительство не жестокое», – ответила женщина. «Вот! – вскричал Конфуций, обращаясь к своим ученикам. – Помните об этом. Плохое правительство хуже тигра».

Выбор небес (По Бань Бяо, 3—54 гг. н. э.)

...Чтобы человек получил от бога благословение на управление, он должен обладать не только добродетелью, блистательной мудростью и очевидной высотой духа, он должен еще унаследовать от родителей выдающиеся заслуги и давно заслуженное расположение. Только тогда он может с чистым сердцем общаться с высшим разумом и распространять свою милость на всех живущих. Тогда боги и духи даруют ему счастливую судьбу, и все люди придут под его управление. Никогда не было случая, чтобы человек, чьи предки во многих поколениях прожили без признаков его будущей судьбы или без записи их заслуг и добродетелей, смог бы подняться до значительных высот. Люди видят, что Гао-цзы (первый правитель династии Хань) поднялся из простых людей, и они не понимают причину такого возвышения. Они верят, что поскольку это произошло во время смуты и насилия, он смог крепко держать свой меч, постольку странствующие теоретики сравнивают империю с охотой на оленя, где удача ждет самого быстрого и везучего. Они не понимают, что эта священная чаша, управление империей, передается в соответствии с судьбой и не может быть завоевана силой или умением. О Небо, именно поэтому так много министров, восстававших против своих правителей, и сыновей, восстававших против своих отцов! Чтобы так ошибаться, надо не только не видеть предначертания Небес, но и быть совершенно несведущим в человеческих делах.

Принципы царствования (По У Чжиню, ум. в 742 г.)

Однажды в [627 году]... Дай-цзун заметил, обращаясь к своим министрам: «Первый принцип царствования – это сохранение народа. Царь, который эксплуатирует народ себе во благо, похож на человека, который отрезает кусок собственных бедер, чтобы утолить голод. Какое-то время ему удастся это делать, но потом он умирает. Чтобы сохранить мир в своем государстве, государь должен развивать себя эстетически. Поскольку нет такого явления, как искривленная тень прямого предмета, то нельзя себе представить народ, который был бы не лоялен по отношению к добродетельному правителю. Телу вредят не внешние объекты, какими бы соблазнительными они ни были; человека губит неумемная и не имеющая границ страсть к

обладанию этими объектами. Люди любят хорошую пищу и любят, когда их жизнь услаждают музыка и секс. Чем сильнее это желание, тем благоприятнее будет результат. Правителю такое желание не только мешает исполнять свои обязанности управления государством, но и вызовет недовольство среди его подданных. Одно неразумное замечание со стороны государя приведет к потере доверия к нему со стороны народа. Неизбежно будут недовольные, а за ними – и восстания. Каждый раз, когда я думаю об этом, я не позволяю себе предаваться безделью.

Излишки управления

(Лао-цзы, род. в 604 г. до н. э.)

Все ограничения и запреты множатся... люди становятся все беднее и беднее. Когда регламентация жизни людей становится чрезмерной, земля никому не нужна.

Феодализм

(По Чжан Цзаю, 1020–1066 гг.)

Чтобы обеспечить надлежащее управление империей... земля империи должна быть поделена на части, каждая из которых будет принадлежать одному человеку. Это – основа благосостояния людей. В последнее время ничего не было сделано для того, чтобы обеспечить людей средствами для существования; создавались условия лишь для руководства их трудом. Однако, несмотря на все ожидания, высокое положение Сына Неба использовалось для того, чтобы сосредоточить в одних руках все способные приносить доход ситуации; когда правительство думает о себе, а люди – о себе, они просто не принимают друг друга во внимание.

Причина необходимости создания феодальной системы заключается в том, что управление империей должно быть упрощено путем делегирования власти. Если система не будет упрощена, невозможно будет эффективно управлять собой.

Великое общество

(Из «Книги обрядов»)

Когда Великий Путь поглощает мир, мир принадлежит всем его членам. Управление – в руках добродетельных и способных, а люди поддерживают дружеские и тесные отношения друг с другом. Человек любит не только своих собственных родителей и детей, но и родителей и детей других людей тоже. О престарелых заботятся; здоровые и сильные имеют работу, а молодых воспитывают должным образом. Вдовы и вдовцы, сироты и неизлечимо больные и инвалиды – все они в равной степени материально обеспечены. У всех мужчин есть жены, а у всех женщин – мужья. Рассматривая товары как недостойные и не имеющие цены, люди не делают из них источника дохода. Рассматривая свои собственные способности как не принадлежащие им, они используют их на благо других. Не возникает заговоров против власти; нет ни воровства, ни грабежей. Не надо закрывать двери дома ни днем ни ночью. Это и есть Великое общество.

Гибкость

(Ван Фуси, 1619–1692 гг.)

Главной обязанностью государства является использование достойных граждан на благо общества, а также утверждение в сознании людей моральных принципов; а при непосредственном контакте с людьми государство проявляет любовь по отношению к ним...

Древние институты власти создавались, чтобы управлять древним обществом, и поэтому не могут быть использованы в настоящих условиях. Поэтому мудрый человек даже не пытается создать тщательно обустроенные и спланированные системы. Он использует то, что хорошо для управления страной именно сегодня; но это не означает, что подобное будет хорошо и завтра. Времена меняются, условия жизни тоже. Как правительство может идти в ногу с этими изменениями и не давать своему народу предаваться лени? В каждой эпохе есть свои кризисные моменты, но способы решения этих кризисов вовсе не всегда достойны того, чтобы на их примере строить целую теорию управления. Каждая эпоха имеет собственные периоды слабости и строгости; каждое событие имеет сопутствующие ему обстоятельства. Поэтому лучше создавать достаточно гибкие законы, чтобы ни у кого не возникло желания использовать букву закона, чтобы творить беззаконие и насилие. Каждому свойственно временами совершать ошибки, поэтому не следует заставлять всех разделять ваши собственные, возможно спорные, взгляды.

Верховенство закона

Идеал ученых о государстве, где правит добродетель, казался китайским прагматикам совершенно нереальным. Они утверждали, что законы необходимы, если, конечно, государство хочет просуществовать долго. Поэтому был разработан и введен уголовный кодекс как средство наведения порядка в обществе – это было сделано, несмотря на возражения некоторых чиновников. Законы были основаны на традиционных добродетелях, таких, как умеренность и сыновняя почтительность. Они всячески поддерживались, однако и наказания были суровы.

Высшая преданность

(Император Сюань-ди, 73–48 гг. до н. э.)

Любовь отца и сына и мужа и жены – самое естественное чувство для человека. И вполне можно ожидать, что если один из двоих любящих людей совершит преступление, то второй будет всячески пытаться скрыть это, пусть даже с риском для собственной жизни. Это – всего лишь проявление глубины чувства. Разве может считаться мудрым закон, если он противоречит самым естественным человеческим чувствам?

Пусть с этих пор все знают, что сын не совершает преступления, если пытается скрыть преступление, совершенное одним из родителей, жена не совершает преступления, если она пытается скрыть преступление, совершенное ее мужем; и внук невиновен в преступлении, если пытается скрыть преступление, совершенное его дедушкой или бабушкой. С другой стороны, родителям не дозволено скрывать преступления, совершенные детьми; муж должен сообщать о преступлении, совершенном женой, а дедушка и бабушка должны сообщать о преступлениях, совершенных внуками. В каждом случае наказанием за преступление была смертная казнь; и все эти случаи должны были сообщаться руководителю министерства наказаний.

Классификация домовладений

(Ли Сю, 897–946 гг.)

Все домовладения страны должны быть разделены на девять категорий в соответствии с количеством принадлежащей им собственности. Под надзором соответствующего ведомства градация должна проводиться каждые три года. Затем эти данные тщательно изучаются, проверяются и в официальном порядке предоставляются властям соответствующей провинции. Сто домовладений образуют поселение, а пять поселений образуют город. Округа (квартал) состоят из четырех домовладений, а пять владений составляют «бао». Живущие в городах объединяются в кварталы, а живущие же в сельской местности объединяются в деревни. Все люди в каждом административном объединении – деревне, районе, округе или поселении – должны всячески стремиться развивать друг в друге лучшие черты.

Четыре группы (класса) людей – ученые, крестьяне, ремесленники и купцы – зарабатывают себе на жизнь, занимаясь соответствующей деятельностью; они не должны были соревноваться с людьми, стоявшими на более низкой социальной ступени с целью получения прибыли. Ремесленники, купцы и люди самых разных профессий не должны приравнивать себя к ученым.

Сразу после рождения ребенок получает статус новорожденного; когда он достигает четырехлетнего возраста, он становится собственно ребенком; в шестнадцать он становится подростком, или «младшим взрослым»; он становится совершеннолетним, когда достигает двадцати одного года. Начиная с шестнадцати он считается гражданином.

Рабство

(Ма Туаньминь, XIII в.)

В соответствии с предложением, выдвинутым чиновниками, ограничения на владение рабами будут следующими: правители и великие князья могут иметь по 200 рабов мужского и женского пола; князья царской крови имеют право владеть 100 рабами; князья, которые живут в столице или ее пригородах, а также чиновники и простолюдины могут иметь по 20 рабов. Рабы в возрасте шестидесяти лет или младше десяти лет не включаются в эти цифры.

Против кодекса наказаний

(Из комментариев к хроникам «Весны и Осени»)

Раньше правители принимали решения по уголовным делам после тщательного рассмотрения всех обстоятельств дела, они не устанавливали общих законов, потому что боялись, что это может послужить причиной разногласий среди людей.

Ремесленники за работой

Однако поскольку преступления никак не могли быть предотвращены, правители пытались ставить на их пути барьеры справедливости и незыблемых моральных устоев; заставляли людей действовать в соответствии с нормами добра; поддерживали их верой и решали все вопросы с позиции добросердечия. Они также основали достаточно высокооплачиваемые и достойные должности, чтобы побудить людей жить по правилам, и выработали свод наказаний, которые должны были отвратить чиновников от злоупотреблений. Боясь, что этих мер будет недостаточно, они воспитывали в них верность, подавали им пример собственным поведением, учили их тому, что считалось самым важным, относились к ним со всей серьезностью и в полной гармонии с духовными принципами. Они решительно действовали в случае крайней нужды и выносили свои вердикты со всей твердостью. К тому же они стремились поставить на высокие должности мудрых людей, которые были еще и вернейшими, и добрейшими. Таким образом осуществлялось успешное управление государством, когда не было ни катаклизмов, ни беспорядков.

Однако когда люди не знают, каковы точные законы, они не благоговеют перед своими повелителями. И в них начинает играть бунтарский дух, они упражняются в риторике, надеясь таким образом доказать свою правоту. Ими становится невозможно управлять.

Нравственный кодекс (Сунь Лянь, 1310–1381 гг.)

Если семья намеренно распространяет слухи, порочащие девушку, и таким образом создает ситуацию, когда эта девушка никогда не получит предложения ни от одной семьи, за исключением той, которая эти слухи распространяет, зная о ее полной невиновности, то глава семьи получит 57 ударов деревянной палкой, а девушка, если она по заключении брака уже вошла в новую семью, может по своему желанию уйти.

Чиновник, который флиртует с женой какого-то человека и тем самым вынуждает его оставить свою жену, получит 17 ударов палкой. Он будет изгнан с занимаемой должности и

понижен на два ранга, если когда и сможет занимать официальные должности.

Человек несет ответственность, если у его сына возникают незаконные отношения с женщинами. Ответственность (или наказание) остается прежней, даже если отец сообщил об этих отношениях властям. Он не несет ответственности, если предупредил своего сына о недопустимости таких отношений и сделал все возможное, чтобы предотвратить их возникновение.

Свадьбы и похороны (Ван Шунь, 1472–1528 гг.)

Мужчины и женщины должны вступать в брак тогда, когда они достигнут брачного возраста. Свадьба часто откладывается, когда семья будущей жены жалуется на недостаточную сумму выплаченного за невесту выкупа или когда семья жениха считает недостаточной сумму приданого. В каждом таком случае... заинтересованные стороны [должны быть проинформированы], что сумма выкупа или приданого в зависимости от достатка семьи должна меняться и что свадьба не может быть отложена по причине финансовых споров.

После смерти одного из родителей должен быть таким образом проведен обряд, чтобы наглядно продемонстрировать горе, испытываемое семьей. Стоимость расходов не должна превышать платежеспособность человека. Какой прок умершему, если его оставшиеся в живых родственники рискуют обанкротиться только из-за того, что хотят совершить погребение по самым изысканным буддийским правилам или устроить грандиозные поминки?..

Философские школы

Китайских философов всегда более волновало практическое применение человеческой мудрости к решению проблем человеческих взаимоотношений, чем решение глобальных вопросов бессмертия или существования бога. Не только ученые испытывали на себе влияние философских учений; завещания мудрецов – особенно Конфуция – собственно, и сформировали характер и культуру китайского народа.

Конфуций (Из «бесед и суждений»)

Идеи и дела Кун Цзы, которого мы привыкли называть Конфуцием, вошли в книгу «Беседы и суждения», составленную его учениками после его смерти.

Учитель сказал: «В 15 лет я посвятил себя учению. В 30 лет я твердо встал на ноги. В 40 я перестал страдать от невозможности решить сложные проблемы; в 50 лет я узнал Заветы Неба; в 60 я сам услышал их своим глупым ухом; в 70 я мог следовать велению своего сердца, поскольку то, чего я желал, больше не выходило за рамки тьмы».

Учитель сказал [ученику]: «Научить тебя, что такое знание? Когда ты знаешь что-то, признай, что ты это знаешь; если ты не знаешь чего-то, то признай, что ты этого не знаешь. Вот это и есть знание».

Учитель сказал: «Служа своим родителям, человек может мягко возразить им. Однако если

они не изменят своего мнения, он должен принять это с почтением и не перечить им; он может чувствовать себя обескураженным, но он не должен держать на них обиды».

Учитель сказал: «Я учу только тех, чьи сердца горят жаждой знаний; я просвещаю только тех, кого переполняет радость».

Учитель сказал: «Я еще не видел ни одного человека, чье желание укрепить свою нравственную силу было бы сильнее его сексуальных потребностей».

Учитель сказал: «Считаю ли я себя кладезем мудрости? Вовсе нет. Но если даже простой крестьянин подойдет ко мне с чистым сердцем и задаст мне вопрос, я готов рассмотреть его так глубоко, как только могу, взвесить все «за» и «против» и найти на него ответ».

Учитель Кун сказал: «Превыше всех стоят те, кто рожден мудрым. Следом за ними следуют те, кто стал мудрым благодаря учению. Следом за ними идут те, кто должен много и упорно работать, чтобы впитать в себя знания. И наконец, к самому низкому классу принадлежат те, кто работает без надежды когда-либо приобрести эти знания».

Цзы Гун однажды спросил: «Есть ли какое-нибудь изречение, которое равно справедливо каждый день и каждую ночь?» Учитель ответил: «Никогда не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы они сделали тебе».

Цзы Шан задал Учителю Куну вопрос о добродетели. Учитель Кун сказал: «Тот, кто может на деле проявлять все пять великих качеств, может считаться добродетельным». Цзы Шан умолял Учителя ответить, что же это за пять качеств. Учитель молвил: «Это вежливость, свобода, вера, усердие, снисходительность. Тот, кто вежлив, того не презирают; тот, кто свободен, тот завоевывает массы, тот, кто истинно верует, тому доверяют люди; тот, кто усерден, добивается успеха во всех своих начинаниях; тот, кто снисходителен, тому с радостью служат люди».

Учитель сказал: «Измениться могут не только мудрейшие, но и самые глупые».

Путь

(Приписывается Лао-цзы, род. в 604 г. до н. э.)

Последователи даосизма учили, что человек может достичь бессмертия путем неустанного поиска сути всей природы – Дао, или Пути. Сделать это можно с помощью мистической интуиции.

Дао, который может быть выражен словами, не является вечным Дао; имя, которое можно произнести, не является вечным именем. Без имени – это начало небес и земли; с именем – это мать всех вещей. Только тот, кто лишен всякого желания, может осознать его духовную сущность; тот же, кто является рабом своих желаний, видит только его внешние признаки...

Дао невидим и поэтому считается бесцветным. Он неслышим, поэтому считается беззвучным. Он неосязаем, поэтому его считают бестелесным... Мы можем назвать его формой бесформенного, образом того, что не имеет образа, ускользающим и неопределяемым.

Это предназначение Небес – взять у имеющих слишком много и отдать не имеющим ничего. Однако человек поступает не так. Он забирает у тех, кто и так имеет слишком мало, и добавляет тем, у кого и без того слишком много. Какой человек может взять лишнее у себя и отдать его людям? Только тот, кто владеет Дао.

Не вылезайте вперед, и вы окажетесь впереди; держитесь в стороне, и вы окажетесь в самом центре. Добродетель не бросается в глаза, поэтому за нее не осуждают.

Тот, кто принижает себя, сохранит свою целостность. Тот, кто склоняется, выпрямится. Тот, кто пуст, будет наполнен. Тот, у кого много, потеряет все. Когда высший ученый слышит о Дао, он прилежно изучает его. Когда средний ученый слышит о Дао, он иногда сохраняет его, иногда

– теряет. Когда низший ученый слышит о Дао, он смеется над ним. Если бы он не подвергался таким насмешкам, он был бы недостоин имени.

Если Дао господствует на земле, лошади используются для сельскохозяйственных работ. Если же Дао не господствует, людей развозят боевые кони.

Великий Путь гладкий и ровный, однако люди предпочитают идти тропинками и обходными путями.

Человеческая добродетель

(Приписывается Минь Шу, 372–289 гг. до н. э.)

Минь Шу популяризовал учение Конфуция, ратовал за возвращение добродетелей, которые были характерны для эпохи мифических правителей – мудрецов.

Когда-то деревья на Бычьей горе были прекрасны. Но поскольку они росли слишком близко от столицы великого государства, их срубили... И даже тогда, орошаемые дождями и росой и с помощью силы, действующей днем и ночью, они дали новые ростки. Однако скоро там начали пасти скот и овец, и склон горы снова оголился.

Видя это, люди решили, что там никогда не будет расти лес. Но объясняется ли это природой горы?

Такова же и природа человека. Как можно сказать, что человек лишен человечности и справедливости? Он просто потерял свои добрые чувства точно так же, как лишились жизни деревья. Если на человека нападают день за днем, может ли его сердце сохранить свою доброту? И даже если так, под влиянием свежего утреннего воздуха и силы жизни, которая не иссякает ни днем ни ночью, человек развивает в своем сердце желания и стремления, свойственные всем людям. Но скоро эти добрые чувства истощаются и уничтожаются под влиянием сил дня. Так, истощаясь снова и снова, они мучаются, пока целительное влияние ночи не перестает поддерживать в них жизнь. И в конце человек приходит к состоянию, мало чем отличающемуся от состояния животных и птиц, и, видя его таковым, другие люди начинают считать, что у него никогда не было добрых чувств. Но разве такова природа человека?

Маленький человек

(Из приложения к «Книге перемен»)

«Книга перемен», созданная, возможно, во времена династий Шан или Чжоу, содержала нравственные наставления, но большей частью использовалась для предсказания будущего...

Учитель сказал: «Маленький человек не стыдится того, что не хорошо, и не боится делать того, что не верно. Если он не стремится получить выгоду, он не будет поступать так, как считается правильным, и не исправит своих ошибок, если его не побудят к этому. Самоисправление, однако, в малом заставит его действовать осмотрительнее в ситуациях, могущих иметь серьезные последствия, и это – счастье маленького человека...»

Если добропорядочные поступки не множатся, их недостаточно для того, чтобы придать имени человека ореол добропорядочности; если же не множатся злые поступки, то их недостаточно для того, чтобы разрушить человеческую жизнь. Маленький человек думает, что маленькие добрые дела не приносят ему пользы, и он не делает их; и что маленькие злые дела не причиняют вреда, и он не отстраняется от них. Поэтому его злоба растет до тех пор, пока ее уже невозможно скрывать, а его вина становится столь большой, что ее уже невозможно

скрывать, невозможно простить...»

Золотое правило

(Мо-цзы, 470–391 гг. до н. э.)

Моизм, одна из сотен философских школ, чей расцвет пришелся на период жизни Конфуция, проповедовал идею всеобщей любви и полезности.

Мо-цзы сказал: «Обязанностью доброго человека является делать добрые дела и искоренять зло. Что же в наше время приносит миру величайший вред? Великие государства нападают на маленькие и слабые, сильные династии свергают слабые, сильные подавляют слабых, многочисленные преследуют малочисленных, хитрые обманывают глупых, великие управляют униженными – все это причиняет вред нашему миру... Если бы люди относились к чужим городам как к своим, кто стал бы подстрекать один город нападать на свой собственный. Если бы люди относились к семьям других как к своим, кто бы поднимал одну семью на борьбу с другой? Это было бы все равно что свергать собственную семью. Сейчас, когда государства и города не идут войной друг на друга, семьи и отдельные личности не воюют друг с другом и не причиняют друг другу боль, является это благом или вредом?

Когда мы задаемся вопросом о причине этого блага, что выясняется? Неужели благо явилось результатом ненависти к другим и попыток причинить им боль? Конечно нет! Это благо явилось результатом любви к ближнему и стремлением принести ему пользу.

Ухвати день

(Ян Чжу, 440–360 гг. до н. э.)

Гедонизм Ян Чжу полностью противоречил альтруизму Мо-цзы. Он возник в результате фаталистического толкования места человека во Вселенной.

Нет ни часа, свободного от беспокойства и забот. Тогда в чем же состоит цель жизни? В чем ее счастье? Оно в хорошей пище, прекрасной одежде, музыке и красоте.

Одни умирают в возрасте десяти лет, другие доживают до столетия. Мудрые и добрые умирают точно так же, как жестокие и глупые. Поэтому давайте спешить и наслаждаться жизнью и не обращать внимания на смерть.

Учение буддизма, кратко изложенное здесь историком Вай Шунем, говорят, пришло в Китай из Индии в I веке нашей эры.

Китайское толкование буддизма основано на «Лотосе Чудесного Закона», который обещает спасение всем. Китайский буддизм достиг своего ярчайшего выражения в школе Дзэн, одним из ранних проповедников которой был Лю Хуэйцзэн.

К просвещению

(Вай Шу, 506–572 гг.)

Суть учения буддизма может быть кратко изложена в одном предложении, а именно: страдания, принимаемые в бесконечном круге рождений и возрождений, вызваны привязанностью человека к этому миру. Существует всего три мира: прошлое, настоящее и будущее. Важно понять, что, несмотря на перемещение из одного мира в другой, дух человека

не может быть уничтожен. Творящие добро будут вознаграждены; творящие зло будут наказаны, великое дело является постепенным накоплением множества малых поступков; грубая природа может быть мягче, если над ней неустанно трудиться. Какие бы формы ни принимала жизнь, конечной целью всех жизней будет достижение просвещения, которого можно достичь только путем неустанного тяжелого труда. К тому времени больше не будет рождений и возрождений и будет наконец-то достигнут Путь Будды.

Лотос

(Приписывается Будде, 563–483 гг. до н. э.)

Любой среди живых существ,
Который вошел в контакт с бывшим Буддой,
Узнал Закон и научился делать добро,
Или подчинился дисциплине и испытал пренебрежение
и унижение,
Или сделал серьезную попытку сконцентрироваться и понять
суть вещей и т. д.,
И развивал различные способы благословения и мудрости.
Все эти люди
Достигли уровня божества...
Те же люди, которые во имя Будды
Устанавливали образы
Или вырезали их,
Также достигли уровня божества...
Те, которые со счастливым сердцем
Пели гимны во славу Будды,
Даже очень тихим голосом...
Или поклонялись,
Или просто скрестили свои руки,
Или восклицали: «Хвала Тебе!»...
Все они достигли уровня божества.

Очищение

(Лю Хуэйцзэн, 637–712 гг.)

Очищение души приходит сначала через освобождение от оков ревности, гнева, жадности или ненависти...

Это приведет человека в состояние невозмутимости ума и души... будучи свободным от этих оков, человек приобретает мудрость... что позволяет ему быть почтительным по отношению к старшим... и сочувствующим бедным... После этого человек чувствует освобождение... Возьмите себе за правило быть прямым и честным во всем... Не позволяйте вашей душе обманывать, когда правдивы только губы... когда... наша внешность и наши внутренние чувства находятся в гармонии друг с другом, это случай равновесия между спокойствием и мудростью... Те, кто обманывает себя... не понимают, что прямота – это святое место, земля чистоты.

Конфуций принимает посетителя

Церемонии

Через соблюдение ритуалов человеческие страсти, возможно, держатся в определенных рамках, а общество, возможно, не впадало в хаос. В конфуцианской традиции древние ритуалы были средством осуществления попытки воссоздать мир, мудрость и добродетель, которые существовали в древнем Китае. Люди верили, что забвение и искажение этих ритуалов позднейшими правителями вызвали духовную и общественную смуту.

Ритуалы и музыка

(Из «Книги ритуалов»)

Человек рожден в тишине, поскольку тишина – это его природа, данная ему Небесами. Откликаясь на внешние проявления, он становится активным, поскольку активность является выражением желаний его натуры...

Если эти предпочтения и предубеждения не контролируются внутренними механизмами и его понимание определяется внешним миром, тогда он не может вернуться к своему подлинному Я... Тогда его сердце обратится к бунту и обману, а его действия станут хаотичными и вызывающими... Именно поэтому бывшие правители установили обряды и придумали музыку, чтобы управлять людьми и контролировать их поведение... Музыка – это воплощение гармонии Небес и Земли, обряды – это порядок их существования. Через гармонию все предметы преобразуются; через порядок они приобретают отличительные черты. Музыка возникает из Небес; обряды формируются по типу Земли... Поэтому мудрец создает музыку в ответ на призыв Неба и устанавливает обряды, чтобы соответствовать Земле. Когда музыка и обряды полностью реализованы и поняты, Небо и Земля функционируют в полной гармонии.

Цель обряда

(Из «Книги обрядов»)

Однажды Ю Цзы и Цзы Ю увидели ребенка, плачущего оттого, что он потерял своих родителей. При этом первый заметил: «Я никогда не мог понять, почему скорбящие обязательно должны подпрыгивать, чтобы выразить свою скорбь, а должны были бы давно избавиться от

этой привычки. Вот только здесь я вижу непосредственное и честное выражение чувств, и это все, что должно быть в таком случае».

«Мой друг, – ответил Цзы Ю, – церемония скорби по усопшему, со всеми сопутствующими материальными проявлениями, является лишь попыткой справиться с неподобающими эмоциями и гарантией проявления должного уважения. Давать волю проявлению чувств – это проявление варварства. У нас так быть не должно. Человека, который чем-то доволен, можно узнать по выражению лица. Он будет петь, он будет возбужден, он будет танцевать, а раздосадованный человек будет выглядеть печальным. Он будет вздыхать, он будет бить себя, он будет вскакивать с места. Надлежащее управление эмоциями и является целью обряда.

Дальше. Человек умирает и становится объектом скорби. Готовятся все необходимые атрибуты похорон, чтобы живые могли прекратить скорбеть. По случаю смерти осуществляется первое приношение вина и мяса; когда похоронный кортеж готов двинуться в путь – еще одно; и после похорон – еще одно. Тем не менее никто никогда не видел, чтобы дух умершего сходил с Небес, чтобы отведать пищу.

Таковы были наши обычаи с древних времен. Они не были отвергнуты, потому что, как следствие, люди больше не боятся мертвых. То, что ты, возможно, критикуешь тех, кто проводит обряд, ни в коем случае не бросает тень на сам обряд».

Свадьба бога реки

(Чжу и Шао Сун, I в. до н. э.)

Симэнь Бао был назначен магистратом Е (в провинции Хэнань)...

Прибыв на место службы, он спросил местного старейшину, от чего они страдают больше всего. «От свадьбы Бога Реки, – ответил тот. – Именно поэтому мы так бедны». «Каждый год перед обрядом бракосочетания, – сказали старейшины, – городской голова и начальник городской казны вводили очень высокие налоги. Из нескольких миллионов монет, которые они собирали, две или три тысячи они тратили на бракосочетание, а остальное делили между собой и колдуньями. Незадолго до бракосочетания колдуньи ходили из дома в дом и, увидев привлекательную девушку, назначали ее невестой».

Девушка должна была после этого обязательно тщательно вымыться с головы до ног и приготовить новую шелковую одежду для венчания. В ожидании церемонии венчания она постилась и каялась в своем собственном доме. Тем временем возводилось на плоту и устанавливалось на берегу реки сооружение, называемое залом покаяния, которое богато украшалось желтым и золотистым шелком.

...В день бракосочетания невесты с Богом Реки это сооружение пускалось на воду вместе с ней. Плот спускался на много миль вниз по реке, прежде чем погружался в воду... Люди говорили, что, если Бог Реки не получит свою невесту, он вызовет наводнение и погубит много людей.

Услышав эту историю, Симэнь Бао сказал старейшинам, чтобы во время следующего бракосочетания Бога Реки местные чиновники и колдуньи заранее сообщили ему об этой церемонии, чтобы он лично мог присутствовать на ней. Старейшины сказали, что они будут рады исполнить эту просьбу.

В день свадьбы Симэнь Бао пришел на берег реки. Там было около трех тысяч человек, наблюдавших за церемонией, в их числе – городской голова, богатые и влиятельные граждане местной общины, а также старейшины. Там была и главная колдунья, лет семидесяти или старше, и десять ее учениц, которые, одетые в балахоны из шелка, стояли возле нее. Симэнь Бао сказал чиновникам, отвечавшим за проведение церемонии, что он хотел бы увидеть невесту,

дабы убедиться, что она достаточно хороша для Бога Реки. Когда девушку привели к нему, он объявил, что она недостаточно привлекательна для той роли, которую ей предстояло сыграть, и что он просит главную колдунью умолять Бога Реки подождать еще несколько дней, пока ему подберут более красивую невесту. Потом он приказал бросить главную колдунью в реку. Мгновением позже он сказал, что не понимает, почему главная колдунья не возвращается, и что одна из ее учениц должна отправиться за ней и похоронить ее. Молодая колдунья также была брошена в реку и не вернулась; затем в реку была брошена еще одна молодая женщина. «Нельзя доверять женщинам, – заметил Симэнь Бао, – они не могут выполнить даже самое простое поручение» – и в реку был брошен городской голова. Начальник городской казны стоял, внимательно глядя на реку и почтительно склонив голову. Старейшины и чиновники были как напуганы, так и удивлены. Долго ждали они возвращения посланцев, брошенных в воду, но – напрасно. «А что мы будем делать, если никто из них не вернется?» – спросил Симэнь Бао. Он предложил, чтобы в реку были брошены казначей и представитель местной знати. Услышав это, оба упали ниц и так ударились головой, что показалась кровь и земля окрасилась их кровью. «Может, нам стоит немного подождать и посмотреть, не вернутся ли наши посланцы?» – спросил казначей.

Минутой спустя снова заговорил Симэнь Бао: «Поднимись, дорогой казначей. Поскольку Бог Реки, очевидно, решил оставить себе наших посланцев в качестве постоянных гостей, тебе нет смысла идти туда. Вам, я думаю, лучше разойтись по домам». С тех пор никто в Е даже не осмеливался говорить о свадьбе Бога Реки.

Гражданский кодекс

Важным элементом ритуалов, введенным Конфуцием, было строгое соблюдение правил поведения. Выказывание почтения к вышестоящим и уважения ко всем остальным поддерживало порядок в обществе и укрепляло осознание собственного положения в нем. Теоретически правила вежливого поведения и манеры одеваться были внешним проявлением гармоничных отношений между людьми.

Одежда благородного человека (Из «Сборников»)

Благородный человек не носит одежду пурпурного или бордового цвета, точно так же он не носит домашнюю одежду из тонкой бараньей кожи. В жаркую погоду он надевает одежду без подкладки, из льняной ткани, свободного покроя. Перед выходом из дому он надевает одежду для улицы. С черной одеждой он носит черные изделия из шкуры ягненка, с платьем из некрашеного шелка – изделия из шкуры оленя. С желтым платьем – рыжую лисицу. Рукава его домашнего платья длинные, однако правый короче левого. Его ночное платье должно составлять половину человеческого роста. Более густые виды меха – лисы и барсуки – предназначены для домашней одежды. Он постоянно носит разнообразные украшения, за исключением периода траура. Кроме придворного фартука, все его юбки внизу расклешены. Выкрашенную в черный цвет одежду из шкуры ягненка и шляпу из темного шелка должно надевать, когда благородный человек идет с визитом в семью усопшего. При объявлении новой луны он должен идти ко двору в полном облачении придворного.

Добродетели благородного человека **(Янь Цзэн, I в. до н. э.)**

Благородный человек считает вкусную пищу вредной для своего желудка и благосостояния. Он не знает, что такое ревность, зависть, клевета или лесть. Он считает, что жестокость вернется к нему как бумеранг, а предательство в конечном итоге ударит по предателю. Для него удовлетворение сексуальных потребностей – путь к разрушению семьи, а регулярное употребление спиртных напитков приведет к тому, что употребляющий закончит свои дни в сточной канаве.

С другой стороны, благородный человек обладает такими добродетелями, как верность и сыновняя почтительность; он считает их средствами достижений личного благополучия, он также полагается на воздержанность и бережливость как наиболее надежные источники финансового благосостояния. Он трижды в день критикует себя и поучает своих отпрысков, что им следует вести себя так же, пока не наступит вечность.

Исключение из правил **(Приписывается Минь Шу, 372–289 гг. до н. э.)**

Философ спросил Минь Шу: «Мужчины и женщины, давая и получая, не должны касаться руками друг друга – таково правило?» «Да», – ответил Минь Шу.

«Но предположим, – сказал философ, – что тонет сестра жены, и тогда мужчина не должен протянуть руку и вытащить ее на берег?»

«Мужчина, – ответил Минь Шу, – который, увидев тонущую сестру жены, не протянет ей руку помощи, – животное. Те мужчины и женщины, давая и получая, не дотрагиваются друг до друга руками по закону собственности; но когда тонет сестра жены, исключением из этого правила является обязанность подать ей руку и вытащить ее».

Обязанности **(Из письма Цзэн Гофана, 1811? —1872?)**

С тех пор как дядя Чжэн переехал в новый дом, ты остался хозяином нашего старого поместья, Золотого дома. Мой дедушка, благородный Синь Кань, придавал большое значение успешному управлению поместьем. Во-первых, он настаивал, чтобы каждый член семьи вставал рано утром. Во-вторых, дом надо было регулярно мыть и подметать, чтобы содержать его в чистоте. В-третьих, обряды почитания усопших предков должны проводиться со всей возможной искренностью. В-четвертых, ко всем нашим соседям, родственникам и членам нашего клана необходимо было относиться как можно лучше. Когда только они приходили в дом, их всегда принимали с великим уважением. Мы помогали им деньгами, когда это было им необходимо. Мы предлагали им своих хороших чиновников, если они были втянуты в судебные разбирательства; мы поздравляли их с бракосочетаниями и с другими праздниками; создавали им необходимые условия, когда они болели; выражали им соболезнования по поводу смерти членов их семей.

Помимо этого, благородный Синь Кань постоянно уделял внимание изучению книг и выращиванию овощей.

Недавно, когда я писал письма домой, я часто напоминал тебе о важности «книг, овощей, рыбы и свиней». Я хочу, чтобы ты знал, что каждый раз, когда я делал это, я просто следовал

традиции, установленной моим дедом.

Воспитанный человек (Лю Кун, 1536–1618 гг.)

Благородный человек не имеет десяти качеств, обычно присущих остальным. Это десять качеств, которые присущи солдату, женщине, юноше, грубому человеку, блудному сыну, сельскому мужлану, ответчику в суде, рабыне, доносчику и, наконец, купцу.

Он должен скрывать большую часть того благородства, которым он обладает, и таким образом воспитывать свою «этическую глубину». Точно так же он должен скрывать недостатки и промахи других и таким образом умножать свое величие. Терпение – необходимая часть планирования, а мирный ум – необходимое условие для управления делами. Скромность – наиболее важное свойство для сохранения собственной жизни, а терпимость и способность прощать должны быть основными качествами при общении с другими. Чтобы развить свой ум, благородный человек не должен быть озабочен такими проблемами, как богатство и нищета, жизнь и смерть, постоянство и перемены.

Званный обед

Развлечения и удовольствия

Крестьянин, который всю свою жизнь трудился на земле, редко имел возможность уделить минуту-другую учению, литературе и искусствам, несмотря на то что в большинстве своем ученые, художники и государственные деятели были по происхождению крестьянами. Вообще говоря, высокое искусство и культура были уделом богатых и праздных. Однако в каждом классе встречались исключения из правил. Некоторым удавалось получить нечто большее, чем простой взгляд от женщины, обеспечивающей отдых; проституция в Китае была узаконена до тех пор, пока к власти не пришли коммунисты. Для других отдохновением было вино, песни,

обильная еда, прогулки на лодке, театр и беседы в чайном домике.

Визит в страну пьяных (Ван Чжи, VI–VII вв.)

Эта страна находится на расстоянии многих тысяч миль от Срединного государства. Это широкая безграничная равнина без возвышенностей и низин. Климат там вполне устойчивый, там нет ни дня, ни ночи, ни жары, ни холода. И обычаи, и манеры поведения людей там везде одинаковы.

Там нет деревень или каких-то других скоплений людей. Жители страны постоянно находятся в эфемерном состоянии: они не знают ни любви, ни ненависти, ни радости, ни гнева. Они вдыхают свежий воздух, пьют росу и не едят ни одного из пяти знаков. Они всегда спокойны и невозмутимы, ходят очень медленно; они общаются с птицами, и животными, и рыбами, и всякими другими тварями; они не знают лодок, повозок, оружия или каких-либо произведений человеческих рук.

Желтый император как-то навещал Страну пьяных, и когда он вернулся, ему не было никакого дела до империи, управление которой казалось ему никчемным и пустым занятием.

Боже, я не могу себе представить, что чистая и мирная Страна пьяных когда-либо будет считаться местом обитания древних. Поэтому я сам отправился туда.

Море лотосов (Чжан Дай, 1597–1684 гг.)

Люди Ханчжоу... направляются большими группами к озеру, вероятно, чтобы полюбоваться на луну. Они дают щедрые чаевые стражам ворот, а затем идут прямо на берег озера, где слуги с зажженными факелами помогают им взойти на лодку. Когда они садятся в лодки, они приказывают лодочнику грести на Гуаньчжао как можно быстрее, чтобы не опоздать к началу изысканного буддийского обряда.

Так к 10 часам ничего, кроме шума, не слышно и ничего не видно, кроме толп народа. Все лодки, большие и маленькие, одновременно направляются к берегу: можно видеть только, как шесты ударяются о шесты, плечи соприкасаются с плечами и люди глядят друг другу в лицо. Однако очень скоро эта суeta и восторг утихают. Солдаты после окончания празднеств громко кричат что-то, расчищая путь чиновникам, чтобы те могли свободно вернуться домой. Вдоль дорог, как звезды, горят лампы и факелы. Тем временем те, которые провели вечер на берегу, также бросаются к городским воротам, пока их не закрыли. Толпа редет, и постепенно не остается ни одного человека. Только тогда мы причаливаем в своих лодках около берега Гуаньчжао. Мы садимся на каменные ступени, которые уже становятся холодными, и предлагаем своим гостям столько, сколько они хотят. В это время луна – как только что вымытое зеркало, горы – красивее, чем когда-либо; а озеро, кажется, только что искупалось в вечерней росе. Те, кто любит тихую и спокойную музыку и неспешное наслаждение вином, наконец-то появляются на берегу; а также те, кто до сих пор скрывался в тени деревьев. Или мы посылаем свое приглашение; и если они слишком застенчивы, чтобы принять его, мы просто за руки тянем их в свой круг. Здесь собираются веселые поэты и просвещенные гетеры, с которыми мы делим вино и музыку. Веселье длится, пока лунный свет не рассеивается и начинает заниматься заря. Наши гости прощаются с нами, а мы, наконец, возвращаемся к своим лодкам. Лодка плывет сквозь море лотосов, а мы крепко спим в лодке. Воздух чист и прозрачен; может ли что-то другое

вызвать прекрасный сон?

Речные домики

(Чжан Дай, 1597–1684 гг.)

Речные домики вдоль реки Циньхуай могут выполнить любую из следующих функций: в них можно найти временный ночлег, там можно провести светское мероприятие, здесь же можно предаться утехам плотской любви; хотя арендная плата и высока, но вы не найдете здесь пустующих комнат...

Снаружи каждого речного домика открытая терраса, огороженная красными рейками и затянутая шелком. Чтобы обеспечить максимальную конфиденциальность, одну секцию террасы от другой отделяют шелковые занавески и бамбуковые жалюзи. Летом девушки сидят на террасе и отдыхают после ванной; когда легкий ветерок приподнимает края их юбок, можно уловить тонкий и манящий аромат жасмина. На девушках одежда из легкого шелка, и они обмахиваются круглыми веерами. Волосы на висках распущены, а завитки небрежно сколотых волос спускаются на одну сторону. Девушки нежны, обворожительны, и невозможно не поддаться их чарам.

Еда

(Юань Мэй, 1715–1797 гг.)

Приготовление пищи подобно супружеской жизни. Два блюда, которые подаются на стол, должны сочетаться друг с другом.

Приготовление рыбы

Простое должно подаваться с простым, жирное с жирным, жесткое с жестким, а мягкое с мягким. Я знаю людей, которые мешают тертого омара с птичьими гнездами и подают все это с курятиной или свининой!

Повара нынче даже не задумываются, когда смешивают в супе мясо курицы, утки, свиньи или гуся. Но все эти куры, утки, свиньи и гуси, без сомнения, имеют души. И эти души, безусловно, в загробном мире пожалуются кому надо на то, как с ними обращались в этом мире. Хороший повар будет готовить огромное количество блюд. Каждый компонент будет приготовлен так, чтобы наилучшим образом оттенить присущие ему вкусовые качества, в то время как каждое блюдо будет иметь свой неповторимый вкус. Только тогда гурман почувствует его и в его душе расцветут цветы...

Не надо резать ростки бамбука ножом, которым резали лук... хороший повар часто вытирает свой нож, часто меняет рабочую одежду, часто протирает доску и часто моет руки. Если дым или пепел из его трубки, капелька пота со лба, насекомые со стен или капли жира со сковородки попадут в еду, то пусть он будет лучшим поваром из лучших, все равно люди отвернутся от его блюд.

Юмор и остроумие

(Хань Фэйцзы, ум. в 233 г. до н. э.)

Работая на поле, крестьянин увидел бегущего около дерева кролика, кролик был мгновенно убит.

Он взял его домой, приготовил, и еда ему очень понравилась.

На второй день он бросил свою работу, сел под тем же деревом, надеясь, что произойдет то же самое, что и накануне, но этого не произошло.

Из записей «Воюющих государств»

Мидия открыла свою раковину и загорала на берегу, когда в нее вонзил клюв бекас. Она быстро захлопнула свою раковину и поймала бекаса за клюв. Мидия не могла вернуться в реку, но и бекас не мог улететь.

«Если дождя не будет два дня, мидия умрет», – подумал бекас. «Если я буду держать между раковинами клюв бекаса, он скоро умрет», – подумала мидия. Пока мидия и бекас сердились друг на друга и ни один не хотел идти ни на какие уступки, мимо проходил рыбак и поймал обоих.

Двор императора

Идеальный правитель Китая был добродетельным, брал на службу в правительство идеального чиновника за его безупречный характер и достижения в науке. Однако Китай имел и своих тиранов. Когда правитель был коррумпированным, без сомнения, и двор его приходил в упадок. Влиятельный хозяин мог аннулировать результаты официальных экзаменов, и начинали процветать интриги и взяточничество.

Генерал Цао Цао **(Чжэн Шу, 233–297 гг.)**

Как человек [генерал] Цао Цао был весьма легкомысленным. Он любил музыку, и часто с утра до ночи его окружали проститутки и люди, развлекавшие его. Он носил одежду из легкого шелка и постоянно пристегивал к поясу маленький мешочек с носовыми платками и другими личными принадлежностями. Иногда, принимая гостей, он надевал треугольную шляпу. В беседе он всегда прямо высказывал свое мнение и очень много шутил; часто он смеялся так громко, что ронял голову на тарелки с едой и пачкал свой головной убор. Он был действительно чрезвычайно легкомысленным.

Однако он был строг и весьма жесток в отстаивании своих законов. Если он считал какого-то генерала превосходящим себя в военном искусстве, он делал все, чтобы казнить его. Он не колеблясь расстреливал своих сторонников или друзей, если узнавал, что они жаловались на него. Если он решал убить человека, ни мольбы, ни слезы не могли изменить его решения...

Однажды, проводя своих солдат строем по полю пшеницы, он отдал приказ, чтобы ни при каких обстоятельствах они не повредили урожай и что любой, кто сделает это, будет немедленно казнен. Выполняя его приказ, все его конники спешили и стали аккуратно раздвигать пшеницу, чтобы пройти по полю. Собственная лошадь Цао Цао, однако, внезапно рванулась на поле и погубила много пшеницы. Цао Цао приказал своему чиновнику, следившему за исполнением законов, привести в исполнение наказание, понести которое должен был он сам. «Согласно хроникам «Весны и Осени», – сказал чиновник, – наказанию не может подвергаться высшее лицо». – «Если меня не накажут за нарушение моего собственного закона, то как я смогу ожидать подчинения?» – сказал Цао Цао. – Однако, поскольку я являюсь главнокомандующим, я не могу сейчас покончить жизнь самоубийством. Позвольте мне самому наказать себя». Он обнажил меч, отрезал свои длинные волосы и бросил их на землю.

Первый поэт Шан **(IV в.)**

Чжан Чжигао, младший брат первого министра, считался наиболее многообещающим молодым литератором; по сути, некоторые друзья княжны Тайпин, ссылаясь на ее имя, уже передали его поэмы на рассмотрение строгого жюри в столицу, чтобы он мог быть зарегистрирован первым, когда начнется экзамен. Ван Вэй собирался сдавать тот же экзамен, и когда он услышал об этом, он сообщил князю Чжи (брату княжны) и попросил его о помощи.

«Княжна очень влиятельна, мы не можем открыто противиться ее желаниям, – сказал князь Чжи. – Однако у меня есть план...»

Ван последовал за князем в покои княжны. «Зная, что ваше высочество дома, я взял на себя смелость принести сюда еду и пригласить музыкантов», – сказал князь Чжи входя. Затем он отдал приказ немедленно начать праздник. Тем временем один за другим чинно вошли музыканты. В первом ряду среди музыкантов стоял Ван Вэй, который был молод, привлекателен и очень элегантен. Княжна взглянула на него и затем поинтересовалась у князя Чжи, кто это. «Он знаменитый музыкант», – ответил тот.

Затем он приказал Вану сыграть новую песню, которую тот незадолго до этого сочинил. Песня была такая печальная, что все присутствующие были очень растроганы... Княжне она очень понравилась.

«Этот молодой человек знает не только музыку, – сказал князь Чжи, – он не имеет себе равных и в поэзии». Княжна удивилась еще больше.

«Вы принесли с собой какие-нибудь из своих стихотворений?» – спросила она. Ван Вэй достал приготовленные заранее стихи и подал их княжне. Прочитав их, она донельзя изумилась. «Это стихи, которые я выучила и которые регулярно читаю, – сказала она. – Я всегда думала, что это стихи кого-то из древних великих поэтов. Неужели они ваши?»

«Разве не будет страна гордиться, если именно этот поэт будет носить славный титул первого поэта?» – спросил князь Чжи. «Почему бы вам не попросить его принять участие в ежегодном соревновании?» – спросила княжна.

«Он сказал, что ни при каких условиях не будет принимать участия в соревновании, если только не получит вашего благословения, – ответил князь Чжи. – Однако говорят, что ваше высочество уже рекомендовали назначить первым поэтом Чжао Чжигао».

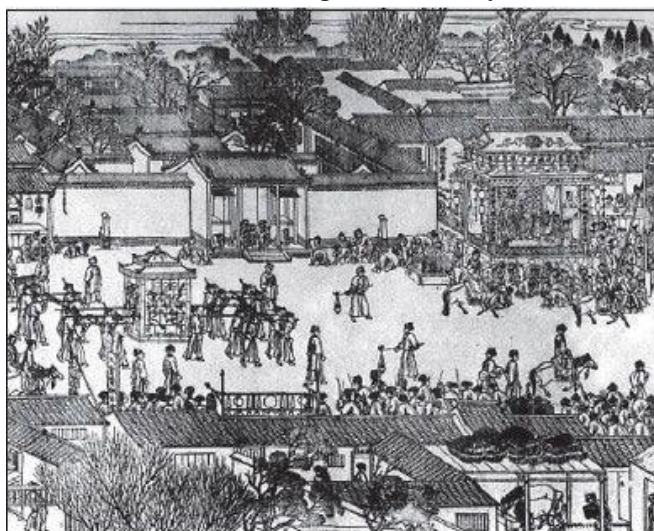
«Я не имею к этому ни малейшего отношения, – сказала княжна. – Я сделала это по просьбе других людей». Затем, повернувшись к Ван Вэю, она добавила: «Идите и участвуйте в конкурсе. Я сделаю все, чтобы помочь...»

Позже княжна вызвала к себе членов конкурсной комиссии и приказала слугам передать им ее пожелания. Ван Вэй был признан первым поэтом и с первой попытки сдал экзамены в столице.

Низкопоклонство

(Цзын Чжэн, XVI в.)

Как же в наши дни чиновник старается заручиться благосклонностью своего патрона? День и ночь он должен прищипоривать своего коня, чтобы вовремя оказаться у дверей нужного человека. Если привратник отказывается пустить его, то, возможно, ему помогут лстивые речи, умоляющий вид или просто небольшие «чаевые». Привратник наконец берет у него визитную карточку, однако большой человек не спешит выйти к нему. Так чиновник и ждет на конюшне среди слуг... Вечером привратник, получивший свою мзду, выходит и говорит, что его хозяин слишком устал и просит посетителя зайти завтра. Поэтому он вынужден прийти еще раз. Он сидит всю ночь не снимая одежды. На заре он вскакивает и снова бежит к дому большого человека... И привратник (получивший очередную мзду) подходит к воротам, открывает их и впускает его; и он опять ждет в конюшне, как и прежде, пока, может быть, не появится великий человек собственной персоной и не удостоит его аудиенцией.

Паланкин императора

Тогда, беспрестанно низко кланяясь, он робко припадает к ногам великого человека, и когда тот говорит: «Иди!» – он падает ниц и долго лежит не поднимаясь. Наконец он поднимается,

чтобы преподнести свой подарок, который великий человек отказывается принять. Он умоляет принять свой подарок, но все тщетно. Он умоляет снова и снова. Пока наконец великий человек не соглашается принять подношение и не велит слуге взять подарок. Следуют еще два низжайших поклона, после чего он встает и наконец, после выражения пяти или шести знаков выражения почтения, уходит. Уходя, он кланяется привратнику и говорит: «С твоим у меня все в порядке, в следующий раз можешь пускать меня без задержки». Привратник кланяется в ответ, удовлетворенный своей ролью в деле. Тем временем наш друг садится на лошадь и, когда встречает своего знакомого, радостно взмахивает кнутом и кричит: «Я только что был у его светлости, он был очень добр ко мне». Потом он в деталях начинает рассказывать о подробностях аудиенции, после чего друг проникается к нему все большим уважением как к протеже его светлости.

Семейные традиции

Один из учеников Конфуция приводит следующие высказывания Учителя: «Сыновняя почтительность – это основа добродетели и источник всех наставлений». С тех пор китайская традиция оставалась неизменной. Человек осознавал свою ответственность перед обществом через уважение к своим родителям и в служении им. Роль женщины была вдвойне ответственной, поскольку она должна была не только угождать своему мужу (вплоть до того, что должна была искать ему наложницу), но и его родителям. Когда она оставалась вдовой, все ее поведение регламентировалось правилами, царившими в обществе.

Отеческий совет

(Чжу Си, 1130–1200)

Влезая на городскую стену, не указывай пальцем, а когда уже влез на нее, не кричи. Когда находишься в гостях у друга, не проси того, что ты, возможно, хочешь получить. Когда идешь наверх, громко крикни: «Иду!» Если ты видишь у двери две пары обуви и слышишь голоса за дверью, смело войди, если же ты не услышишь ничего, не торопись входить. Не наступай на обувь других гостей или на коврик для еды; приподними края одежды и быстро пройди на отведенное тебе место. Не стремись прийти в гости первым, но и не спеши уходить. Не беспокой богов слишком большим количеством молитв. Не потакай собственным слабостям. Не спеши узнать то, что еще не пришло время знать.

Почтительный сын

(Хэ Фанью, 1618–1654 гг.)

Много лет назад в Чжуанчжоу жил почтительный сын; его звали Дан Янь, который отрезал кусок от своей правой руки, чтобы накормить отца... Комментируя этот случай, историк заметил, что причинение себе увечья с какой бы то ни было целью несовместимо с правилами достойного поведения и не может считаться примером для подражания. С тех пор это суждение считалось окончательным по данному вопросу. [Однако] какая ситуация могла бы быть более невыносимой, чем вид страданий собственного отца, причиняемых ему увечьем или болезнью? Если человек решается причинить ущерб собственному телу, только чтобы спасти своего

родителя, я не вижу причины, по которой ему можно было бы это запретить. Более того, человек, причиняющий себе увечье, находится на волоске от смерти; он пойдет на такой шаг, только если он абсолютно искренен в своих намерениях. Неправильно сравнивать его с теми лицемерами, которые идут на крайние меры, только чтобы они могли пользоваться незаслуженной репутацией. Его пример вдохновит других на то, чтобы демонстрировать такую же безграничную любовь к своим родителям.

Сыновняя почтительность (Из «Книги преданий»)

Царь говорит: «Преступники вызывают всеобщее отвращение, однако насколько более отвратительны те, кто не испытывает родственных и братских чувств к своим близким, – сын, который не выполняет своего сыновнего долга перед родителем и только ранит его сердце; отец, который не любит своего сына; младший брат, который не выполняет наказа Небес и отказывается уважать своего старшего брата, равно как и старший брат, который не по-братски относится к младшему... с такими людьми вы должны разбираться как можно быстрее...»

Братья (Янь Цзихуэй, 531–595 гг.)

Братья происходят от одних родителей. Они едины духовно, хотя внешне отличаются друг от друга. Когда они маленькие, они тянутся за одними и теми же родителями, едят за одним и тем же столом, носят одежду друг друга. Они изучают одни и те же предметы, когда учатся в школе, путешествуют по одним и тем же местам, когда становятся взрослыми. Даже если один из них ведет себя недостойно, остальные будут любить его все так же сильно. Ситуация начинает меняться, когда они достигают совершеннолетия и женятся. У каждого из них появляются собственные жена и дети, и братская любовь, как бы велика она ни была, ослабевает.

Восхваление Ван (Тан Шуньчжэн, 1507–1560 гг.)

В первые три года брака у Ван было два выкидыша. С того времени ее всерьез беспокоил тот факт, что мой брат может остаться без наследника. Однажды, вернувшись со мной из поездки в Исин, мой брат увидел в своей комнате незнакомую девушку. Удивленный, он спросил свою жену, что это за девушка, и та сказала ему, что это наложница, которую она купила для него. Он отослал девушку домой, не вступив с ней в интимную связь, сказав, что он слишком молод (ему было чуть за двадцать), чтобы иметь наложницу. Пять или шесть лет спустя, когда у них все еще не было сына, Ван опять купила наложницу для своего мужа. Она сама одела девушку, боясь, что та может не приглянуться мужу. Появление наложницы никак не отразилось на отношениях между Ван и ее мужем, они остались все такими же нежными. Фактически она подтолкнула своего мужа к тому, чтобы он проводил с наложницей столько ночей, сколько ему хотелось.

Кажется, что ее добродетель должна была бы быть вознаграждена и она должна была бы иметь много сыновей. Но она умерла молодой, и, по иронии судьбы, умерла при родах. Есть вещи, которые недоступны для понимания смертных. После двух выкидышей в начале своей семейной жизни она даже не ожидала, что забеременеет; однако она молилась о том, чтобы забеременела наложница, которую она сама привела для этой роли. Когда позднее Ван

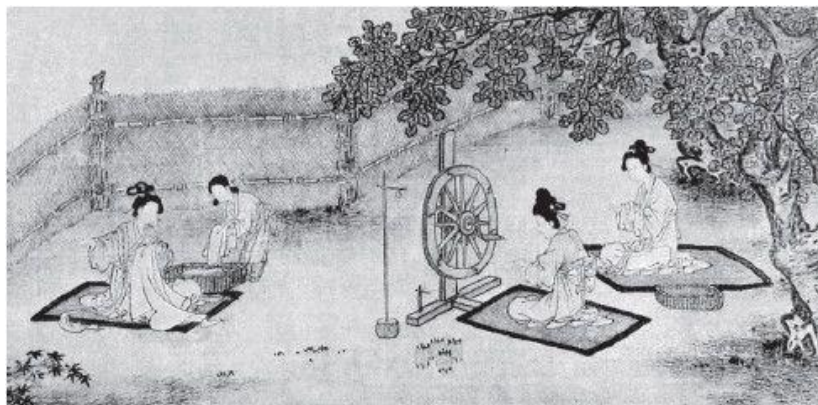
забеременела, люди сказали, что, видимо, Небеса решили вознаградить ее за отсутствие ревности. И все же она умерла от этого. Почему? Почему?

Вдовство

(Чжоу Чжи, династия Цинь)

Наложница не связана по закону с человеком, с которым она живет, потому что их союз не освящен соответствующим обрядом. Тем не менее она имеет законного сына от этого человека. С другой стороны, вдова, которая предпочитает выйти замуж во второй раз, должна порвать все связи со своими детьми. Закон ставит ее на более низкую ступень даже по сравнению с наложницей. Не желая оставлять своих детей, вдова не имеет другого выбора, кроме как согласиться с требованиями общества, то есть остаться вдовой... Зная, насколько тяжела участь вдовы, многие женщины предпочитают покончить с собой после смерти своего мужа, оставляя после себя не только своих родителей, но и родителей мужа, которым они должны быть всегда благодарны, и детей, которым нужна их любовь и забота.

Я полагаю, что вдова, которая предпочитает во второй раз выйти замуж, должна иметь то же положение, что и наложница. Она должна прервать отношения с семьей умершего мужа, согласно обычаю, но ей должно быть разрешено поддерживать отношения с детьми. Новое правило, если оно будет принято, будет во благо всем по двум причинам. Во-первых, ее родители и родители мужа не смогут заставить ее оставаться вдовой, не давая ей возможности общаться с детьми; во-вторых, ее вдовство, если она предпочтет остаться вдовой, будет добровольным, а потому искренним.

Домашние хлопоты

Пытливый ум

Такие изобретения, как порох, компас, печатание, появились в Китае задолго до того, как о них стало известно в Европе. Однако астрономия, химия, медицина и другие науки были слишком тесно связаны с оккультизмом и суевериями, чтобы заслужить доверие ученых, которые могли бы внести большой вклад в их развитие.

Вселенная

(Чжан Хэн, 78 – 139 гг.)

Небеса похожи на яйцо, а Земля – на его желток. Она расположена внутри Небес. Небеса велики, а Земля ничтожно мала по сравнению с ними. Внутри и снаружи Небес находится вода. Небеса окутывают Землю, как скорлупа покрывает желток. И Небеса, и Земля возникли и существуют благодаря жизненной силе, разлитой по воде.

Из трактата по астрономии

Небо подобно зонтику, а Земля – перевернутой тарелке. И небо, и земля в центре вытянуты вверх, а к краям становятся ровными. Точка под Северным полюсом является центром и земли, и неба. Это самая высокая точка земли, отсюда края земли спускаются подобно падающему потоку воды. Солнце, луна и звезды поочередно то светят, то прячутся, и от этого бывают день и ночь. Самая высокая точка в центре неба, где солнце находится в период зимнего солнцестояния, составляет 60 000 ли, если считать от горизонтальной линии, обозначающей уровень края неба. Высота земли в ее самой высокой точке под Северным полюсом также составляет 60 000 ли. Высшая точка Земли отделена от горизонтальной линии уровня краев неба 20 000 ли. Поскольку высшие точки неба и земли совпадают, то солнце постоянно находится на одном и том же расстоянии от Земли – 80 000 ли.

Ван Чжун (27–97 гг.)

Небо такое же плоское, как и земля, а восход и заход солнца возникает из-за того, что оно вращается вместе с небом... Глазу человека кажется, что земля и небо сливаются друг с другом на расстоянии примерно 10 ли от смотрящего. Однако это всего лишь иллюзия, поскольку они вообще не сходятся. Точно так же, когда нам кажется, что мы видим заход солнца, на деле оно не заходит. Это всего лишь обман зрения, вызванный расстоянием...

На пути к бессмертию (Го Хун, 253–333 гг.)

Пань Цзы сказал: «Я изучал и читал книги, посвященные тому, как следует питать человеческое тело, и собрал некоторые рецепты вечной жизни. Я прочитал бесчисленное количество томов. Они все упоминают возвращенную в первоначальное состояние киноварь (после того, как ее превратили в ртуть) и жидкое золото. Таким образом, эти два компонента представляют собой кульминацию дороги к бессмертию... Если съесть эти два вещества, они укрепят наше тело и позволят нам не стареть и не умирать. Конечно, это только возможно при помощи внешних факторов, укрепляющих нас. Это похоже на то, как мы добавляем масло в лампу, чтобы она не погасла. Если мы натрем ступни медным купоросом, с ними ничего не будет, даже если они останутся в воде. Это – заимствование силы меди, чтобы защитить нашу плоть. Жидкое золото и киноварь, однако, поступая в наше тело, пронизывают своим воздействием весь организм.

Изобретение (переносной) печати (Шэнь Гуа, 1030–1093 гг.)

В эпоху Жэнь-цзуна (1041–1048 гг.) простолюдин по имени Пи Шэн первым изобрел подвижную печатную машинку. Штамп был сделан из увлажненной глины, на которой был вырезан один китайский иероглиф. Толщина вырезанного иероглифа примерно равнялась толщине маленькой монетки. Затем этот штамп закалялся на огне, то есть он сохранялся надолго. Чтобы начать процесс печатания, печатник смазывал железный лист смесью скипидара, канифоли, воска и пепла сожженной бумаги. Отдельные штампы клали на этот лист вплотную друг к другу так, чтобы вместе они могли составить текст книги, которую нужно было печатать. На листе железа они удерживались с помощью железного ограждения, накрепко прикрепленного к листу.

Затем этот лист железа помещался на несильный огонь, чтобы растопить смесь, нанесенную на него. На набранный текст помещалась гладкая деревянная доска таким образом, чтобы головки всех оттисков оказались на одном уровне. Лист был готов к печати.

Вместо дерева использовалась влажная глина из-за того, что дерево подвержено внешнему воздействию и может покоробиться, исказив тем самым вырезанные на нем иероглифы.

Доктор Чжан

(Цао Сюэцин, 1719–1763 гг.)

«Пощупав пульс вашей высокочтимой жены, – сказал доктор [Чжан Цзя Юну], – я бы осмелился высказать следующее мнение. Пульс на ее левой руке очень замедленный и тяжелый, а пульсация крови в левом суставе слабая и еле различимая. Пульс на правой руке слабый и еле заметный, а пульсации крови в правом суставе почти нет. Замедленность и тяжесть ударов пульса в левой руке говорит об ослаблении ее сердца, что, в свою очередь, вызывает элемент «огня». Слабость же пульсации крови слева говорит о недостатке крови в печени. Слабый пульс правой руки можно объяснить плохой работой ее легких, а отсутствие жизни в правом суставе происходит из-за того, что печень, воплощая в себе элемент «дерево», полностью подавила раздражительность, которую воплощает в себе элемент «земля». Порождение «огня», которое является результатом ослабления сердца, влияет на процесс менструации женщины, которая становится нерегулярной. «Огонь» также вызывает бессоницу. Отсутствие достаточного количества крови в печени вызывает отек и боль под ребрами, задержки менструации и жжение в сердце. Слабость легких вызывает периодические головокружения, как если бы она сидела в лодке, и чрезмерную потливость по утрам. Когда печень окончательно подавляет раздражительность, человек не хочет ни есть, ни пить. Она легко устает, а в ее руках и ногах не остается силы... Судя по пульсу, ваша жена очень честолюбивый и умный человек. Если человек слишком умен, ему суждено испытать большую чашу несчастий, чем обычно достается людям. Умный человек чаще волнуется, а это влияет на раздражительность и делает печень необычайно сильным и доминирующим органом. Конечным результатом является нерегулярность менструации. Чаще эта нерегулярность имеет форму задержки... Если бы ваша жена принимала успокаивающие лекарства, ее болезнь не приняла бы такую тяжелую форму. Насколько я понимаю, налицо случай «сильного огня» и «слабой воды». Задача моего лечения – восстановить необходимый баланс». Доктор выписал рецепт... [Он содержал такие элементы, как грибок, прокаленная земля, корни пиона, жареный рис, айва японская, толченый моллюск, вино, семь семечек и две большие сливы без косточек.] Посмотрев на рецепт, Цзя Юн сказал: «Мне это нравится. Скажите мне, моя жена действительно серьезно больна?» – «Образованный человек, подобный вам, должен знать, что, когда человек настолько болен, как больна ваша жена, никто не может предвидеть исход болезни, – ответил доктор Чжан. – Пусть она сначала попробует это лекарство, а там посмотрим, что приготовила для нас судьба. На вашем месте я

бы не ожидал улучшения состояния здоровья вашей жены до окончания зимы. Будем надеяться на весну». (Через некоторое время пациентка умерла.)

Добрая земля

Поскольку китайцы всегда целиком и полностью зависели от сельского хозяйства, то они рано начали разрабатывать схемы, регулирующие использование земель и позволяющие им избежать голода. В приведенных ниже текстах министр династии Чжоу ставит под сомнение эффективность одного из способов борьбы с засухой. Еще одна программа, а именно программа хранения зерна, упоминается в очерке о важности сельского хозяйства, автором которого является Чжао-цзы. Как свидетельствует рассказ о ловце змей из Юнчжоу, имелось также решение проблемы налогообложения.

Важность сельского хозяйства (Чжао-цзы, ум. в 155 г. до н. э.)

Корни преступности – в нищете; корни бедности – в недостатке пищи; недостаток пищи – результат небрежного отношения к сельскому хозяйству. Без сельского хозяйства у человека нет ничего, что привязывало бы его к земле. Без такой связи с землей он легко покидает дом, где родился. Он становится похож на птиц в небе или животных в лесах...

Человек создан таким образом, что он должен есть два раза в день либо будет голодать; он должен носить одежду или замерзнет. Если его желудок не имеет возможности получить еду, а тело – одежду, даже любовь самой нежной из матерей не удержит его. Как тогда сумеет монарх удержать при себе своих подданных?

Мудрый правитель знает, как это сделать. Он сосредотачивает всю энергию своих подданных на развитии сельского хозяйства. Он вводит необременительные налоги. Он создает систему зернохранилищ, чтобы обеспечить своих подданных зерном, когда их запасы истощатся.

Стимулы для развития производства (Чжао-цзы, ум. в 155 г. до н. э.)

Нашей насущной задачей сегодня является увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Для этого мы должны повысить ценность зерна в глазах людей. Зерно должно использоваться как средство наказания и поощрения. Пусть будет издан указ о том, что высокие титулы будут присваиваться тем, кто будет пополнять казну зерном, либо к ним будет проявлено снисхождение, если они будут уличены в совершении преступления. Тем самым мы сразу добьемся трех вещей: богатые получают столь желанные титулы, бедные станут немного богаче, и у правительства будет много зерна. Забирая излишек у богатых, чтобы обеспечить нужды государства, нам вовсе не надо облагать высоким налогом бедных: этот излишек будет направлен туда, где он необходим. Когда такой указ будет издан, он пойдет во благо всем указанным здесь людям.

Сожжение колдуна

(Из комментариев к хроникам «Весны и Осени»)

Вельможа решил сжечь колдуна, однако его главный министр сказал ему: «Это никак не спасет нас от засухи. Лучше отремонтируйте городскую стену, уменьшите потребление, будьте экономны, бросьте все силы на сбор урожая. Именно так следует поступить – а что может сделать один колдун? Если бог желает его смерти, то он вполне мог бы никогда не родиться. Если же он может вызывать засухи, то, если мы его сожжем, мы только ухудшим дело».

Вельможа последовал его совету, и следующее время года хоть и было трудным, но все-таки не обернулось катастрофой.

Проблема населения

(Хун Ляньчжи, 1746–1809 гг.)

Нет народа, который не радовался бы мирному правлению и не желал бы, чтобы оно длилось как можно дольше. Теперь мирное правление длится уже больше ста лет, и это может считаться долгим сроком. Но если мы задумаемся о населении, то увидим, что оно увеличилось в пять раз за тридцать лет, в десять раз за шестьдесят лет и по крайней мере в двадцать раз за сто с небольшим лет. Кого удивит количество смертей от холода и голода, истощения и отчаяния?

«Неужели Небеса не могут взять этот процесс под контроль?» – может спросить кто-то. Наводнение, засуха и эпидемии – вот естественные способы регулирования численности населения. Однако лишь немногие страдают от наводнения, засухи или болезней. «А у правителя и его министров есть способы регулировать это?» Использовать всю имеющуюся землю и максимально задействовать труд людей, переселять людей на только что открытые приграничные районы, сократить налоги там, где их объем и число превысили все допустимые пределы, запретить всякого рода излишества и монополизацию земель, открыть государственные зернохранилища во время наводнения, засухи или эпидемии и накормить людей – это почти все, что может сделать правитель, чтобы регулировать численность населения.

Ловец змей

(Ли Цзинъюань, 773–819 гг.)

На дикой природе за границей Юнчжоу водятся странные змеи, чьи черные спины разукрашены белыми точками и полосками. Они так ядовиты, что, если они дотронутся до травы, кустов или деревьев, все погибает. Благодаря целебным свойствам этих змей императорские врачи рекомендовали ввести в Юнчжоу квоту на отлов змей: две змеи в год как часть налога... Тот, кто отдаст пойманных змей государству, будет освобожден от налогов. Откликаясь на призыв правительства, множество людей бросились ловить змей. Однако только семья Цзян вышла живой из этого опасного предприятия. Я имел возможность встретиться с главой семьи и спросил его, понравилось ли ему ловить змей. «Мой дед и мой отец погибли от этого, – ответил он. – Я занимаюсь этим двадцать лет с момента смерти отца, и сам я не раз бывал на волосок от смерти... Если бы не нынешняя должность, моя жизнь была бы гораздо хуже. Три поколения моей семьи жили здесь, а всего – шестьдесят лет. Люди за это время становились беднее и беднее, а соседи едва могли сводить концы с концами. Они не могли заплатить налоги, хотя отдавали все, что давала им земля, и все, что было у них в доме. Как только сборщик налогов подходил к нашему поселку, всех охватывал такой страх, что боялись

даже собаки и куры. Я проснулся и, увидев в своем кувшине змею, спокойно пошел обратно спать. Я исправно кормил змею, а когда подходил срок, отдавал ее в качестве налога.

Так что я рискую жизнью только два раза в год, когда ловлю змей. Все остальное время я наслаждаюсь дарами своей земли и приятно провожу время. Кто еще из моих соседей так же спокоен, как я? Если мне суждено умереть ловя змей, то я и так прожил уже больше, чем большинство моих соседей, которые давно умерли. Что же мне жаловаться на то, что змеи ядовиты?»

Ловец змей

Зарубежные демоны

Надменный тон, взятый Китаем в отношениях с Западом, способствовал весьма напряженным отношениям между ними, которые в конечном итоге завершились Опиумной войной. Перед началом войны в 1839 году китайский посланник направил письмо королеве Виктории.

Дипломатическая нота

(Линь Цзэсюй, 1785–1850 гг.)

Сообщаю: наш великий император одинаково успокаивает и умиротворяет Китай и зарубежные страны. Если где-то есть доход, то он делится им со всеми людьми на Земле; если же где-то есть беда, то он берет ее на себя от всего мира. И это потому, что он воспринимает разум земли и неба как свой собственный.

Короли вашей уважаемой страны, традиционно передаваемой из поколения в поколение, всегда славились своей вежливостью и смирением.

Мы прочитали ряд мемуаров ваших подданных, в которых говорится: «Вообще, наши соотечественники, которые ездят торговать в Китай, всегда пользовались благосклонностью императора и ощущали его справедливое к нам отношение» и т. д. В частности, мы удовлетворены тем, как глубоко высокочтимые правители вашей страны понимают великие принципы нашего повелителя, и тем, как вы благодарны за милость Поднебесной. По этой причине Двор Поднебесной удвоил свое благосклонное отношение к прибывшим из-за рубежа. Они более двухсот лет получали значительный доход от торговли. Это – источник, благодаря которому ваша страна стала процветать. Однако после долгого периода торговых отношений в толпе варваров, оказывается, есть хорошие и плохие люди, причем не в равных пропорциях.

Следовательно, есть те, кто занимается контрабандой опиума для соблазна китайского народа и тем самым способствует распространению этой отравы во всех провинциях.

На картине, датируемой периодом правления Маньчжурской династии, два высокопоставленных иностранца (справа) и группа музыкантов одеты по европейской моде, однако художник изобразил их с восточными чертами лица и с длинными ногтями

Такие люди, которые заботятся только о собственной выгоде и приносят вред другим, не вписываются в нормы законов Поднебесной, и их дружно ненавидят все живущие в Поднебесной. Услышав это, всемогущий император пришел в ярость... Только в некоторых населенных пунктах Индии, находящихся под вашим контролем, таких, как Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Патия, Бенарес и Мальва, междугорья засеивались опиумом и строились заводы для его переработки. Месяцы и годы продолжается эта работа по накоплению яда. отвратительный запах поднимается вверх, вызывая негодование земли и неба. Безусловно, вы, король, можете уничтожить опиум в этих местах, полностью перепахать там землю и засеять ее пятью полезными злаками (просом, гречкой, пшеницей и т. д.). И всякий, кто осмелится снова выращивать и производить там опиум, должен понести суровое наказание... Теперь подумайте над следующим: если варвары не ввозят опиум, то как китайцы могут перепродавать и курить его? Факт остается фактом: злобные варвары заманили китайцев в смертельную ловушку. Как же тогда мы сможем даровать им жизнь? Даже тот, кто убил всего одного человека, должен заплатить за это своей жизнью; но разве вред, причиненный опиумом, ограничивается одной жизнью? Именно поэтому в новом законодательстве наказание, применяемое по отношению к варварам, ввозящим опиум в Китай, весьма сурово: казнь посредством отсечения головы или удушения. Это то, что называется избавлением от черной овцы на благо всего человечества...

Купцы из вашей страны, если они хотят вести здесь дела на протяжении длительного времени, должны уважать наши законы и подчиняться и постоянно отсекают источник опиума. И ни в коем случае они не должны пробовать испытывать эффективность наших законов ценой своей жизни. О, король, вы могли бы выявлять своих злонамеренных соотечественников и не давать им возможности ехать в Китай, чтобы гарантировать мир и спокойствие в своей стране, и чтобы и дальше демонстрировать вашу искренность и смирение, и чтобы странам жить в мире. Какая это была бы благодать! По получении этого письма не сообразовали ли вы дать

незамедлительно ответ касательно ваших мер по пресечению поставок опиума в Китай. Не мешкайте с ответом.

9. Путешественники и торговцы

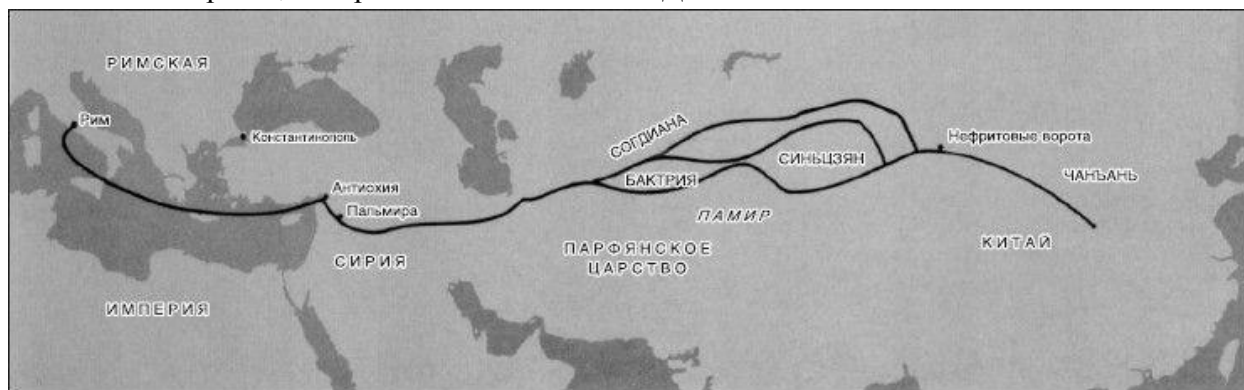
Очень мало свидетельств того, что китайцы имели хоть какие-то контакты с далеко живущими от них народами или вообще знали о существовании последних до II века до нашей эры. Иностранцы были их традиционными врагами, кочевниками из монгольских степей. Отсутствие документальных записей делает невозможным определение того, что знали китайцы классического периода своей истории о народах, живших к югу от Китая и дальше. Предполагается, что при правлении первого императора Цинь (221–210 гг. до н. э.) люди, жившие на побережье, уже знали о Японии и других островах, таких, как острова Рюкю, которые находятся недалеко от Гуандуна. Это предположение основано на том факте, что император посылал корабли на поиски островов бессмертных в Восточном море. Однако только когда империя оправилась от эпохи разрушительных войн, которые предшествовали ее основанию, начались настоящие длительные контакты с Западной Азией, Индией и югом. Это произошло во время правления императора У (140—87 гг. до н. э.).

Основная причина для установления контактов с западными землями была чисто военной, а именно: она заключалась в возможности военного союза с племенем юэжи; они были врагами сюн-ну, с кем как раз воевал император. Потерпев поражение от сюн-ну, племя юэжи отошло на запад. В 128 году император У решил послать своего представителя, чтобы найти и убедить их двинуться обратно на восток и действовать заодно с армией Хань против сюнну. Этим представителем был Шан Чжэн, неутомимый путешественник и преданный императору чиновник, чье собственноручное описание своих путешествий и земель, которые он открыл, сохранилось в истории династии Хань.

Глиняная фигурка эпохи Тан. Черты лица этого бородатого торговца с кожаным сосудом для вина, а также форма его головы говорят о том, что он выходец с Ближнего Востока

Шан Чжэн отправился на запад с отрядом из 100 человек. Скоро он попал в плен к сунну и провел там целый год. Затем ему удалось сбежать и продолжить путешествие. Он пересек пустыни Синьцзяна и достиг долины И-ли, где надеялся найти ючжи. Но к тому времени их уже давно вытеснило оттуда другое племя, поэтому Шан Чжэн продолжил свой путь на запад, пока не дошел до царства, которое китайцы называли Да Юань.

Рулоны китайского шелка, предназначенного для Рима, начинали свой путь на Запад у Нефритовых ворот на северо-западной границе Китая. Товар везли через пустыни Синьцзяна, Памирскую гряду в Афганистане и засушливые земли Центральной Азии, прежде чем он попадал в Сирию. Там его грузили на корабль, и начинался последний этап путешествия. В обмен на драгоценный шелк (технологию производства которого китайцы ревностно охраняли в течение двух тысячелетий) римляне отправляли своим далеким партнерам цветное стекло и мирру

Оно располагалось на территории нынешней Средней Азии. Однако и там не было ючжи, поэтому он шел дальше, пока не обнаружил их на землях, куда они недавно пришли, между реками Окс и Сыр-дарья. Эта страна, расположенная к северу от современного Афганистана, была известна как Да Ся. После многих приключений, в том числе еще одного пленения сюнну, Шан Чжэн вернулся в Китай и сообщил, что у ючжи нет намерения возвращаться на восток. Однако страны, которые он открыл, с тех пор стали играть большую роль в культуре Китая. Да Юань, известный на западе как Фергана, – то же самое, что Согдиана, одна из восточных провинций Александра Великого (см. карту). Да Ся – это Бактрия, которая, как и Согдиана, была греческой или македонской территорией до захвата ее племенем ючжи. Теперь обе эти территории расположены на землях Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Греческие писатели называли племя ючжи азиями, или азиатами. Они представляли собой смешанный народ, в который входила и народность точа-рианы, как называли ее греки. Есть свидетельства того, что они говорили на языке индоевропейской семьи языков, имевшем общие черты с кельтским языком. Племя ючжи завоевало Да Ся, или Бактрию, незадолго до того, как туда добрался Шан Чжэн, и многие обитатели страны все еще говорили на греческом. Шан Чжэн понял, что люди, с которыми он столкнулся там, стояли на очень высокой ступени развития. «Народ Да Юаня – оседлый, они занимаются обработкой земли, – писал он. – У них отличные лошади, у них такие же города, усадьбы и дома, как и в Китае... Да Ся находится к юго-западу от Да Юаня, и у них сходные обычаи. Когда ваш слуга был в Да Ся, он увидел бамбук и одежду, которые он видел в провинции Сычуань в Китае. Когда он спросил, откуда у них эти вещи, они сказали ему, что их купцы купили их в Шэн Ду (то есть в Индии), которая лежит в нескольких сотнях ли к востоку от Да Ся и является столь же оседлой страной. И Да Ся и Да Юань являются подданными Ань Си».

Шан Чжэн дошел до границ эллинского мира, и он описал великие страны Индию и Персию, хотя и не посещал их. Скорее всего, он ошибался, считая, что видел товары из Сычуани, вероятнее, это были товары откуда-то из Индии. Опираясь на предоставленную Шан Чжэном информацию, император У пытался послать экспедиции и представителей в Индию через Юго-Западный Китай и Ассам. Однако опасности путешествия не дали им выполнить эту задачу. Вследствие этих усилий китайцы узнали очень много нового о нынешнем Юго-Западном Китае, и эти знания помогли им завоевать независимое южное царство с центром в Кантоне. Позднее император У послал своих представителей в Да Юань, чтобы приобрести там знаменитых лошадей, которые были ему нужны, чтобы вывести лучшую породу для своей кавалерии. Люди Да Юань отказались продавать лошадей, поэтому император организовал туда военный поход, чтобы завоевать далекую страну. Поход оказался неудачным, однако последующая и очень дорогостоящая экспедиция принесла ему удачу, и Да Юань попала под господство Китая. Это было началом контактов с Западной Азией, которые получили в истории название Великого шелкового пути. Китай экспортировал шелк, производство которого тогда было монополией Китая, а взамен получал лошадей и другие товары. Именно по Шелковому пути в Китай был завезен виноград. Полвека спустя после путешествий Шан Чжэна китайцы впервые вмешались в политические дела последних греческих царств в Индии. Принц, которого они поддерживали,

Гермиус, царь Парапанисада, последний греческий царь, правивший в Индии, правил в Копхене, в долине Кабула современного Афганистана. В конечном итоге он был вытеснен оттуда кочевниками, что случилось в период, когда Китай был слишком озабочен отражением внешней опасности, чтобы помочь ему.

В период Поздней Хань, в 73 году нашей эры китайцы еще раз проявили интерес к Средней Азии. Знаменитый правительственный чиновник Пан Чжао был послан восстановить влияние Китая, которому позволили исчезнуть, в этом регионе; он тридцать лет успешно претворял в жизнь эту задачу. Все маленькие государства Синьцзяна стали платить дань Китаю. Пан Чжао завершил свою карьеру, направившись с семидесятитысячной армией (многие воины которой были представителями местного населения) к берегам Каспийского моря. Тогда он послал гонцов выяснить, что за страны лежат дальше к западу. В истории династии Хань сохранились их отчеты, однако всегда было довольно трудно определить, какие именно места посетили эмиссары Пан Чжао. Среди этих стран наверняка была Персия. Нет сомнения в том, что китайцы также добрались до восточных окраин Римской империи, но неясно, добрались ли они туда через Месопотамию или, что более вероятно, проплыли вдоль побережья Черного моря.

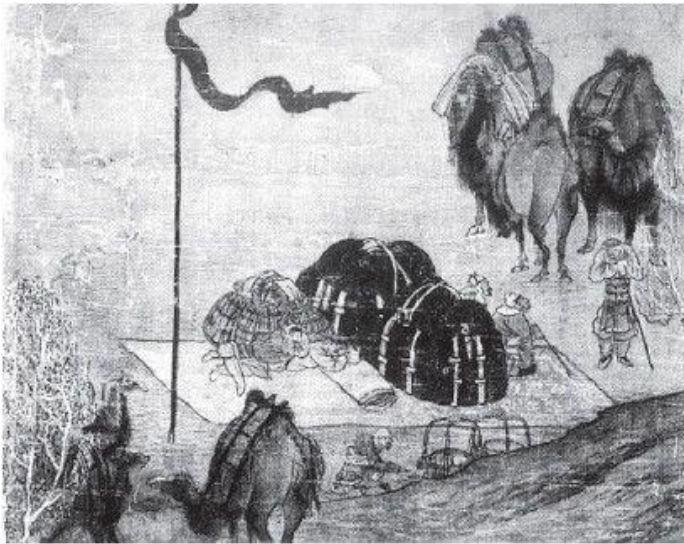
Прямых контактам с Римом мешали персы, которые давали неверную информацию и фактически не позволяли китайским эмиссарам общаться с западным миром. Они не хотели, чтобы торговля шелком с Римом шла в обход их империи, которая как посредник получала от этого большой доход.

Описания Римской империи, данные китайцами, частично верны; частью же они представляют собой некую смесь раздробленной информации, полученной в разные периоды истории. Они упоминают республиканские институты Римской империи наряду с институтами императорской власти. Там имеются весьма туманные упоминания о западных окраинах Римской империи и о «земле, где находится солнце», которая, как говорилось, находится в двух днях езды к западу от Черного моря.

В 166 году нашей эры, ближе к концу Поздней Хань, в Китай прибыло посольство Ань Дуна, царя Да Цинь, о чем сохранилась соответствующая запись.

Ань Дун – император Марк Аврелий Антоний, а Да Цинь – старокитайское название Римской империи. Китайцы сомневались в том, были ли эти представители действительно официальными лицами, поскольку подарки, привезенные ими, были сделаны в Юго-Восточной Азии. Китайцы полагали, что на самом деле эти представители были лишь купцами. Кем бы они ни были, их прибытие в Китай было первым доказательством того, что уже существовал морской путь с Запада в Китай, который шел вокруг Аравийского полуострова и через Индийский океан, где кораблям способствовал попутный ветер. После падения династии Хань в Китай прибыло еще одно посольство; это посольство было настоящим, поскольку имя посланника было зафиксировано в летописях, однако его китайское написание не соотносилось ни с одним греческим или латинским именем. Обратное китайцы отправили с ним своего собственного посланника, однако тот умер в самом начале путешествия. Тот факт, что на Таиланде были обнаружены товары из Римской империи, лампы и другие предметы, подтверждает существование морского пути и то, что он проходил через важнейшие порты на южном побережье Азии.

На картине, датируемой периодом правления монголов, изображены путешественники, идущие через пустыню.

Мужчины, очевидно купцы, разгрузили своего двугорбого верблюда. Один из путников пытается что-то приготовить

Важность открытия этих новых путей заключалась еще и в том, что именно этими путями в Китай проник буддизм. И наземные, и морские пути использовались буддийскими миссионерами, шедшими из Индии, и китайскими пилигримами, которые в скором времени направились в Индию посетить святыне и изучать санскрит, чтобы переводить буддийские тексты. Некоторые из них оставили записи – своеобразные отчеты о своих странствиях; самым известным из этих странников был Фа Сянь, который в 399 году пересек Центральную Азию, чтобы попасть в Индию. Он увидел, что в Центральной Азии был период расцвета буддизма; это же самое касалось нынешнего Афганистана, а вот в Индии буддизм был в закате. Несколько лет спустя Фа Сянь вернулся в Китай морем, поскольку не рискнул преодолеть опасный перевал через горы Гиндукуш. Он проплыл из Бенгалии на Цейлон, а оттуда на Яву, куда буддизм еще не проник. В конечном итоге он сел на корабль, плывший в Китай. Его местом назначения был Кантон, однако Фа Сянь высадился на побережье провинции Шандун после того, как капитан потерял возможность ориентироваться, и путешественники провели в море семьдесят дней, и все эти дни они не видели суши. Совершенно ясно, что путешествие морем было далеко не приятным. Позже пилигримы выяснили, что Суматра, ставшая к тому времени центром буддизма, была подходящим объектом для паломничества и изучения санскрита, который могли преподавать всем желающим многочисленные брахманы при дворе царя. Возможно, прибывшие туда пилигримы были первыми китайцами, которые пусть и временно, но селились в Юго-Восточной Азии.

Нет сомнения, что за период с I века до нашей эры по начало VII века нашей эры знания китайцев об остальном мире стали неизмеримо больше. В эпоху династии Хань китайцы получили первые сведения о Японии; документы этой эпохи содержат сведения о Японии, которые дошли до нас. К началу VII века, концу раздробленности Китая, Япония стала формироваться как централизованное государство. Скоро она стала активно копировать и познавать блага цивилизации, уже известные ее великому соседу. Города Нара и Хайан-го (Киото) были построены по образу и подобию Чанъани периода Тан, и даже сегодня Киото сохраняет некоторые названия улиц, которые существовали в Чанъани. Примерно в это же время в Японию проник буддизм, причем его завезли туда китайские и корейские монахи. В этот же период возникли первые контакты со странами, лежавшими к югу от Китая. Почти все,

что известно о древней истории Юго-Восточной Азии, зафиксировано династическими трудами по истории Китая со времен Поздней Хань. Все эти сведения привозили ко двору дипломатические представители и буддийские пилигримы, и затем все это было сохранено в архивах. За редкими исключениями все эти сообщения анонимны. Китайцы не имели привычки фиксировать факт отправки дипломатического представительства в зарубежную страну. Факт прибытия иностранных посольств фиксировался, только если оно повышало престиж императора, поскольку, согласно теории, всегда считалось, что это – отношения суверена и подданного, даже если на деле было не так. Если император отправлял своего представителя к зарубежному правителю за помощью, об этом в летописи не упоминалось, хотя информация о других странах, содержащаяся в династических летописях, предполагает, что все-таки факт посольства имел место. Мы знаем, что двор императоров Тан (618–906 гг.) имел широкие дипломатические контакты с Западной Азией и Византией. В летописях имеются данные о посольствах этих стран и упоминаются имена правителей тех стран. Естественно, китайцы в ответ посылали туда свои посольства, поскольку китайские историки династии Тан дают потрясающие детали жизни Константинополя, явно почерпнутые не из третьих рук. В западных источниках такой информации часто не содержится. Из дальних стран в Китай завозили совершенно неизвестные ранее предметы. Естественно, они оказывали свое влияние на китайское искусство; мы знаем о существовании чаш периода Тан, которые украшены в эллинистическом стиле; а на могиле императора VII века Гао-цзуна имеется очень точная скульптурная фигура страуса, видимо завезенная из Аравии или Африки. Черные рабы также завозились из Азии. Арабский историк VII века Абу Саид пишет о том, что его соотечественник Ибн-Вахаб из Басры рассказал ему о беседе, которая состоялась у него с первым императором династии Тан Дай-цзуном в 872 году. Император имел представление об исламе, и у него был портрет Мухаммеда, который он показал Ибн-Вахабу. Он слышал о Ное и о потопе, но утверждал, что это всего лишь легенда, поскольку потоп не дошел до Китая. Император имел у себя портреты Моисея и Христа с апостолами. Их история также была известна ему. Создается впечатление, что образованная элита в IX веке знала о Западе гораздо больше, чем ее преемники в начале XIX века.

Контакты в то время были очень широкими. Христиане-несторианцы, ссыльные из Византии, распространили свое учение по всей Азии и прочно обосновались в Китае на закате династии Тан, причем они сделали это с позволения императора. Они построили свою церковь в столице Чанъани; когда в конце VIII века она пришла в негодность, они отстроили ее заново, увековечив память об этом событии на памятной каменной доске, которая сохранилась до сих пор. На этой памятной доске они красноречиво объявляют о том, что их религия взяла свое начало в Римской империи.

Монгольский конюх, одетый в красное платье и высокую конусообразную шляпу, ведет коня в яблоках. Китайцы импортировали из ближайших стран лошадей в огромных количествах

В Чанъани жили беженцы-персы, которые бежали после завоевания империи Сасанидов арабами. Среди них были и последний царь Езгеред с сыном и наследником Фироузом и внуком, который стал генералом в армии династии Тан. Им было разрешено возвести зороастрийский храм, однако, судя по всему, их община не пережила тягот конца танского правления. Все они были весьма почитаемы и вращались в литературных кругах; свидетельством тому является тот факт, что знаменитый поэт того времени Ли Бо мог говорить на персидском, однако до сих пор неизвестно, читал ли он на нем.

Чанъань была в то время, видимо, самым крупным городом в мире и, за исключением Константинополя, городом, где более всего процветали культура и искусство. Неудивительно, что две великие силы – Восток и Запад, – слишком отдаленные друг от друга, чтобы ссориться между собой, должны были всячески развивать культурные связи. Предполагается, что византийцы стремились любым образом поддерживать эти контакты, чтобы найти в лице Китая союзника, который мог бы угрожать арабскому халифату с тыла и тем самым облегчить ситуацию на востоке Римской империи. Китай действительно столкнулся с арабами в Центральной Азии, причем это столкновение не принесло ему победы, однако все это происходило на дальней границе империи и не оказало существенного влияния на ситуацию при дворе.

В эпоху Тан китайцы часто клали в могилы своих умерших глиняные фигурки тех, кто должен был прислуживать душе умершего в загробном мире. Поразительным является тот факт, что среди этих фигурок велика доля таких, которые изображали иностранцев. Это были фигурки с абсолютно «живыми» лицами и в ярко раскрашенных одеждах. Среди них – представители многочисленных рас и национальностей из Азии, Европы и Африки. Фигурки представителей Центральной Азии с их ярко выраженными армянскими чертами лица всегда изображали конюхов и погонщиков верблюдов; индийцы всегда были певцами и танцорами; африканцы – рабами; сирийцы и греки – жонглерами и артистами. Бросается в глаза тот факт, что это всегда были люди наемного труда; среди фигурок, изображавших выходцев из чужих земель, не было представителей высшего сословия, равных умершему по социальному положению. Возможно,

это объясняется тем, что им не было места в загробной жизни. Возможно также, что отношения Китая с иностранцами строились по принципу хозяин – слуга. Иногда эти отношения приобретали характер учителя и ученика, как это можно увидеть из отчетов о визитах японских пилигримов-буддистов в Китай эпохи Тан. Эти пилигримы приезжали в Китай, чтобы получить наставления и посетить святые места. Это представляет собой резкий контраст с тем, какой характер носили отношения между китайцами из заморских колоний и выходцами с Запада в XIX веке.

К сожалению, о путешествиях китайцев и их контактах с иностранцами можно скорее судить по появлению новых моделей одежды или новых традиций, чем по литературным записям.

Период Северной Сун (960—1126 гг.) и последующая эпоха (1127—1279 гг.), во время которой Китай был разделен на несколько царств – иностранной династией на севере и династией Сун на юге, – кажется, были временем, когда торговля Китая с остальным миром увеличилась, а вот путешествия за пределы страны резко сократились. Закат буддизма в Индии и нашествие мусульман, которые обратили в свою веру Центральную Азию и северо-запад Индии, положили конец паломничеству китайских буддистов на святые для всех буддистов земли.

Что касается торговли с Западной Азией, то этим больше занимались купцы-арабы, а не сами китайцы. Именно этот век дал нам наиболее полные сведения о Западной Азии и Европе, которые были собраны в книгу «Все иностранцы», составленную Чжао Юйгуем. Название книги также можно перевести как «Все о варварах», но оно будет не вполне точным, если только не понимать слово «варвар» в его старом, классическом значении, а именно: «человек, говорящий на непонятном чужом языке». Чжао был дальним родственником императорской семьи и высокопоставленным чиновником, который занимал пост инспектора внешней торговли в провинции Фуцзянь в начале XII века. Нет данных о том, что он сам много путешествовал; однако он старательно собирал информацию о странах, откуда прибывали иностранные купцы. Южное побережье было в то время бурно развивающимся регионом, полностью включенным в состав Китайской империи. Арабские купцы вели торговлю в Кантоне, Чжуанчжоу в Фуцзяни и в Канпу, порте столицы Южной Сун Ханчжоу. Ясно, что Чжао собирал информацию у этих купцов, поскольку наиболее полными были сведения о странах, которые находились в сфере торгового влияния арабских стран. Так, очень полно описаны Персия и Ирак, Египет и восточное побережье Африки, причем упоминаются даже такие детали, как так и неразгаданная тайна истоков Нила. Упоминаются и такие неизвестные в Китае животные, как жирафы. Источники Чжао рассказывали ему о Мадагаскаре и уточняли, что это центр торговли черными рабами. Арабам, приезжавшим в Китай, были хорошо известны и страны Средиземноморья. Сицилия, которая в то время была частью Византийской империи, как они говорили, была заселена людьми, чьи «одежда, обычаи и язык ничем не отличаются от Лю Мэй» (то есть Рима, поскольку именно таково было арабское название Византии, или Римской империи). Неясно, был ли прав этот источник, говоря, что сицилийцы XII века все еще говорили на греческом языке, или он имел в виду итальянский язык, язык другой части Рима. Была даже описана гора Этна, однако тут либо Чжао не понял, о чем ему сказали, либо его источник и сам не знал о настоящем характере вулканических извержений, поскольку Чжао пишет, что «каждые пять лет изнутри вырывается огонь и камни, и летят они до самого моря, а потом возвращаются назад. Огонь не сжигает на своем пути лес, но превращает камни в пепел». В Китае нет действующих вулканов, потому ошибочность этого утверждения было невозможно исправить.

Чжао также упоминает Испанию и Марокко, однако, судя по описанию, трудно предположить, что он разговаривал с кем-то, кто лично бывал там. Ему сказали, что к северу от Испании, «если путешествовать сушей двести дней, долгота дня составляет шесть часов». Если исключить возможные описания Римской империи в хрониках династии Хань, то это – первое упоминание о северо-западе Европы в китайской литературе. Оно явно свидетельствует о том, что человек, с

которым беседовал Чжао, был из путешественников, которые зимовали в одном из городов Северной Европы. Еще в одном описании, относящемся к чуть более позднему времени, говорится, что в этом месте совсем нет ночи. Должно быть, это описание опиралось на рассказы моряка, который плавал в Скандинавию и на Балтику летом, в единственно благоприятное время года в том регионе. В 1080 году в Китай прибыло посольство «царя Фу Лина, Ми Ли и Линь Кан Са», то есть византийского императора Милисса Никифора Цезаря. В хронике приводится и длинное имя посла, которое, правда, никак не может быть соотнесено с именем какого-либо известного грека того периода. Кем бы он ни был, его задачей, видимо, было заручиться поддержкой Китая в борьбе с турками, которые тогда серьезно беспокоили восточные окраины Римской империи. Империя Сун была тогда не в состоянии ввязываться в такую войну, и два последующих посольства из Константинополя в 1090-х годах были столь же безуспешными, как и первое. Почти достоверно известно, что в свою очередь китайцы направляли свои посольства в Константинополь. Чжао Юйгуй, который занимал достаточно высокий пост, чтобы беседовать с чиновниками из этих миссий, описывает константинопольский двор и обряд аудиенции у императора с такими подробностями, которые могли быть известны только лично присутствовавшему на аудиенции. Вряд ли это был арабский купец. Описания, данные Чжао Византийской империи вообще и Константинополю в частности, очень точны.

Известно, что многие арабы оставались в Китае довольно долго. В южных портовых городах они жили большими коммунами, такими же, как и евреи. В некоторых отношениях, особенно в том, что касалось их монополии – морской торговли, арабы в Китае эпохи Тан и Сун играли ту же роль в экономике, которая позже перешла к европейцам. Однако политические последствия этой роли были абсолютно другими. Нет никаких свидетельств того, что арабы когда-либо пытались выторговать для себя какие-то особые привилегии или захватывали контроль над китайскими городами и портами. От этого их удерживало не только отсутствие местной базы; безусловно, мусульманские правители таких мест, как Малакка в Малайзии, могли бы обеспечить им необходимые базы недалеко от юга Китая. Скорее всего, сила и мощь Китая, а не относительная слабость арабских государств Юго-Восточной Азии, способствовали тому, что никому и в голову не приходила мысль о его завоевании.

Без сомнения, морская торговля с ближайшими соседями – Японией и Кореей, – а также с Западной Азией, Индией и Юго-Восточной Азией сыграла гораздо большую роль в экономике Китая в период правления династии Сун, чем в любой другой период до конца XVII века, когда начала развиваться торговля с Европой. На фабриках стали в большом количестве производить шелк и фарфор, хотя это все еще было ручное производство. Селадон эпохи Сун, который производился в основном на экспорт, завозился даже на Занзибар. Некоторые современные историки предполагают, что Китай был готов к великой индустриальной революции к концу эпохи Сун и полностью достиг к тому времени уровня рыночной экономики. Однако дальше этого дело не пошло.

Период монгольского правления в Китае, начавшегося в 1280 году, является одним из периодов китайской истории, которые хорошо известны на Западе. Все слышали о Хубилайхане, а имя Марко Поло стало просто словом домашнего обихода. Венецианский путешественник, сопровождавший своих отца и дядю в Китай и затем оставшийся там на семнадцать лет, был одним из первых европейцев, оставивших описание Китая. Он – самый известный путешественник из тех, которые прибывали в Китай в эпоху правления монгольских императоров. Эти путешествия стали возможны благодаря единству континентальной империи, которую железной рукой создал Чингисхан. При его потомках, которые завершили грандиозный труд своего предка, не только весь Китай, но и Корея, Центральная Азия, Индия, большая часть Малой Азии и большая часть России попали под монгольское иго. По закону Великого Хана

стало возможным путешествовать от точек на восточном побережье Средиземного моря через всю Азию к побережью Китая. Никогда раньше и никогда потом такая огромная территория не находилась под управлением одного человека. Папские посланники, надеясь обратить язычников-монголов в христианство и таким образом нанести решительный удар своему главному конкуренту – исламу, также ездили ко двору Хана в Пекине и писали отчеты о своих путешествиях.

Туда приезжали и арабы, а также люди из всех стран Западной Азии и Восточной Европы. Монголы предложили многим из них управлять подчиненными территориями; конечно же Марко Поло не был единственным иностранцем на службе у монголов. Как никогда раньше, Китай был открыт для путешественников из всех стран Старого Света.

Раз для путешествий был открыт Китай, тогда то же самое можно сказать и о других территориях монгольской империи, и раз в Китай приезжали иностранцы, то и многие китайцы отправлялись в путешествия, обычно будучи на службе у монголов. Об их поездках мало известно на Западе, частично из-за того, что эти люди не были особо сведущи в письме, а частично из-за того, что сделанные ими записи не сохранились. В то время Китай по уровню техники опережал большинство стран мира. В XII веке китайцы создали первую пушку, и монголы использовали китайских артиллеристов при осаде городов Персии и других мест Западной Азии. Кажется вполне вероятным, что порох и пушки стали известны в Европе именно в результате того, что монголы использовали китайских оружейников в Западной Азии.

На картине династии Сун изображена татарская княжна, сидящая в изящной повозке, запряженной верблюдом; она переезжает через реку со своей свитой

Образованные китайцы сопровождали монгольских правителей в их военных походах на Запад. Елю Чжуцзао, дальний родственник бывших правителей Северного Китая Ляо, служил Чингисхану, занимая очень высокую должность, и участвовал вместе с ним в Персидской и Индийской кампаниях. Он оставил книгу, в которой описал свои путешествия и в которой упоминаются имена нескольких других образованных китайцев, которые были в то время на службе у Чингисхана. Одним из них был Ли Чжичжан, который также оставил литературные воспоминания о своих путешествиях в Центральную Азию и Афганистан. Однако до нас не

дошло никаких записей об участии китайцев в походах монголов на Россию и в Восточную Европу.

В манускрипте XIV в. «Книга чудес» (Франция) приведены не только рассказы о чудесах, но и подробный иллюстрированный отчет о приключениях Марко Поло в Китае. Здесь приведены две иллюстрации из этой книги: справа – на счетный двор Хубилай-хана в Ханчжоу привезли золото; справа – солдаты Великого Хана берут приступом стены японского города

Посольства, которые Хубилай-хан направлял в страны Юго-Восточной Азии, преимущественно состояли из китайцев. Один из них, Чжоу Дагуан, оставил самые подробные записи о царстве Камбоджа и о городе Ангкор в период его расцвета, а именно в 1295 году. Чжоу упоминает в своих записях о том, что в Ангкоре и Камбодже проживало много китайцев, которых он описывает как морских разбойников, которые женились на камбоджийках и обосновались там навсегда. Это одно из самых ранних и наиболее точных сведений о поселениях китайцев в Юго-Восточной Азии. Тот факт, что эмигранты были морскими разбойниками, заставляет нас предположить, что они, как и их потомки, были выходцами из юго-восточных провинций Фуцзянь и Гуандун.

После смерти Хубилай-хана империя монголов начала разваливаться. Уменьшился объем торговли и количество свободных передвижений, столь характерных для раннего периода монгольской империи. Центральная и Западная Азия оказались в руках враждовавших между собой ханов, причем часто эта вражда перерастала в открытые военные столкновения. Никто больше не обеспечивал безопасность дорог, как это делал Чингисхан. Начиная с этого времени сухопутный путь на Запад начал терять свою важность, уступив пальму первенства морскому пути, известному еще до того, как португальцы нашли дорогу к Индийскому океану. Даже при

жизни Марко Поло морской путь был вполне приемлемой альтернативой сухопутному. Марко пришел в Китай по суше, а вернулся в Венецию морем, вдоль берегов Индии и Персии, выполнив свой последний долг перед Хубилай-ханом и сопроводив татарскую княжну ко двору хана, правившего в Персии.

Упадок сухопутного пути через Азию и возраставшие опасности морского пути через Индийский океан к Красному морю наглядно проявились в политике властителей династии Мин (1368–1644 гг.), которые изгнали монгольских правителей с трона. В отличие от предыдущих могущественных династий правители династии Мин не стали оккупировать Синьцзянь, за исключением Хами, оазиса в непосредственной близости от Китая. Между тем в начале XV века, когда империя наслаждалась периодом мира, они организовали ряд крупных экспедиций за море, уникальных для китайской истории как по цели, так и по уровню организации. Эти экспедиции проводились непосредственно двором, а не чиновниками гражданской службы или какого-либо правительственного органа. Во главе экспедиции стоял евнух – выбор неожиданный, но оказавшийся удачным и приведший к успеху. Экспедиции были крупномасштабными, однако они не носили военного характера. Они занимались торговлей, но это опять-таки не было их главной задачей. Они исследовали земли, до того неизвестные китайцам, частично из любопытства, а частично, чтобы удовлетворить интерес придворных дам ко всякого рода редкостным вещам. Возможно, истинной целью экспедиции было «показать свой флаг», то есть продемонстрировать маленьким царствам Юго-Восточной Азии силу и доблесть новой династии Мин и установить свое влияние на землях, которым часто угрожали и куда вторгались монголы. Однако вряд ли эта цель побудила флот пересечь Индийский океан и поплыть к Африке, зайти в Красное море и в Персидский залив или же зайти на южные острова Индонезии, где монголов никогда и не видали.

Чжэн Хэ, адмирал, вероятно, был человеком выдающегося ума и предприимчивости. У него был карт-бланш, когда он покинул Китай, и он повел флот, повинувшись исключительно своему чутью. Он направлял маленькие отряды или отдельные корабли исследовать незнакомые острова и порты. Вполне вероятно, что им двигала та же самая любовь к приключениям и открытиям, которая позже подвигнула европейцев на путешествия на край света. В период между 1405-м и 1433 годами было отправлено семь таких экспедиций. В них участвовало 70 000 человек. Для них строились специальные корабли, очень большие, как обычно делали в Китае. Самые первые экспедиции, которые в большей степени, чем остальные, преследовали политические цели, установили господство над Малайзией, Явой, Суматрой и Цейлоном. Правители, которые отказались признать своим сувереном династию Мин, были свергнуты, и на их место были поставлены более покладистые правители. Однако редко где приходилось прибегать к таким мерам. Признание сувереном находящегося где-то далеко императора Мин никому не причиняло вреда, а богатые дары, привезенные адмиралом сговорчивому правителю, сглаживали все неприятные моменты. В Малакке, которая тогда была главным портом Малайзии, у китайцев установились очень хорошие отношения с местным султаном; город стал главной заморской базой Китая. До начала подъема Сингапура несколькими веками позже Малакка была стратегически важным пунктом, благодаря которому китайцы контролировали Малаккский пролив, обеспечивавший выход в Индийский океан. Султан и его потомки несколько раз приезжали в Пекин с визитами вежливости, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение императору.

Последующие путешествия были на Бирму, на побережье Индии, Цейлон и Филиппины. На Филиппинах, где не было организованного государства и культуры чтения и письма, китайцы одно время хотели осуществить прямой захват власти. Исследовались также южные острова Индонезии, причем это делали, кажется, не столько моряки основного флота, сколько моряки частных судов.

Тимор, ближе всего лежащий к Австралии, также стал объектом интереса китайцев. Это доказывают как письменные источники, так и лингвистические исследования. Китайцы называли Тимор Ди Вэнь, причем второй слог передается иероглифом, который произносится как «вэнь» во всех китайских диалектах, кроме фучжоуского, где этот иероглиф произносится как «мо». После этого Чжэн Хэ поднял свой флот и набрал моряков в Фучжоу; жители этого города не очень активно заселяли заморские территории в последующие века, однако для них Тимор остается Ди Мо, как они называли его в XV веке.

Позже мореплаватели стали ходить вдоль побережья Индии в Персидский залив и вокруг южного побережья Аравийского полуострова и Адена в Красное море. Скорее всего, их весьма привлекал жемчуг Персидского залива. Используя знания, приобретенные во время самых первых путешествий, последняя экспедиция проплыла вдоль восточного побережья Африки, вероятно, до Занзибара. Оттуда китайцы привезли в Пекин настоящего жирафа, который был подарен императору Юн-лэ и который несколько лет жил на территории дворца. Юн-лэ повелел нарисовать портрет жирафа, который сохранился до сих пор. Придворные льстецы говорили императору, что этот жираф был Цилинь, мифическое животное, которое якобы появляется только когда империей правит мудрец. Однако Юн-лэ невозможно было обмануть; старый и закаленный солдат, который принимал активное участие во многих войнах, положивших начало династии, он ответил: «Я не мудрец, а этот зверь не Цилинь».

На иллюстрации изображен первый завезенный в Китай жираф вместе с сопровождающим в тюрбане; он был прислан императору Юн-лэ в 1414 г. в качестве почетного дара от иностранного царя

Великие морские экспедиции финансировались двором из доходов, которые находились вне поля зрения государственного казначейства. Монголы отвели огромные территории к северу от реки Хуайхэ, в южной провинции Шандун и в северной провинции Ань-хой под охотничьи угодья. Это была пустынная заброшенная территория. Обитатели этого региона либо погибли во время нашествия монголов, либо покинули его, и никому не разрешалось селиться там. Огромная и плодородная территория стала при династии Мин собственностью императорской семьи. Юн-лэ решил, что он не будет использовать ее и продал новым поселенцам, таким образом получив большую прибыль, не зависящую от обычных доходов правительства. Эти-то деньги и использовались для финансирования морских экспедиций. Экспедиции, снаряжавшиеся династией Мин, были во многих аспектах необычными; именно это объясняет тот факт, что после смерти Юн-лэ подобные экспедиции больше не проводились. Адмирал Чжэн Хэ также умер, но о нем не забыли. Сегодня китайцы, живущие на заморских территориях, почитают его как полубога – героя их предков и основателя их общин.

Чиновники всегда выступали против экспедиций, которые снаряжались двором и во главе которых стоял евнух. Чиновникам всегда не нравилось могущество евнухов, и они делали все, чтобы ослабить их влияние. Поэтому, когда император и Чжэн Хэ умерли и двору предложили снарядить еще одну экспедицию, чиновники использовали все свои способности для того, чтобы заблокировать это предложение. Бумаги экспедиции были «потеряны», делалось все, чтобы затянуть организацию экспедиции, пока молодой император, недавно взошедший на трон, не устал бороться и сдался. Так Китай потерял свое господство в южных морях, которое, если бы оно сохранялось и укреплялось, могло бы «выдавить» португальцев из этого региона и изменить ход истории. После двух кампаний Чжэн Хэ частично сохранились отчеты о его путешествиях и открытиях; однако до последнего времени об этих экспедициях в Китае даже не вспоминали.

В последующие века правители династии Мин мало интересовались зарубежными странами, которые в свое время посетил Чжэн Хэ. Возникновение японского пиратства и последующие вторжения в восточные моря португальцев и голландцев, которые часто нападали на китайские корабли, отпугивали потенциальных путешественников и ослабляли связи Китая с заморскими территориями.

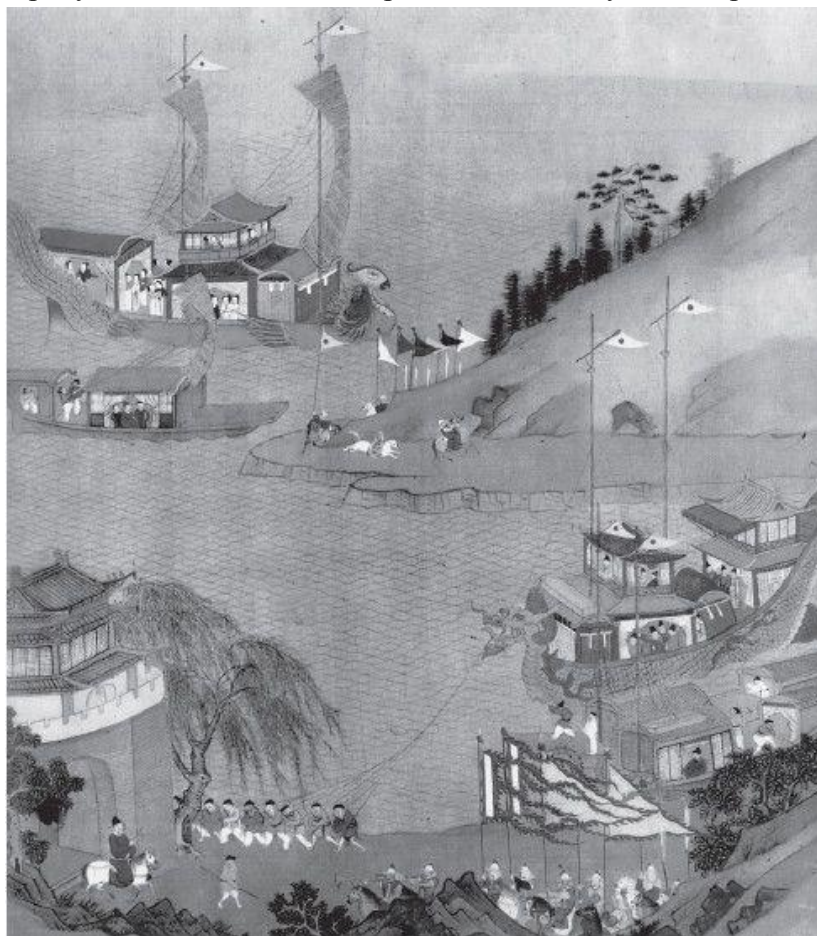
Дух самодостаточности и тяготение к дому стали преобладать в Китае именно в это время, резко контрастируя с духом познания, столь характерного для периодов правления династий Тан и Сун. Когда в XVI веке в Китае появились первые путешественники с Запада, отношение к ним было весьма сдержанным и прохладным. Не было сделано попыток установить контакты с родными странами этих путешественников, а стремления иностранцев завязать дипломатические отношения были отвергнуты императорским двором.

Последняя морская экспедиция Чжэн Хэ отплыла в 1433 году, за шестьдесят пять лет до того, как Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды. В 1514 году, меньше чем через сто лет после установления господства Китая в южных морях, в Кантон прибыл португальский путешественник; с его появления там началась долгая эпоха внедрения западной цивилизации в Китай, эпоха, которая закончилась только в наше время. Это проникновение вначале было таким незаметным, что китайцев вполне можно простить за то, что они «просмотрели» его. Они привыкли к торговцам-мусульманам из Малайзии и Индонезии и не придали значения тому факту, что родина португальцев, а также голландцев и англичан, которые двинулись в Китай вслед за ними, была очень далеко. Уже то, что эти иностранцы смогли добраться до Китая,

доказывало их превосходные способности как моряков и свидетельствовало об их жажде богатств и завоеваний. В III веке в Китае радушно встретили морскую экспедицию из Рима, и китайцы всерьез думали отправить вместе с ней в обратный путь своего посла; не было причин, по которым в XVI веке Китай отказался бы последовать этому примеру. Португальские мореплаватели, возможно, были приняты при дворе, причем их приняли весьма милостиво (пусть даже как просто привезших дорогие подарки) и всячески развлекали; португальцы были бы рады сопровождать китайского посланника в Лиссабон, тем самым повысив свой вес в глазах собственных сограждан.

Однако не такова была политика династии Мин, и еще меньше – сменившей ее Маньчжурской династии. Они решили ограничить торговлю с иностранцами одним портом и препятствовать всяким другим контактам с ними. Они отказались от установления дипломатических отношений и весьма сдержанно относились к появлению посольств. Первым миссионерам удалось увезти с собой на Запад одного или двух обращенных, однако эти люди были незнатного происхождения и не занимали высоких постов, и большей частью очень боялись возвращаться в Китай. Таким образом, возможность получения из первых рук сведений о характере и природе европейских стран и их культуре была утеряна. Последствия этого оказались для Китая катастрофичными.

Маньчжурская, или Цинская, династия в своих гонениях на иностранных купцов и тех китайцев, которые хотели путешествовать за рубеж, пошла еще дальше династии Мин. Маньчжурскому завоеванию 1644–1659 годов дольше и упорнее всего сопротивлялись на юге. Представители Цинской династии знали, что все южане готовы в любой момент на предательство и что те, которые собираются ехать за границу, являются либо беженцами, либо едут по политическим мотивам, как повстанцы, ищущие зарубежной помощи. Поэтому императоры Маньчжурской династии запретили всякие путешествия и эмиграцию. Покинувшие страну тайно подлежали смертной казни в случае возвращения на родину.

Путешественники династии Мин, которые исследовали Индийский океан, не были

наследниками древних морских традиций Китая. По большей части навигация осуществлялась вдоль рек, в лодках, похожих, но менее роскошно украшенных, на лодки в форме драконов

Многие китайцы эмигрировали на Яву и в Малайзию, они были недовольны существовавшим порядком вещей, но часто у них не было денег на возвращение. До того, как под давлением Запада Маньчжурская династия была вынуждена снять свой запрет на путешествия, лишь немногие китайцы решались отправиться в путешествие, и еще более немногие могли сделать это без риска для жизни. Отправлявшиеся за рубеж лишались защиты со стороны государства, и к ним относились как к преступникам.

В XIX веке, когда Китай постепенно слабел и почти не имел влияния на море, европейские державы установили колониальное господство над Индонезией, Малайзией и Индокитаем, однако им понадобилась дешевая рабочая сила, которая бы работала лучше, чем местное население. Китайцы подходили для этой цели, и поэтому усилившееся политическое давление западных стран вынудило Китай разрешить эмиграцию. Огромное количество китайцев из южных провинций выиграли от этого решения, поскольку они получили возможность ездить в Наньян, или южные морские страны, как их тогда называли.

Большинство населения здесь составляли бедняки-рабочие и мелкие купцы, которые не могли ездить далеко ни ради отдыха, ни ради обучения. Они приезжали, чтобы зарабатывать себе на жизнь, чтобы уехать из перенаселенной родной провинции или чтобы избежать политического преследования. Много лет должно было пройти, прежде чем зажиточные сыновья и внуки этих эмигрантов смогли позволить себе отправить детей учиться на Запад. Это были первые китайцы, избравшие Запад местом своего проживания; они пришли не непосредственно из Китая, и почти никто из них не вернулся обратно. Только во второй половине XIX века Китай открыл свои дипломатические представительства в США и Европе, и первым китайским студентам (которые впоследствии должны были прийти на государственную службу) было разрешено учиться за рубежом. По мере роста их числа должно было усилиться и их влияние на общество, они были настроены весьма негативно по отношению к режиму маньчжур и ко всей системе власти вообще; каким бы ни было их происхождение, все студенты стали революционерами. Часто считают, что воздействие разнообразных процессов на Западе на Китай было результатом влияния иностранных купцов и иезуитов, за спиной которых стояли военные корабли. Однако идеи возвратившихся домой «глотивших иностранный яд» студентов оказались глубокими и имели очень далеко идущие последствия. Студенты не всегда приносили то, что понравилось бы их западным учителям. Но эти студенты несли с собой новые идеи, которые провели Китай сквозь огонь долгой революции.

10. Поздняя империя (1260–1912 гг.)

Монгольская династия, которая в Китае известна как династия Юань, пришла к власти, как это официально зафиксировано, в 1260 году, хотя противостоящая ей династия Южная Сун была окончательно побеждена в 1279 году. Если говорить об эффективном управлении большой территорией Китая, то период правления династии Юань был весьма короток.

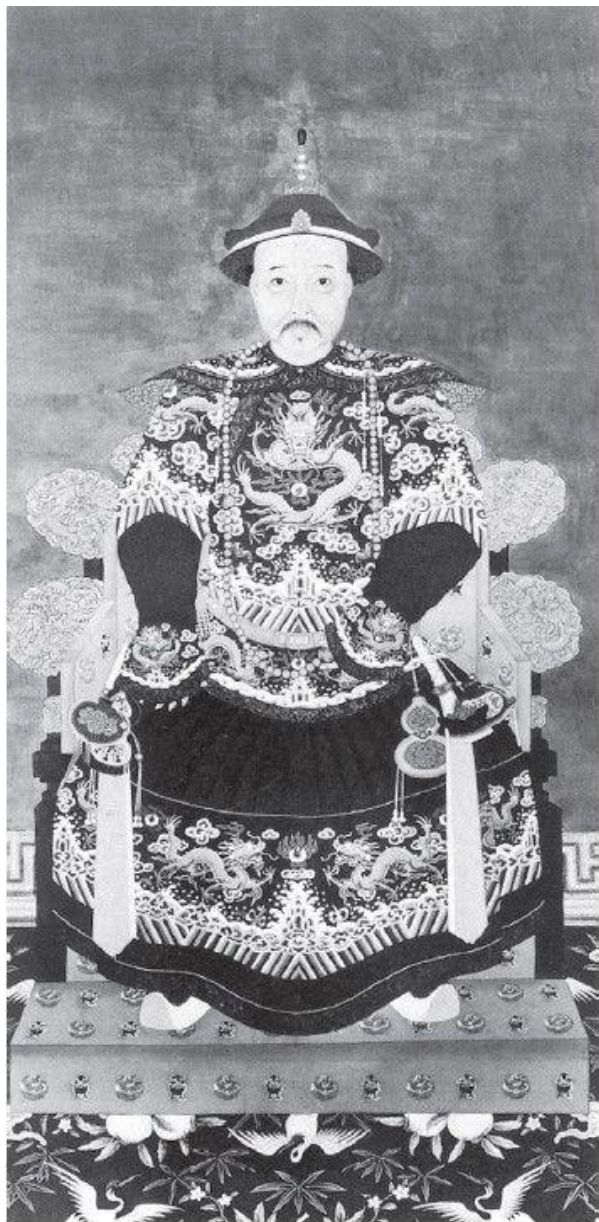
Восьмидесятилетний старик вполне мог стать свидетелем победы династии Мин в 1368 году, и в то же время мальчиком он мог застать последние годы правления Хубилай-хана, который завоевал для монголов юг Китая. Две долгих человеческих жизни уложились бы в период правления монголов. Это помогает нам понять, почему правление монгольской династии в конечном итоге мало повлияло на культуру Китая, несмотря на то что именно в этот период произошло первое завоевание иноземцами всего Китая. После падения монгольской династии в

1368 году династия Мин сумела в целом восстановить систему управления и образования, поскольку китайские традиции не канули в Лету, а нововведения, принятые монгольскими правителями, так и не смогли укорениться на китайской почве.

Какое-то время казалось, что монгольское иго уничтожит китайскую культуру и даже сам народ и страну. Военные походы Чингисхана 1205, 1209, 1215 годов, а также походы его наследников отличались чрезвычайной жестокостью. Города были практически уничтожены, десятки тысяч беженцев направились в горы, где они голодали или выживали подобно толпам бродячих нищих. Не обрабатывались обширнейшие участки земли, большая часть которых была превращена в охотничьи угодья. Сначала монголы не видели пользы в неизвестной им сельскохозяйственной обработке земли и даже думали о том, чтобы уничтожить все китайское крестьянство и пустить все земли под выращивание травы. Однако скоро монголы обнаружили, что в мирное время такие жестокие меры были просто неприменимы.

Странствующие беженцы не могли ни обрабатывать землю, чтобы обеспечить себя продовольствием, ни платить налоги, чтобы гарантировать нормальное существование государства. Возможно, в монгольской степи деньги и не играли такую уж важную роль, однако для управления огромной, пусть и разоренной, империей они были жизненно необходимы. Возникла потребность в наведении хоть какого-то порядка; надо было прекратить массовые убийства, вернуть крестьян на их земли и дать им возможность нормально работать и зарабатывать деньги, чтобы платить налоги.

Маньчжурский император Канси взшел на китайский престол в 1662 г. Во время его длительного правления в состав Китая фактически вошли Внешняя Монголия и Тибет

К тому же надо было как-то обеспечивать и финансировать новые военные походы. Чингисхан был победителем не только Северного Китая, но и завоевателем Центральной Азии. Его непосредственные преемники ходили походами в Малую Азию, Персию, Россию и даже Венгрию. Орды монголов (слово «орда» в переводе с монгольского означает «армия») прошли через всю Азию; их надо было обеспечивать продовольствием, оружием, осуществлять над ними централизованное командование. Все это стоило огромных денег, которые мог дать монголам Китай, поскольку он был самой богатой страной в составе монгольской империи.

При первых монгольских правителях, в том числе самом Хубилай-хане, китайская система управления была полностью подавлена и было прекращено проведение экзаменов для кандидатов на государственную службу. Чиновников набирали из многочисленных иностранцев – искателей приключений, из которых наиболее известным на Западе является Марко Поло. Большинство из них были арабами, персами или выходцами из Центральной Азии. Некоторые были вполне способными людьми, другие же поступали на службу исключительно чтобы получать взятки. Очень немногие из них говорили или читали по-китайски, и почти никто не пытался выучить язык. За семнадцать лет службы при Хубилай-хане Марко Поло, конечно,

немного научился говорить по-китайски. Но все эти люди учили монгольский, который был официальным языком империи, хотя он только незадолго до этого приобрел письменную форму. Многие указы и памятники письменности династии Юань написаны на варварской смеси полуразговорного китайского и транслитерированных монгольских слов и неологизмов. Некоторые указы этого периода сохранились, поскольку были выбиты на огромных каменных стелах. Видя их, можно представить себе, что могло бы стать с китайским языком и культурой этой страны, если бы монгольское иго просуществовало несколько веков: старый язык в искаженном виде превратился бы в новый, а классический китайский как средство выражения мысли остался бы лишь в ограниченном кругу ученых. Эти надписи эпохи Юань можно сравнить только с памятниками письменности на «собачьей латыни», характерными для раннего Средневековья в Европе.

Ближе к концу правления династии, после смерти Хубилай-хана, были возрождены экзамены для желающих поступать на государственную службу, хотя может сложиться впечатление, что они проводились для назначения только небольшого числа чиновников. Возможно, причина возрождения этих экзаменов заключалась в том, что у монгольских императоров возникли сложности с набором на службу чиновников из Западной Азии после того, как этот регион вышел из подчинения Пекину. Монгольские ханы, правившие Западной Азией, приняли мусульманство, чтобы успешно управлять своими подданными. Хубилай-хан и его потомки в Китае остались буддистами, восприняв распространенную на Тибете ламаистскую форму буддизма, которая до прихода монголов была почти неизвестна в Китае.

Отвергнув конфуцианскую систему управления и образования и восприняв чуждую китайцам форму буддизма, династия Юань так и осталась в глазах китайцев династией иностранцев. Возможно, это был их сознательный выбор; монголов было относительно мало, а китайцев, даже после того, как численность их населения значительно сократилась в результате монгольского завоевания, все равно было значительно больше. Безусловно, монгольские правители не слишком хорошо знали китайскую историю, но они не могли не заметить, что северные завоеватели Вэй V и VI веков, а также Ляо и Цзинь были ассимилированы в китайскую культуру и утратили свой родной язык и обычаи. До самого конца монголы упорно сопротивлялись и не давали поглотить себя своим китайским подданным. Один из министров последнего монгольского императора, опасаясь восстания ввиду все растущих беспорядков в империи, предложил уничтожить всех китайцев, носящих самые распространенные фамилии – Чжан, Ван, Лю, Ли, Чжао. Этот шаг мог бы привести к уничтожению двух третей населения Китая.

При правлении Хубилай-хана таких страхов у монголов не было. Хубилай, который благодаря воспоминаниям Марко Поло является самым известным на Западе китайским императором, сумел сохранить порядок и спокойствие внутри страны и восстановил мерло благосостояния. Из наблюдений Марко Поло становится ясно, что эти благоприятные условия жизни были наиболее присущи югу страны, бывшей Южной Сун. Юг меньше всего пострадал от первых разрушительных набегов монголов. Ханчжоу, бывшая столица империи Сун, по описанию Марко Поло был самым великолепным городом, который только можно было себе представить, – гораздо больше, населеннее и богаче, чем любой европейский город, центр искусства и ремесла, образования и управления, торговли и производства. Вполне возможно, что Ханчжоу в это время был лишь слабым отражением того города, каким он был при династии Сун, тем не менее он поразил воображение Марко Поло. Город получил прозвище «миллион», поскольку именно это слово Поло чаще всего употреблял в своих воспоминаниях о Китае.

Хубилай расширил границы Китайской империи, присоединив к ней территорию нынешней юго-западной провинции Юньнань, которая до этого была независимым царством. Он также

хотел покорить Бирму и Вьетнам, однако не смог этого сделать из-за нездорового климата данных стран и непроходимых джунглей. В бою победить армии этих царств было легко, однако задача усмирения населения, большая часть которого искала убежища в джунглях, была для монгольской кавалерии неосуществимой. Хубилай отвел оттуда свои армии, удовлетворившись тем, что эти далеко не благодатные земли стали платить ему дань и номинально являлись его вассалами. Великий хан также снарядил две экспедиции в Японию, которые высадились на юго-западе острова Кюсю. Флот для вторжения в Японию был предоставлен Кореей в качестве дани, а также южнокитайскими портами и провинциями. Можно предположить, что ни те ни другие не делали это с большим энтузиазмом, поскольку сами только что пострадали от монгольского нашествия. Из-за абсолютной некомпетентности и отсутствия заинтересованности в результатах экспедиции флоты управлялись из рук вон плохо. Летние тайфуны раскидали корабли далеко друг от друга, при этом человеческие жертвы были весьма велики. Монгольские войска, которые высадились на берег, потерпели сокрушительное поражение от японской кавалерии. Обе экспедиции закончились для монгольского императора полным провалом, и «Божественный ветер», тайфун, разметавший корабли, остался в японской истории символом того, что сами боги защитили свою любимую землю. Монголы были по своей природе народом, привыкшим жить на суше; они не знали, что такое морское сражение и как надо снаряжать морские экспедиции. Несмотря на провал своего похода в Японию, Хубилай также двинулся на Яву, которая представляла гораздо более легкий объект для захвата, поскольку она была не так едина, как Япония. Тем не менее экспедиция на Яву стала лишь частично успешной, да и сам успех оказался временным. Монгольская армия свергла некоторых царей на Яве и посадила на их место послушных монголам правителей. Тропический климат плохо влиял на монгольских солдат, и монголы сочли за лучшее объявить о своем господстве над Явой, начать взимать с нее дань и уехать, оставив страну ее собственным правителям.

На портрете той эпохи изображен Хубилай-хан, который воссоединил Северный и Южный Китай

После окончательного завоевания Китая и присоединения к империи провинции Юньнань были еще попытки распространить монгольское правление дальше, на Восточную Азию, однако они не увенчались успехом. После смерти Хубилая не предпринималось новых попыток, и прошло немного лет, и слабые преемники Хубилая стали больше заботиться об обороне того, что они имели, а не о завоевании новых доминионов. За тридцать девять лет, прошедших между смертью Хубилая и восшествием в 1333 году последнего монгольского императора, к власти

приходило шесть правителей, лишь один из которых смог продержаться тринадцать лет, что значительно ослабило династию. Последний монгольский правитель Тохан Тимур правил почти развалившейся империей тридцать пять лет и закончил свою жизнь в изгнании. Монгольское правление должно было или снова укрепиться, или закончиться. Стабильность была невозможна без стимула в виде захватнической войны; когда этот стимул перестал существовать, потеря жизненной силы и цели жизни стала слишком очевидной, и упадок династии был очень скорым.

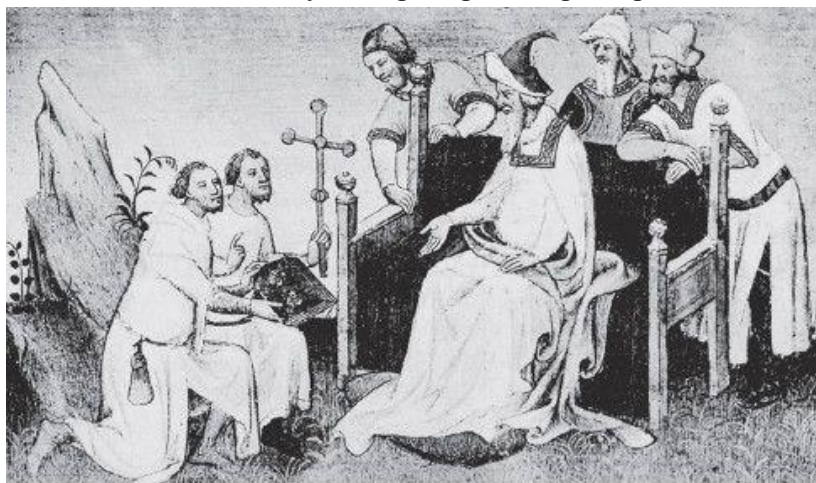
Нелегко точно определить вклад, который внесли монголы в развитие китайской цивилизации; наиболее очевидным плюсом было возобновление связей между Китаем и Европой, что способствовало новым открытиям и исследованиям. Однако это оказало больше влияния на европейцев, чем на китайцев, и было, так сказать, побочным эффектом монгольского нашествия. Если говорить о литературе, то тут произошла перестановка акцентов: большое внимание стало уделяться драме как жанру художественной литературы; возможно, это было результатом отмены системы экзаменов. При монголах стиль управления стал более автократическим, чем это было принято в Китае, и стал меньше зависеть от высокопоставленных чиновников. Иностранные чиновники, которые не пользовались поддержкой в стране и мало интересовались ею, не могли дистанцироваться от причуд монарха. Возможно, одно из последствий монгольского правления было нежелательным для них самих: рост абсолютной власти монарха и ослабление традиционных механизмов, которые были созданы для ограничения и руководства монархической властью.

К 1204 г. прадед Хубилай-хана Чингисхан объединил под своей властью Монголию. В следующие двадцать лет его войска покорили среди других стран Корею, Туркменистан и Персию. На персидской миниатюре изображен седобородый воин, сидящий в саду под зонтом

Восстание китайцев против монгольского правления, кульминация которого пришлась на 1368 год, когда на престоле укрепилась династия Мин, не было открытым бунтом, который постепенно привел к победе. Оно началось как серия разрозненных восстаний в различных частях страны. Многие из них были подавлены, другие же переросли в крупные движения. Восставшие не были едины, напротив, они яростно соперничали друг с другом. В каком-то смысле многочисленные восстания были национальным протестом против иностранцев, однако

они не отличались такой координацией, как нынешние народно-освободительные движения. Скорее в них присутствовала открытая вражда между отдельными лидерами, каждый из которых надеялся захватить власть и основать новую династию. Поскольку все восставшие были китайцами, эти бунты приобрели характер общенационального восстания.

Венецианские купцы Николо и Марко Поло были первыми европейцами, оказавшимися в Китае в XIII в. На французской миниатюре XIX в. изображена аудиенция, которой их удостоил Хубилай-хан. Эта миниатюра – одна из ряда многих, изображавших события, описанные в дневнике сына Николо Поло Марко

Режим монголов был пронизан коррупцией и доказал свою несостоятельность; он утерял Мандат Небес, который, согласно мнению многих ученых, им никогда и не принадлежал. Класс образованных людей ожидал, когда достойный претендент на престол обратится к ним с просьбой возродить китайские методы управления. Вместе с ними было бы восстановлено и их собственное влияние. Им не суждено было разочароваться в своих ожиданиях. Однако даже те из них, кто свято верил в Мандат Небес, были несколько удивлены выбором Небес. Чжу Юаньчжан был человеком более чем темного происхождения, не имевшим никаких других преимуществ, кроме своих природных способностей, которые были поистине велики. Его родители были бедными крестьянами. Покинув из-за голода свое маленькое хозяйство, они продали мальчика буддийским монахам, чтобы спасти его и свою жизнь. Через несколько лет новоиспеченный монах Чжу Юаньчжан убежал из монастыря и стал разбойником. В условиях того времени, когда повсюду то и дело вспыхивали восстания, было вполне логично, что он примкнул к одному из таких восстаний вместе со своим отрядом разбойников. Стойкий боец и, как он это потом доказал, хороший командир, он возвысился среди восставших и стал одним из претендентов на руководство общенациональным восстанием. В это время его деятельность была направлена как против монгольской династии, так и (а может, даже и в большей степени) против своих соперников в юго-восточных провинциях. Сам Чжу был родом из местности в нижнем течении Янцзы, самого богатого в Китае региона. Как и часть бывшей империи Южная Сун, этот регион избежал самых страшных последствий монгольского нашествия. Это был также один из самых населенных районов Китая, поэтому Чжу понимал, что контроль над ним является ключом к победе. Когда он одолел своих соперников-китайцев в этом регионе, он смог спокойно разобраться и с монголами на севере. Их судьба была предрешена. В 1366 году он уничтожил всех китайских соперников и взял их армии под свое командование. Захватив Нанкин в 1368 году, он получил город, который раньше был столицей южных династий. Здесь он объявил о создании новой династии, выбрав для себя титул Мин, что значит «светлая». Раньше новые династии брали себе имена по названию территории, над которой основатель династии получал военную и феодальную власть. Хань было первоначально названием царства,

а Тан – наследной феодальной вотчиной. Сун было классическим названием одной из частей Хэнани, откуда был родом основатель династии. Однако Чжу Юаньчжан был крестьянином и не претендовал на подобные титулы. Поэтому он назвал новую династию по имени доброго знамения, возможно тем самым подчеркнув свои притязания на господство во всей стране. Почти триста лет спустя этому примеру последовали маньчжуры. Они назвали свое царство Цин, что означало «чистый», вместо того чтобы назвать его по имени царства, которое они образовали в Маньчжурии перед походом на Китай.

Нововведение Чжу Юаньчжана также, возможно, отражало изменившиеся социальные условия новой эпохи. Великие семьи ученых, которые были у власти поколение за поколением при династиях Тан и Сун, утратили свой статус и влияние при монголах. Многие из них, возможно, просто исчезли с лица земли. В эпоху Сун старые фамилии, такие, как Сыма, уходящие своими корнями в эпоху Хань и даже еще раньше, играли весьма заметную роль в Шэньси, на родине семьи Сыма. Знаменитые двойные фамилии древности, такие, как Сыма, Сыту, Шанкуан, Оян, дали династии Сун великое множество выдающихся людей. Однако после монгольского периода об этих фамилиях ничего не было слышно, за исключением нескольких их ветвей, сохранившихся на крайнем юге, в Гуандуне, который во времена Тан был местом ссылки попавших в немилость чиновников, а во времена Сун – последним оплотом Южной Сун.

Две попытки монголов завоевать Японию окончились провалом. Фрагмент японской картины XIII в. запечатлел редкое событие – отступление монголов

После установления новой династии в Нанкине император перестал считать своей главной задачей завоевание севера и выдворение монголов из Китая. Он предоставил своим генералам решать эти задачи. Этими генералами были Су Да и его второй сын, который позже стал императором Юн-лэ. Говорят, когда он вытеснил несопротивлявшихся монголов из Пекина, Су Да командовал армией в четверть миллиона человек. Даже если эта цифра и преувеличена, становится очевидно, что новая династия имела в своем распоряжении огромные резервы. Однако прошло еще несколько лет, прежде чем удалось победить монголов в горных юго-западных провинциях. Юньнань была последним оплотом монголов, которые долго еще оставались там, отрезанные от своих соотечественников к северу от Великой Китайской стены. Когда Юньнань была взята, император разместил большую часть своей теперь уже просто огромной армии в этой отдаленной провинции. Это имело результатом то, что, несмотря на множество людей не китайского происхождения, которые населяли Юньнань, эта провинция осталась китайской в своей основе. Это был, вероятно, последний пример древнейшей практики – заселение побежденных земель солдатами-победителями, чтобы обеспечить их безопасность и избежать возможности того, что в родные провинции вернутся бывшие солдаты, не имеющие

земли и неспособные зарабатывать себе на жизнь мирным путем.

Император Тай-цзу был, скорее всего, всю свою жизнь неграмотным. Тем не менее он обладал достаточным здравым смыслом, чтобы понять, что для стабильности новой династии необходимо заручиться поддержкой образованного дворянства и принять меры к восстановлению системы управления, характерной для династий Тан и Сун. Экзамены, гражданская служба и система образования вернулись к старой модели. Император заручился поддержкой ученых, но не всегда относился к ним с таким же уважением, как его предшественники Тан и Сун. Его правление было абсолютным и не вызывало сопротивления. Правитель авторитарного толка, привыкший всю жизнь насаждать жесткую военную дисциплину в армии восставших, он не терпел, когда ему возражали, и подвергал публичной порке высокопоставленных чиновников, если те чем-то задевали его. Провинившиеся или обесчестившие себя чиновники не ссылались в глубь страны в качестве уездных магистратов, чаще всего им отрубали голову. Этого даже и представить было нельзя при династиях Сун и Тан.

Росту абсолютизма способствовало несколько факторов: железный характер императора, прецеденты, созданные монголами, изменившиеся общественные условия. Новые министры были прекрасно образованными людьми, однако им не хватало социальной основы, столь характерной для их предшественников эпохи Сун, а вновь созданная гражданская служба не была столь единой и сплоченной, как чиновничество прошлого. «Правь, как Тан и Сун» – таков был девиз императора, начертанный на его могиле в Нанкине; однако император не достиг желаемого идеала, правление Мин было куда более жестоким, чем правление династий Тан и Сун.

Одним из наиболее способных и властных правителей Китая был Хун У, простолюдин, считавшийся первым императором династии Мин

После долгого правления как единоличного хозяина китайского мира Чжу Юаньчжан умер в 1398 году. Он восстановил империю и укрепил власть династии; без сомнения, он чувствовал, что обладает Мандатом Небес; причем приобрел он его так, как никто и никогда до него. Он сделал это в одиночку. Ни фамильные привилегии, ни передаваемая по наследству власть, ни образование, ни богатство, ни высокая должность не помогали ему – ничего этого у него

попросту не было; тем не менее он создал империю не только большую по территории, чем те, которые создавались династиями прошлого. Его империя была гораздо более населенной и гораздо более единой под управлением сильного центрального правительства. Возможно, нынешние государственные деятели не ставят перед собой таких целей, но они явно соответствуют тому, что раньше имелось в виду под Мандатом Небес.

В условиях абсолютной монархии в длительном правлении одного монарха есть свои преимущества и недостатки: долгая жизнь, возможно, способствует стабильности в стране, однако она может привести к ослаблению власти, если на трон восходит ребенок. Именно это и случилось с династией Мин. Кронпринц умер раньше своего отца, оставив наследником трона своего пятнадцатилетнего сына. У молодого принца был дядя, грозный принц Янь, старый и опытный солдат, победитель монголов и покоритель севера, житель города, который теперь называется Пекин. Принц Янь вытеснил монголов через пустыню Гоби на территорию нынешней Сибири, тем самым он провел китайскую армию дальше на север, чем она когда-либо заходила (до и после этого). Он не намеревался терпеть молодого принца в качестве своего господина. Не прошло и года с момента смерти старого императора, как принц Янь нашел предлог, чтобы поднять восстание и двинуться на юг.

Правительство при мальчике-императоре было слабым и недееспособным. Его солдаты не имели ни малейшего желания противостоять славному принцу Янь; многие боялись за свою карьеру, которая могла оказаться под ударом, если они вдруг станут сражаться с будущим победителем. Оборона молодого императора провалилась; Нанкин был взят штурмом, а дворец императора подожжен. В суматохе молодой император исчез; по крайней мере, его не опознали среди тел погибших. Принц Янь взойшел на престол. Он перенес столицу в свою северную штаб-квартиру, которую назвал Пекин (в переводе – «северная столица»), и сделал Нанкин («южную столицу») вторым центром страны.

Новый император Юн-лэ (а именно под этим именем он известен в истории) вовсе не был уверен, что его племянник погиб в Нанкине. Он искал какие бы то ни было данные о его судьбе, но нигде не мог добыть убедительных доказательств ни того, что тот погиб, ни того, что спасся. Много лет спустя, когда Юн-лэ был уже давно мертв, а на престоле находился его внук, в Пекин пришел престарелый монах и признался одному из старейших дворцовых евнухов, что он и есть давно пропавший без вести император. Старый евнух узнал его. Тупиковая ситуация, однако, скоро разрешилась: престарелому экс-императору было разрешено остаться в монастыре в Западных горах недалеко от Пекина и там доживать свои дни. Официально же он к тому времени был давным-давно мертв. У Юн-лэ не было соперников, и он правил в Пекине до 1424 года. Именно во время его правления были отправлены морские экспедиции в южные моря и в Африку. Именно он построил Пекин в его нынешнем виде, причем сделал это внутри старых городских стен. Зафиксировано, что император дал подрядчикам восемьдесят лет, чтобы построить дворцовый комплекс, Запретный город. Они выполнили работу за пять лет, наняв для этого миллион человек. Когда Юн-лэ умер, династия Мин, начавшая свое существование с завоевания севера и изгнания монголов из Пекина, уже правила пятьдесят шесть лет. После смерти первого императора ей предстояло просуществовать еще более двухсот лет.

Император Юн-лэ сделал Пекин столицей частично из-за того, что там была его давно обустроенная штаб-квартира, а частично из-за того, что он полагал: если правительство не будет находиться вблизи монгольской границы, оно потеряет контроль над побежденными монгольскими племенами и, возможно, не сможет защитить свою страну в случае нападения. Император считал, что двор, находясь в таком северном городе, как Пекин, в 40 милях от Великой Китайской стены, будет постоянно сознавать опасность, исходящую от монгольских степей. С другой стороны, Пекин и двор императора постоянно находились под угрозой нападения извне, и, надо сказать, что эта угроза, которая становилась все более актуальной из-за

переноса столицы, настолько занимала умы всех следующих императоров, что они игнорировали нужды других районов Китая. Во времена Мин земли, находящиеся за пределами дорог, связывающих Маньчжурию с Северо-Китайской равниной, а также горных дорог, ведущих в Китай из Внутренней Монголии, чаще всего были в руках врагов Китая или являлись приграничными районами, всегда открытыми для ударов извне. Сегодня те же самые районы являются крупными промышленными центрами с большими запасами минеральных ископаемых и входят в число наиболее развитых регионов Китая. Современный Пекин обеспечивает связь между регионами, где лучше развита тяжелая промышленность, и аграрными районами страны, которые лежат к югу от Великой Китайской стены. Правительство, которое контролирует Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, считает Пекин жизненно важным центром сообщения между регионами страны.

В течение нескольких лет, во время правления Юн-лэ и его ближайших преемников, не было большого риска в том, чтобы сделать Пекин столицей. Власть монголов кончилась, их племена были разбросаны по степи и, по крайней мере, номинально находились под властью Китая.

Династия Мин превратила Маньчжурию (вплоть до Мукдена на севере) в свою провинцию и включила ее в состав империи. Все еще слабые племена маньчжуров были разобщены и считались подданными династии Мин. Поражение монголов поставило точку в долгом и медленном процессе изменения баланса сил между Китаем и кочевыми народами монгольской степи. Частично причина этого лежала в составе населения. В Китайской империи проживало по меньшей мере 100 млн человек. Население же монгольской степи, ограниченное скудной природой и патриархальной экономикой своей страны, не превышало 10 млн человек – кстати, именно столько человек живет сегодня в Монголии.

В конце правления династии Тан начала возникать опасность нападения с северо-востока, из Маньчжурии. Это была очень плодородная страна, способная прокормить достаточно большое население, больше, чем проживало в Монголии. Будучи пригодной для сельского хозяйства, Маньчжурия стала благодатным объектом влияния китайской цивилизации и легко восприняла централизованную форму управления. Кидани и татары Цзинь воспользовались этими обстоятельствами в эпоху Сун и создали достаточно сильное государство, которое могло представлять опасность для Китая. Действительно, монгольское государство было создано после завоевания Чингисханом цзиньских татар и Маньчжурии. Под властью Мин маньчжурские племена научились управлять сами собой в китайской манере управления и образовали стабильное монархическое государство. Как и кидани за несколько лет до этого, они создали сильное военизированное государство, враждебное Китаю.

Этот портрет императора Юн-чжэна в европейском платье, вероятно, был написан Джузеппе Кастильоне, иезуитом, чьи художественные способности сделали его популярным при дворе

Династии Мин не повезло: правления нескольких царей этой династии были непродолжительными и не очень удачными. Наследник Юн-лэ умер через десять месяцев после восшествия на престол; его сын (и внук Юн-лэ) правил всего лишь десять лет. Таким образом, через несколько лет после смерти великого Юн-лэ на троне оказался его праправнук, мальчик восьми лет от роду, император Чжэн Тун. Пока он был маленьким, империей управляла его мать-регентша, в результате чего значительную власть и влияние вновь приобрели дворцовые евнухи. В 1443 году Чжэн Тун достиг совершеннолетия и встал во главе страны. Он родился и воспитывался во дворце и с раннего возраста привык к почтению, с каким евнухи всегда относились к коронованному монарху. Он целиком и полностью доверял этим своим слугам-льстецам и особо выделял одного из них, Ван Цзиня.

В 1449 году, когда молодой император находился у власти уже семь лет, Ван Цзинь убедил его покинуть Пекин и отправиться в военный поход, чтобы наказать непокорного монгольского правителя, который частенько совершал набеги на границу. Но эти набеги не представляли собой серьезной опасности, и любой мало-мальски способный генерал справился бы с этой задачей. Настоящей целью Ван Цзиня было заставить императора отправиться в свои родные места, округ Хуайлай, который находился за Великой Китайской стеной. Это могло бы укрепить влияние императорской семьи в этом регионе. Император не только согласился ехать туда, но и необдуманно назначил Ван Цзиня главнокомандующим своей армией, хотя тот не имел никакого опыта в военном деле.

Старые генералы почувствовали себя оскорбленными; они просто не оказывали новому главнокомандующему помощи, и он в результате наделал роковых ошибок. Проиграв кампанию, он решил отступить, но решил отложить отступление, так как хотел отвезти императора на свою родину. Таким образом, создалась ситуация, когда монголы легко окружили китайскую армию и тем самым лишили ее доступа к воде и продовольствию. Монголы одержали полную победу, убив Ван Цзиня и лучших офицеров китайской армии и захватив в плен самого императора.

Пока что это была лишь крупная неприятность, но не катастрофа. На защиту столицы прибыло подкрепление, и на трон взошел младший брат императора. Таким образом, монгольский хан увидел, что его пленник не представляет собой никакой ценности. Чжэн Тун обладал располагающим к себе характером, и он скоро завел себе множество друзей и сторонников среди монголов. Когда его младший брат, правивший под именем Дай-цзун, был на троне уже восемь лет, заболел, министры добились освобождения Ин-цзуна и восстановили его на престоле, не дожидаясь смерти императора. Он правил еще семь лет, но уже под именем Тянь-шунь, что означает «согласный с волей Небес». Возможно, эти слова очень точно отражали его жизнь. Период с конца XV века до первой половины XVI века был периодом мира и процветания Китая. Имена императоров, которые правили в это время – Чжэн Хуа, Хун Чжи, Чжэн Дэ и Чжи Цин, – хорошо известны, но не потому, что они были прекрасными руководителями, а потому, что их императорские имена остались на фарфоре Мин, который производился на императорских заводах во время их правления. Это также был век, когда возник и быстро приобрел популярность новый литературный жанр – роман. Драматические события, сопутствовавшие основанию и падению династии Мин, разделены более чем четырьмя веками. Это была очень долгая эпоха, в течение которой власть императора по большей части уважалась и была вполне эффективной, продолжалось развитие культуры, росло благосостояние народа и всей империи в целом. Эпоха династии Мин не была, как об этом часто говорят, периодом культурной стагнации, началом заката китайской цивилизации, хотя в конце правления Мин Китай начал уступать Европе в развитии техники. Европейский Ренессанс по времени совпал с серединой правления династии Мин; начало периода расцвета науки в середине XVII века, напротив, совпало с закатом династии Мин. Можно с уверенностью говорить о том, что хотя династия Мин безусловно восстановила китайскую культурную традицию и всячески стремилась развивать ее, она тем не менее не изменила ее. Ни жадность, ни страх никак не могли подвигнуть правящий класс на то, чтобы подвергнуть сомнению верность и целесообразность вековых традиций, устои и положение классического образования.

Долгое правление Ван Ли (1573–1620 гг.) было последним длительным периодом стабильности династии Мин. В течение более ста лет неуклонно росла коррумпированность правительства. В начале XVI века вновь усилилось влияние евнухов и уже никогда с тех пор не ослабевало. Евнухи брали взятки, продавали чиновничьи должности, заставляя при этом чиновников платить крупные суммы денег, чтобы избежать увольнения. Один главный евнух в начале XVI века «сколотил» состояние, равное 251 583 600 унциям серебра, а также имел огромное количество драгоценных камней, золота и другой собственности. Правда, позже он был снят с должности за взяточничество. Должно быть, империя была поистине богата, если могла поддерживать коррупцию в таких масштабах.

Все эти ошибки в управлении и бездарная трата денег совпали с периодом великих культурных достижений, в частности в производстве фарфора. Когда несколько десятков лет назад вскрыли гробницу императора Ван Ли, там были найдены огромные сокровища, в том числе серебряные и золотые слитки и все сорта фарфора, которые производились в период правления Ван Ли, который прославился тем, что в это время производился фарфор очень высокого качества. В этой гробнице также были найдены редкие и изящные ювелирные золотые изделия. Все это богатство теперь находится в экспозициях пекинских музеев. Можно только предположить, что еще не вскрытые гробницы предшественников Ван Ли скрывают в себе более впечатляющие сокровища, великолепные произведения искусства и драгоценности. Правительство Мин не только разрешало евнухам вымогать огромные суммы денег, но и погребало в гробницах монархов неисчислимые сокровища.

Платой за эти излишества стала слабость страны и полнейшее отсутствие порядка в провинциях. Примерно в 1592 году последние ресурсы империи были растрочены на ведение

крайне дорогостоящей и крайне неудачной войны с Японией в Корее. Японцы вышли из этой кампании с такой мощью и силой, которых никто от них даже не ожидал. За Китаем осталась номинальная власть над Кореей, однако реальной пользы от этого было мало. Китай впустую потратил огромные ресурсы, а в результате этой войны маньчжурские племена, которые потенциально представляли гораздо большую опасность, чем японцы, значительно усилились и были готовы поднять восстание. Тем не менее сомнительно, что они в одиночку могли бы победить Китай. Численность их была слишком незначительна по сравнению с населением Китая, а профессиональная армия империи Мин была хорошо обучена и экипирована. Однако случилось так, что внутри империи началось восстание, и это плюс полная неспособность подавить его открыли дорогу маньчжурам.

Вследствие коррумпированности евнухов и некомпетентности монархов, которые пришли на смену Ван Ли, – людей, которые не знали о происходящем в стране в основном из-за того, что евнухи скрывали от них правду, – восстание началось с большим размахом. На северо-западе Китая во главе восставших стоял Ли Цзычэн. В 1640 году он двинулся на восток и захватил огромную провинцию Хэнань, лежавшую как раз посередине между Пекином и долиной Янцзы. Попытки победить его окончились провалом. В 1644-м Ли вдруг повернул на север и обрушился на Пекин с гор провинции Шаньси. Оборона столицы была поручена евнухам, и это было большой ошибкой. Евнухи просто-напросто сбежали, и последний император династии Мин, всеми покинутый и забытый, повесился на дереве на горе Мэйшань (Угольной горе), находившейся на территории дворца. Ли Цзычэн вошел в город и провозгласил себя императором новой династии Шунь. На границе китайская армия находилась в Шанхайгуани, сторожевых воротах Великой Китайской стены, там, где стена выходила на берег моря. Во главе армии стоял талантливый генерал У Сань-гуй. Если бы он принял новую династию и согласился служить ей, то она оказалась бы в полной безопасности и маньчжуры мало что смогли бы сделать, чтобы уничтожить ее. Однако из-за ссоры из-за наложницы, которую Ли Цзычэн нашел в Пекине и взял в свой гарем, У Сань-гуй отмежевался от него. Возможно, он считал себя более подходящим кандидатом на освободившийся после смерти последнего императора династии Мин престол. Он прервал переговоры с лидером восставших и заключил соглашение с маньчжурами. В соответствии с этим соглашением ему доверилась задача разгрома восставших, он также признал несовершеннолетнего царя маньчжуров императором и позволил армии маньчжуров беспрепятственно войти в Китай. Ли Цзычэн потерпел поражение и бежал на запад, однако и там его постоянно преследовали и, наконец, убили. Маньчжуры, не встретив никакого сопротивления, оккупировали север страны и начали править в Китае. Ни одна другая династия не приходила к власти столь необычным путем.

Преклонение китайцев перед западной культурой видно и из еще одного портрета, приписываемого Кастильоне; на нем изображена фаворитка Цяньлуна в воинских доспехах, известная как «Восхитительная наложница»

Последствия мирной оккупации севера маньчжурами, а также их долгая и упорная борьба за покорение юга стали вехами в истории правления этой династии вплоть до ее свержения в 1912 году. Пока армия маньчжуров вытесняла сторонников династии Мин из района Янцзы, У Саньгуй и два других сторонника маньчжуров из числа китайцев взяли на себя покорение и умиротворение юго-восточных и юго-западных провинций. Правление маньчжурского императора на юге было номинальным, оно оставалось в руках трех китайских князей из южных провинций. В первые восемнадцать лет маньжурского правления была весьма велика вероятность того, что эта династия не удержится у власти. Когда молодой император маньчжуров Шунь-чжи достиг совершеннолетия, он проявил себя как человек более склонный к созерцательности и уединению, нежели к управлению государством. К этому он не имел ни склонности, ни способностей. Полагают, что в конечном итоге он бежал из дворца, переодетый монахом, в храм, расположенный в Западных горах, где и закончил свою жизнь. Он умер в 1662 году, а на трон императора взошел его сын, юноша шестнадцати лет, который правил шестьдесят один год и прославился как великий император Канси.

Канси сразу же после провозглашения его императором стал управлять государством, периода регентства просто не было. Через несколько лет молодой император победил юго-восточных князей, наконец, произошло неизбежное столкновение с его самым опасным потенциальным противником, У Саньгумом, который обосновался на крайнем северо-западе, в провинции Юньнань, откуда он вытеснил последнего представителя династии Мин и отправил его в ссылку в Бирму. В то время уже пожилой человек, он все еще был грозным противником. Его военная кампания шла полным ходом и была весьма удачной, когда он внезапно скончался. Его сыновья

не были такими выдающимися личностями, как он сам, и поссорились друг с другом.

Канси скоро сумел убить обоих и захватил всю материковую часть Китая. В течение еще нескольких лет ему пытались противостоять генерал – сторонник династии Мин – и его сын, которые установили собственный режим на Тайване. Этот генерал, Чжэн Чжэнгун, известный под именем Кохинга (это португальский вариант его родового имени Кво-син-не), правил на острове до самой смерти, после чего власть перешла к его сыну. Когда пришла пора вступать на престол его внукам, их ссоры открыли дорогу для завоевания Тайваня маньчжурами. Современные китайцы не могут не заметить сходства этой ситуации с современной историей взаимоотношений между материком Китаем и Тайванем. С точки зрения политических реалий правление Маньчжурской династии (или династии Цин) окончательно укрепилось за время долгого пребывания Канси на престоле.

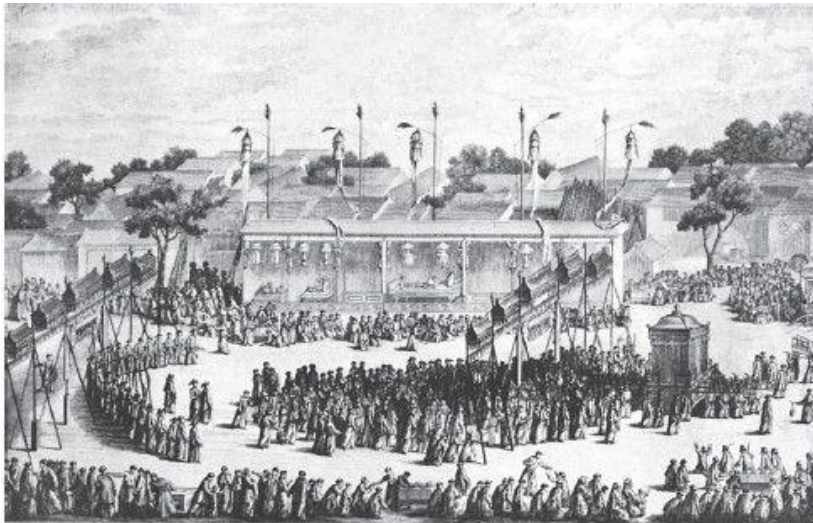

Во время шестидесятилетнего правления императора Цяньлуна военные экспедиции направлялись на умирение беспорядков в Юньнани, подавление восстаний во Вьетнаме и Бирме, завоевание Непала и Таиланда. На картине сверху изображен военный флот императора

Его правление совпало по времени с первыми двумя десятилетиями XVIII века. Характер императора и его деятельность произвели неизгладимое впечатление на миссионеров-иезуитов, которые были первыми европейцами, обосновавшимися в Пекине. Они всячески восхваляли твердость, с которой он осуществлял руководство империей, дисциплину маньчжурской армии и необъятные просторы страны. После того как он умирил Китай, Канси распространил господство Китая на Внутреннюю Монголию и восстановил китайское правление в Синьцзяне, который вышел из повиновения Китаю в конце правления династии Тан. Никогда Китайская империя не была столь огромной, за исключением периода правления монголов. Чуть позднее в состав Китая вошел Тибет, было завершено усечение Внешней Монголии, что положило конец постоянной угрозе со стороны кочевников, которая с незапамятных времен висела над северными границами Китая. Власть Китая при императорах Цин признали Корея, Аннам, Бирма, Таиланд и Непал. При правлении Маньчжурской династии китайский империализм был более активным, мощным и успешным, чем при любой другой династии со времен Хань. Военное превосходство маньчжуров сохранялось целых сто пятьдесят лет, до смерти императора Цяньлуна в 1799 году. Цянь-лун правил более шестидесяти лет; он покончил с собой, чтобы не допустить ситуации, когда его правление длилось бы дольше, чем правление его августейшего деда. В последние годы правления Цяньлуна через Гималаи была отправлена экспедиция, завоевавшая для Китая Непал; этот поход был абсолютно беспрецедентным, очень дорогостоящим и конечно же не стоившим всех этих затрат и усилий.

Что касается внутренней политики, то империя управлялась жесткой рукой, что очень

напоминало политику, проводившуюся династией Мин.

Придворные евнухи, князья и многочисленные сопровождающие идут за закрытым паланкином императора Цяньлуна (французская гравюра XVIII в.). Пока императорская процессия в полном молчании проходит по улицам Китая, мать Цяньлуна, вдовствующая императрица, стоит на коленях на земле около своего табурета. Только что построенные будки призваны скрыть нищету пекинских улиц

По сути, династия маньчжуров даже не стала вносить изменения в уже имевшиеся государственные институты. Гражданская служба по-прежнему представляла собой правящую элиту, хотя в нее были допущены маньчжуры и им отводилось определенное число должностей. Маньчжурам не позволялось заниматься торговлей или сельским хозяйством; они могли либо служить в армии, либо состоять на гражданской службе, получая при этом регулярное вознаграждение в виде бесплатного зерна. Они числились в военной организации, называвшейся «Восемь знамен»; маньчжурские гарнизоны были расквартированы в отдельных закрытых казармах внутри китайских городов. Им также было запрещено вступать в браки с китайцами.

Такими мерами маньчжуры насаждали военно-феодальную систему, полностью находившуюся под контролем императора, причем эта система как бы накладывалась на систему гражданской службы, сложившуюся еще при династии Мин. Определенные трения, конечно, возникали, однако в целом эта система исправно работала в течение нескольких поколений. Она, можно сказать, работала, пока маньчжурские знаменосцы оставались активными солдатами, постоянно участвующими в военных походах в монгольскую степь и приграничные районы. Именно эти походы поддерживали в них бдительность и мужество. Однако правление Цяньлуна было чересчур успешным, и в результате необходимость в такой службе отпала за неимением врагов; поэтому знаменосцы предавались безделью в своих гарнизонах; они жили за счет получаемого бесплатного риса и не имели права работать. В своем большинстве они не были достаточно образованными для того, чтобы поступать на гражданскую службу, несмотря на то что для них критерии для поступления на гражданскую службу были значительно снижены по сравнению с требованиями, предъявлявшимися к китайцам. Неизбежно они стали просто-напросто лишними людьми, такими трутями.

Волею судьбы правление династии маньчжуров было успешным только в самом начале; правители более позднего периода оказались не способны поддержать высокий уровень управления государством, заданный тремя правителями: Канси, Юнчжэном и Цяньлуном, чье правление пришлось на вторую половину XVII и на XVIII век. Весь этот длительный период времени, за исключением самого конца правления Цяньлуна, в Китае поддерживался мир и

спокойствие. Никаких серьезных восстаний на его территории не было. Победы маньчжуров свели на нет опасность внешней угрозы. Великая Китайская стена постепенно стала утрачивать свое стратегическое значение. Население росло быстрыми темпами: за этот период оно увеличилось вдвое, а может, и втрое; однако площади обрабатываемых сельскохозяйственных угодий не увеличивались в той же пропорции. Маньчжуры завоевывали в основном степные регионы, которые были абсолютно бесполезны для китайских крестьян. Маньчжурия, где могло бы расселиться растущее китайское население, была родиной династии, и китайцам было запрещено селиться там, чтобы коренное население не было поглощено эмигрантами (как это все-таки случилось в XIX веке). Однако все это – в том числе и растущее благосостояние – было омрачено крупными неудачами: в стране так и не произошло реформы управления и не случилось никаких изменений в экономике. Императоры Маньчжурской династии прекрасно сознавали, что по происхождению, с точки зрения китайцев, они – «варвары». С одной стороны, они всегда гордились этим и достижениями своего народа, с другой – они знали, что ничего не будут стоить в глазах китайских подданных, пока не зарекомендуют себя знатоками классической китайской литературы, верными учениками Конфуция, старательными имитаторами китайской системы управления и твердыми стражами древних традиций китайской культуры. Они должны были писать философские трактаты по образцу работ, созданных учеными династии Сун, рисовать картины в духе художников династии Мин, сочинять стихи в манере эпохи Тан, управлять в соответствии с рекомендациями древних или, по крайней мере, они должны были провозглашать верность этим идеалам. Императоры Маньчжурской династии проявляли всяческое рвение на пути к выполнению поставленных задач. Канси был выдающимся ученым, Юнчжэн был умным и искусным правителем, Цяньлун помимо всего прочего был отличным поэтом и неплохим историком. Они упорно работали, изучали и корректировали огромное количество мемуаров и документов, которые сохранились с древних времен, чтобы продемонстрировать свое усердие и энергию. Однако они с подозрением относились ко всякого рода нововведениям, боясь, что любое изменение старых норм может быть приписано их «варварскому» происхождению. Императоры Цин были просто ослеплены собственными достижениями и своим наследием. Пока образованный класс китайцев принимал их как варваров, их идеи и мнения не имели равным счетом никакого значения. Поскольку они покровительствовали консервативным взглядам и отвергали всякие предположения о нововведениях, они восприняли очень мало идей, пришедших к ним из-за рубежа. Их правление, скорее всего, было более абсолютистским, чем правление династии Мин, и далеко ушедшим от умеренной автократии династий Тан и Сун. Выдающиеся способности Канси, Юнчжэна и Цяньлуна поставили монарха на пьедестал, до которого его советникам было просто не дотянуться, однако ни один из преемников не смог удержать это положение на той же высоте или превзойти этих правителей. Правительство, сформированное императорами и для императоров весьма выдающихся способностей, оказалось совершенно неподходящим для простых смертных, которые ошибались, пытаясь придерживаться практики первых великих правителей, и не замечали того факта, что их политика устарела и уже представляет опасность для империи.

Смерть Цяньлуна в конце XVIII века стала поворотным пунктом в китайской истории. До того момента, несмотря на растущую коррумпированность чиновников, которую всячески скрывали от дряхлеющего императора, старая система оставалась практически нетронутой – величественной и всемогущей.

Однако иностранные наблюдатели, такие, как, например, проницательный посол Британии в Китае лорд Маккартни, видели и отмечали наличие моментов, которые подтачивали империю изнутри. Лорд Маккартни сравнивал империю с огромным кораблем, когда-то хорошо оснащенный и способным бороздить моря, а теперь состарившимся, с прогнившими мачтами,

не способным выдержать шторм и не подлежащим восстановлению. Его пророчество оказалось более чем верным.

Жизнь в городе

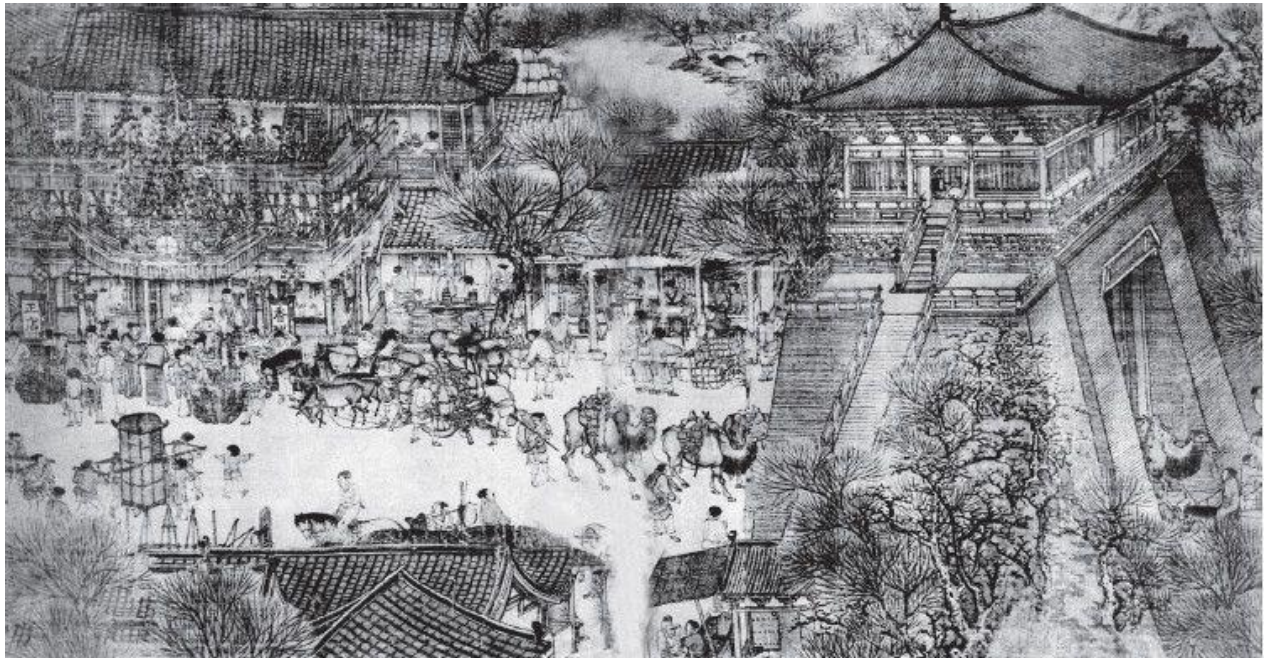
В IV веке до нашей эры китайский философ Мо-цзы предложил разделить все сельскохозяйственные угодья Китая на восемь неприкосновенных отделов земли, обрабатываемых восемью семьями. Разработанная им схема, которая была проведена в жизнь последующими поколениями, предполагала деление всех обрабатываемых земель на большие участки, состоящие из девяти равных долей. Восемь из этих девяти долей обрабатывались каждой крестьянской семьей; девятая же доля обрабатывалась восемью дворами совместно, чтобы выплатить государству причитающиеся ему налоги. Обычно семьи становились слишком большими, чтобы прокормиться с отведенных им участков земли, и младшие члены семьи были вынуждены покидать свою землю и перебираться в города. В результате и без того перенаселенные китайские города все разрастались. К VII веку столица империи Тан, Чанъань, например, насчитывала почти 2 млн жителей, и ее стены ограничивали территорию площадью 30 квадратных миль. Ко времени начала правления монголов китайские города превратились в «оживленные, постоянно торгующие чем-то и жадные до удовольствий» метрополии. Начиная играть все более активную роль класс предпринимателей управлял мастерскими, лавками и мелким транспортом, а именно ручными тележками. Процветание, в свою очередь, привлекало в города всякого рода мошенников и шарлатанов, профессиональных рассказчиков, предсказателей будущего и певичек. На многочисленных рынках на открытом воздухе продавали сверчков в клетках, рыболовные снасти, предметы косметики (например, краску для бровей) и, как писал Марко Поло, самые разнообразные фрукты и овощи.

Темой большой картины, которая называется «Жизнь на берегу реки накануне праздника Цинмин», фрагменты которой приводятся на следующих страницах, как раз и является перенаселенность таких городов и бурление торговой жизни в них. Этот шедевр XII века, автором которого является Чжан Цзэдуань, доносит до зрителя характер жизни на реке или искусственном канале в Бяньцзине (современный Кайфэн), столице империи Северная Сун. Фрагменты этого полотна расположены слева направо. Те же читатели, которые хотят изучить это полотно, следуя восточной традиции, должны начать с последнего фрагмента и листать страницы книги назад.

На переполненных людьми улицах и в магазинчиках под открытым небом столицы империи Северная Сун горожане сплетничают и заключают сделки. Слева – ученый в широкополой шляпе в сопровождении трех слуг проезжает верхом мимо дома богатого торговца лекарствами; рядом с аптекой водоноши наполняют свои корзины водой из колодца. Справа – толпа горожан слушает рассказчика

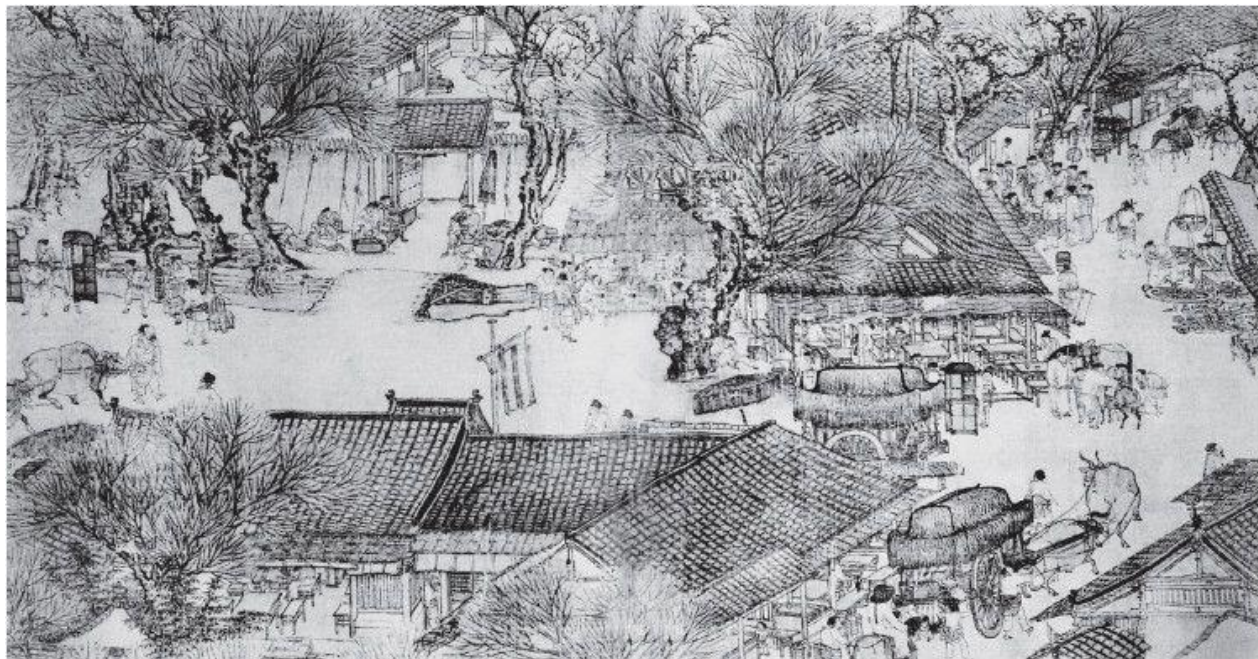

Пока караван бактрийских верблюдов проходит через огромные главные ворота Бяньцзина, зажиточные горожане верхом или в повозках прибывают в винную лавку, окна которой задрапированы (в левом верхнем углу). Там на двух верхних этажах происходят собрания городской элиты

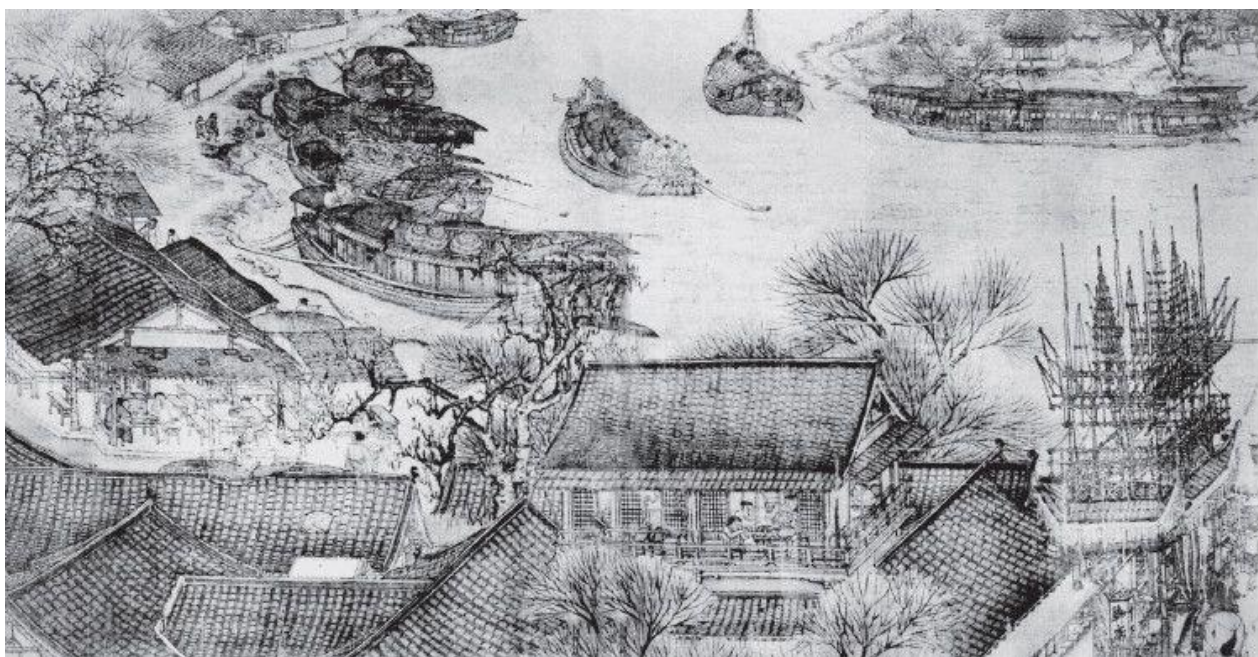

Гибкие ивы обрамляют берега городского рва с водой, и гуляющие любят постоять у перил моста (на заднем плане). Двое мужчин и мул тянут колесную тачку через мост, а остальные переводят тележки, запряженные быками, через оживленную улицу. Вверху можно видеть стадо свиней; позади них виден буддийский храм с двойными дверями

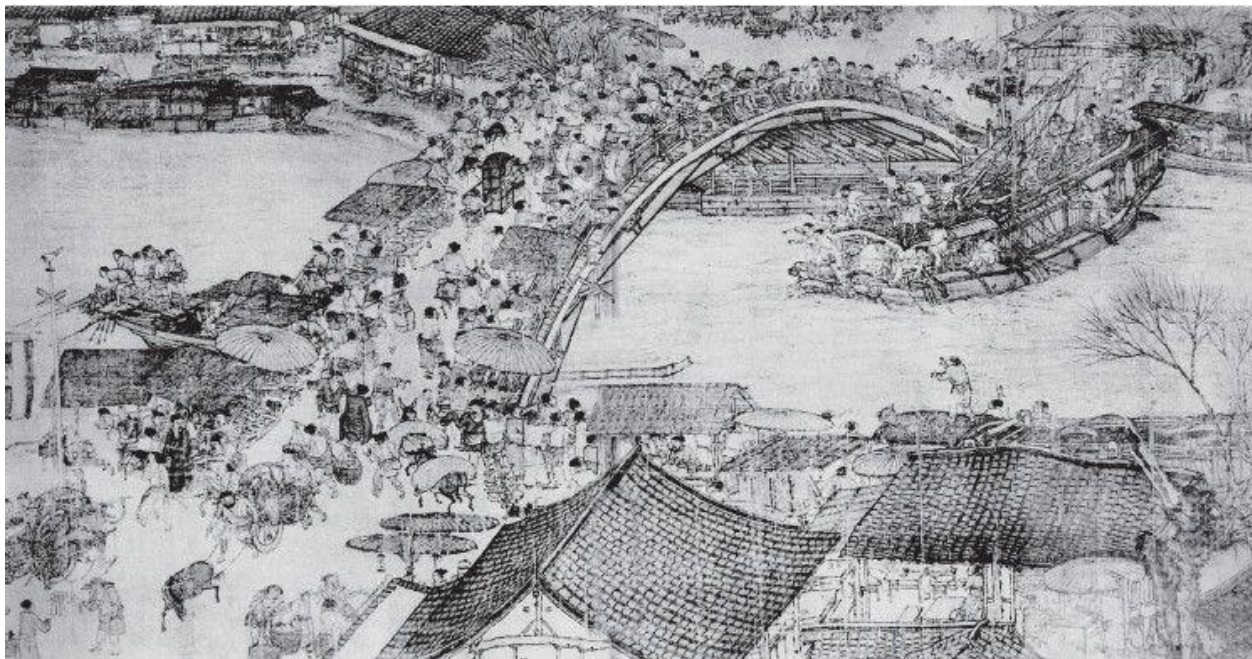

На этой части улицы царит спокойствие и безмятежность: носильщики отдыхают и беседуют под ивами (слева на дальнем плане), а солдаты, находящиеся вне службы, перекусывают на пороге своей казармы. Таверны и винные лавки по обеим сторонам улиц переполнены. В верхнем правом углу колесный мастер работает вместе со своим помощником; напротив – бородатый предсказатель будущего развлекает собравшихся

Плавучие домики с утяжеленным днищем пришвартованы вдоль канала Бянь, в то время как груженные товарами баржи тянут по каналу вдоль его берегов. Канал был основным путем доставки товаров и продовольствия в город. Слева на крыше одного из плавучих домиков сидят и беседуют два человека. Внизу справа в комнате на втором этаже отдыхают постояльцы прибрежной гостиницы

Сильное течение канала снесло баржу (справа в центре), и десятки гуляющих по горбату Мосту радуги выстроились у поручней и криками подбадривают моряков на барже. На мосту установлено множество лотков с сухофруктами, лекарствами и всяческой снедью, чтобы привлечь внимание пешеходов, вышедших праздновать праздник Весны. В ресторанах (внизу справа) путешественникам подают спиртное

Труппа крестьян (внизу справа) направляется за город. В это же время владельцы магазинов на окраинах столицы империи Сун готовятся к очередному наплыву покупателей. Машины для обработки риса стоят без работы, равно как и пусты маленькие, приподнятые над землей павильоны (вверху слева). В центре слева рабочие разгружают с баржи мешки с зерном, в то время как надзиратель (который с удобством расположился на одном из мешков) раздает им указания

11. Мир ученых

Слово «ши», что означает ученый, образованный представитель высшего сословия, в древние времена означало воина, представителя феодальной аристократии. (Японцы позаимствовали это слово именно в значении «воин».) Более позднее значение слова практически противоположно более раннему, поскольку в Китае стали проводить четкую границу между людьми, умевшими владеть оружием, и людьми, владевшими пером. Тем не менее нетрудно проследить, как постепенно менялось значение слова. Первые феодалы – дворяне были одновременно и учеными, и воинами. Философы периода Чжоу – Конфуций, Мо-цзы, Лао-цзы и другие – все были представителями аристократии. Роли «ученых» как таковой не существовало; ученые всегда были частью правящей элиты, монахами и чиновниками в развивающихся царствах.

Революция, которая разрушила феодальную систему и создала единую империю, уничтожила старый класс аристократии. Место аристократов заняли образованные землевладельцы, которые скорее стали помещиками, нежели феодалами. Этот новый класс стал основой новой империи, дающей государству чиновников и военных, учителей и ученых.

Восстановление древней литературы после сожжения книг династией Цинь повышало престиж членов новой правящей элиты, обладающих вкусом к таким ученым занятиям. В то же самое время принятие конфуцианства как ортодоксальной философии и источника знаний способствовало тому, что члены правящего класса становились все более образованными.

Тот факт, что члены правящего класса были и воинами, и учеными, объясняет, почему во времена смуты, которых было более чем достаточно в истории Китая, и в период нашествия варваров, в Китае не было Темных веков. И хотя власть переходила к военным, эти военные не были похожи ни на варваров, ни на безграмотных искателей приключений. Они сами являлись представителями класса образованных землевладельцев, которые лишь в силу обстоятельств были вынуждены взять в руки оружие, чтобы защитить свое имущество и свои привилегии, которые не могли защитить ни слабеющий двор, ни разобщенное и неорганизованное чиновничество. Результатом стало сужение рамок класса ученых, однако это не означало ухудшения его качества.

В эпоху раздробленности с конца III до конца VI века у образованного дворянства, которое не имело крепких связей с высокопоставленными семьями, было очень мало шансов сделать карьеру и добиться успеха; те же, у кого такие связи были, достигали больших высот в управлении государством. Сохранились старые формы гражданской службы, хотя она теперь и находилась под контролем военной аристократии. Образованных людей все еще искали по всей стране и предлагали им работу; создавались литературные произведения, в частности процветала поэзия. Нельзя сказать, что образованные члены правящего класса имели какой-то особый статус – этот статус предназначался для людей, у которых была военная власть, но ученых всячески почитали и уважали.

Распространение буддизма также пробуждало в людях с созерцательным или религиозным складом ума стремление к учению. Можно предположить, сравнивая Китай с современной Европой, что новый интерес к буддизму постепенно способствовал оттоку ученых от военной и гражданской службы и проложил резкую грань между образованным священником и неграмотным солдатом. (Такое разделение и произошло в Европе в начале Средних веков.) Однако в Китае этого не случилось. Конфуцианская философия и этика никогда не уступали место буддизму. Конфуцианство стало не столь явным с появлением новых идей и новых великих учителей, однако оно продолжало контролировать систему образования и чиновничества. Ученые, ориентированные на светскую жизнь, тем не менее оставались в постоянной оппозиции к любой власти буддизма, хотя они нередко уходили в буддийские монастыри после увольнения с гражданской службы, которой посвятили всю свою жизнь. Их оппозиция любой буддийской власти выражалась в том, что они вынудили уйти про-буддийски настроенного императора У-ди династии Лян после его шестидесятилетнего правления. Будучи

в своей основе миролюбивой религией, буддизм не давал возможности военной аристократии прямо участвовать в духовной жизни. Роль ученых в период раздробленности была менее заметной, чем в эпоху империи Хань, но и незначительной ее тоже нельзя назвать. Ученые скорее потеряли политическое влияние, а не моральное или интеллектуальное. Воссоединение империи при династиях Суй и Тан добавило классу образованных людей новую и более заметную роль – роль, которую они продолжали играть до нового времени. Это произошло в результате того, что новая династия Тан находилась под давлением амбициозных семей военной аристократии, которые оказывали серьезное влияние на центральную власть в течение более трех веков. Сама династия Тан происходила именно из такой семьи; они сами были чрезвычайно амбициозны и, добившись власти, не собирались ее отдавать. Сама логика развития этой ситуации требовала уничтожения или ослабления военной аристократии, члены которой были как офицерами, так и гражданскими чиновниками. Когда империя была вновь объединена и жила в условиях мира, солдат вполне могли отправить охранять границы – это было политически нейтральное для них занятие, позволявшее держать их вдали от двора. Однако чиновники все равно были нужны государству, и если они оказывались зависимыми от аристократии, то влияние последних становилось опасным.

Решение было найдено императором Дай-цзуном и его наследниками; оно заключалось в том, чтобы создать класс чиновников, которых набирали на службу по результатам экзаменов из числа образованных землевладельцев. Экзамены были трудными, сдавшие их часто впадали в немилость военной аристократии. Таким образом, власть военной аристократии сошла на нет, а для образованных людей открывались новые горизонты.

Целью образования стала подготовка молодых людей к сдаче экзамена на поступление на гражданскую службу. Именно сдача этого экзамена могла открыть дорогу к власти и богатству. Постепенно число образованных людей среди чиновников увеличилось. Переход власти от военной аристократии к гражданским чиновникам был небыстрым, но неуклонным. Даже когда, казалось, власть вновь переходила к военным, как это, например, было в конце правления династии Тан, этот возврат оказывался эфемерным, означавшим лишь временный захват власти военными в эпоху смуты. При династии Сун, когда империя воссоединилась и был восстановлен мир, ученые-чиновники достигли поры расцвета: никогда раньше они не обладали такой властью. Несколько веков спустя европейцы назовут представителей этого класса «мандаринами» (слово, заимствованное из малайского языка португальцами, которое означало «советник»). Характерной чертой мандарина было не происхождение, а образование.

Новое образованное дворянство утверждало (или предпочитало утверждать), что они всегда находились у власти. В своих исторических трактатах они говорили о военной аристократии, которая была их предшественницей у руля власти, как о людях, которые достигли высокого положения пройдя через систему экзаменов, а не благодаря семейным связям. Они просто не признавали, что в стране произошли значительные социальные изменения. Таким образом, сами ученые создали миф о неизменности Китая, возможно, в результате своего подсознательного стремления выявить древнейшие легенды своего народа, легенды, которым они поклонялись и воспринимали как модель поведения и управления страной.

В течение почти всей истории Китая ни одна другая социальная группа не могла сравниться с учеными по влиянию на общество. Отсутствие мощного класса священнослужителей сделало ученых стражами традиционной морали и этики, а также главными учителями и управленцами. В Европе же образованием чаще всего занималась церковь, причем даже после Реформации; однако в Европе священники и учителя не были одновременно магистратами, судьями, главами казначейств и чиновниками, как это было в Китае. После раннего периода правления династии Тан в Китае почти не существовало потомственной аристократии (как в Европе). Родственники императора имели соответствующие титулы, однако с каждым поколением значение титулов

уменьшалось на ранг, и через шесть поколений родственники императора оставались лишь со своим императорским именем. Никаких других отличий они не имели, будучи всего лишь дальними родственниками бывшего императора. Они не обладали никакой властью, которая полагалась бы им благодаря титулу. Иногда они становились государственными служащими, сдав экзамены, однако чаще их фактически отстраняли от некоторых должностей.

Купечество также считалось относительно незначительной по своему влиянию прослойкой, за исключением некоторых торговых городов на побережье вдоль реки Янцзы. Купцы и ремесленники традиционно имели весьма низкий социальный статус, ниже, чем ученые или крестьяне. Следовательно, в Китае не было сильного среднего класса: образованное дворянство, которое, так сказать, было поставщиком кадров для правящей элиты, и крестьяне, которые давали стране продовольствие и налоги. К концу правления династии Тан общество неизбежно придерживалось этого принципа и никогда не отходило от него вплоть до 1948–1949 годов.

При династии Сун экзамены стали необходимым условием для поступления на государственную службу. Кандидаты должны были превосходно разбираться в древней литературе; во время экзаменов все большее внимание уделялось этому предмету. Это немедленно сказалось на системе образования: практически исчезли те предметы, что не способствовали успешной сдаче экзаменов для поступления на государственную службу.

Китайцев отличают природные способности к математике, они прекрасные изобретатели и инженеры. Однако эти их качества не находили применения в системе образования, которую стране навязали ученые-бюрократы.

Образование стало очень сложным. Ученики должны были писать классическим каллиграфическим шрифтом; они не могли говорить на разговорном китайском языке; иероглифы были неоправданно усложнены. Упрощение сделало бы образование слишком доступным. Ситуация сложилась практически тупиковая: те, что сами будучи учениками столкнулись с многочисленными трудностями при обучении, не стремились облегчить этот процесс для других. Правительственная служба была целью всего образованного дворянства; однако ни одно правительство не могло бы принять на службу всех представителей класса; необходимо было как-то ограничить число потенциальных кандидатов на государственные посты, и это делалось посредством усложнения экзаменов.

Образованные люди стали редкостью при династии Сун и еще в большей степени при династии Мин после изгнания монголов в конце XIV века. При монголах обучению китайцев не придавалось никакого значения. Основатель династии Мин был почти безграмотным, однако он понимал, что для него будет полезно, если он даст возможность образованным людям реализовать себя и восстановит их статус. Когда он добился окончательной победы, в полном объеме была восстановлена государственная служба с ее отборочными экзаменами и системой образования, созданной по образу и подобию той, что существовала при династии Сун. При этом правление династии Мин носило гораздо более авторитарный характер и было менее подвержено влиянию ученых-министров. Ученым вернули присущее им положение, но не прежнюю власть или престиж. В империи, население которой превышало 150 млн человек, очень трудно было добиться высокого положения, пробиться на самый верх.

После падения династии Тан ученые перестали заниматься спортом. Они чаще ходили шаркающей походкой и сильно ссутулившись (как два ученых сверху)

Конкуренция стала острее, чем раньше, а образование стало более, чем когда-либо, необходимой вещью; экзамены превратились в испытания, носящие узкоспециальный и теоретический характер. Поскольку двор мог выбирать из большого числа потенциальных чиновников, не было необходимости давать им взятки, поскольку они могли быть смещены в любой момент. Изобретение печатания во времена Тан и его распространение при императорах Сун сделало образование более простым и доступным. В результате число грамотных резко возросло в процентном отношении к общему числу населения, что вынудило семьи, которые традиционно занимали высокие государственные посты, бороться за них со многими соперниками.

Изучение истории чиновничества при династиях Мин и Цинь убедительно доказывает, что большинство чиновников были родом из нескольких определенных частей страны – из региона нижнего течения Янцзы, района Кантона и провинции Сычуань. Высокий жизненный уровень населения в этих регионах, который был результатом благоприятных природных условий и производства столь важных товаров, как чай и шелк, позволял дворянству оплачивать многолетнее и дорогостоящее образование.

Гораздо меньше чиновников происходило из старых центров китайской науки и культуры – провинций Шаньдун, Хэнань, Шэньси и Хэбэй, где расположен Пекин. Эти регионы всегда

были весьма важны, но им больше не принадлежала ведущая роль в стране. В эпоху правления династии Сун чиновников – выходцев из этих регионов было гораздо больше и они играли более заметную роль на политической арене.

В процветающих регионах образованные семьи имели возможность основывать свои школы и привлекать к преподаванию талантливых учителей. Эти люди, которые часто были ушедшими в отставку чиновниками, знали о государственной службе все; они могли научить своих учеников приемам и методам ведения дел, которые понравились бы и их коллегам по должности, и экзаменаторам. Ученики в этих областях пользовались преимуществом доступа в хорошие библиотеки и обучения в школах, где штат учителей состоял из опытных и талантливых людей. Сами ученики происходили из семей, которые могли позволить себе отдавать своих сыновей в обучение на много лет. Часто говорят, что система императорской государственной службы открывала дорогу всем способным молодым людям вне зависимости от их классовой принадлежности и места рождения. В теории это было действительно так, и, возможно, в эпоху Тан или Сун это было так и на практике; однако в эпоху династий Мин и, особенно, Цинь все изменилось.

В романах, созданных в эпоху Мин и Цинь, часто были блестящие ученые, которые в очень молодом возрасте сдавали экзамены и еще молодыми поднимались до самых высот управления. Эти сказки являются чистой воды вымыслом во многих отношениях; здесь желаемое выдавалось за действительное. Путь к высоким должностям был долгим и трудным, а лучшим началом для карьеры чиновника была обеспеченная семья, проживающая где-нибудь в устье Янцзы или в провинции Гуандун.

В династических хрониках со времен Хань можно найти сведения о происхождении выдающихся людей Китая; однако перед началом правления династии Мин в этих записях значатся только наиболее выдающиеся представители каждого поколения. От более поздних времен до нас дошли сведения и о менее знаменитых людях. В эпоху Тан поступление в императорскую школу государственной службы (иногда она называлась университетом) открывало дорогу к государственным должностям. Это учебное заведение имело лучшую в Китае библиотеку. В провинциях, даже самых богатых, больших библиотек почти не было. Численность населения Чанъани времен династии Тан, которое было гораздо больше, чем население самых крупных центров в провинциях, говорит о том, что проживание в этом городе давало потенциальным чиновникам значительные преимущества. В эпоху Мин и позднее столица государства Пекин не был главным центром образования и культуры. Его в этом смысле обошли Ханчжоу, Суч-жоу и Кантон, центр мысли юга страны.

Образ жизни образованных семей хорошо известен из хроник последних шестисот лет. Можно только предполагать, насколько такой же образ жизни существовал и в более ранние времена. Семьи ученого дворянства, возможно, и владели земельными угодьями, но они не жили в своих поместьях. Их домом был город, а поместье было лишь источником дохода. Характерной чертой Китая является то, что в деревне, где, по сути, хозяевами были дворяне, господских домов было очень мало. В Китае нет древних замков, нет усадеб, где живут старейшины рода. Даже дома землевладельцев, фактически живших в сельской местности, не были большими и роскошными. Конечно, они были более просторными и лучше спланированы, чем дома крестьян, но принципиальных различий между ними не было.

Учеба будущих ученых-чиновников начиналась очень рано. С четырех лет ребенка учили выводить большие иероглифы на бумаге, показывая ему, в каком порядке должны писаться элементы иероглифов. Когда ему исполнялось семь лет, он уже был грамотным в том смысле, что умел читать и писать ряд иероглифов (при этом ему было известно лишь их основное значение), а также он начинал учить «Канон из тысячи иероглифов», конфуцианское эссе моралистического характера в стихах, которое отличается тем, что в нем использована тысяча

иероглифов, зарифмованных в четверостишия. Молодой ученик должен был выучить это произведение наизусть, не понимая при этом его смысла. В этом ему помогал учитель. Ученик стоял спиной к учителю, в руках у которого была тонкая палка. При малейшей ошибке, допущенной учеником, на его спину обрушивался удар палкой. Такая система обучения традиционно называлась «спинной». После «Канона из тысячи иероглифов» ученик приступал к изучению других классических текстов: «Великого учения» и «Книги песен». Метод обучения был очень похож на вышеупомянутый: ученику не объясняли значения текстов до тех пор, пока он не заучивал их наизусть. Это было упражнение на тренировку памяти, очень эффективное для того, чтобы развить именно фотографическую память, которая, однако, была мало нужна в каком-то другом виде деятельности. Только после того как ученик запоминал текст до конца, ему разрешали переходить к следующей стадии обучения. Он начинал учить комментарии к конфуцианским классическим текстам, созданным в течение нескольких веков.

Так проходили годы, и усердный и способный студент обогащался новыми знаниями и мог уже читать наизусть копии всех конфуцианских текстов. В учебный план также входили истории династий. Отдельные части этих текстов весьма трудны, однако к тому времени, когда относительно молодой человек приступал к их изучению, они достаточно легко давались ему. Из учебного плана были исключены буддийские тексты, равно как и знаменитые романы династий Мин и Цинь. И горе было тем студентам, которых заставляли за чтением одного из этих произведений!

Развлечений у студентов практически не было. Студентам почти не разрешалось заниматься спортом. Они никогда не бегали, не прыгали, не плавали. Существовала игра наподобие современного футбола, в ходе которой требовалось, действуя только ногой, не давать мячу упасть на землю. Однако даже в романах об этой игре писали как о легкомысленной забаве молодых бездельников. Верховая езда была прерогативой только людей благородного происхождения, членов императорской семьи. Обычно считалось, что охота причиняет большой ущерб урожаю, выращенному крестьянами. А вот рыбная ловля была весьма популярна среди студентов. Ее поощряли и всячески развивали великие люди прошлого, и рыбная ловля является темой многих известных пейзажей. Студент мог также наблюдать за птицами, наслаждаться природой, сидя в горном домике, играть на лютне, сочинять стихи и писать картины.

Ученый ничего не делал своими руками, кроме как занимался каллиграфическим письмом или живописью. С детства он не выполнял никакой тяжелой работы. Лишь в самом раннем детстве он, возможно, обслуживал за столом старших. Позже он развивал чувствительность пальцев, перекачивая в руках гладкие камешки или металлические предметы. Это повышало его способности на ощупь определять качество фарфора. Он отрачивал, насколько это было возможно, ноготь мизинца, покрывая его защитным слоем серебра, что свидетельствовало о том, что он незнаком ни с какой тяжелой работой. (Эта отличительная черта всегда использовалась актерами, изображавшими ученых на сцене.)

В более ранние времена жизнь ученых была совсем не такой. В эпоху Тан, а возможно, и еще раньше, во времена империи Хань, ученое дворянство вело очень активный образ жизни и занималось «мужскими» видами спорта. Охота тогда была самым обычным способом проведения досуга. Поло, которое, возможно, было завезено из Персии в VII веке, было популярно как среди юношей, так и среди девушек. При дворе императоров Тан обычной частью различных праздников были танцы, носившие церемониальный характер. По мере возникновения и развития системы экзаменов все эти развлечения постепенно исчезли. По мере того как усиливалась конкуренция при сдаче государственных экзаменов, студенты должны были посвящать учебе все свое время. Раньше обеспеченные люди, в том числе и ученые, часто путешествовали и пешком, и верхом. Позже на смену лошади пришли носилки и паланкины. Существовавшая система образования способствовала тому, что между военной и гражданской

службой пролегла пропасть. Воинов не могли обучать так, как чиновников. Они должны были заниматься физическими упражнениями – ездить верхом, стрелять из лука, владеть копьем или мечом. Ученых же учили презирать жизнь военных, как пригодную только для неотесанных и необразованных людей. «Хорошее железо не используется для производства гвоздей, а достойные люди не становятся солдатами», – гласила пословица. Однако сколько лет этой пословице? Она звучала бы по меньшей мере странно в устах императора династии Тан Дай-цзуна, который уже в шестнадцать лет был превосходным воином, а позднее прославился как прекрасный руководитель и каллиграф. Еще более древняя пословица гласила: «Генералы и министры вырастают не из семян: молодость должна усиленно развивать себя». Эта пословица частенько цитировалась и позднее, при этом игнорировалось то, что в ней фактически проводилась параллель между генералами и гражданскими чиновниками. Закончив обучение, молодой человек тем не менее сталкивался с очень многими трудностями. Ему надо было пройти через систему экзаменов. Сдав экзамены, которые проводились в столице провинции (и, кстати, очень велики были шансы на то, что экзамен сдать не удастся), он получал самую низшую степень чиновника. (Если же экзамены сдать не удавалось, то он мог пробовать свои силы снова и снова.) Сдача экзамена давала ему возможность получить назначение на гражданскую службу. Этого часто приходилось ждать много лет, но ожидание компенсировалось многими привилегиями, которые ставили его в особое положение по сравнению с обычными гражданами. Он мог быть бесплатным помощником чиновника, чтобы набраться опыта, либо он мог быть в школе учителем. (Многие, кстати, и не поднимались выше этого.) Он мог также каждые три года сдавать экзамены для получения более высокой степени, что помогало ему побыстрее получить чиновничью должность.

Удачливый или способный молодой человек вполне мог ожидать назначения магистратом (мировым судьей) в маленьком провинциальном местечке. Магистрат был весьма заметной фигурой, он нес полную ответственность за поддержание там порядка, сбор налогов, обеспечение выполнения общественных работ – строительство дорог и ирригационных каналов. Однако ему никогда не разрешалось служить в своей родной провинции, очень часто его посылали на другой конец страны, где даже местный диалект был непонятен ему. Там он набирал штат чиновников, которые не состояли на постоянной службе, но хорошо знали страну и местный диалект. Очень часто они годами служили при сменяющих друг друга магистратах и, по сути, являлись местным правительством. Они были грамотными, однако не были учеными, поскольку не сдавали экзаменов. Жалованье им платило не государство, а сам магистрат из своего собственного кармана или из того, что он крал из местных налогов. Эта практика была незаконной, недоброжелатель всегда мог использовать этот факт для обвинения судьи в воровстве. Однако судьи просто были вынуждены воровать, это было признано необходимым злом. Если бы подчиненным магистрата не платили, они плохо выполняли бы свою работу и продавали бы справедливость и блага. Они, правда, в любом случае пытались это делать, однако со стороны магистрата было разумнее держать коррупцию на относительно низком уровне на подконтрольной ему территории. Магистрат служил на одном и том же месте очень недолго. Его переводили на другое место службы через два-три года; если у него были хорошие связи и он пользовался достаточным влиянием, он мог получить назначение в одно из столичных министерств.

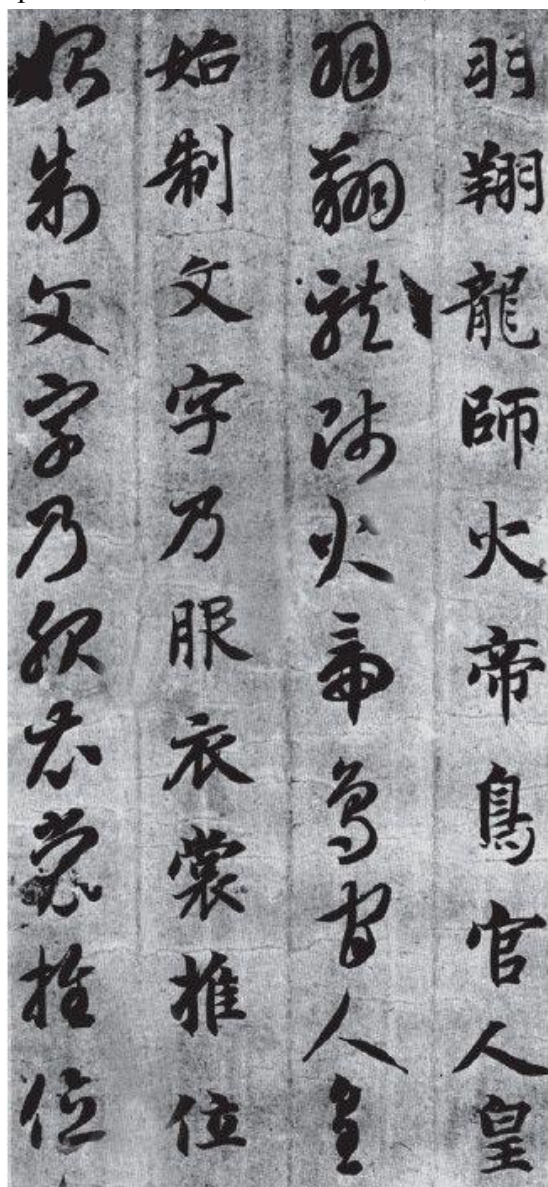

Под неусыпным надзором императора чиновники из разных городов пишут сочинения, призванные продемонстрировать их знание трудов Конфуция

Это во многом облегчало его жизнь, там было меньше ответственности и меньше трудностей. Некоторые наиболее удачливые и наиболее способные чиновники получали такую должность в самом начале своей карьеры и никогда не служили судьями. Чаше их посылали в какое-нибудь отдаленное поселение, но, возможно, на более высокую должность, например окружным контролером, в обязанности которого входил контроль над военными, налоговыми, судебными и торговыми делами или магистратом префектуры. Обязанности такого чиновника были значительно серьезнее, а зарплата – не намного выше, однако при этом открывались большие возможности для всяческих ухищрений и злоупотреблений. Чем выше поднимался чиновник по служебной лестнице, тем важнее для него становилось обрести нужными связями в столице. Ведь многие желали занять его собственную должность. Ему приходилось всевозможными способами стараться расположить к себе сильных мира сего: одних – через семейные связи, других – с помощью подношений. Всю свою долгую жизнь на государственной службе ему приходилось сдавать экзамены, поскольку таковы были требования к кандидатам на высокие посты. Действительно, способный человек мог получить самый высокий чиновничий ранг, что давало ему возможность доступа к императору и получения самых важных постов в правительстве. И даже тогда каждые несколько лет ему приходилось подтверждать свою квалификацию. Ему никогда не давали отпуска за все время службы. У него не было возможности вернуться домой или хотя бы выбрать для службы место в относительной близости от дома. Когда умирал кто-то из родителей, чиновнику приходилось уходить со службы на три года и возвращаться на родину, чтобы соблюдать траур, смотреть за могилами предков и всячески проявлять свое уважение к ним. Конечно, он не получал жалованья во время

своего вынужденного отпуска. Неудивительно, что в таких условиях многие чиновники и их семьи практически навсегда порывали все связи с отчим домом. Семьи жили в столице, если могли, конечно, либо следовали повсюду за главой семьи. Рано или поздно он мог получить должность в Пекине, и только тогда более или менее стабильная семейная жизнь могла стать реальностью. Часто можно было встретить семьи, которые прожили в столице всю жизнь и никогда не видели своей малой родины. Среди них были кантонцы, которые никогда не были в Кантоне и никогда не служили там; однако вполне возможно, что им предстояло быть похороненными в семейном склепе на родине предков.

Это была жизнь тех, кто добился успеха в карьере. Однако немногим так везло. Если чиновник совершал какой-либо серьезный проступок, то его могло ожидать наказание вплоть до смертной казни или позорное увольнение со службы. Такое увольнение ставило крест на дальнейшей карьере чиновника. Если запятнавшего себя чиновника не ссылали в отдаленную провинцию вроде Синьцзяня или Юньнани, он должен был вернуться к себе на родину.

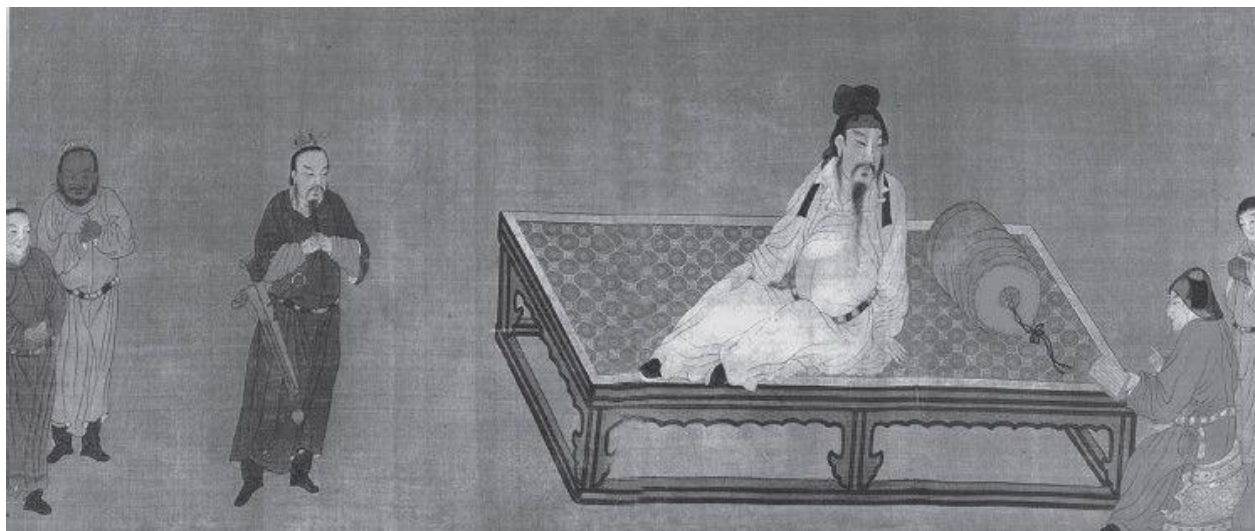

В семь лет учащиеся начинали титаническую работу по запоминанию «Канона из тысячи иероглифов», отрывок из которого можно видеть слева. Составленный из тысячи иероглифов «Канон» представлял собой рифмованное собрание исторических сведений

Там он обычно прозябал до конца своих дней, хотя, как правило, он использовал все свои связи в столице, чтобы приговор был пересмотрен. Даже если его вина и не была доказана,

могущественные враги в верхах могли уничтожить его. Скажем, человек, который совершил что-то недостойное, получал назначение в какое-нибудь местечко возле Кантона. Однако, едва он, наконец, добирался туда, проделав долгий и дорогостоящий путь, и надеялся хоть как-то возместить свои расходы за счет должности, как получал приказ о переводе в городок, скажем, в 2000 миль от того места, куда он только приехал. Он должен был незамедлительно отправляться в еще одно долгое, дорогостоящее и полное опасностей и лишений путешествие. Как только он приезжал к месту нового назначения, снова поступал приказ о новом переводе, что, возможно, означало еще 2000 миль долгого и трудного пути. На этом этапе жертва начинала понимать, что происходит, и обычно подавала заявление об уходе со службы, прося разрешения вернуться в родные места, чтобы оправиться от болезни или заботиться о престарелых родителях. Если его враг не желал добивать свою жертву, а хотел только положить конец его карьере, просителю благосклонно давалось разрешение уйти в отставку.

Опасности карьеры чиновника были весьма велики и вполне реальны. Для нас выгоды от службы кажутся несоразмерными с затраченными усилиями, они были связаны со столькими неудобствами, что вряд ли причиняли меньше неприятностей, чем даже немилость. Тем не менее недостатка в кандидатах на должности чиновников никогда не ощущалось. Напротив, образованные люди рьяно боролись за них. Они тратили всю свою жизнь в борьбе за должность, и когда им ее предлагали, они никогда не отказывались. Их толкали вперед годы учебы, семья и давление со стороны общества. Только гораздо позже в Китае появились первые признаки того, что карьера чиновника перестала привлекать некоторых людей. Они изучали классические тексты, возможно, сдавали экзамены на получение чиновничьей степени, однако карьера чиновника не была их целью. Они предпочитали заниматься литературой, искусством или преподаванием. В истории мы видим примеры действительно выдающихся людей, которые не желали служить коррумпированному двору или слабеющей династии. Их звали «спящими драконами» и уважали в обществе. Иногда новый правитель получал сведения об одном из них и пытался соблазнить его перспективой службы у него. Очень часто эти предложения отклонялись.

Последние годы правления императора Мин-хуана были годами разврата и мотовства. Из-за этого когда-то почитаемый народом «Бриллиантовый император», покровитель многих китайских поэтов, был вынужден в 756 г. отречься от престола в пользу своего сына. На копии древнего рисунка император (сидящий на троне) наставляет своего наследника (справа)

Должно быть, при такой системе много талантливых людей не нашли применения своим способностям, поскольку не каждый талантливый человек имеет склонность к гуманитарным наукам, а китайское общество давало мало возможностей проявить себя людям, склонным к

точным наукам: математике, технике. Таких людей, вероятно, было не меньше, чем классических ученых. Если они были достаточно обеспеченными, то вполне могли заниматься интересовавшими их вещами. Они писали книги, которые не особенно ценились в то время, но которые дают нам бесценную информацию о том, что знали китайцы о науках, которые находились за пределами конфуцианского образования. Конечно, для того, чтобы вырваться из рамок общепринятого и преодолеть давление общества, требовались исключительные способности и упорство.

Императоры Тан создали систему государственной службы как инструмента для победы над военной аристократией; постепенно она стала удавкой, тормозящей прогресс и социальные изменения. Когда в XIX и начале XX века эта система под давлением из-за рубежа дала трещину, стало очевидно, что в Китае много людей, у которых были способности и возможности работать в условиях современной науки и технологий. Прошло много лет, прежде чем социальная и экономическая система смогла дать этим людям возможности для достойной карьеры. Когда, однако, они получили такую возможность, наследники конфуцианских ученых-чиновников сразу же ухватились за нее и стали физиками-ядерщиками, инженерами и т. д. Класс ученых-чиновников был на удивление сплочен, даже когда внутри его возникали интриги и склоки. Они выступали единым фронтом против тех, кто оспаривал их значимость и привилегии. Главными их врагами были евнухи, на уроках истории студенты узнавали о последних много нелицеприятного. С точки зрения императора, евнухи были важны как политическая сила; однако, с точки зрения рядовых чиновников, евнухи были всего лишь кучкой выскочек, плохо образованных, коррумпированных, предубежденно и враждебно настроенных по отношению к образованным людям. В этом смысле ученые-чиновники были чаще всего правы. Евнухи были, как правило, людьми низкого происхождения и хотя в более поздние века некоторые из них знали грамоту, образованным никого из них назвать было нельзя. К литературным предпочтениям евнухов относились романы и драма. Многие из них обладали актерским даром, что делало их популярными среди придворных дам. Вдовствующая императрица Цыси, которая очень любила драму и оперу, благоволила к евнухам, которые умели ставить драматические произведения на сцене и играть в них. Для ученых же эти таланты евнухов были лишним доказательством того, насколько низкими людьми были последние. Мудрый правитель должен был бы игнорировать евнухов и низвести их до полагающегося им положения простых слуг. Имея в руках такое оружие, как история, ученые еще со времени династии Хань постоянно ставили евнухов, за редким исключением, к позорному столбу, но совсем избавиться от них им не удалось.

Евнухи представляли для ученых-чиновников особую опасность, потому что у них был доступ к самой верхушке власти, к самому императору. Влияние евнухов – намек здесь, словечко там – могло подорвать тщательно продуманные и взвешенные действия любого министра или высокопоставленного чиновника.

Вся история Китая и есть история вечного противоборства между евнухами и государственной службой. После падения династии Хань евнухи больше никогда не пытались захватить полную власть и уничтожить систему государственной службы. Со своей стороны ученые-чиновники, помня те же трагические события, никогда не задействовали армию для борьбы с евнухами. Император не мог управлять страной без помощи чиновников, и он не мог управлять своим дворцом и гаремом без помощи евнухов.

Еще одним противником образованных людей была – наполовину презираемая, а наполовину внушающая страх – армия. Если военные приходили к власти во времена смуты и смены правительства, то ученые сразу же теряли всю свою власть. Их карьере приходил конец, если только они не поступали на службу к какому-нибудь феодалу; его самого, вероятно, ожидала недолгая карьера и неизбежное падение, которое влекло за собой крах всех его сторонников.

Однако велика была и вероятность того, что генерал, каким бы грубым и неграмотным он ни был, оказывался основателем новой могущественной династии. Это, конечно, была рискованная игра, но если все срабатывало как надо, то представители ученого сословия, присоединившиеся к нему на заре его карьеры, получали и почести, и должности, и богатство. Во времена смуты они и сами нуждались в поддержке армии. Только армия могла подавить выступления крестьян и восстания, которые могли нанести серьезный удар по благосостоянию образованных людей, уменьшив получаемые доходы или доходы от поместий. При падении династии только армия могла дать стране основателя новой династии. Однако как только восстанавливался мир и новая династия вставала у руля власти, армия была больше не нужна, и ученые отказывались от ее услуг. Они призывали правителя отослать армию на границу и не использовать ее для управления страной. Управление страной, по их мнению, было обязанностью и почетной наградой людям, которые упорно изучали конфуцианские тексты.

Купечество не представляло опасности для образованного класса. Тем не менее купечеству всегда четко указывали на его место, власти торговцы практически не имели. У торговцев были деньги, которые часто использовались для подкупа чиновников в столице с целью уменьшить власть местного судьи. Следовательно, местные судьи должны были вести себя предельно осторожно. В исторических текстах торговцы постоянно высмеивались. Образованные чиновники всегда учили, что о влиянии торговцев можно только сожалеть. Торговцы хотели защитить свое богатство, вкладывая деньги в землю и, если возможно, приобретая должности, которые они не могли получить, просто сдав экзамены. Таким образом они могли получить защищенный статус выпускников учебных заведений или безработных чиновников. Практика покупки должностей приобрела особый размах в конце правления Маньчжурской династии. Во многие периоды истории закон запрещал торговцам покупать сельскохозяйственные угодья; однако они умудрялись обходить этот закон, действуя через подставных лиц, которые часто были обиженными представителями класса образованных дворян. Ученым также нужны были торговцы: из них можно было различными способами тянуть деньги. Они щедро платили за честь жениться на дочери обедневшего ученого-чиновника. Ученые люди обращались к торговцам за советами о наилучшем вложении денег, они принимали взятки от торговцев, которые были их клиентами, и защищали их от произвола других чиновников.

Однако они упорно повторяли заученные из книг слова о «жадных торговцах», которые стремились к власти и не занимались «основными делами», а именно не занимались сельским хозяйством и не служили государству в качестве чиновников.

Образованный класс резко критиковал буддийских и даосских монахов, хотя ни те ни другие не могли представлять для них угрозы. Даосские монахи были обычно людьми из народа и довольно нечистоплотными предсказателями будущего или гадалками. Они могли стать зачинщиками волнений среди невежественных и суеверных крестьян, особенно во времена засухи и голода. Традиционно они были противниками конфуцианства. У буддийских монахов были с ними некоторые общие черты. Более того, они были приверженцами чужеродной религии. Буддийские секты также часто становились вдохновителями крестьянских восстаний – иногда весьма крупных. Помимо всего прочего, у буддистов была своя система образования и своя литература, которая бросала вызов господству конфуцианства – его философии, литературе и этике. Конфуцианская история учила молодых ученых всячески высмеивать влияние буддийских монахов при дворе и приписывать этому влиянию всевозможные беды. Молодой конфуцианский ученый мог видеть, как буддийский монах читает свои сутры на свадьбах и похоронах; вполне возможно, что его дядя когда-то ушел заканчивать свои дни в монастыре, а его мать и сестры, возможно, были ярыми буддистами и частыми гостями в буддийских монастырях. (Это было одно из немногих мест вне дома, куда женщинам был открыт доступ.)

Тем не менее молодой ученый должен был игнорировать все эти факты. Вполне возможно, что

образованным людям буддизм нужен был лишь для того, чтобы подчеркивать свою собственную литературную культуру.

Был у них и еще один противник, который чаще всего занимал слишком высокое положение, чтобы быть объектом прямой атаки, но которого все равно критиковали через призму истории. Это была самая могущественная женщина при дворе, императрица или любимая наложница императора. Если она не делала попыток свергнуть императора, влиять на его политику и решения по поводу назначения высших чиновников или их отставок, ученые всячески восхваляли ее в своих произведениях как образец настоящей, чистой духом, воспитанной в духе конфуцианства жены. Если же она воздействовала на монарха с помощью просьб и убеждений, тогда тем самым посягала на власть ученых-чиновников и подвергалась осуждению. Очень часто императрица или любимая наложница способствовали продвижению по службе своих родственников за счет обычных чиновников. И тем не менее и это было необходимо для ровного течения истории; императору нужен был наследник – а лучше несколько, – чтобы избежать риска борьбы возможных претендентов на престол и, следственно, войны и смуты. В конечном итоге ученые всегда оказывались на стороне закона и порядка, насколько бы они не любили тех, кто поддерживал этот порядок, поскольку без него чиновникам тоже не было бы места в китайском обществе.

12. Художники и писатели

История китайской литературы насчитывает около двух тысяч пятисот лет, что же касается Запада, то там точкой отсчета может служить период древнегреческой литературы. Если говорить о китайском искусстве в целом, то его возраст еще больше, и оно уходит своими корнями в эпоху династии Ся-Шан, которая по времени совпадает с периодом Нового царства в Древнем Египте и почти мифическим микенским периодом в Греции. Бронзовые изделия эпохи Шан являются самыми восхитительными образцами китайской культуры. Однако никто ничего не знает о создателях этих произведений искусства – тех, кто придумал их форму, кто создал совершенную технологию отливки многокилограммовых шедевров в глиняных формах. Во многих случаях надписи на этих бронзовых сосудах просто констатируют тот факт, что такой-то и такой-то шедевр, «да благословит Господь его скромность» гласит далее надпись. Человек, который, как утверждается, «сделал» этот сосуд, скорее всего, не делал его своими руками. Вероятнее всего, он был высокопоставленным чиновником или дворянином, который повелел создать это произведение искусства, чтобы таким образом увековечить оказанную ему честь, – чаще всего это было вступление его в должность. Мы никак не можем знать, к какой прослойке общества принадлежали непосредственные создатели бронзовых изделий периода Шан. Однако, без сомнения, они были китайцами. Судя по качеству работы и мастерству, с которым эти произведения были выполнены, становится ясно, что их авторы никак не могли быть необразованными кочевниками, попавшими в плен и ставшими рабами.

Мы также не знаем имен художников эпохи феодализма и следующей за ним Первой империи. Сохранившиеся надгробные барельефы и некоторые из удивительно хорошо сохранившихся фресок (настенной живописи) – из числа самых ранних из известных нам произведений китайской живописи – анонимны, и нет никаких письменных свидетельств, содержащих сведения о создателях этих произведений искусства. Сохранившиеся картины эпохи Хань не являются пейзажами; чаще всего на них изображены те или иные сцены жизни людей, их домашние дела или сцены охоты.

Сидящий ученый собирается поиграть на лютие двум студенткам, одна из которых составляет букет из цветков сливы, а вторая рассматривает картину

Кажется вполне вероятным, что лишь буддизм повернулся лицом к природе, и было это сразу после падения Первой империи. Тем самым буддизм вдохновил художников на создание пейзажей, а поэтов – на создание стихов, посвященных природе. Согласно китайской историографии, первым великим художником, чье имя нам известно, является Гу Кайчжи, который жил около 364 года и работал при дворе династии Цзинь в Нанкине. До сих пор сохранились одна или две картины, приписываемые кисти Гу Кайч-жи, хотя многие современные ученые утверждают, что это скорее древние копии, а не оригиналы. Стиль Гу Кайчжи заметно отличается от стиля художников позднего времени и имеет общие черты со стилем неизвестных авторов надгробных росписей эпохи Хань. В эпоху, когда росло влияние буддизма среди класса образованных людей, Гу Кайчжи создал много произведений на религиозную тематику для буддийских монастырей. Однако ни одно из них не сохранилось до наших дней. Но Гу Кайчжи не был единственным художником, чьи произведения бесследно исчезли. На деле в китайской литературе сохранилось много имен художников, чьи произведения не дошли до нас. У нас есть литература об искусстве – критика, рецензии,

описания отдельных работ, – однако самих работ нет. Лишь малая часть картин эпохи Тан дошла до нас, а это – спустя триста лет после Гу Кайчжи, причем даже эти картины датируются поздним периодом этой эпохи. Этого слишком мало, чтобы с уверенностью судить об искусстве эпохи Тан, которое было так хорошо известно и так высоко ценилось в свое время и при последующих императорах Сун.

Работы таких людей, как поэт и художник Ван Вэй и У Дао-цзы, которые были признаны величайшими мастерами эпохи Тан, представлены лишь копиями. Сохранилось лишь несколько работ, приписываемых Хань Кану, современнику Мин-хуана. Также имеется несколько работ, приписываемых Чжоу Фану, который был представителем уже следующего поколения китайских художников. Искусство династии Тан больше известно по фрескам на стенах пещерных храмов в Дуньхуане провинции Ганьсу, чем по работам известных художников. Фрески Дуньхуана анонимны. Их стиль более провинциальный и старомодный, чем тот, который был распространен в то время. Он имеет больше общих черт со стилем периода Хань, чем с изысканными работами, созданными учеными-художниками династии Тан.

Традиционно ученые в Китае занимались живописью. Ее подъем, без сомнения, связан с развитием каллиграфии как искусства, что, в свою очередь, было связано с изобретением туши и кисти в конце «Эпохи воюющих государств» и в начале Первой империи. Красота и изящество их письма дало возможность китайцам рассматривать каллиграфию как искусство, и каллиграфия приобрела статус, равный живописи. Вариации стиля, толщина линий, экспрессивность и тонкость рисунка являются теми чертами, которые ценятся знатоками как в каллиграфии, так и в живописи.

К эпохе династии Тан искусство стало одним из важных видов деятельности ученых, и ими было создано много произведений. Мы знаем, что художники были и среди образованной элиты общества, и среди высших правительственных чиновников. Это было характерной чертой культурной жизни Китая вплоть до нового времени. Без сомнения, в основе этого лежал тот простой факт, что для того, чтобы быть художником, необходимо было быть грамотным человеком и к тому же отличным каллиграфом. Именно ученые-художники определяли пути развития китайской живописи. Типичным примером здесь является Ван Вэй. Он был весьма известным поэтом, а также очень влиятельным чиновником при дворе в Чанъани. Однако больше всего он любил уединенную жизнь в деревне, что ярко проявилось в его картинах и стихах. Это была доминирующая тема его творчества. Вообще эти два вида искусства неразрывно связаны в искусстве Китая. Часто произведение изобразительного искусства сопровождалось стихотворным текстом, причем они были выполнены одной кистью и одной тушью. Слова были важны как визуальное средство, а сами картины были, по определению западных художников, литературными. Это означало, что их, так сказать, информационная ценность была не менее важна, чем эстетическая.

Позднее Ван Вэй стали считать основателем южного стиля живописи, а член императорской семьи Ли Сысюн был признан основоположником северного течения. Названия «южный» и «северный» не следует воспринимать в их прямом значении, поскольку художник, в одном или другом стиле, не обязательно был родом из соответствующего региона страны. Стили различались по силе или тонкости мазков при создании пейзажей. Южный стиль, по словам знатока китайского искусства, характеризовался «мягкостью и изяществом пейзажа», в то время как северный стиль – это стиль «грандиозных и великолепных сцен... Само искусство как бы поделено на две школы – северную и южную, и произведения каждой школы создаются в соответствии с характерными особенностями природы юга и севера».

Картины создавались тушью на шелке или на тончайшей бумаге; краску использовали очень бережно, а масляные краски не использовали вообще. Одна из причин, по которым такие хрупкие работы вообще дошли до наших дней, заключается в том, что китайцы не вывешивали

эти картины на стены. Они хранили их свернутыми в рулоны и завернутыми в шелк. Их доставали из ящиков и разворачивали только для того, чтобы гости могли оценить их красоту или просто чтобы хозяин картин мог сам насладиться ими.

Известная легенда о фее реки Ло послужила сюжетом для картины, которую когда-то приписывали кисти художника XIV в. Ту Кайчжи. Согласно этой легенде, богиня воды тщетно пытается увлечь своего смертного возлюбленного в свое подземное царство. Сейчас эксперты полагают, что эта картина – всего лишь очень точная копия работы Ту; скорее всего, она была сделана в эпоху Сун, когда рисунки, выполненные тушью (как та, которую видно висящей на стене каюты на фрагменте картины), стали особенно популярны

Китайцы полагают, что эпоха Сун была величайшей эпохой живописи. Без сомнения, такое их мнение было основано на том факте, что многие из картин того периода дошли до нашего времени. Однако нельзя не признать неоспоримый вклад в искусство великих художников эпохи Сун и то, что искусство в эту эпоху ценилось очень высоко и занимало особое положение в обществе. Художники этого времени совершенствовались в создании пейзажей, что, видимо, было их излюбленной, но не единственной темой. Подобно художникам эпохи Тан, почти все художники Сун были известными учеными, а многие – и высокопоставленными чиновниками. Император Хуэй Цунь – последний из рода Сун, который правил на севере, – был известным и талантливым художником. Он был основателем первой академии искусств, которая строилась по принципу обычной школы и которая присуждала почетные степени отличившимся художникам.

Листок из альбома «Красная скала» выполнен художником Южной Сун Ли Суном. Это иллюстрация к одноименной поэме в прозе автора XI в. Су Ши. На этой иллюстрации мы видим поэта и двух его товарищей, плывущих на лодке по реке Янцзы мимо скалы, которая и вдохновила поэта на создание своего произведения

Император сам принимал участие в обучении студентов, определял предметы, по которым надо было сдавать экзамены, и оценивал работы, представленные на суд комиссии. Во дворце он устроил настоящую картинную галерею. Каталог его коллекции, который он опубликовал, существует до сих пор. В нем значатся 6396 картин, некоторые из них относятся к периоду Тан. Интересен тот факт, что еще толкователи китайского искусства эпохи Сун отмечали, что к началу XII века картины династии Тан стали раритетом.

Большинство художников Северной Сун были чиновниками или учеными. Ли Сун – один из немногих выдающихся художников, который, как говорят, был низкого происхождения. Он начал свою трудовую жизнь плотником, и это сослужило ему хорошую службу: когда на своих полотнах он изображал предметы мебели, то делал это с величайшей точностью и во всех деталях. А вот Хань Кань, художник эпохи Тан, был опять-таки из немногих художников, который был не из ученого сословия. Ван Вэй познакомился с ним в гостинице, где тот был простым слугой. Пораженный его талантом, он забрал его из гостиницы и занялся его образованием. Если бедняку не оказывали такой помощи, то у него практически не было шанса развить свои способности, каким бы талантливым он ни был. В Китае мастерство владения кистью было неотделимо от грамотности. Это ограничение, скорее всего, лишило искусство многих талантливых художников.

Период Южной Сун был периодом расцвета живописи, несмотря на то что весь двор династии Сун был вынужден переехать в Ханчжоу в провинции Чжэцзян после завоевания севера Китая. Именно этот период был периодом развития характерного только для Китая вида живописи: больших панорамных пейзажей, выполненных из натуральных материалов – бамбука или соломы. Обычно на такой картине изображалась довольно большая территория, которая зачастую должна была символизировать расстояние в сотни миль.

Критики часто выдвигают следующий аргумент: якобы после периода Сун китайское

искусство стало менее оригинальным и в большей степени подражательным. Художники Сун стали образцом для будущих поколений, и художники династий Мин и Цинь работали в стилях, созданных их предшественниками. Возможно, это все-таки преувеличение. Благодаря художникам эпохи Мин, копировавшим картины своих великих учителей, мы действительно очень много знаем об искусстве империи Сун, однако это не позволяет нам считать, что художники Мин были не способны к собственному оригинальному творчеству. Работы первых мастеров пейзажа всегда вызывали всеобщее восхищение. Художники эпохи Мин и начала эпохи Цинь продолжали их дело, делая пейзажи живыми и убедительными. Традиционная живопись процветала до конца империи. Впрочем, она жива и теперь, несмотря на то что все-таки большая часть хвалебных отзывов приходится на долю работ, созданных в западной стилистике.

Характерной чертой китайского искусства всегда было резкое разделение видов искусства на «ученые», или изысканные, и механические. К последним относятся фарфор и скульптура. Ни то ни другое не получало сколь бы то ни было большого признания. Имена скульпторов, работавших в знаменитых буддийских пещерных храмах в Лунлине и Юнгане, остались неизвестными. Не имеется никаких сведений о художнике, спроектировавшем и создавшем грандиозных геральдических львов, которые до сих пор охраняют гробницы Ляня близ Нанкина.

Бамбук был любимым объектом творчества художников, которые верили, что это растение обладает всеми добродетелями совершенного человека: гибкостью и стойкостью. Изображение

бамбука, выполненное чернилами, требовало от каллиграфа твердости руки; рисунок XIV в. показывает, насколько схожа техника каллиграфического письма и изображения бамбука

Производство фарфора, которое достигло расцвета в эпоху Сун, находилось под покровительством самого императора; следовательно, были зафиксированы имена некоторых мастеров и гончаров. Однако вся другая информация о них сохранилась только в устном народном творчестве, что совершенно не похоже на подробные сведения о жизни художников. Поскольку в эпоху Южной Сун производство фарфора достигло большого объема, а позже то же самое произошло в эпоху Мин, то оно потеряло всякую индивидуальность. Мастера обжигали посуду, художники украшали ее, а все остальные доводили ее до нужного качества. До нашего времени дошли имена управляющих заводами по производству фарфора в Цзиндэжэне. Эти люди вносили новые элементы в древний процесс, экспериментировали с новыми технологиями и формами, однако они не отвечали за каждое изделие в отдельности.

Это деление на ученых-художников и ремесленников, какими бы талантливыми они ни были, было результатом влияния сословия образованных людей на правящий класс. Что касается скульптуры, то она была либо на службе у буддизма, либо тяготела к церемонии похорон. Иногда скульптуры в больших количествах появлялись на могилах императоров, а иногда, в гораздо меньших размерах и объемах, непосредственно в могилах усопших. Ни в том ни в другом случае она не считалась искусством. Буддизм и буддийское искусство служили простым людям (даже если ученые иногда и уходили в буддийские монастыри, чтобы обрести там покой). Искусство создания и оформления надгробий имело религиозное или мистическое значение. Именно поэтому живые игнорировали его, а на создателей скульптур смотрели как на простых ремесленников, хотя, как мы сейчас понимаем, многие из них были настоящими художниками. Нет никаких данных и о людях, которые были и художниками, и скульпторами, а возможно, также и искусными ювелирами.

Господство литературы было полным и всеобъемлющим, и ни одно из искусств не считалось истинным, если в его основе не лежала грамотность.

Из всех видов китайской литературы к визуальным видам искусства ближе всего была поэзия. Один из первых известных нам по имени китайских художников, Цюй Юань, жил в IV веке до нашей эры в «Эпоху воюющих государств» и был министром при дворе царя Чжоу. Он создал новую форму поэзии, которая была названа элегией. Наиболее известной из его работ является «Скорбь отлученного», аллегория, в которой содержатся намеки на время, когда поэт впал в немилость. Эта тема пройдет красной нитью через всю китайскую поэзию. Судя по всему, у Цюй Юаня была очень трагическая жизнь, и он покончил с собой, утопившись в небольшой речушке в Хэнани. Существует легенда о том, что известный праздник драконов-лодок начал свою историю с поисков тела Цюй Юаня.

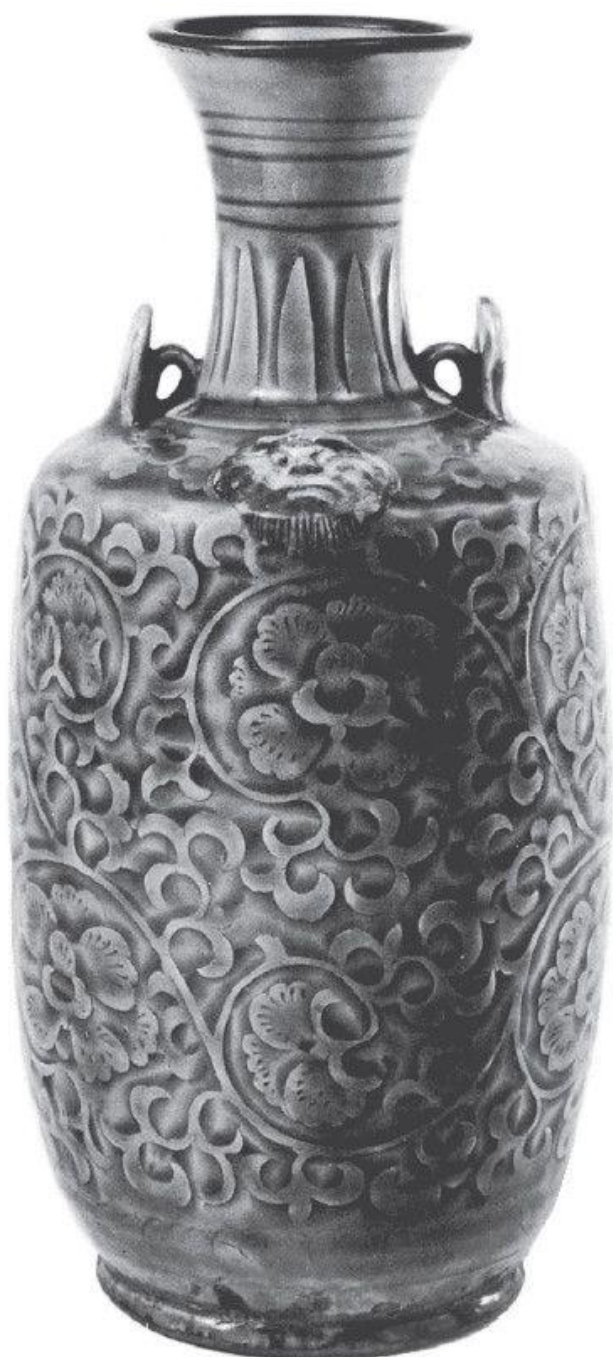

Для китайского искусства была характерна откровенная имитация стиля другого Чжи Ин посвятил большую часть своей карьеры созданию таких имитаций, как, художника. Не было ничего экстраординарного в том, что художник эпохи Мин например, «Пейзаж в манере Ли Дана». Ли Дан был художником Южной Сун

От эпохи Хань сохранилось очень мало образцов поэтического творчества, однако до нас дошла работа Сымы Цяня, который жил при императоре У во II веке до нашей эры, и она до сих пор вызывает восхищение. Антология, которая называется «Песни Чжоу», написанные еще до периода Хань, но сведены воедино лишь во II веке до нашей эры, оказала серьезное влияние на всю более позднюю поэзию.

С конца III по начало VII века буддизм и даосизм оказывали огромное влияние на литературу, в особенности на поэзию. Почти все великие поэты этого периода черпали свое вдохновение в обеих этих религиях.

Типичными образцами китайского искусства являются выполненные неизвестными мастерами ваза из селадона (справа) и фигура музыканта (слева). Они были созданы в эпоху Сун примерно между IV и VI вв. н. э.

Даосизм со своей концепцией лекарства бессмертия и верой в бессмертных, которые якобы жили высоко в горах, обращал внимание литераторов на красоты и внушающие благоговейный трепет пейзажи юга Китая. Поэтам, в чьих работах нашли отражение эти новые тенденции, было суждено еще долго оказывать влияние на поэзию Китая. В этот период конфуцианство утратило свое влияние на общество. Времена были очень беспокойные, постоянно вспыхивали войны, а того, кто отваживался броситься в пучину политики, часто ожидала внезапная смерть. Буддизм на этом фоне предлагал покой и объяснение причин всех бед. Жизнь не заканчивалась с физической смертью человека; благодаря реинкарнации душа вернется в мир людей еще много раз – возрождаясь и умирая. Символом подлинного, вечного мира была природа, а не человек и его призрачные общественные институты. В полном согласии с этими идеями буддизм, как и даосизм, обращался к природе как источнику познания и душевного спокойствия. Поэты

выбирались из числа малочисленной элиты, аристократии воюющих государств. Они служили правящей династии в качестве чиновников, достигая высоких должностей в основном благодаря тому, что по рождению принадлежали к могущественному клану или группировке. Жизнь была полна случайностей: столица предлагала самые утонченные развлечения и стимул для интеллектуальной деятельности, однако и опасностей там было более чем достаточно. В горах, вдали от давления официоза, поэт мог избежать всех опасностей и искать гармонии и единства с природой, что, согласно учению даосизма, было первым шагом к бессмертию и что буддисты считали мудрым «отказом от иллюзий» – обычной человеческой жизни.

В китайской литературной традиции период Тан – с VII по начало X века всегда занимал особо почетное место как век поэзии. Сегодня все больше говорят о важности и ценности произведений (и их авторов, конечно), созданных непосредственно перед началом этого периода, и, естественно, лучше начинают понимать их влияние на творчество поэтов эпохи Тан. Период Тан дал нам не только огромное количество литературных произведений – только поэтических приближалось к трем тысячам, но и действительно знаменитых китайских поэтов китайской литературы: Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя (который был и поэтом, и художником), Мэн Хаожаня, Бо Цзюйи. Первые четверо были современниками великого императора Сюань-цзуна, или, как его еще называли, Мин-хуана, и в разное время служили ему либо при дворе, либо в провинциях. Характерно, что большинство поэтов были учеными-чиновниками, а некоторые были знамениты как художники. Это в равной степени объясняется как талантливостью этих людей, так и действиями самого Мин-хуана, который хотел, чтобы в глазах потомков их век так и остался веком изящества и интеллекта.

Тематика китайской поэзии отличается от тематики поэзии Запада. Очень редко встречаются стихотворения, относящиеся к жанру любовной лирики; романтическая любовь вряд ли была обычным делом в обществе, где браки заключались родителями, а молодые в первый раз видели друг друга только на свадьбе. С другой стороны, дружба, которая часто строилась на общих годах учебы и службы, была доминирующей темой как в поэзии, так и в жизни. Наиболее известны стихи, посвященные расставанию с друзьями; примером тому может служить «Прощание с Мэн Хаожанем перед его отъездом в Янчжоу». Обычным сюжетом таких стихотворений является следующий: чиновника, получившего назначение в отдаленную провинцию, провожает его друг, который знает, что пройдет много лет, прежде чем они встретятся снова (если это, конечно, вообще произойдет). Поэзия, воспевающая войну, не характерна для китайской литературы; чиновники-ученые не были солдатами, а поэты были представителями сословия ученых, поскольку все остальные были недостаточно грамотны для того, чтобы сочинять стихи. Китайские поэты чаще сожалели о разрушениях, вызванных войной, и о страданиях людей и не восхваляли патриотических войн, которые вела их родина.

Было бы ошибочным полагать, что если династия Тан дала китайской литературе столько талантливых поэтов, то ни один последующий период не мог по этому показателю сравниться с этой эпохой. Безусловно, такие были, но даже тогда литература не могла полностью уйти от влияния традиции Тан. Любой труд, посвященный истории китайской литературы, не может обойтись без изучения поэзии более поздних веков, однако нам в нашем кратком обзоре целесообразно остановиться на тех направлениях литературы и произведениях писателей, которые являются типичными для каждой эпохи. В целом верно, что эпоха Тан – это век поэзии; эпоха Сун – век философии, а эпоха Мин – век зарождения и развития такого литературного жанра, как роман. Что касается драмы, то она особенно успешно развивалась во время правления династии Юань, которое, правда, было не очень продолжительным, и с тех пор драма является одним из наиболее популярных видов искусства.

Беллетристика же и воспоминания о правителях, сочиненные в самом высоком стиле, занимали умы ученых во все времена; среди этих работ много таких, которые до сих пор

вызывают восхищение.

Влияние буддизма на китайскую культуру особенно проявилось в этой ослепительно яркой картине эпохи Сун, на которой изображен буддийский король – павлин, божество, которое забирало себе все дурные мысли людей

Одни из наиболее известных мемуаров написаны Хань Юем (768–824 гг.) во время правления династии Тан. Прослуживший всю жизнь чиновником, Хань Юй бесстрашно критиковал действия императора, которые он считал ошибочными, и отстаивал правильность учения Конфуция даже тогда, когда оно было не в почете. Он всячески критиковал преклонение перед реликвией, которая, как считалось, была костью Будды, и написал сочинение по этому поводу. В результате Хань Юя отправили управлять отдаленным районом, климат которого не был полезен для здоровья, в провинцию Гуандун. Он сделал эту область образцовой и с триумфом вернулся в столицу.

Однако не всем, кто так открыто выступал против двора, везло, как Хань Юю, обладавшему выдающимися административными и литературными способностями, которым всегда отдавали должное, даже когда его взгляды вызвали раздражение. Тем не менее его примеру следовали очень многие. Обращение к императору, в котором критиковалась его политика и предлагался совершенно иной подход к решению проблем страны, стало одним из традиционных жанров

китайской литературы. В этих обращениях (наставлениях) ученые очень четко излагали основополагающие моменты своей философии, а также свои нравственные ценности и ориентиры и доказывали, как мало внимания они уделяют практическим аспектам жизни и управления. Если ученые критиковали какую-то меру по улучшению экономики или налоговую политику, то они делали это только на основании того, что это не соответствовало древним традициям; если же, скажем, такой прецедент в V истории существовал, то его заведомо считали плохим, которому не надо было следовать. Они делали упор на нравственных ценностях – конфуцианских концепциях добродетели, уважения к родителям, верности и искренности. Они всячески клеймили пороки – стремление к роскоши, излишествам и разврату; и в качестве плачевных результатов этих пороков приводились многочисленные примеры из истории.

Философ XII в. Чжу Си верил в возможность совершенствования человека посредством образования. Его основная мысль о том, что знание ведет к добродетели, а добродетель – к «внезапному открытию», лежит в основе неоконфуцианства

Период правления династии Сун, особенно Южной Сун, с 960-го по 1126 год, известен как второй великий век китайской философии. Кажется, есть несколько причин, по которым писатели и мыслители того времени вновь обратились к изучению конфуцианской философии. Первая причина весьма проста и заключается в том, что со времени изобретения книгопечатания книги стали доступны. Копии древних текстов и более поздние комментарии к ним теперь легко могли быть приобретены представителями растущего класса ученых – класса, из которого выходили чиновники государственной службы. С самого начала новая философия и новая критика были тесно связаны с действительностью и с переменами в политической и государственной жизни.

Вторая причина заключалась в необходимости оживить учение Конфуция, чтобы как-то противостоять растущему влиянию буддизма. Учение Конфуция, почти тысячу лет назад изложенное комментаторами и толкователями династии Хань, считалось слабее буддийской философии и ее пропаганды, которую вели буддийские монастыри. Третья причина возродившегося интереса к конфуцианству заключалась в самом духе эпохи Сун, которая была более националистической и традиционной и менее открытой по отношению к зарубежной мысли, чем эпоха Тан. Конфуций в свое время принял религию, которая была доминирующей в

его время. Конфуцианская традиция не содержала развернутой теории космологии. Ее сильной стороной было нравственное и этическое учение, однако она мало что могла предложить стремящимся решить проблему борьбы со злом и ответить на великий вопрос о первопричине всего сущего, высшей силе, которая управляет Вселенной. Но с другой стороны, эти вопросы были предметом нравственных исканий буддизма. Ряд писателей, многие из которых были чиновниками, стремились найти ответы на эти вопросы, при этом строго придерживаясь конфуцианских традиций. Противоборствующих философских школ, как в «Эпоху воюющих государств», просто не существовало. Все писатели эпохи Сун были конфуцианцами, и их дискуссии велись лишь о значении конфуцианских текстов. Они стремились выделить из древних текстов систематизированное философское учение, которое могло дать конфуцианству ответ на те вопросы, которые ставил перед собой буддизм.

История философских дискуссий эпохи Сун довольно длинная и зачастую неинтересная; однако перед философами стояло три основных вопроса. Первым был вопрос о происхождении Вселенной. На основании весьма туманных отрывков из древних текстов философы империи Сун создали теорию космологии, которая определила Первопричину, Высшую Сущность как «дай цзы». Этот термин впервые появился в древнем тексте «И цзин». Чжоу Тупи (1017–1073 гг.) был первым философом, который использовал этот термин, чтобы выстроить новую систему. Однако нельзя сказать, что философы этой эпохи когда-либо признавали, что они создают принципиально новую систему. Они утверждали, что ищут потерянные в ходе столетий значения конфуцианских идей. «Дай цзы» – это первопричина возникновения Вселенной и ее нравственная движущая сила. Писатели эпохи Сун не делали различия между моральным и материальным; и то и другое было воплощением «дай цзы».

Еще одна дискуссия возникла вокруг вопроса о том, имело ли «дай цзы» некоторое воплощение. В конце концов этот вопрос решил философ Южной Сун Чжу Си, который выступал против любых божеств. «На небесах нет человека, который имел бы право судить наши грехи» – таков был его вердикт. В этом смысле новая концепция действительно во многом отходила от веры древних, для которых небо было всегда чем-то одушевленным. Чжу Си рассматривал Высшую Сущность как «ли», нравственный закон, и этот термин стал эквивалентом «дай цзы», подчеркивая тем самым, что мораль является частью первопричины. Одновременно древние божества «тянь» и «шан ди» были восприняты мыслителями империи Сун, но их стали отождествлять с «дай цзы», и на практике они потеряли свой олицетворенный образ. Споры о том, существует ли нечто, что может быть названо верховным божеством, или же существует некая нравственная сила, не воплощенная ни в одном божестве, продолжались во время всего правления династии Сун. Конец этим дискуссиям положил Чжу Си, который отдал предпочтение последнему толкованию этой проблемы, которое и стало официальной конфуцианской доктриной.

Третьим предметом споров была природа человека. Эта проблема ставилась конфуцианскими писателями позднего классического периода. Мо-цзы говорил, что по своей природе человек добр, а Сунь-цзы занимал прямо противоположную точку зрения. В эпоху Сун дискутировался и третий вариант решения этой проблемы, который был назван Чжу Си и другими философами «доктриной водоворота». Она брала свое начало в трудах древнего оппонента Мэн-цзы – Гао-цзы, который утверждал, что человек рождается не добрым и не злым, но подобно воде, которая всегда найдет себе выход, добро или зло выйдут наружу, но это будет целиком и полностью зависеть от обстоятельств. Поэтому возрастала важность образования как руководящей силы еще не сформировавшейся натуры.

Рисунок эпохи Сун является одним из многих рисунков, созданных по мотивам популярного сюжета китайской литературы – похищения, пленения, выкупа и освобождения госпожи Вэнь Ци. Попавшая в плен в 195 г. и насильно выданная замуж за татарского военачальника, госпожа Вэнь провела среди монголов целых двенадцать лет и родила своему мужу двенадцать детей. На фрагменте этой картины мы видим печальный момент прощания госпожи Вэнь со своей семьей перед ее вынужденным отъездом. Около палатки она прощается со своим опечаленным мужем, служанками и прижавшимися к ней детьми

Чжу Си осуждал эту теорию, равно как и идею Сунь-цзы о том, что по своей природе человек изначально зол. При этом он ссылался на учение Мо-цзы. Школа Су, названная по имени Су Сюна и его знаменитого сына, поэта Су Дунпо, придерживалась точки зрения, что природа человека не состоит из одних только врожденных добродетелей. Человек должен добровольно выбрать эти добродетели. Если он не сделает этого, его природа не может считаться нравственной. Эта точка зрения вплотную подходила к доктрине водоворота. Еще одна школа – школа Ху, которая проповедовала учение Ань Го (1074–1138 гг.), утверждала, что если назвать природу человека доброй, то это будет означать, что она может быть и злой, так как добро и зло являются частями единого целого. Последователи этой школы также утверждали, что природа человека, его сущность, может быть определена как способность любить и ненавидеть. Нравственный человек любил добродетель и выбирал ее, безнравственный человек подпадал под влияние низменных страстей и выбирал порок.

Оригинальное учение Чжоу Туньи было развито его учениками, самыми знаменитыми из которых были Чжэн Хао, его брат Чжэн И и Шао Юн, который первым поднял вопрос о природе человека. В конце эпохи Сун в философские дебаты начала вмешиваться политика, и идеи, высказываемые различными мыслителями, встречались с одобрением или произвольно отвергались по политическим, а не философским причинам. Сам Чжу Си был признан классиком философии, а его учение – единственно правильным только после его смерти в 1200 году. Движение неоконфуцианства, которое так сильно повлияло на умы ученых эпохи Сун, оставило глубокий след в китайской культуре. Учение Чжу Си, по сути, стало краеугольным камнем всей конфуцианской системы. Одним из последствий его триумфа стало распространение агностицизма среди образованных людей Китая, в результате чего вера в богов и во все сверхъестественное стало считаться признаком отсталости и неискушенности. Как неоконфуцианство, так и классическое учение Конфуция определяли содержание школьного образования и экзаменов на занятие государственной должности, и все последующие поколения воспитывались на их принципах. Ослабление позиций буддизма, начавшееся в эпоху Сун, возможно, и произошло отчасти из-за того, что росло влияние неоконфуцианства, которому не могло составить конкуренцию ни одно другое учение до тех пор, пока в Китай не проникли

первые идеи с Запада. В Китае, в отличие от Греции, разные виды искусства зарождались и процветали в разное время. Например, драма пришла в Китай довольно поздно. В отличие от Запада она не стала развиваться на основе ранних религиозных нравоучений, а сначала появилась в виде коротких сюжетов, разыгрываемых всего двумя актерами. Император династии Тан Мин-хуан, при дворе которого, собственно, и стали впервые разыгрываться эти сценки, до сих пор считается покровителем актеров; ему ставится в заслугу создание первой в Китае школы драмы, которая называлась Грушевый сад, поскольку располагалась в одном из садов императорского дворца. Судя по всему, это было скорее нечто вроде места для занятий музыкантов и певцов, нежели актеров, и первые театральные представления эпохи Тан (если оставить в стороне сценки для двух актеров) можно было бы сравнить с балетом и театром масок. Вообще эпоха Тан, как никакая другая, была открыта для влияния извне. Пока еще не доказано, что первые драматические произведения пришли в Китай из-за рубежа, однако остается фактом, что актеров и певцов почти всегда изображали как иностранцев. (В данном случае имеются в виду керамические фигурки, найденные при раскопках захоронений.) Это дает нам право предположить, что иностранное влияние было тогда очень сильным.

При династии Юань (1260–1368 гг.) драма процветала. Пьесы этого периода являются самыми ранними драматическими произведениями в китайской литературе и до сих пор считаются одними из лучших. Предполагается, что причиной внезапного подъема драматического искусства является то, что монголы предпочитали не ставить китайцев на государственные должности, и это породило безработицу среди образованных людей Китая. Отстраненные от управления, они обратились к искусству и начали создавать пьесы. Это объяснение на первый взгляд кажется не вполне удовлетворительным. Однако вполне возможно, что иностранное влияние – прибытие иностранных представителей, слуг монгольских императоров и даже торговцев из Азии – привило китайцам вкус к пьесам – вкус, который раньше был только у приближенных к императору. Однако иностранное влияние никак не сказалось на темах китайской драмы. Пьесы эпохи Юань посвящены типичным для Китая проблемам: исторические эпизоды драматического характера были богатым источником сюжетов. Легенды и сказки, например сказка о приключениях обезьяны Сунь в поисках буддийских текстов, и другие сказки, навеянные буддийским и даосским фольклором, также дали писателям много интересных сюжетов.

В эпоху Мин появился и приобрел популярность новый литературный жанр – роман. Его истоки уходят корнями в древность. Сказитель был, вероятно, одной из важных фигур в Древнем Китае. Возможно, что изобретение и распространение печатания и осязаемое увеличение числа грамотных людей позволило сказителям расширить свою аудиторию. Они освежали свою память, а также учили студентов путем составления кратких изложений текстов, которые назывались «корни рассказа». Это-то и стало основой первых великих романов. Во многих, если не во всех, ранних романах главы начинаются со вступления: «Благородный читатель, вы помните, что в последней главе...», а заканчиваются словами: «Благородный читатель, если вы хотите знать, что случилось с таким-то в таких-то обстоятельствах, прочитайте следующую часть нашего повествования». Эти фразы явно перекликаются со словами сказителей, которыми они созывали или распускали своих слушателей. При этом следует помнить, что на Западе читателями романов были люди благородного происхождения, а в Китае ими чаще были чиновники.

Если внимательно проследить тематику романов эпохи Мин, то станет понятно, как менялось мировоззрение людей этой эпохи. Первый роман «Троецарствие» является художественной версией истории падения династии Хань, войн «Эпохи воюющих государств», а также истории якобы оставшегося в живых отпрыска императорской семьи. Героем романа является Лю Бэй, основатель самого маленького из трех царств и якобы отпрыск императорской семьи Хань. Цао

Цао, основатель царства Вэй, является главным злодеем. Книга отражает явную «легитимную» точку зрения. Написанная в начале правления династии Мин, эта книга выражает стремление народа к миру, государственному единству и сильному руководству, как это и следовало ожидать после смуты последних лет правления монголов. В целом сюжет романа не отходит от реальных исторических событий, однако повествование изобилует различными драматическими эпизодами, не имеющими под собой исторической основы. Эта книга пользовалась популярностью в течение более пятисот лет, хотя молодежи читать ее запрещали. Но ее читал каждый образованный человек. То же самое можно сказать и о других великих романах эпох Мин и Цинь. Эта литература, написанная разговорным, а не классическим языком, презиралась и осуждалась, хотя сами ученые писали книги, и многие их читали.

Помимо разговорного стиля, в котором были написаны эти книги, у чиновников была еще одна причина для того, чтобы неодобрительно относиться к ним. «Троецарствие», возможно, был вполне лояльным по отношению к властям. Однако этого нельзя сказать о написанных несколько позднее романах, которые либо подрывали существующий строй, либо были чрезвычайно фривольными, либо и то и другое вместе. Например, в романе «Речные заводи» главными героями являются члены шайки разбойников, а в самом романе описываются несправедливость и жестокость, которые когда-то сделали честных людей преступниками. Герои ведут постоянную партизанскую войну против трусливых и подлых местных чиновников до тех пор, пока в результате иноземного нашествия не происходит падение династии (предположительно, Сун, однако очевидно, что имеется в виду династия Мин). Свержение династии ни в малейшей степени не волнует автора. Он призывает к восстановлению порядка и разумного управления, осуществляемого Сыном Неба.

Эти два женских портрета появились в издании 1879 г. одного из наиболее читаемых романов «Сон в Красном тереме», довольно грустной истории, которая повествует о двух кузинах, которые сходят с ума и погибают от неразделенной любви

На основе одного из эпизодов этого романа писатель более позднего времени создал роман «Цветы сливы в золотой вазе». В этом романе много эпизодов, которые, как было принято говорить, «можно передать, только пользуясь самым завуалированным способом, который известен только образованным людям». Автор следует за своими героями повсюду, показывает их в самые интимные моменты жизни. В целом роман достаточно критично описывает жизнь богатой «буржуазии» эпохи Мин и дает бесценную картину современного ему общества. Героем романа является молодой человек, ведущий весьма распущенный образ жизни. В свое время он унаследовал от отца собственное дело – всю жизнь торговал лекарствами. Однако он проводит жизнь соблазняя женщин и подкупая чиновников, чтобы защитить свое состояние и собственность.

Еще один роман, «Сон в Красном тереме», по всеобщему признанию, является величайшим образцом художественной литературы Китая. Он был создан позже, чем остальные произведения; в наше время ученые приложили очень много усилий, чтобы выяснить, кто же является автором этой книги. Как и все другие романы, эта книга во времена империи была запрещена, однако ее все равно читали. Роман описывает период заката знаменитой семьи чиновников, а главными героями являются не взрослые, а подростки. Помимо того, что она обладает несомненными литературными достоинствами, эта книга к тому же является действительно революционной в своем отношении к женщинам и детям, а также своей читаемой между строк критикой нравственных устоев китайского общества. После падения монархии именно благодаря этому книга приобрела еще большую популярность и была признана великим произведением искусства. Имена авторов романов, равно как и драматических произведений, чаще всего известны, однако почти нет сведений об их жизни. Только после падения империи ученые, признавая их вклад в культуру Китая, спасли романистов от забвения, а их книги – от резкой критики и отрицания их ценности. Мало кто из великих писателей прошлого был столь отъявленным бунтовщиком, что критиковал все и вся; тем не менее их критика окружающей действительности часто была той спичкой, которая разжигала костер революции. Почти все великие китайские романы критикуют социальное

устройство общества и, опосредованно, его политическую систему, даже если романисты никогда прямо не выступали против империи. Революционным было уже само использование разговорного языка в этих романах, а не классического, традиционно связывавшегося с наукой. Критикуя коррупцию, деспотизм и всякого рода репрессии, великие романы восхваляют преданность, уважение к старшим и другие добродетели, столь свято соблюдаемые просвещенным дворянством периода империи. Даже при всех своих недостатках они остаются для современных китайцев самым ярким выражением печалей простого народа и требованием соблюдения основных прав всех людей – крестьян, женщин и детей. Благодаря тому, что являются величайшими произведениями искусства, которые поднялись над всеми ограничениями и запретами, они оказывают огромное влияние на современное поколение.

Голос поэта

Переводить китайскую поэзию на любой из западноевропейских языков – дело необычайно трудное. В китайском языке чуть менее тысячи односложных слов, каждое из которых имеет к тому же много значений. Точное значение каждого определяется его тоном, иероглифом, с помощью которого он пишется, а также контекстом. Учитывая все трудности языка, можно представить себе, насколько сложно было китайским поэтам и их переводчикам. В китайском языке длина строки, например, определяется не ударными слогами, а иероглифами, каждый из которых представляет собой отдельную «идею». Стихотворение, состоящее из четырех строк по пять иероглифов в каждой, всегда содержит именно пять «идей» в каждой строке; однако редко когда эти строки можно перевести с помощью всего пяти слов. Такие ограничения добровольно накладываются на себя поэтами, но в той же степени они и передаются из поколения в поколение. Согласно древним традициям, китайские поэты всегда пытаются избежать повторения одного и того же слова даже в стихотворениях, в которых несколько тысяч иероглифов. Более того, для одного из стилей китайской поэзии, который называется упорядоченным, или современным, характерна сочетаемость слов в соседних строках по принципу принадлежности к одной и той же части речи. Если третье слово в строке является глаголом, то третье слово в следующей строке тоже должно быть глаголом. Если стихотворение начинается с прилагательного, обозначающего размер, то первое слово во второй строке тоже должно быть прилагательным, обозначающим размер.

Такая математическая точность возможна только благодаря отсутствию в китайском языке артиклей и предлогов, а также различия временных форм. Такая речевая экономия дает китайским поэтам возможность писать полноценные стихи, используя всего 20 иероглифов. Каждый иероглиф также изображает «идею», которую он обозначает, создавая тем самым стихотворный размер, почти не встречающийся в западной литературе. Ученые, стремящиеся донести до читателя смысл, а также, насколько это возможно, чувства китайской поэзии, неизбежно делали переводы, которые дают представление о смысле, но не о стиле оригинала.

Эта прыгающая скелетообразная фигурка, должно быть, олицетворяет китайского бога литературы Куйсина. естественно, его фигура состоит из нескольких иероглифов, которые, к сожалению, слишком стилизованы, чтобы быть легко узнаваемыми. К тому же это лишь одно из многочисленных изображений этого божества, созданных Ма Дэчжао, правительственным чиновником XIX в.

Древняя традиция

«Песни Чу», составленные ученым Ваном Первым во II в., являются антологией китайской поэзии, имеют огромное литературное и историческое значение. Пополненный комментариями Вана, этот труд представляет собой ценнейший источник информации об обычаях народа царства Чу в Центральном Китае. В антологию входят стихи двух видов: песни (они сравнительно небольшие по размеру) и целые поэмы, в которых повествование ведется от первого лица. Многие стихотворения антологии отличаются тем, что их каждая строка содержит абсолютно не имеющее значения слово, стоящее на стыке строк. Такие слова как бы несут в себе музыкальную основу стихотворения, что позволяет читателю «петь» его.

Что касается поэм, то они имеют форму магических заклинаний, а главным рассказчиком в них зачастую является шаман, член некоего сообщества, чья якобы мистическая сила внушала

народу благоговейный страх. Поэма «Воззвание к душе» по форме является как раз таким заклинанием, с помощью которого шаман пытается вернуть умирающего господина к жизни.

Воззвание к душе

Господь Бог сказал У Яну:

«Там внизу на земле есть человек, которому я помогу:
Его душа покинула его. Прочитай заклинание, чтобы спасти его».
У Ян ответил:
«Господин и хозяин мечты...
Просьбу Господа Бога тяжело исполнить».

Господь Бог сказал:

«Ты должен заклинать духов, чтобы помочь ему. Я боюсь, что,
если ты промедлишь еще немного, будет поздно».
Поэтому У Ян спустился вниз и воззвал к душе:
«О душа, вернись! Почему ты покинула свое прежнее
пристанище и поспешила в отдаленные уголки земли,
Оставив место, где ты была счастлива, в поисках опасностей?
О душа, вернись! Ты не сможешь жить на востоке.
Там живут великаны в тысячу саженой ростом, которые только
и ждут момента, чтобы поймать души в свои сети,
И там десять солнц, которые выходят на небо одновременно,
растапливая металл и расплавляя камень.
Люди, которые живут там, могут вытерпеть все это, но ты,
душа, погибнешь.
О душа, вернись! Ты не сможешь остаться на юге.
Там живут люди с татуированными лицами и черными зубами,
Они приносят в жертву плоть людей и стирают в порошок их
кости.
Там живут огромные змеи, и огромная лиса, которая может
прибежать сотню ли,
А еще там великий Девятиголовый змей, который мечет стрелы
в разные стороны
И глотает людей на десерт.
О душа, вернись! Ты не сможешь остаться на юге.
О душа, вернись! И на западе много опасностей:
Там на сотни ли протянулись зыбучие пески.
Тебя поглотит Ущелье Грома, и ты разобьешься на кусочки, не в
состоянии помочь сама себе;
И даже если тебе удастся спастись оттуда, дальше лежит пустыня,
Где рыжие муравьи огромны, как слоны, и осы огромны, как
тыквы,
Пять наших злаков не растут там, единственной едой являются
сухие стебли;

А тамошняя земля иссушает людей, там нигде нельзя найти воды.
И ты будешь вечно блуждать там, не зная, куда пойти в этом
огромном пространстве.
О душа, вернись! Если ты не хочешь погибнуть.
О душа, вернись! И на севере нет тебе места.
Там высоко вздымаются глыбы льда, и на сотни ли вокруг лежат
снега.
О душа, вернись! Ты не сможешь оставаться там.
О душа, вернись! Не стремись подняться в небеса.
Ведь ворота здесь охраняются тиграми и леопардами, чьи пасти
всегда готовы разорвать смертных,
И там живет человек с девятью головами, который может
вырвать девять тысяч деревьев,
И шакалы с раскосыми глазами рыщут туда-сюда;
Ради забавы они охотятся на людей и сбрасывают их в пропасть,
И только по велению Бога могут они остановиться и отдохнуть.
О душа, вернись! Если ты не хочешь подвергнуться всем этим
опасностям.

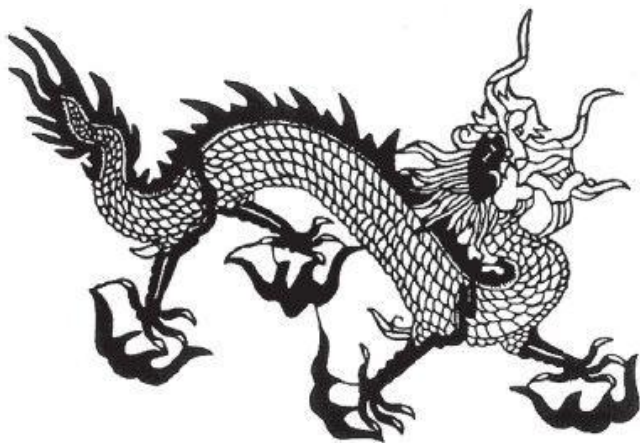

Эту поэму иллюстрируют традиционные для китайского народного искусства бумажные аппликации

О душа, вернись! Не спускайся в Царство Тьмы,
Где лежит Бог Земли, свернувшийся в девять колец, со
странными рогами на лбу,
И где живет огромный горбун с окровавленными руками,
преследующий людей,
У него голова тигра с тремя глазами, а туловище напоминает
туловище быка.
О душа, вернись! Не навлекай на себя несчастье.
О душа, вернись! И войди в городские ворота.
Там тебя ждут священнослужители, которые введут тебя в город.
Вышивка Цинь, шелковые нити Чжи и шелковые стяги Чжэн —
Все готово к твоему возвращению; пронзительными криками все

заклинает странствующую душу вернуться.
О душа, вернись! Возвратись в свое прежнее обиталище.
Все части полны опасностей и зла.
Послушай, как я опишу тебе твою тихую и спокойную обитель:
Высокие стены и уютные комнаты, с ограждениями и балконами;
Террасы, многоэтажные павильоны, чьи окна выходят на
высокие горы;
Решетчатые двери с алыми вставками и резьба на квадратных
перемычках;
Комнаты, где зимой нет сквозняка; галереи, где прохладно летом;
Тихо журчащие ручейки;
Теплый ветерок колышет донники и орхидеи;
Постель покрыта покрывалом, украшенным жемчугами;
Стены увешаны шелковыми гобеленами; изголовье кровати
находится под шелковым пологом;
Где драгоценными камнями схвачены бахрома и банты; парча и
бархат;
Среди убранства комнаты можно видеть множество
драгоценных и редких предметов;
Свечи, в которых горят благовония с запахом орхидеи, освещают
ожидающие тебя просветленные лица;
Тебя ждут шестнадцать служанок, которые будут каждый день
менять друг друга;
Прекрасные дочери из благородных семей
И женщины с чудесными прическами ждут тебя в твоих
апартаментах,
Радующие взор своим видом и поведением, которым нет равных
в нежности.
С чарующей внешностью, но добродетельные и строгих правил;
Изящные черты, элегантный вид украшают семейную комнату;
Брови, подобные полумесяцу, и светящиеся глаза, которые
излучают нежный свет,
Нежные цвета, мягкая округлость черт, столь соблазнительная.
В твоём садовом домике, у прикроватного балдахина, они
ожидают твоей королевской милости;
Высокий зал украшают перья зимородка; пурпурные балдахины и голубая бахрома;
Стены зала красные; крашенная киноварью мебель; вставки из
черного янтаря в своде потолка.
Над головой резные балки, разрисованные драконами и змеями;
Сидя в зале, опираясь на балюстраду, ты смотришь на пруд внизу;
Лотосы на пруду только раскрылись; среди них растут водные
каштаны,
А пурпурные водяные мальвы отражаются на поверхности воды;
Тщательно одетые сопровождающие ждут тебя на берегу пруда;
Для тебя готова позолоченная легкая повозка; наездники и
пешие – все наготове.
На земле лежит ковер из орхидей; а по краям – цветущие ирисы.

О душа, вернись! Зачем тебе уходить?
Все домашние пришли засвидетельствовать тебе свое почтение;
готовы вкуснейшие яства;
Рис, сорго, молодая женщина, все это смешанное с желтым
просом;
Горькое, соленое, кислое, горячее и сладкое: здесь блюда
на любой вкус:
Бараньи ребрышки, сочные и мягкие;
Кислое и горькое смешано в супе У;
Тушеное черепаховое мясо и жареный хворост, заправленные
соусом ямса,
Гуси, приготовленные в кислом соусе, утка, приготовленная в
жаропрочной кастрюльке, жареное мясо журавля;
Тушеные цыплята; вареное черепаховое мясо с приправами,
не портящими вкус;
Печеные медовики из рисовой муки и сладостями из солодового
сахара;
Янтарное вино со вкусом меда наполняет чаши.
Холодная вода, очищенная от всех примесей, и прохладное вино.
Здесь лежат в ожидании тебя изящные черпаки и искрящееся
вино.
О душа, вернись! Здесь тебя ждет почет и уважение и никто не
причинит тебе вреда;
Пока все деликатесы еще на столе, девушки-музыканты
занимают свои места;
Они настраивают свои колокольчики и ударные и поют новые
песни
«Переходя реку» и «Солнечный берег».
Хорошенькие девушки пьяны от вина, их щеки покраснелись.
Их глаза блестят, они бросают полные любви взгляды;
Одетые в одежду из тончайшего шелка, они прекрасны, но не
вызывающие;
Их длинные волосы спадают до пят чудесными локонами;
Восемь пар танцуют танец Чжэн;
Их пряжки сверкают на солнце.
При движении их тел раздается звук колокольчиков.
Их широкие рукава с шелестом взлетают вверх, а потом тихо

опускаются;
Звуки свирели и цитры сливаются воедино; а звук барабанов
нарастает.
И весь дворец дрожит, когда они начинают свои хороводы.
Затем они поют песни У и баллады Цзай и играют мелодии Да Лю.
Теперь мужчины и женщины сидят вместе, общаясь совершенно
свободно.
Развязываются все завязки и расстегиваются все застёжки;
приходит черед дикому веселью.
Певицы Чжэн и Вай садятся между гостями;
Однако предпочтение отдается танцовщицам;
Затем начинается игра Ли Бо, с бамбуковыми костями и
фигурками из слоновой кости,
Каждый встал на свою сторону; они сходятся и угрожают друг
другу;
Фигуры выходят в дамки, и ставки удваиваются, раздаются
крики: «Пять белых».
День и ночь сливаются в единое целое в этом веселье.
Горящие свечи освежают воздух благовониями.
Гости собираются в группы, чтобы обменяться своими мыслями
в дыму благовоний.
А влюбленные читают друг другу стихи.
Вино усиливает их наслаждение и придает очарование
уходящему возлюбленному.
О душа, вернись! Приди в свой дом.
Заключительная строфа:
В новом году, когда началась весна, я отправился на юг.
Зеленая ряска плавала на поверхности воды, и развевался белый
флаг.
Моя дорога проходила через Люшан и направо в Чжан-по.
Я стоял на краю болота и глядел вдаль.
Меня сопровождали четверо всадников; мы собрали тысячу
легких повозок.
В небе сверкали огни, а вверх поднимался дым.
Я отправился туда, где стояла толпа, и возглавил ее.
Затем натянул поводья, когда мы увидели нашу добычу, и
повернул направо.
Я скакал с царем по болотам, чтобы увидеть, кто будет быстрее.
Царь сам выпустил стрелу, и черный бык впереди упал замертво.
Темнота уступает свету; мы не можем задерживаться.
Болотные орхидеи закрывают тропинку: здесь, видимо, слишком
болотистая местность.
Дальше и дальше катятся воды реки; над ними растут клены.
Взглядом охватываю просторы, и сердце разрывается от печали.
О душа, вернись! Увы, южная страна!»

Мужчина и женщина

Китаянка, часто уже при рождении посватанная и к четырнадцати годам выходявшая замуж, большую часть своей жизни находилась в полном подчинении у мужа и его семьи, в особенности его матери. Связанная брачными обязательствами, которые исключали любую возможность праздного времяпрепровождения, как говорится об этом в «Песне о непорочной жене», китаянка была вынуждена терпеть конкубинат. Овдовев, она не могла еще раз вступить в брак. Несмотря на неравенство в правах мужчины и женщины, тем не менее такие обычаи просуществовали до начала XX века. Эти обычаи всячески поощряли постоянство, повиновение и нежность к супругу как в муже, так и жене. Об этом ярко свидетельствует песня «Моей жене».

Песня о непорочной жене (Чань Чжи, 768–830 гг.)

Ты знал, господин, что у меня есть муж,
Когда ты прислал мне пару сверкающих жемчужин.
В благодарность за твою щедрость
Я носила их на своем платье.
Но мой дом – это высокий дом, построенный рядом с дворцом.
И мой добрый муж – страж во Дворце Сияния.
Я знаю, о, господин, что вы чисты сердцем, как солнце и луна.
Но я поклялась своему мужу быть с ним в жизни и смерти;
Поэтому я возвращаю вам ваши жемчужины со следами моих слез
И жалею, что мы не встретились, когда я не была еще замужем.

Праздник фонарей (Ян Си, 1007–1072 гг.)

В прошлом году на празднике фонарей
Огни на ярмарке цветов были яркими, как день,
Когда над верхушками ив взошла луна,
Двое влюбленных не отрывали взгляда от ее желтого диска.
В этом году на празднике фонарей
И луна, и огни такие же, как тогда.
Только я больше не вижу своего прошлогоднего возлюбленного,
И рукава моего зеленого платья мокры от слез.

Моей жене
(Цзун Цзя, I в.)

Жизнь мужчины подобна утренней росе:
В этом мире его ждет много несчастий,
Печали и трудности приходят рано,
А почести – слишком поздно.
Зная, что скоро я должен буду покинуть тебя
И буду с каждым днем все дальше от тебя,
Я послал за тобой экипаж,
Но он уехал пустым и вернулся пустым,
И в отчаянии прочитал я твое письмо.
Я не могу есть,
Я сижу один в пустой комнате.
Кто утешит и ободрит меня?
Я не сплю долгими ночами,
И, одинокий, всю ночь ворочаюсь в своей
постели.
Печаль окружает меня,
И ее невозможно скатать и убрать, подобно ковру.
Весело звенят колокольчики,
На заре они увезут меня вдаль.
До крика петуха остались считанные минуты,
И я с тоской оглядываю пустую комнату.
Разлука влечет за собой миллион сожалений,
Нет мне покоя ни когда я сижу, ни когда я стою.
Как выразить мне боль сердца?
Может быть, только этими подарками, сделанными от чистого
сердца.
Драгоценная заколка еще больше оттенит блеск твоих волос,
Зеркало отразит милые черты твоего лица;
Духи создадут неповторимый аромат,

А лютня будет радовать тебя чистыми звуками.

Жена речного торговца
(Ли Бо, 705–762 гг.)

Когда мой лоб еще закрывала челка,
Я играла у ворот нашего дома, собирая цветы.
Ты проскакал мимо на бамбуковой палочке, играя в лошадку.
Ты подошел ко мне, держа в руках синие сливы,
И мы продолжали жить в деревне —
Двое маленьких людей, не знающих ни ненависти, ни подозрений.
Когда мне было четырнадцать лет, я вышла замуж за тебя, мой
господин.
Я никогда не смеялась, я была слишком застенчива,
Опустив голову, я смотрела в стену.
Если ты меня звал, я не оборачивалась.
В пятнадцать лет я перестала грустить,
Я хотела слиться с тобой в одно целое,
Навсегда, навечно.
Когда мне исполнилось шестнадцать,
ты уехал,
Ты уехал далеко, к реке.
И тебя нет уже пять месяцев.
Над головой печально кричат обезьяны.
Ты еле шел, когда уходил из дома.
Теперь около ворот вырос мох,
Слишком густой, чтобы вырвать его с корнем.
Этой осенью листья начали опадать очень рано.
В августе они уже стали желтыми
И падают на землю в западном саду.
Мне больно смотреть на них, я становлюсь старше.
Если ты сейчас спускаешься по излучинам реки Чанцзян,
Дай мне знать об этом,
И я выйду встречать тебя к самому Чжо Фуся.

Думаю о мужчине, которого она любит
(Тин Люнян, VI в.)

Сколько лунных ночей должна я провести одна?
Я устремляю свой взгляд вдаль – ищу Колесницу Семи Запахов.
Моя одежда спадает с моих плеч, ведь тело мое усохло,
А золотые заколки в моих волосах заколоты небрежно.

Послание (Чжан Пи, XI в.)

В мечтах я иду в дом Си
Через крыльцо с изогнутыми перилами
Во двор, где всегда светит весенняя луна.
Цветет волшебный цветок и стоит одинокая фигура.

Расставания и встречи

Для того чтобы обеспечить беспристрастность чиновников при принятии решений, правительство запретило своим многочисленным государственным чиновникам служить в своих родных местах. Эта практика вынужденной ссылки заставляла чиновников, большинство из которых были поэтами, получившими должности благодаря прекрасному знанию древнекитайских текстов, расставаться со своими семьями и друзьями. Многие чиновники, занимая официальную должность, продолжали писать стихи, и естественно, что их стихи очень часто были посвящены расставаниям, разлуке или грядущему возвращению друга или родственника. Лирическим героем стихотворения могла быть и молодая женщина, и ветеран государственной службы, и вдова. Однако суть стихотворения в любом случае заключается в том, что чиновнику очень одиноко среди чужих людей, далеко от родного дома.

Прощание с Линь Хояном перед его отъездом в Янчжоу (Ли Бо, 705–762 гг.)

Ты оставил меня, мой друг, у террасы Желтого Журавля,
Отправившись в путь в Янчжоу в этот таинственный месяц цветов.
Ты плывешь одинокой тенью в голубом небе.
И я уже вижу только реку, уходящую за горизонт.

Короткая, но радостная встреча с моим зятем (Ли И, ум. в 827 г.)

Случайная встреча, за которой тотчас последовало расставание.
После всех этих десяти тяжелых лет
Мы снова встретились. Мы оба изменились так, что,
Услышав твою фамилию, я не вспомнил тебя,
И только услышав твое имя, я припомнил твое юное лицо.
Все, что произошло за это время,
Мы рассказали, и говорили до вечернего гонга...
Завтра ты уедешь в Юйчжоу,
Оставив между нами осень и горы.

Приглашение друга на ночь
(Куан Си, 832–912 гг.)

Посеребренная земля и цветение золотых хризантем,
Пурпурные груши и красные яблоки, падающие на мягкую траву,
Шелест августовской воды и круглая луна.
Неужели ты не придешь ко мне в такую ночь, мой старый друг?

Расставание и встреча
(Гао Ши, ум. в 768 г.)

Она оставила свою любовь,
Когда была молодой розовощекой девушкой.
Когда они встретились вновь,
Ее волосы стали седыми.
Ее красота исчезла,
Но слезы расставания, кажется,
Все еще блестят в ее глазах.

Сердечный прием
(Ду Фу, 712–770 гг.)

К северу и югу от меня цветет весна,
День за днем я вижу только чаек...
На моей тропинке много лепестков – ни для кого другого я не
срывал их.
Мои ворота всегда закрыты, но сегодня они открываются перед
тобой.
До рынка далеко, я мало что могу предложить тебе.
И все же чаши моего дома всегда полны вином для тебя.
Давай позovem к нам моего старика-соседа,
Позовем его и нальем ему кувшин вина.

Остановка в деревенском домике друга
(Мэнь Хаожань, 689–740 гг.)

Готовя для меня блюдо из цыпленка и риса,
Ты, мой друг, развлекаешь меня в своем деревенском доме.
Мы глядим на зеленые деревья, окружающие твою деревню,
И на голубые очертания дальних гор.
Мы открываем окно, выходящее в сад и на поля,
Чтобы поговорить за чашкой божественного напитка из
тутовника.
Подожди до праздника гор —
Я снова приеду в пору цветения хризантем.

Прощание на заставе Фэнчжи
(Ду Фу, 712–770 гг.)

Здесь должен покинуть тебя твой друг,
Повернув у подножия этих пурпурных гор.
Когда мы снова поднимем наши чаши,
Как мы делали это вчера вечером?
И когда мы вновь погуляем при луне?
Этот уголок земли шепчет слова прощания
Тому, кто был в почете при трех правителях.
И сейчас я возвращаюсь в мою деревню у реки,
Место моего последнего уединения.

**Другу, отправляющемуся на север после восстания
(Сыкун Шу, VIII в.)**

В опасные времена мы вдвоем приехали на юг,
Теперь ты отправляешься на север, но без меня.
Но вспомни о моей голове, сидящей среди чужих мне людей,
Когда ты будешь глядеть на голубые горы родины.
...Луна заходит за стены разрушенной крепости,
Оставляя над старыми стенами только следы звезд.
Порхают птицы и шелестит трава всюду,
Куда бы я ни повернул голову.

**Строки, написанные дождливым вечером другу, живущему на севере
(Ли Шаньин, 813–858 гг.)**

Ты спрашиваешь, когда я приеду.
Я не знаю. Я мечтаю о твоих горах, а осенние лужи
пенятся дождем.
Когда мы будем снова подравнивать фитили
в лампах на твоих западных окнах?
Когда услышу я твой голос дождливым вечером?

Хаос мироздания

Во времена анархии и бунтов семья была единственной стабильной единицей общества.
Каждая семья вела собственные хроники, наказывала провинившихся, хранила свою историю,

воспитывала молодежь. Каждая семья была, по сути, суверенным государством, во главе которого стоял патриарх. В смутные времена человек с ужасом ожидал сколь бы то ни было длительного расставания с семьей. Семья была законом и распоряжалась жизнью человека. Вне семьи, как сказал поэт династии Тан Ау Фу в своем стихотворении «Вид на дикую природу», человек оставался один на один с «хаосом мироздания».

Вид на дикую природу
(Ду Фу, 712–770 гг.)

Белый снег лежит на западных склонах гор и на трех крепостях,
А воды южного озера плещутся об опоры моста.
Но ветер и морской песок отделяют меня от моих братьев;
Я не могу не плакать, ведь я так далеко.
Мне нечего ожидать, кроме болезней и старости.
Стране моей от меня меньше пользы, чем от зернышка,
от песчинки,
Я еду на край города и смотрю на горизонт.
И так день за днем в хаосе мироздания.

Весенняя печаль
(Лю Фанпин, VIII–IX вв.)

Когда свет уходит из ее печального окна,
Она плачет в одиночестве в своей золотой комнате.
Ведь весна уходит из заброшенного сада,
А метель из лепестков вишни закрывает дверь.

На озере
(Чжэн Янь, XVII в.)

Я прихожу и ухожу среди туманов и волн;
В этой жизни я зову себя Хозяином Западного озера;
С помощью легкого ветерка и маленького весла
Я выплываю из заводи.
Я весело запеваю свою песню,
И удивительно звонок мой голос в тиши ночи.
Но некому наслаждаться моим пением.
Поэтому я сам аплодирую себе,
А эхо повторяет мою песню в горах.

Осенние мысли

(Чан Чжи, 768–830 гг.)

Здесь, в городе Лоян, я почувствовал дуновение осени
И хотел написать домой, но мыслям моим не было числа.
Я боялся, что в спешке не сказал всего,
И, когда посланник уже был готов идти,
Я снова вскрыл запечатанное письмо.

Выражаю горе

(Юань Чжэнь, 779–831 гг.)

Ее отец больше всего любил младшую дочь.
Когда она вышла за меня замуж и вошла в эту нищету,
Она придумала миллион ухищрений.
Когда у меня не было одежды, она брала свою плетеную корзину.
Когда я хотел купить вина, я уговаривал ее вытащить золотую заколку.
Дикие растения были нашей пищей, и бобы казались сладкими;
Опавшие листья были нашими дровами.
Сегодня я имею больше ста тысяч,
Но тебе я могу сделать только священные подношения.
В прошлом мы смеялись над долей вдовцов,
Сегодня она стала нашей долей.
Твою одежду почти всю раздали,
Но шитье до сих пор осталось здесь.
Я помню старую любовь, и я добр к слугам и людям,
И ради мечты я отдал все свои деньги.
Я знаю, что эта печаль – удел всех.
Но когда мужчина и женщина пережили вместе нищету,
Сотни вещей причиняют боль.
Праздно сижу я и горюю о тебе и о себе.
Сто лет – сколько это?
Тянь Юй, у которого не было детей, осознал свою судьбу.
Пянь Ай, скорбя по своей жене, до сих пор пишет ей стихи.
Есть ли у меня надежда разделить мрак твоей могилы?
Еще труднее рассчитывать на встречу в другом мире.
И всю ночь я не смыкаю глаз,
Лишь бы еще раз увидеть твое лицо.

Застолье с луной

(Ли Бо, 705–762 гг.)

Из кувшина вина среди цветов
Я пил один. Со мной не было никого,
Пока, подняв чашу, я не попросил у луны
Привести мне мою тень, и тогда нас будет трое.
Увы, луна не могла пить,
И моя тень лишь следовала моему примеру;
Но все же пока у меня были эти друзья,
Чтобы утешить меня в конце весны...
Я пел. Луна мне подпевала.
Я танцевал. За мною следовала моя тень.
И я знал, что мы были хорошими друзьями,
А потом я опьянел и остался один.

Любование пионами в храме удачи
(Су Ши, 1036–1101 гг.)

В старости я украшаю себя цветами, но не смущайтесь —
Это цветы должны смущаться, что они украшают голову
старика.
На цыпочках иду я вдоль дома, и, должно быть, все смеются
надо мной,
Потому что вдоль дороги в половине домов раздвинуты шторы.

Песня печали
(Пан Чжиюй, I в. до н. э.)

Блестящий шелк, только что сотканный, гладкий и белый.
Белый и чистый, как мороз и снег.
Искусно собранный в веер,
Круглый, как блестящая луна,
Хранившийся в рукаве моего господина, вынутый оттуда.
Обмахивайся им, и от него повеет воздухом.

Как часто я боялся прихода осени,
Ведь ее холодные злые ветры унесут всю жару.
Покинутый, заброшенный, лежит он одинокий в ящике,
Столь малое время – и предмет любви исчезает.

Прощание с генералом

ЧЖАО (Чжэн Юйцзинь, XIV в.)

Простор и глубина морей, которые ему предстоит пересечь,
Но нет признака печали на его лице.
Мысль о годах одиноких странствий —
Это ветер осени и холод его сабли.

Безмятежность природы

Судя по всему, китайская поэзия начисто лишена эпического размаха, и, действительно, величайшие поэты Китая были людьми, писавшими на вполне земные и понятные темы. Стихи китайских поэтов фабульны и носят личностный характер. Их краткость и простота не случайны, но являются результатом преднамеренных попыток отразить философию поэта. Стихотворения были призваны визуально и вербально отразить чистоту окружающей природы и ее законов, чье познание стало целью китайской философской мысли и философских учений за целый век до Конфуция.

Возвращение в деревню

(Тао Юаньмин, 365–427 гг.)

В молодости я не был похож на других,
Всем своим существом я любил горы.
Из-за собственной ошибки я попал в сети зла
И так провел целых тридцать лет.
Но птицы, посаженные в клетки, стремятся в родные леса;
Рыбы, которые живут в пруду, стремятся вернуться в родную реку.
Я снова открыл для себя заброшенный уголок земли на юге
И вернулся к садам и полям.
Родной уголок земли в десять акров,
Соломенная хижина в восемь-девять комнат,
Ивы и вязы бросают тень на заднюю стену дома,
А груши и сливы выстроились в ряд прямо перед главной
комнатой.

За чашкой вина

(Тао Юаньмин, 365–427 гг.)

Я выстроил хижину среди людей.
Но там нет места для колясок и лошадей.
Ты спрашиваешь меня, как это может быть.
Когда сердце опустошено, земля далека от нас.
Отборные хризантемы у восточной ограды,
Вдали я вижу южные горы.
Прекрасен горный воздух на закате,
Птицы стайками возвращаются в свои гнезда.
В этом – настоящий вкус и аромат,
И, пробуя его, я не могу найти нужных слов.

Приют буддиста за стенами храма у разрушенной горы **(Чжан Цин, ок. 427 г.)**

Прозрачным утром, возле
старого храма,
Где первые лучи солнца касаются
верхушек деревьев,
Вилась моя тропа через едва
заметное ущелье,
Заросшее травой и цветами, и
шла она к приюту буддистов.
Здесь в горном свете оживают
птицы,
А ум человека находит покой
на берегу пруда,
И там стихают все звуки,
Когда бьет колокол в храме.

Вопрос и ответ в горах
(Ли Бо, 705–762 гг.)

Ты спрашиваешь, почему я живу в зеленых горах,
Я улыбаюсь и не отвечаю, ведь мое сердце свободно от забот;
Когда с груш облетают лепестки цветов
И поток уносит их в неведомое,
У меня есть свой мир, далекий от людей.

Лодка весной на озере
(Чжи Чжэн, 726 г.)

Задумчивая радость не знает конца:
Я несу ее вперед к неизвестности,
И я со своей лодкой еще до вечернего бриза
Плыву по озеру мимо цветов,
Поворачиваю в сумерках к западной аллее,
Где смотрю на южную звезду, горящую над горами.
И опускается туман, окутывая все мягким покрывалом,
И низкая луна скользит сквозь деревья;
И я отрешаюсь от всех земных забот
И остаюсь лишь стариком с удочкой в руках.

На севере среди зеленых виноградников
(Ли Шаньинь, 813–858 гг.)

Там, где солнце зашло за западные горы,
Я ищу монаха в маленькой соломенной хижине,
Но нахожу только опавшие листья,
И я возвращаюсь среди холодных облаков.
Я слышу звук гонга на закате
И всей тяжестью опираюсь на палку...
Как в этом мире, в этом вихре вечности может быть место для
страстей человеческих?

Тыква Су Ю
(Ван Чжифу, 1645–1725 гг.)

Тыква висит на дереве
Легкая, как одинокий лист,
Ветер раскачивает ее в ночи.
Было бы лучше убрать ее, чтобы мои помыслы оставались чистыми.
Весь мир не так велик, а тыква не так мала;
Все, что за пределами тела, – лишь обуза.

Человек смертен

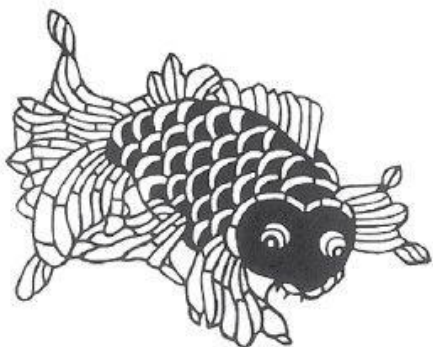
Очень многие семьи до сих пор соблюдают когда-то повсеместно проводившийся обряд поминовения предков. Каждый год в середине осени в семейном алтаре проводился изысканный обряд. Там в присутствии всех членов семьи патриарх зачитывал имена всех умерших родственников. Эта церемония, которая иногда длилась несколько часов, преследовала две цели: она давала каждому присутствующему надежду на то, что когда-то и его имя будет так же поминаться всеми и к его духу будут обращаться живые. И также эта церемония (возможно, непреднамеренно) напоминала ее участникам, сколь преходяща их собственная жизнь. Вот это двойственное чувство конечности земного существования и нашло отражение в стихотворениях, приведенных ниже.

На городской стене (Цзы Лань, IX в.)

Древние могилы гуще, чем трава;
Новые могилы появились уже на краю дороги.
За городской стеной не осталось пустого места;
А внутри городской стены люди все стареют.

**Наказания, связанные со служебным положением
(По Чжуй, 772–846 гг.)**

Три десятка и десять! И все еще раб службы!
В «Книге обрядов» начертаны эти благословенные слова:
«Жажда почестей – ничто».
Это золотое правило, которое мы чаще всего забываем.
Увы! Как огорчают человека эти долгие годы!
Когда уже нет и зубов, и глаза отказываются служить.
Утренняя заря принесла ему мечты о славе.
Ему, который несет на закате своих дней груз всей семьи.
Он все еще глядит на свою голубую ленту (символ
государственной службы. – Примеч. пер.),
И его все еще привлекает красное кресло чиновника,
А его пояс едва удерживает его дряблый живот,
Когда, наклонившись, проползает он через княжеские ворота.
Где человек, которого не манило бы богатство?
Кто не пресмыкался бы ради благосклонного взгляда своего
господина?
И все же годы власти оставляют свой глубокий след.
И величие берет верх над немощью тела.
И смех идет не от сердца,
Где живут блеск и пыль ушедших дней.
О, кто ты, идущий в одиночестве в глубоком раздумье?
Это он, счастливый человек, живущий один.

**Арфа с инкрустацией
(Ли Шаньинь, 813–858 гг.)**

Интересно, почему у моей арфы с инкрустацией пятьдесят
струн,
Каждая из которых имеет свой лад, подобный цветку?
...Мудрец Чжуан-цзы грезит наяву, над ним порхают бабочки.
Юный духом император Ван плачет, подобно кукушке,
Водяные роняют свои слезы-жемчужины на дно зеленого
в лунном свете моря,

Голубые поля дарят свой цвет солнцу...
И момент, которому следовало бы длиться вечно,
Пришел и ушел, прежде чем я заметил его.

Песня жизни

(Тан Инь, 1470–1523 гг.)

В древности люди редко доживали до семидесяти лет.
Убери годы раннего детства и старости,
И окажется, что век человека не так уж и долог.
Но и даже в нем есть жара и мороз, беды и радости.
Когда пройдет середина осени, солнце становится не таким ярким.
А когда весна переваливает за апрель, цветы теряют свою свежесть.

Ветер древности

(По Чжуй, 772–846 гг.)

На восточной стене цветет слива —
Я вдыхаю аромат ее цветов, тихо смеясь в свете
Солнечного полдня. И вдруг мне открывается
Тайна ветра древности,
Наполняет мою душу гордостью, пока я не чувствую
Ветра со всей свежестью первой зари,
Ветра многоликой весны и все секреты ароматов цветов.
Кто-то сообщает мне, и я громко кричу:
«Увы! Как сера и безвкусна жизнь смертного!» Этого и лишь
этого боюсь я,
Что из того мерцающего зеркала удовольствия
Могут исчезнуть эфемерные цветы, что с дыханием
Огненного летящего дракона они упадут
Лепесток за лепестком, медленно и в то же время быстро,
В мир могил. Увы!
Мои маленькие друзья, мои возлюбленные, мы должны
расстаться.
И, как одинокая сосна, что стоит
Последняя из тысяч сосен на южных склонах,
Я тоже буду стоять один, и голодные ветры
Будут перебирать струны моего одинокого сердца.

Цвет жизни

(Сыкун Ту, 834–908 гг.)

Можем ли мы навечно оставить
Радугу побед мира,
Голубизну спокойного моря,
Редкий цвет поздно распустившейся азалии,
Разноцветье зеленой весны,
Ивы и террасы,
Незнакомца из возвышающихся в ночи гор,
Отсвечивающую розовым чашку вина.
О, для жизни, которая ждет впереди,
Где нет пыли древних книг,
Где весенняя песня летит от звезды к звезде.
Увы! Зачем надеяться на такую жизнь?

Ночь с друзьями

(Юань Шай, 1715–1797 гг.)

Семьдесят семь! Какой старик!
Через три года я взгляну на дожди Западного озера,
Я вернусь, сменив одно место на другое на короткое время,
Беспокою семью просьбами приготовить мне цыпленка и просо,
Мои друзья, не спрашивайте меня о дне моего следующего
приезда,
Потому что это не в моей власти,
Я всегда говорю, что не вернусь – и возвращаюсь,
Стыдно так обманывать людей.

Жизнь солдата

Объединенные ли перед лицом нашествия варваров, или разделенные внутренними границами, китайцы в течение многих веков непрерывно воевали в династических, патриотических или завоевательных войнах.

С завидным постоянством к северу от реки Янцзы возникали новые династии, которые со временем становились достаточно сильными для того, чтобы идти на юг. Затем они в течение некоторого времени стояли во главе империи, а потом оказывались свергнутыми следующей династией.

Такие непрестанные войны требовали набора в армию миллионов рядовых солдат и приводили к бесчисленным несчастьям. Стихотворения «Жалоба» Чжан Пина и «Луна над укреплениями» Ли Бо подчеркивают тот факт, что «ни одна из известных в истории битв не обошлась без жертв».

Жалоба над могилами десяти тысяч солдат (Чжан Пин, IX–X вв.)

Война закончилась на границе Хуай, и все торговые пути снова открыты.

Стаи ворон кричат в зимнем небе.

Увы, но в заброшенных могилах лежат кости погибших,

Тех, кто сражался ради воинских почестей своего вождя.

Луна над укреплениями (Ли Бо, 705–761 гг.)

Яркая луна поднимается над небесной горой

В бесконечной дымке неба и моря,

И ветер, пролетевший тысячи миль,

Бьется в нефритовые стены укрепления.

Китайцы отправляют своих солдат в бой,

В то время как татарское войско пересекает воды залива.

И поскольку ни одна из знаменитых в истории битв

Не обходилась без жертв,

Солдаты разворачиваются и, глядя в сторону границы,

Думают о доме, и глаза их печальны.

Они думают о тех, кто в небесных чертогах

Беспокойно ворочается и не может найти покоя.

Ноша воина

(Лю Чжанцзянь, VIII в.)

Многие годы мы охраняем Нефритовый перевал и Золотую реку,
Держа в руках поводья и мечи,
И мы видим, как покрывает снег некогда зеленые могилы
И как Желтая река навсегда уходит за черную гору.

Песня Луньси

(Чжэн Тао, IX–X вв.)

Они поклялись отбить атаку варваров не щадя себя.
Пять тысяч их полегли в татарских степях.
Увы! Их кости лежат на берегу реки Уцзинь,
Но весной они все еще оживают в снах жен.

Дикие гуси

(Лу Гуаймэнь, IX в.)

Как долог путь с юга на север,
Между ними лежат десять тысяч луков и стрел.
Кто может сказать сквозь дымку и туман,
Сколько птиц долетит до Хэньяна?

**Какое растение не желтого цвета?
(Из «Книги песен»)**

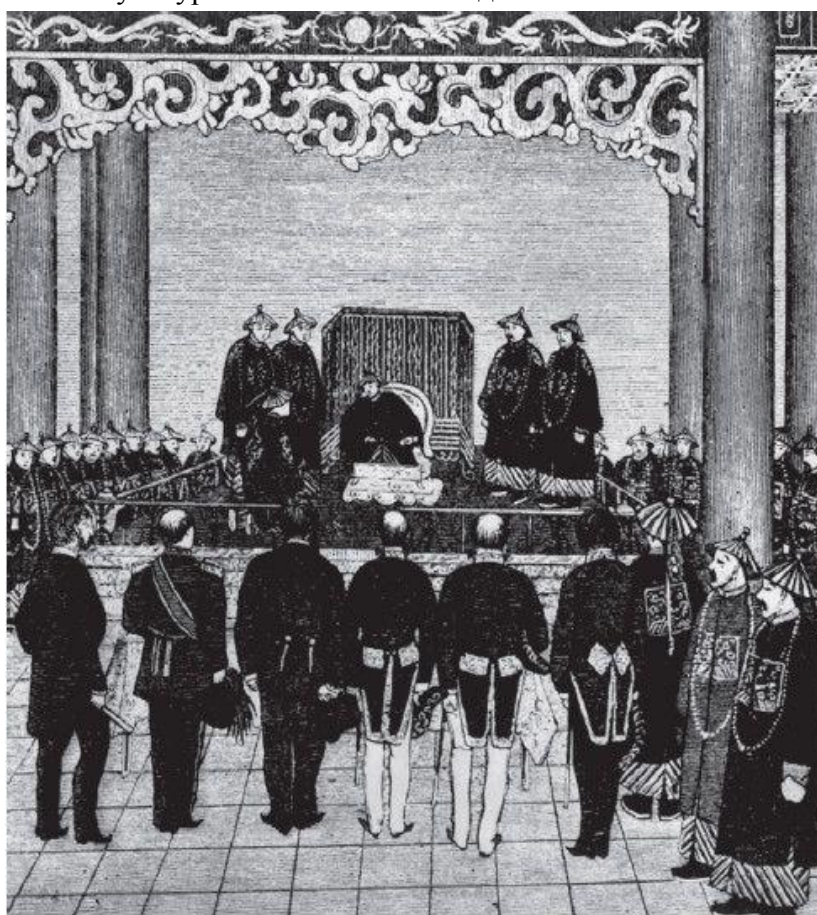
Какое растение не желтого цвета?
Какой день обходится без похода?
Какой мужчина не в походе на службе в отряде?
Какое растение не черного цвета?
У кого нет жен?
Да здравствуем мы, солдаты!
К нам одним не относятся как к людям.
Мы не носороги и не тигры,
Но нас держат на привязи в этой бесполезной войне.
Да здравствуем мы, солдаты!
Нет нам отдыха ни днем ни ночью.
Лиса со своим пушистым хвостом мелькает в траве,
Но наша повозка, построенная из бамбука,
Трясется по дороге в Чжоу.

13. Влияние Европы

В 1514 году в Кантоне высадился итальянский моряк, состоявший на службе у португальцев. Его звали Рафаэль Перестрелло, и в Кантон он приехал с португальской базы в Малакке на Малайском полуострове. Династия Мин к тому времени была на престоле уже сто шестьдесят лет, и восемьдесят лет прошло с тех пор, как знаменитые морские экспедиции династии Мин бороздили Индийский океан. Перестрелло, который прибыл в Кантон на борту китайского судна, действовал очень осмотрительно. Что касается его последователей, то они прибывали уже на португальских судах и были менее осторожны. Они вели себя высокомерно и грубо, и поэтому местные власти прогнали их, сочтя пиратами. Тем не менее эти неудачливые путешественники были предвестниками великих изменений, которые предстояло пережить Китаю впервые за всю его трехтысячелетнюю историю. Эти изменения нашли свое самое полное воплощение только в наше время, более четырехсот лет спустя после появления Перестрелло в Китае.

В течение почти ста лет португальские купцы были единственным связующим звеном между Китаем и Европой.

К концу XVI века в Китае начали появляться миссионеры римско-католической церкви, которые ехали в страну вместе с торговцами – искателями приключений. В 1582 году в Китае высадился Маттео Риччи, первый миссионер, которому сопутствовала удача, и девятнадцать лет спустя ему разрешили окончательно обосноваться в Пекине. Он привел в Китай не только само христианское учение, но и веру и почитание христианской Европы. Его хорошо приняли в Китае, стране, язык которой он выучил и обычаи которой он уважал. Один из ученых-чиновников, видя схожесть его деятельности с деятельностью буддийских монахов, приехавших в Китай из Индии в эпоху Тан, считал, что и относиться к ним надо одинаково: двор не должен проявлять исключительной благосклонности к иностранцу-священнику, а должен терпимо относиться к нему при условии, что он будет вести себя разумно и сдержанно. Когда выяснилось, что Риччи и его последователи лучше разбираются в математике, чем китайские астрономы, и что они могут предсказывать солнечное затмение и другие природные явления с большей, чем китайцы, точностью, к ним стали относиться более благосклонно и чаще пользоваться их способностями. Именно западная наука, а не западная религия положила начало культурным контактам Запада и Китая.

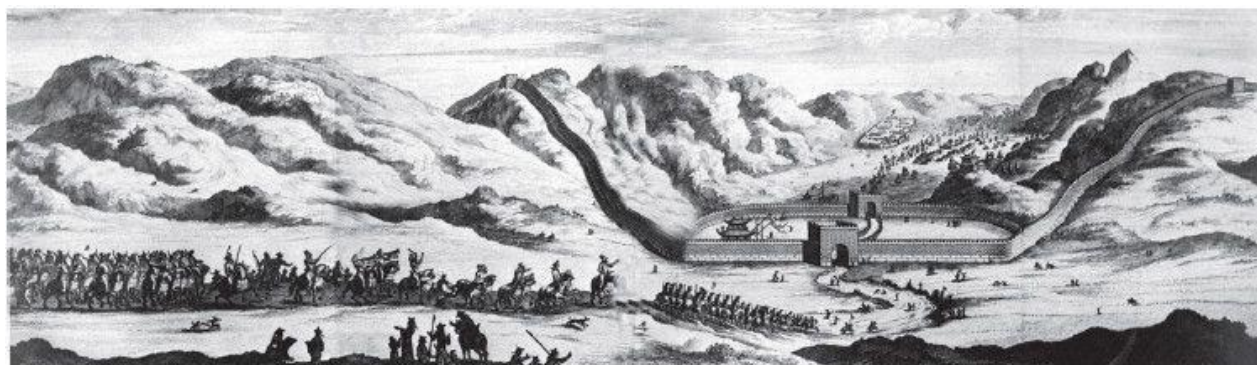
Изолированные в своем Запретном городе, китайские правители редко принимали иностранцев. Аудиенция, которую император Тун-чжи дал иностранным посланникам в 1873 году, была последней императорской аудиенцией вплоть до 1889 года

В отличие от иезуитов к торговцам и мореплавателям относились с большим подозрением и ставили на их пути всяческие препоны, которые, правда, часто были лишь ответной реакцией на грубость и несдержанность этих людей. Португальцы пришли в Китай из укрепленных фортов в Индии. Эти форты были силой захвачены ими, и они ожидали, что им удастся сделать то же самое в Китае. Они не учли тот факт, что, в отличие от раздробленной Индии, Китай был сильным единым государством. Португальцам не удалось добиться в Китае того же, чего они добились в Индии. Когда же им было разрешено торговать в Китае, то оказалось, что им было

позволено это делать только в Макао и Амое. С таким же предубеждением позднее относились к голландцам и англичанам, а в какой-то степени и ко всем европейским путешественникам, какой бы национальности они ни были. Европейцев часто называли «океанскими дьяволами», причем это прозвище сохранялось за ними до самого последнего времени. В буддийской религии демоны ада изображались с рыжими волосами и зелеными глазами. Неудивительно, что к европейцам относились как к представителям сатаны, ведь многие из них были блондинами со светлыми глазами.

И все же торговля считалась прибыльным делом. Иностранцы покупали чай, шелк, фарфор и расплачивались за них серебром, поскольку их собственные товары мало ценились в Китае. На раннем этапе контактов с Западом торговый баланс складывался в пользу Китая, и соответственно благодаря этому было велико и влияние Китая. Европейцы пили чай и высоко ценили китайский фарфор, шелк был самой модной тканью. Европейцы также обнаружили, что ревень – китайская целебная трава – способствовал пищеварению. (Немного позже шовинистски настроенный китайский чиновник предположит, что единственным верным шагом в отношении Англии, которая была постоянным источником проблем для Китая, было бы запрещение экспорта ревеня. В этом случае иностранцы в полной мере ощутили бы на себе последствия своей тяжелой для желудка пищи.) Слово, которое во всем мире означает «чай», а также слова, обозначающие понятие «шелк» во всех языках, китайского происхождения. То же самое касается и слова, обозначающего «фарфор» во многих европейских языках. В то время как морские державы устанавливали торговые контакты на южном побережье Китая, другие европейцы – русские – быстро продвигались к северной границе Китая. В XVI веке Российская империя присоединила к себе обширные территории к востоку от Урала. К 1644 году русские проложили сибирский тракт и вышли к Амуру, который теперь является частью российско-китайской границы. Хотя русские, судя по всему, не подозревали об этом, только что возникшая Маньчжурская династия заявила о своих притязаниях на левый берег Амура. Это была почти необжитая и необработанная территория, однако племена, которые кочевали там, признали маньчжуров своими суверенами. 1652 год был годом приграничного сражения между русскими и китайцами. Русские выиграли это сражение, после чего маньчжуры еще много раз пытались отвоевать себе эти земли, но в конце концов обе стороны решили заключить почетный мир. В 1689 году был заключен мирный договор, а в 1727 году этот договор был подкреплён еще одним соглашением, подписанным в Кяхте на монгольской границе.

Одним из положений Нерчинского договора, заключенного в 1689 году между Россией и Китаем, было положение о том, что русским торговым караванам разрешалось раз в три года пересекать территорию Китая и заходить в Пекин. Другие европейские страны такой привилегии не получили. На английской панорамной картине российская делегация под руководством неофициального посланника Петра Великого в Китае приближается к воротам в Великой Китайской стене в 1692 году

Одним из последствий Нерчинского соглашения было то, что России было позволено основать

в Пекине православную миссию, которая должна была способствовать удовлетворению духовных потребностей казаков, попавших в плен во время приграничной войны. Эти люди и их слуги были привезены в Пекин, им не было разрешено вернуться на родину после подписания мирного договора. Эта община сохранилась до нашего времени, но сейчас в ней преобладают этнические китайцы. Православная миссия в Пекине являлась полуофициальным органом, представлявшим российских царей при императорском дворе, поскольку в царской России церковь почти полностью зависела от государства. Священники, посланные в Пекин, могли устанавливать контакты с высшими китайскими чиновниками. Они фактически были неофициальными представителями российских властей за много лет до того, как западно-европейцы только попытались основать там свои постоянные представительства.

Различие в отношении определялось тем, что Россия являлась крупнейшим сухопутным соседом Китая, а также самым характером европейских морских держав. Сибирь, хоть и граничила с Маньчжурской империей, была далеко от Пекина и еще дальше от Санкт-Петербурга, по крайней мере, пока не была построена Транссибирская магистраль. Российские заставы на почти не заселенных приграничных территориях не представляли для китайцев опасности. Более того, торговля России с Китаем, которая на раннем этапе сводилась к обмену сибирских мехов на китайский чай, отвечала интересам и нуждам правящего класса. Поэтому русские купцы пользовались гораздо большим уважением, чем их коллеги из Западной Европы. Еще одним немаловажным фактором, определившим благосклонное отношение к русским, было то, что маньчжурские императоры лично знали некоторых из них. Канси, Юн-чжэн и Цяньлун, которые правили в первые сто пятьдесят лет существования династии, совершали походы далеко на север. Но ни один император даже ради удовольствия не посещал южных провинций и уж тем более не был на побережье океана.

Пока русские и китайцы устанавливали вполне дружеские отношения, европейцы задыхались в рамках наложенных на них ограничений на торговлю. В эпоху Мин они могли торговать в единственном открытом для них порте – Кантоне. Такая ситуация сохранялась весь XVII и в начале XVIII века. Опиумная война 1840 года изменила положение вещей. В XVIII веке англичане, которые господствовали в Индии, обнаружили, что опиум, который можно было выращивать в этой колонии, использовался в Китае как лекарственное средство. Ост-Индская компания, которая монополизировала торговлю с Китаем, начала экспортировать опиум и в 1750 году продала 400 сундуков опиума, каждый весом примерно в 133 фунта. Опиум быстро получил распространение в Китае, и это сразу же изменило торговый баланс в пользу европейцев, которые наконец-то нашли товар для продажи в Китае. Рост торговли опиумом был зафиксирован документально. В 1821 году в страну ввезли 5000 сундуков опиума, а в 1839 году, накануне Опиумной войны, эта цифра достигла 30 000. К этому времени поток китайского серебра, которым расплачивались за наркотик, составил 100 млн унций. Встревоженное потерей доходов и ростом опиумной зависимости среди населения, правительство маньчжуров запретило ввоз наркотика в страну еще в 1800 году. Ост-Индская компания на словах не нарушала этот закон, однако предпочитала не замечать того, какой товар везли в Китай британские корабли, зарегистрированные в Индии, поскольку официально эти корабли не принадлежали Ост-Индской компании. Опиум хранился на старых кораблях, стоявших в офшорной зоне в устье Жемчужной реки ниже Кантона. Китайские импортеры договаривались об условиях приобретения товара с британскими купцами в Кантоне, а затем забирали его прямо со старых кораблей. Пошлин при этом они не платили, поскольку теперь опиум был нелегальным товаром. Это была явная контрабанда, но поскольку местные чиновники получали значительную долю дохода от торговли лишь за то, что закрывали глаза на нарушение закона, «невидимая» и неконтролируемая торговля опиумом продолжалась.

Зло, причиняемое этой торговлей, давно уже стало очевидным. Помимо вреда, наносимого

здоровью людей, пристрастившихся к опиуму (правда, таких было меньшинство), огромный ущерб был причинен экономике Китая из-за оттока серебра из страны. Налоги надо было платить серебром, однако большая часть населения получала заработную плату медными деньгами, а обменный курс меди и серебра не был фиксированным. Чем меньше серебра оставалось в стране, тем дешевле становились медные деньги, и все больше нужно было этих денег, чтобы заплатить за унцию серебра. Доходы от налогов уменьшались, цены росли, и все более невыносимым становилось бремя, которое несло на себе подавляющее большинство китайского населения.

Император Дао Гуан был человеком добропорядочным и чрезвычайно экономным. Он решил положить конец незаконной торговле, поскольку из-за нее государство теряло очень много денег, а опиум причинял вред здоровью людей. Эта задача была поставлена перед честным и решительным чиновником Линь Цзэсюем, которого в современном Китае считают национальным героем. Линь конфисковал огромные запасы опиума, которые были приготовлены на продажу, и публично уничтожил их. Британские торговцы не могли подать официальную жалобу по поводу уничтожения нелегального товара, тем не менее они потребовали компенсации причиненного ущерба. Линь отказался сделать это. Таковы были причины начала Опиумной войны, разразившейся в 1840 году. Плохо подготовленный к войне, особенно на море, Китай потерпел поражение и был вынужден подписать Нанкинский договор в 1842 году. Это был первый из так называемых «неравных договоров». Их подписание положило конец начальному этапу контактов Китая с Западом. Началась эпоха «портов, входящих в Договор», которой было суждено продлиться почти век.

Первый этап контактов с Западом – период с XVI века до Опиумной войны – был этапом разнообразных стадий существования христианских миссий в Китае.

До 1840 года вся внешняя торговля Китая велась через единственный порт, входящий в Договор, Кантон, где получившие государственную лицензию торговые монополии торговали с представителями такого же монополиста – Британской Ост-Индской компании. На английской картине XIX в. мы видим флаги нескольких торгующих стран, развевающиеся над прибрежным торговым складом

Христианские миссии в Китае переживали как периоды успехов, так и периоды неудач. В начале XVIII века поведение миссионеров-иезуитов, которые до тех пор были единственными католическими миссионерами в Китае, подверглось резкой критике со стороны только что прибывших в страну доминиканцев. Доминиканцы утверждали, что слишком терпимые иезуиты позволяли новообращенным христианам поклоняться дощечкам с именами предков и запускать петарды во время торжественных церемоний, например во время мессы, и тем самым способствовали сохранению языческих обрядов. Иезуиты же считали, что эти обряды носили

исключительно местный национальный характер и не несли в себе религиозного содержания. Споры по поводу ритуалов тянулись многие годы; римским папам направлялись бесчисленные жалобы с обеих сторон. Маньчжурский император Канси, оскорбленный тем, что какой-то «вождь варваров», как он называл папу римского, осмеливается вмешиваться во внутренние дела Китая, отлучил всех христианских миссионеров от преподавания в школах, хотя он и пользовался знаниями и умениями наиболее образованных священников. Споры по поводу ритуалов подорвали дело христианства в Китае и также уничтожили интеллектуальные связи между Китаем и западной цивилизацией. Однако нельзя сказать, что христиане потеряли всех своих обращенных в Китае, на деле многие из них остались глубоко верующими христианами. Но число образованных христианских священников европейского происхождения в Китае резко сократилось, а те из них, которые остались в стране, больше не имели права устанавливать контакты со своими китайскими коллегами.

Христианских миссионеров, к которым раньше относились вполне терпимо, считая их носителями безвредной иностранной моды, теперь стали подозревать в том, что они служат всего лишь ширмой, прикрытием для осуществления чужеземными державами своих коварных планов. История XIX века усилила и в какой-то мере подтвердила эти подозрения. В то время как первые римско-католические миссионеры были прежде всего озабочены духовным миром китайского народа, большинство миссионеров XIX века были весьма заинтересованы в развитии торговых отношений с Китаем, на что так рассчитывали их соплеменники. Возможно, это было, так сказать, побочным продуктом миссионерской деятельности в Индии и Индонезии, где мусульманство и индуизм просто испугали многих миссионеров. В 1807 году в Китай приехал протестант из Шотландии, некто Роберт Моррисон. Он с большими трудностями начал тайно проповедовать евангелие. Несколько лет спустя, согласно положениям Нанкинского договора, миссионерам всех христианских церквей теоретически был разрешен свободный въезд в страну. Им было также разрешено приобретать там собственность и беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Однако на практике они столкнулись с враждебностью и пассивным неприятием своей деятельности. На них по-прежнему лежала печать отверженных, ведь они завоевали свое право работать в Китае благодаря военному могуществу своих государств.

В то время почти все европейцы были твердо убеждены в том, что китайцы или народы других азиатских стран могут подняться на новую ступень развития только путем принятия христианства. В XVIII веке европейские ученые, например Вольтер, который читал китайскую классическую литературу и философские труды в переводе иезуитов, восхищались китайской культурой и системой правления, на порядок превосходящей, на их взгляд, их собственную. Для них Китай стал некой идеальной землей мудрецов и высокообразованных ученых, где поэзия, философия и искусство были достойными занятиями дворян, а война была отдана на откуп грубым и необразованным солдатам низкого происхождения.

Торговля с Китаем была прибыльным, но весьма нелегким делом. Во время проведения торговых операций иностранные купцы были вынуждены оставаться на иностранных «факториях», узкой полоске суши за пределами Кантона, а затем они должны были немедленно возвращаться в Макао. Контакты с китайскими чиновниками им были запрещены, а членам семей торговцев не разрешалось покидать окрестности Макао

Представление иезуитов о Китае складывалось частично на основе идеалистической китайской традиции, а частично на непредвзятой оценке силы и личных качеств таких императоров, как Канси и его внук Цяньлун. История этих добродетельных правителей, каждый из которых правил по многу лет, также способствовала укреплению среди европейцев веры в непрерывность и преемственность китайской истории – веры, которая соответствовала китайскому идеалу долгой жизни. Ученые Европы XVIII века, жившие в атмосфере постоянной вражды с соседними королевствами, были поражены огромными размерами и совершенством внутренней стабильности и мира великой империи. Однако после Опиумной войны это отношение к Китаю вышло из моды. Китай стал считаться бедным, отсталым, плохо управляемым, вызывающе гордым и, сверх того, слабым с военной точки зрения государством. Нельзя забывать, что военная отсталость считалась грехом, которого каждое мало-мальски достойное государство должно было любым способом избежать.

Лорд Маккартни, первый посол Британии в Китае, в 1793 году написавший отчет о деятельности своего посольства, первым понял, что не все благополучно в империи маньчжуров. Маккартни, направленный королем Георгом III ко двору престарелого императора Цяньлуна, был поражен уровнем концентрации власти в руках императора, а также роскошью и богатством двора и маньчжурской знати. Однако во время своего длительного путешествия из Кантона в Пекин и обратно он также увидел нищету китайского народа, равнодушие правящего класса ко всякого рода новшествам и изобретениям. В качестве подарков придворным Маккартни привез несколько новейших приборов. Их сочли игрушками, забавными, но не имеющими практической ценности. Презрение двора ко всему новому могло сравниться разве только с его политическим высокомерием. Император даже всерьез рассматривал идею установления равных дипломатических отношений с Британией. Он отказался ослабить ограничения на торговлю и относился к британскому посольству так же, как и к представительствам Кореи или Непала, всегда преподносивших ему многочисленные подарки. То есть он и сам был щедр на дары, но враждебно относился к любой возможности политических изменений или расширения торговли.

Дипломатические контакты продолжались и в XIX веке. Маньчжурские императоры строили свои отношения с миром исходя из династических представлений и претензий, существовавших

еще много веков назад, когда подобное отношение было вполне оправданным. Интеллектуальные контакты отошли на второй план, а затем и вовсе прекратились из-за споров по поводу ритуалов, а торговым контактам мешали бесконечные склоки, причиной которых была чрезмерная жадность чиновников Кантона. Дипломатические же контакты так и не смогли сломать барьеры устаревших традиций и привычек.

В результате Опиумной войны и Нанкинского договора торговля все же стала вестись более активно. США и Франция в 1844 году заключили договоры с Китаем. Им была предоставлена экстерриториальная юрисдикция по отношению к своим гражданам и фиксированный тариф в 5 процентов на все ввозимые в Китай товары. Французским и американским миссионерам было разрешено молиться и путешествовать, приобретать собственность и жить в стране. Франция добилась для себя права основать в портах, входящих в Договор, концессии, а у США такого права не было.

Британский пароход «Немезида» обстреливает эскадру джонок во время Опиумной войны

Любопытно, что права, завоеванные в результате подписания Нанкинского договора, расценивались тогда совершенно по-другому, чем сейчас. Для иностранца страхование жизни и имущества по законам своей собственной страны было очень большим завоеванием. Китайские же чиновники, напротив, считали эти вещи пустяками, мелкой услугой, которую они были рады оказать иностранцам, избавив себя от необходимости заботиться о каких-то чужаках. Но их шокировали попытки установить в Китае представительства римско-католической церкви, и они всячески противились этим усилиям. Они были против свободной деятельности миссионеров, поскольку не доверяли им. Однако они были вполне удовлетворены фиксированными торговыми тарифами, поскольку деньги, ввозимые в страну, шли в казну императорского правительства, а не местным чиновникам.

Позднее китайцы стали рассматривать «неравные договоры» с противоположной точки зрения. Концессии и экстерриториальная юрисдикция стали считаться посягательством империализма на независимость и достоинство Китая, а ограничения торговых тарифов – проявлением откровенной эксплуатации западными державами «слабого, полуколониального» Китая. И напротив, деятельность миссионеров, пусть временами бестактная и прямолинейная, стала считаться в основном полезной, поскольку миссионеры привносили в страну новые технологии и знания, особенно в области медицины. В любом случае их религиозная деятельность считается в основном неэффективной и поэтому не имеющей первостепенного значения. Обмен дипломатическими представительствами между Китаем и другими странами признается благом, продвижением вперед, и теперь считается, что двор был не прав, выступая против них. Возмещение Британии по условиям Нанкинского договора 21 млн унций серебра

считается большой ошибкой, поскольку груз этого решения лег тяжким бременем на бедняков, привел к увеличению налогов, а в целом – ко все большей слабости страны и внутренней напряженности.

В правильности последней оценки, собственно, никто и не сомневается. В 1850 году, менее чем через десять лет после подписания Нанкинского договора, разразилось восстание тайпинов. Во многих отношениях оно может считаться прямым результатом Опиумной войны. Его руководитель Хун Сюцюань был родом из окрестностей Кантона и являлся представителем местного меньшинства, лишенного основных прав и привилегий, – хакка. Хун не прошел экзамена государственной службы, потом он тяжело заболел, и во время болезни ему было видение, которое он позже представлял себе как беседу с Богом на Небесах. В этом видении Бог дал ему задание уничтожить демонов (отождествляемых с маньчжурскими правителями) и установить господство подлинной религии и мира. Хуну случайно попался в руки протестантский трактат, в котором он нашел частичное объяснение догм и учений реформаторства, и это еще раз убедило его в том, что ему действительно было видение. Все это привело к тому, что он поверил, что христианство, в том виде, в каком он его понимал, было божественным откровением. Хун принял христианство. В Кантоне во время короткой беседы с миссионером Иссахаром Робертсом он попросил окрестить его. Однако Робертс еще не верил в готовность ученика принять крещение; отказ, правда, не уменьшил энтузиазма Хуна и не поколебал его убеждений. Он набрал команду последователей, которые стали его преданными учениками, и основал общество Поклоняющихся Богу. Он также отправился в еще одно поселение хакка в соседней провинции Гуанси, вероятно, из-за того, что его взгляды не очень-то прижились в родных местах.

В 1851 году после столкновения с местными чиновниками, последовавшими за актами вандализма, совершенными последователями в отношении буддийских и даосских храмов, Поклоняющиеся Богу подняли восстание. В октябре того же года в небольшом городе Юньане они объявили о создании Тайпин Тянь, «Великого Общественно-Мирового Царства», как обычно переводится его название с китайского. (Было, однако, также указано, что слово «пин», помимо значения «мир», также имеет значение «уровень, равный», поэтому название их самопровозглашенного царства можно перевести как «Божественное Царство Полного Равенства».)

Двое из миллионов пристрастившихся к курению опиума, или «черного золота»

С точки зрения Хуна, все, поклоняющиеся Богу, равны, даже если кому-то из них и выпало право и обязанность быть лидером. Сейчас до сих пор много спорят о том, насколько эти этические и духовные идеи нашли свое отражение в движении тайпинов. Очевидно, что для Хуна и некоторых его первых соратников эти убеждения были действительно близки, для многих его последователей они были священными догмами, однако для огромного числа пополнивших ряды тайпинов эти идеи были просто непонятны.

Почти с самого начала движение было успешным, и в него влилось большое количество людей. На это существовали причины, не имевшие ничего общего с религией. Опиумная война и открытие таких портов, как Шанхай и Нинбо, для внешней торговли привели к массовому вывозу шелка, фарфора и чая из Кантона. Раньше эти экспортные товары везли на юг носильщики через горные хребты, которые отделяли провинцию Гуанси от Гуандуна. Теперь все эти товары можно было везти в новые порты, входящие в Договор, и огромное число носильщиков и других транспортных рабочих на юге остались без работы и в беспросветной нищете. Более того, население юга Китая всегда оставалось в лучшем случае молчаливым сторонником династии маньчжуров. Правители этой династии по-прежнему считались на юге чужаками, ведь они проводили большую часть времени в Пекине, куда и стекались все доходы империи. Известие о начале восстания и шок от происходящего опережали само восстание. Продвигаясь на север через Хэнань (им, правда, так и не удалось взять столицу Чанъань), тайпины спустились вниз по Янцзы и появились у ворот Нанкина – южной столицы империи – в марте 1853 года. Они взяли город, и там Хун, который провозгласил себя Божественным царем, основал постоянную столицу своего мятежного государства. Он не стал брать титул китайских императоров хуанди, поскольку считал, что только бог может иметь такой титул. При его дворе не было евнухов, а женщинам дали такие права, каких у них раньше никогда не было. Он запретил бинтовать ступни женщинам. Также было провозглашено много других реформ, однако их претворению в жизнь помешала война. Тем не менее программа, выдвинутая тайпинами, была значительным шагом вперед как в области социальных реформ, так и в сфере религиозных преобразований. Если бы тайпины развили свой успех при Нанкине и перешли в немедленное наступление на Пекин, Маньчжурская империя, скорее всего, рухнула бы. Но вместо этого восставшие совершили ошибку и послали туда лишь небольшой отряд без всякого подкрепления; тем не менее они сумели дойти до местечка в 80 милях от столицы, однако срочно набранные императором войска и резкий северный ветер заставили их повернуть обратно. После этого военные действия в долине реки Янцзы с переменным успехом шли еще одиннадцать лет.

Главным результатом этой затянувшейся войны стало то, что маньчжуры были вынуждены в обороне опираться на новую армию, организованную по китайскому образцу и возглавляемую китайскими полководцами. Эту армию собрали в долине Янцзы верные режиму местные чиновники. Со временем эта армия сломила сопротивление тайпинов, а внутренние распри 1856 года ослабили их дух. И все же еще в начале 1860 года тайпины под руководством Ли Сюцюаня, человека честного и способного, сумели войти в восточные провинции, захватить Сучжоу и Хан-чжоу и реально угрожали Шанхаю. Европейцы, жившие в Шанхае, набирали в ряды защитников города искателей приключений, во главе которых сначала встал американец Фредерик Таунсенд Уорд, а после его смерти – английский генерал Чарльз Гордон («китаец» Гордон, позже прославившийся в Хартуме). Со временем верные императору войска сомкнули кольцо вокруг Нанкина, который пал в июле 1864 года. «Божественный царь» умер своей смертью за несколько дней до окончания восстания.

В течение нескольких лет после восстания правительство пыталось проводить очень осторожную политику реформ и модернизации. Реформы представляли собой важный шаг вперед к современному обществу, однако сама по себе модернизация общества не была их целью.

Они надеялись сделать Китай достаточно сильным, чтобы быть в состоянии противостоять давлению со стороны иностранных держав. Они не предполагали, что в процессе создания сильного государства им придется воспитать новое поколение образованных людей, которые во многом отойдут от традиционных китайских идеалов.

После долгой и упорной борьбы с тайпинами Китай по-прежнему оставался лицом к лицу с

западными державами, которые вели себя весьма и весьма агрессивно, поскольку во время смуты они сумели выторговать себе у запуганного правительства значительные уступки и выгоды. В 1856 году западные державы еще раз пошли в атаку на Китай, который и так по уши увяз в борьбе с тайпинами. Англичане были не удовлетворены результатами Нанкинского договора, враждебностью населения и активным противодействием чиновников в портах, входящих в Договор. Поводом для атаки со стороны Англии и Франции послужил арест китайской полицией 14 китайских моряков с небольшого судна, ходившего под британским флагом, «Эрроу». Позже подобный инцидент вряд ли удостоился бы и дипломатической ноты, но в тот момент ответным шагом европейцев была блокада Кантона, обстрел и захват города.

После Опиумной войны китайское правительство было вынуждено ввести новые высокие налоги. Возмущение крестьян этими налогами достигло кульминации во время восстания тайпинов в 1850 г. На этой картине, выполненной в наше время по заказу китайского правительства, императорские войска, вооруженные винтовками, атакуют тайпинов в Дьенцзыне

Затем война переместилась по морю на север к устью реки, которая соединяет Тяньцзинь, порт Пекина, с морем. В мае 1858 года объединенный флот союзников обстрелял и захватил форты, защищавшие устье реки в Таку. В июне двор императора перед лицом опасности со стороны тайпинов и других восставших поспешил заключить новый договор с западными державами. Еще 11 портов присоединились к договору и были открыты для торговли с западными странами. При этом было оговорено, что иностранные представители могли теперь жить в Пекине. Янцзы на сотни миль до Ханчжоу была открыта для прохода западных судов. Еще 4 млн унций серебра были выплачены европейцам в качестве возмещения ущерба, хотя вовсе не было очевидно, что англичане или французы как-то пострадали в ходе этой войны.

Сегодня никто не отрицает, что «война стрел» была неприкрытой агрессией. Для китайцев она стала ярким примером такой агрессии, и они об этом никогда не забывали. Через год после заключения договора они попытались оспорить его. Когда английский флот вернулся в Таку,

китайцы отбили второе нападение на форты. Англичане и французы вновь перешли к активным силовым действиям в 1860 году, взяли Тяньцзинь и двинулись дальше на Пекин, который пал в сентябре. Император Сянь Фэн отошел к Джехолу во Внутренней Монголии, где скоро скончался. Его брат, принц Кун, заключил с захватчиками еще более позорный договор.

Однако не только морские державы поняли, что пришло время для нового наступления. На Крайнем Севере активизировалась Россия. В 1854 году новый, весьма активный генерал-губернатор граф Николай Муравьев отправился по Амуру к устью реки, исследуя земли в этом регионе. В следующем году он взял под контроль России весь регион Амура, который по Кяхтинскому договору считался территорией Маньчжурской империи. В мае 1858 года, воспользовавшись войной между Китаем и западными державами, Россия добилась признания этой аннексии и объявила территории к востоку от реки Уссури, которая впадала в Амур на юге, в составе России. На следующий год, когда европейские державы захватили Пекин, Россия получила контроль над землями за Уссури. Сегодня это территории Приморья со столицей во Владивостоке.

Регентша при двух императорах-марионетках, вдовствующая императрица Цыси твердой рукой управляла Китаем с 1862 г. вплоть до своей смерти в 1908 г.

Годы между смертью императора Сянь Фэна в 1861 году и смертью его преемника Тун Чжи в 1875 году вошли в историю Китая как «реставрация Тун Чжи».

Споры о территориальных притязаниях в Корее, начавшиеся еще в VII в., привели в 1894 г. к китайско-японской войне. После ряда сражений, одно из которых изображено на японской литографии, Китай подписал унизительный договор, по которому Корея приобрела независимость. Не прошло и пятнадцати лет, как Япония официально аннексировала эту территорию

Это не реставрация в западном понимании, скорее возрождение, которое характеризовалось современными историками как последняя победа старого порядка в Китае, последняя попытка модернизации системы и последняя же попытка спасти империю. При дворе властвовала регентша, вдовствующая императрица Цыси – невежественная, но обладавшая исключительно сильной волей и властная женщина. Она проводила реакционную политику, в отличие от своего японского коллеги, который осуществлял ускоренную модернизацию, поставившую Японию в экономическом и военном отношении вровень с западными странами. Ли Хунчжан и другие великие полководцы, одержавшие победу над тайпинами, правили в провинциях. Они делали осторожные попытки модернизировать общество, однако так и не выработали единый план развития страны. Реформаторы боялись преодолеть укоренившееся в народе суеверие и начать строительство железных дорог, которые могли потревожить могилы предков. Их не интересовали полезные ископаемые, ведь их добыча нарушила бы покой богов земли, возбудила бы гнев народа и, главное, потребовала бы значительных капиталовложений. Однако правители на местах были заинтересованы в укреплении обороны страны. Были построены новые оружейные заводы, создан современный флот, а армия получила современное вооружение. Были закуплены пароходы, однако ими должны были управлять обученные люди. Для этого отобрали молодых морских офицеров для обучения морскому делу в Британии, тогда бывшей бесспорным лидером на море. Однако отправка студентов для учебы за границей имела непредсказуемые последствия. Среди молодых офицеров, отправленных служить на военно-морском флоте Британии, был Янь Фу, который поступил в новую военно-морскую академию в Фу-чжоу, когда ему было четырнадцать лет. Янь Фу прожил в Англии с 1877-го по 1879 год. Затем он вернулся в Китай и, хотя он формально числился в военно-морском флоте, многие годы посвятил другим видам деятельности, которыми увлекся во время учебы в Англии. Он

понимал, что не одно лишь оружие сделало западные державы столь сильными. Это были их государственные институты и даже политическая философия. Янь Фу считал, что богатство и сила должны быть теми целями, которых должен стремиться достичь Китай, если он хотел восстановить свою мощь или хотя бы просто выжить. Он посвятил свою жизнь переводу на китайский язык работ английских и французских писателей, которых он считал лучшими выразителями тех идей, которые в итоге привели Запад к успеху. Теперь образованные китайцы могли изучать труды западных мыслителей. Вторжение европейцев, а также потеря портов и суверенных прав сыграли свою роль в постепенном начале поворота Китая к Западу, однако гораздо более важным фактором было знакомство китайцев с трудами западноевропейских писателей в переводе Янь Фу, а позже и в переводе других авторов. В пору зрелости вошло целое поколение, которое начало ставить под сомнение действенность и верность традиционного конфуцианства. Христианство их не привлекало, однако идеи демократии, наука и философия, которая тогда властвовала в умах европейцев, влекли их к себе.

Барьеры рушились по всему Китаю. Однако двор по-прежнему игнорировал все новое и современное. С течением времени пропасть между правителями и простым народом все росла. Вдовствующая императрица оставалась равнодушной ко всем изменениям в жизни, происходившим за пределами ее дворца. Когда умер ее сын, слабый и нерешительный Тун Чжи, она возвела на престол собственного племянника, кузена предыдущего императора. Тем самым она нарушила законы престолонаследования, согласно которым новый император должен быть наследником умершего поколения в следующем поколении. А новый император Гуансюй был не просто сыном ее сестры, ему было всего четыре года от роду. Тем самым вдовствующая императрица обеспечила себе еще долгие годы царствования.

При ее правлении Китай понес новые территориальные потери, и очередной урон был нанесен ее престижу войной с Францией (1882–1885 гг.). Несмотря на некоторые военные успехи, эта война привела к фактической потере контроля над Вьетнамом (тогда – Аннамом). В результате войны с Японией (1894–1895 гг.) из-под влияния Китая вышли Тайвань и Корея, а Маньчжурия подверглась вторжению сначала Японии, а потом России. В умах западных политиков все больше укреплялась идея о том, чтобы взять Китай под свое «покровительство». Они уже даже распределили между собой возможные сферы влияния, чтобы избежать в дальнейшем соперничества между собой при разделе умирающей империи. Британия претендовала на управление долиной Янцзы и районом Кантона. Франция хотела получить Юго-Западный Китай, граничащий с только что приобретенным Вьетнамом. Россия заявляла о своих притязаниях на северо-восток, Германия – на провинцию Шаньдун, и даже Бельгия и другие мелкие европейские страны рассчитывали, что при помощи развивающейся сети железных дорог они будут господствовать на огромной территории, которую не могли получить силой. Япония, способная ученица западных стран, тоже лелеяла собственные амбиции, которые превышали устремления всех других стран.

Давление извне вызывало у китайцев две связанные друг с другом реакции. Первая привела к Ста дням реформ, инициатором которых стало молодое поколение чиновников. В 1898 году молодой и очень способный чиновник по имени Кан Ювэй сумел завоевать доверие Гуансюя, который уже был совершеннолетним, по крайней мере, номинально правил страной. На деле его власть была ограничена властью его реакционно настроенной тетки, вдовствующей императрицы Цыси, чей уход от власти был всего лишь видимостью. Гуансюй был весьма образованным человеком и имел самые лучшие намерения, и поэтому он начал прислушиваться к мнению Кан Ювэя и его сторонников.

Понимая, что только кардинальные и незамедлительные реформы могут спасти династию и страну, он начал проводить политику быстрых реформ. Однако мало что можно было сделать. Некоторые реформы должны были быть проведены уже давно, а другие имели второстепенное

значение. Однако все они вызвали гнев и страх реакционных сил.

На китайской литографии победоносные войска боксеров – в чью силу и неуязвимость верили миллионы китайцев, в том числе и вдовствующая императрица, – с помощью сабель, пушек и динамита гонят западных «варваров» прочь из страны

Программа реформ уже через несколько лет казалась мягкой, консервативной и не отвечающей требованиям жизни. Однако все это было уже тогда, когда введенные ею нормы стали привычными и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Однако вдовствующая императрица Цыси и ее сторонники были твердо намерены остановить реформы. Генерал Юань Шикай, которому Гуансюй полностью доверял, предал его: он был схвачен и провел остаток жизни на острове дворцового озера. Вдовствующая императрица вновь установила контроль над правительством, казнила тех реформаторов, которых смогла схватить, и отменила все реформы, за исключением одной – только что созданного императорского университета, центра современной мысли Китая и, возможно, самого мощного учебного заведения Азии. Вслед за этим последовала еще одна реакция на давление извне: это было восстание боксеров (ихэ-туаней). Оно началось в Шаньдуне, где население было весьма воинственным. Люди там страдали от последствий разрушительных наводнений, голода и других катаклизмов. Население Шаньдуна подняло восстание из-за тех унижительных способов управления, с помощью которых новые германские власти управляли арендованным портом Циндао и территорией вдоль железной дороги, построенной немцами. Сначала ихэтуани выступали против династии маньчжуров, но вскоре их захлестнула волна ксенофобии, направленная не только против иностранцев, но и против китайцев, так или иначе

воспринявших иностранные обычаи. Принятые при дворе и в Пекине в целом, ихэтуани убили германского министра и в 1900 году осадили иностранные представительства, в том числе и американское. Западные державы поспешили на помощь своим гражданам, взяли Пекин и вынудили двор заключить договор, который лишал Китай многих прав и низвел страну до статуса полуколониальной страны. Это был сильнейший удар по династии, которая просуществовала еще только десять лет, и то наполовину на положении заложников.

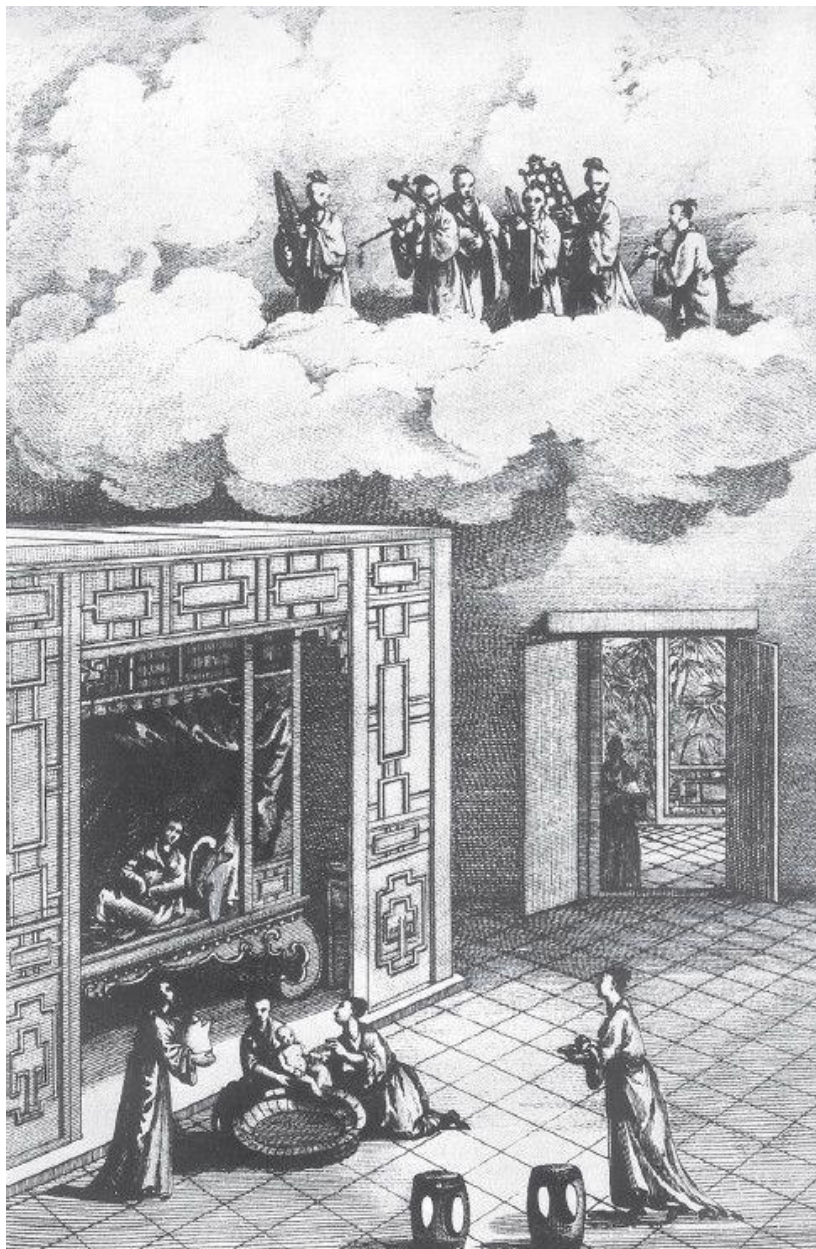
В первой декаде XX века начало быстро развиваться революционное движение за установление республики. Толчком к этому послужило ужасающее положение страны. После смерти Гуансюя и вдовствующей императрицы в 1908 году не появилось ни одного правителя, который сумел бы удержать власть. В 1911 году разразилась революция, и в начале 1912 года династия пала. Казалось, китайская революция победила. Однако события показали, что революционеры пошли по мучительно трудному пути. Молодые республиканцы верили, что идеальный строй возникнет за одну ночь, но этому не суждено было сбыться. Падение маньчжуров было только первым шагом в длинном пути, который еще не пройден. Тем не менее решительный шаг был сделан: бастионы старого китайского мира рухнули навечно. Не важно, по какому пути пошла бы революция – она все равно не вернулась бы к монархии, к старому обществу и старой конфуцианской системе образования.

Восток и Запад

Одно из самых ранних правдивых описаний Китая, когда-либо появлявшихся на Западе, было написано в 630 году Теофилом Симокаттой, византийским историком. Хотя это описание опиралось исключительно на информацию, полученную из вторых рук, оно все же оставалось одним из самых достоверных источников знаний о Китае вплоть до появления в конце XIII века замечательных путевых журналов Марко Поло. Отчет Марко Поло о его путешествии основывался на собственных впечатлениях и в целом был очень точным, хотя иногда и слегка приукрашенным. Например, Марко Поло писал о дворце «из золота и серебра», а также о 12 000 мостов в Ханчжоу. Иезуитские миссионеры, возглавляемые неутомимым Маттео Риччи, в 1601 году привезли в Пекин первое евангелие и скоро начали писать домой восторженные письма о Китае. Их хвалебные отзывы становились все более восторженными по мере того, как их касалась рука редактора. В результате в Европе сложился идеализированный образ Китая. Он притягивал к себе европейцев XVII–XVIII веков, которые искали идеал просвещения, на основе которого можно было бы строить свое собственное общество. Философ Лейбниц хотел, чтобы «китайцы послали к нам сюда своих миссионеров», а Вольтер объявил, что Китайская империя является «самой великой империей из тех, которые когда-либо существовали в мире».

Однако увлечение Востоком на Западе быстро прошло. В конце XVIII века быстрое развитие техники и научной мысли на Западе убедило европейцев в собственном превосходстве. Опубликование дневников, которые вели торговавшие с китайцами купцы, открыло им самые неприглядные стороны китайского общества. И хотя до 1840 года в Англии все еще раздавались призывы о проведении реформ гражданской службы по китайскому образцу, все же «культ Китая» значительно пошатнулся. Философ Гегель следующим образом обобщил точку зрения Европы на Китай: «История Китая не является историей развития... Мы не можем больше так или иначе связывать себя с ней».

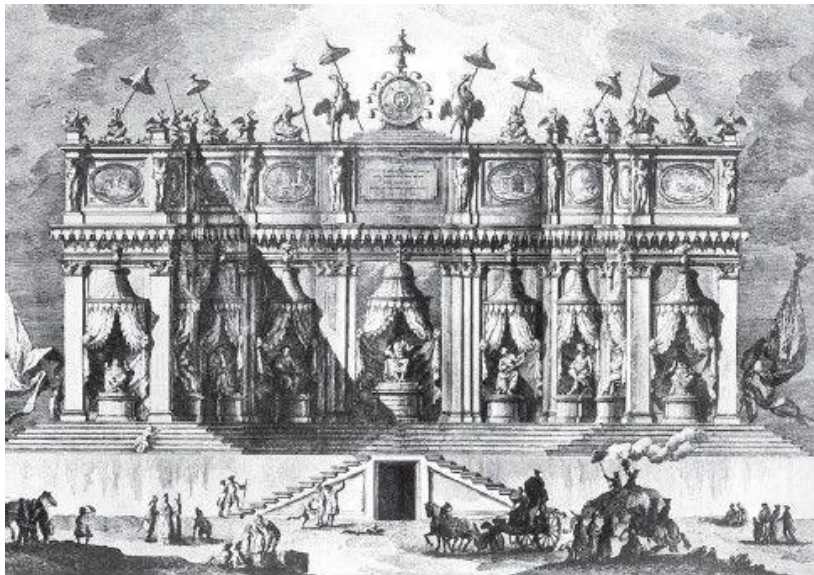

На гравюре из французского труда по истории XVIII в. изображено рождение Конфуция. Группа светских музыкантов приветствует появление мудреца на свет. Эта сцена очень напоминает христианские мотивы

Образ Китая

Миф об однородности конфуцианского государства – стабильного, благодушно-деспотичного и сильного – от всей души поддерживался и распространялся такими выдающимися деятелями Европы XVIII века, как Вольтер и Монтескье. Оливер Голдсмит всячески поддерживал миф о неуязвимости Китая в своем «Гражданине мира», говоря, что эта страна не пережила «ни одной сколь бы то ни было продолжительной революции за четыреста лет», и этот факт заставил автора «презирать все остальные страны». Однако не китайские идеалы, а христианские добродетели победили в Европе XVIII века. На пике китаемании Фридрих II построил настоящую китайскую деревню, а менее экстравагантные европейцы украшали стены своих домов шелковыми гардинами, приобретали лаковые шкатулки в китайском стиле и проводили изысканные чайные церемонии.

Этот театр, построенный в 1772 г. в стиле рококо для проведения в Риме праздников китайской культуры, был побочным продуктом европейского увлечения Китаем

Современное полотно, выполненное в Китае, является вполне европейским по стилю. На нем дама из Западной Европы с китайскими чертами лица сидит в элегантной комнате для рисования, куда служанка вносит чай

Невежество и изоляция

На смену идеализированному представлению о Китае, распространению которого в немалой степени способствовал Вольтер и другие выдающиеся люди того времени, пришло столь же неверное, но куда менее хвалебное отношение к этой стране. Европейские критики теперь резко осуждали «неизменность» Китая, причем многие из них считали, что именно Конфуций во многом задержал начало процесса модернизации Китая. Сбитые с толку небывалым изоляционизмом Китая и подстрекаемые надеждой добиться для себя каких-то уступок, ведущие европейские державы открыли двери Китая силой.

Задуманная кайзером Вильгельмом и выполненная немецким художником Германом Накфуссом, эта работа должна была стать своеобразным призывом к росту европейского шовинизма. Названная «Желтая опасность», картина изображает «Германию, призывающую европейские страны объединиться против далекого Китая и исходящей от него опасности». Это было как раз за пять лет до начала восстания боксеров

Иностранцы оказались запертыми в своих комфортабельных апартаментах, они боялись местного населения, на языке которого говорили очень немногие европейцы и чьи обычаи были понятны совсем уж редким представителям Запада. Взаимное невежество стало причиной ряда дипломатических кризисов и даже военных действий, кульминацией чего явилось кровопролитное восстание боксеров.

В американском комиксе начала XX в. западные державы и Япония собрались, чтобы изгнать из своих рядов Китай после восстания боксеров

Китай был не столько колонизирован, сколько подвергся разграблению со стороны иностранных государств, которые стремились захватить огромные и сулящие грандиозные прибыли сферы влияния, причем борьба за них шла не на жизнь, а на смерть. В 1857 году блокада Кантона вынудила Китай открыть для иностранцев еще 11 портов, захват Пекина три года спустя привел к установлению постоянных иностранных владений в столице. К 1898 году 13 из 18 провинций Китая стали сферами влияния иностранных государств. Разграбляемый и эксплуатируемый иностранцами Китай был готов к, казалось бы, стихийно возникшему и явно враждебному по отношению к иностранцам восстанию боксеров. Восстание было быстро подавлено, но страх перед подобными беспорядками, умноженный на незнание истинных причин восстания, заставил европейцев обрушиться на Китай с такой же силой, с какой они его раньше хвалили. Выражая эту новую точку зрения, американский журнал писал: «Китай замкнулся в себе... высокомерный, враждебный по отношению ко всем остальным странам и народам. Он всегда был таким».

Автор: Чарлз Фицджералд

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-9524-3800-2

Год: 2008

Страниц: 460